

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3 (250)

Июль–Август–Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Ливищ*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, член-корр. РАН *С.А. Старостин*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, *Е.В. Антонова*, *Д.Е. Афиногенов*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко* (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина*,
Л.П. Маринович, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, *A. Alekseev*, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *M. Dandamayeva*,
E. Frolov, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpuyuk*, *G. Koshelenko*,
V. Kuzishchin, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *A. Smyshlyayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head Editorial Office *I. Malkova*

И. А. Ладынин

ДАФНЫ В БИБЛЕЙСКОЙ И ЕГИПЕТСКО-ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ О ФИНАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АПРИЯ

(Конец 570-х – начало 560-х годов до н.э.)*

В событиях истории еврейского народа конца VII – начала VI в. до н.э. (Иудейского царства, а затем, после его разрушения в 586 г. до н.э., евреев диаспоры) Египту отведена довольно значительная роль. Первым эпизодом, в котором она проявилась, стала победа, одержанная в 609 г. до н.э. при Мегиддо фараоном Нехао (Нехо II) над благочестивым царем Иосией, инициатором монотеистической реформы 622 г. до н.э., утвердившей ортодоксальный иудаизм в качестве единственной религии Иудеи (4. Цар. 23: 29–30; 2 Пар. 35: 20–24). Тотальный характер этой победы египтян, притом одержанной ими буквально мимоходом, побудил иудейских правителей и идеологов увидеть в Обеих Землях некую неодолимую силу, за которой стоит то ли монотеистическое божество (см. 2 Пар. 35: 21), то ли, напротив, его злейший враг (с этим, по видимому, связано представление о том, что именно у «Армагеддона», т.е. «места при Мегиддо», силы зла соберутся в конце времен на последнюю битву с божьей ратью: Откр. 16: 16), но с которой во всяком случае не следует тягаться и на поддержку которой можно положиться всецело¹. Эта безоглядная вера Иудеи в мощь Египта, побуждавшая ее, вопреки здравому смыслу, становиться на сторону последнего в его противостоянии Новому Вавилону², стала одной из причин, приведших в конечном итоге к разрушению Иерусалима в 586 г. до н.э., первому в истории уничтожению еврейской государственности и уходу части еврейского населения в вавилонский плен. В то же время некоторая часть евреев в конце 580-х годов до н.э. нашла прибежище на территории своего прежнего союзника Египта³. Судя по свидетельствам Библии, эта эмиграция была возглавлена военной знатью (Иер. 41: 16, 43: 5: «военные начальники»,

* В основе настоящей статьи лежит доклад, сделанный на 4-й научной конференции «Культурное наследие Египта и христианский Восток» (Институт востоковедения РАН и Российский государственный гуманитарный университет, октябрь 2003 г.). Статья подготовлена и публикуется в рамках проекта РФФИ «Историческая география и типы межрегиональных взаимодействий в древности» № 02-06-80163.

¹ *Malamat A. Josiah's Bid for Armageddon: The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B.C. // JNES. 1973. 5. P. 267–279; Курочкин М.В., Немировский А.А. Битва при Мегиддо в 609 г. и Армагеддон Апокалипсиса // Древний Египет и христианство (к 2000-летию христианства): Материалы научной конференции. М., 2001. С. 88–89.*

² *Malamat A. A Twilight of Judah: In the Egypto-Babylonian Maelstrom // VTSuppl. 1975. 28. P. 123–145; Spalinger A. Egypt and Babylonia: A Survey (c. 620 B.C. – 550 B.C.) // SAK. 1977. 5. S. 221–243.*

³ Уходу этой группы евреев сначала в Аммон, а затем в Египет предшествовал ее мятеж против поставленного вавилонянами «начальником над страной» Годолии (т.е. над Иудеей с оставшимся в ней еврейским населением – Иер. 40: 7), который датируется 582 г. до н.э.: *Betlyon J.W. Egypt and Phoenicia in the Persian Period: Partners in Trade and Rebellion // Festschrift Donald B. Redford. Leiden, 2001 (мы пользовались публикацией в Интернете: <http://www3.la.psu.edu/cams/festschrift/betlyon.pdf>, P. 1 – с отсылками к литературе).*

среди которых особую роль играл некий Иоанан, сын Карея), крайне недоброжелательно относившейся к монотеистической реформе Иосии и видевшей в ней истоки бедствий Иудеи. Оказавшись в Египте, еврейские изгнанники и в особенности их жены незамедлительно начинают чтить местных богов (Иер. 44: 3 сл.), а также домонотеистических богов Израиля (там же, 44: 16–18: «Слово, которое ты (Иеремия. – И.Л.) говорил нам именем Господа, мы не слушаем от тебя. Но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей возлияние, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели. А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода»⁴). Оказавшийся в этой группе изгнанников из Иудеи пророк Иеремия пытался выступить посредником между ними и Богом, возвещая им сначала его решительное повеление не идти в Египет (Иер. 42: 9 сл.), а затем кары за нарушение этого повеления и поклонение чуждым богам (там же, 44: 2 сл.); однако преимущества от исполнения божьей воли явно показались аудитории Иеремии слишком иллюзорными по сравнению с радостью жизни в оплоте древнего политеизма. Между тем один из главных аргументов, к которым прибег Иеремия, убеждая своих соплеменников не отступать от повелений Бога, состоял в том, что мощь Египта и соответственно безопасность ушедших туда евреев недолговечны: вскоре Бог сокрушит руками Навуходоносора II Египет так же, как в свое время была сокрушена Иудея (Иер. 43: 10–13, 44: 30; 46: 13–26), и тогда большинство из ушедших туда евреев погибнет (например, 44: 14: «И никто не избежит и не уцелеет из остатка иудеев, пришедших в землю Египетскую... никто не возвратится, кроме тех, которые уйдут от туда»). Сходные предсказания о разгроме Египта, правда, не связанные с судьбой ушедших в эту страну евреев, содержатся и у Иезекииля (29–32). Исследователи еще с рубежа XIX–XX вв. считали, что данные пророчества Иеремии и Иезекииля имели ввиду поход Навуходоносора II в Египет в начале 567 г. до н.э., совпавший с финалом борьбы за египетский престол между Априем и Амасисом⁵; при этом внимательный анализ источников показывает, что речь идет не о простом временном совпадении, а о целенаправленном выступлении Нового Вавилона против Априя и в поддержку Амасиса⁶.

Несколько неожиданной чертой фрагментов книг Иеремии и Иезекииля, связанных с пребыванием еврейских изгнанников в Египте и предсказаниями о его судьбе, оказывается значительная роль, приписываемая укрепленному городу Дафнам на восточном берегу Пелусийского русла Дельты. Согласно Геродоту, он возник при Псамметихе I (663/656–610 гг. до н.э.) в качестве военного поселения, защищающего Египет от «арабов и сирийцев» (Herod. II. 30). Вначале это поселение было укомплектовано египетскими во-

⁴ Здесь и ниже цитируется синодальный перевод Библии.

⁵ Его точное время устанавливается по соотносению датировки 37-м годом Навуходоносора II в соображении о его походе на Египет фрагменте вавилонской хроники Nbk 329 = BM 33041 (*Wiseman D.J. Chronicles of Chaldean Kings. L., 1956. P. 94–95. Pl. XX–XXI; см. русский перевод: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 207*) с присутствующей в так называемой Элефантинской стеле Амасиса датировкой III 3ht 8 его 4-го года, которая относится к описанию заключительного этапа его борьбы с Априем, упоминающему вторжение «азиатов» (*sttyw* – несомненно, вавилонян; стб. 14: *Daressy G. Stèle de l’an III d’Amasis // RT. 1900. 22. P. 1–9; коррективы к чтению текста, затрагивающие и упомянутую датировку см. Edel E. Amasis and Nebukadnezar II // GM. 1978. 29. S. 13; см. также ниже*).

⁶ *Ладынин И.А., Немировский А.А. Навуходоносор II в Египте: 568/567 г. и ветхозаветная традиция // Древний Египет и христианство... С. 83–85.*

инами (это подтверждается и признанной исследователями египетской этимологией его названия: *T3 ht p3 bnw* – «Дом Феникса», согласно Ф. Лл. Гриффиту⁷), однако, очевидно, после описанного Геродотом их восстания (Herod. II. 30), оно было населено наемниками из Средиземноморья. Археологическое исследование Дафн (Телль-Дефенне) было начато еще в 1880-е годы Ф. Питри и показало греческое присутствие в этом поселении по крайней мере с конца VII в. до н.э.⁸; на другом берегу того же Пелусийского русла, напротив Дафн (совр. Телль-Небеше), Питри обнаружил крепость и погребения, которые по типу обнаруженных там наконечников копий приписал карийским военным поселенцам. Соответственно археолог счел возможным отождествить оба укрепленных пункта с упоминаемыми Геродотом «Стратопедами» («военными станами») – поселениями ионийских и карийских воинов, созданными Псамметихом I по обе стороны Пелусийского русла, напротив друг друга (Herod. II. 154)⁹. Это предположение Питри было в дальнейшем оспорено¹⁰; однако оно кажется нам вполне обоснованным прежде всего на основании четкого соответствия расположения Телль-Дефенне и Телль-Небеше данным Геродота о «Стратопедах». Наименее значительные упоминания Дафн («Тафны», или «Тафниса») у Иеремии сводятся к констатации того, что это был первый пункт на территории Египта, которого достигли еврейские изгнанники (43: 7); в дальнейшем они поселяются в этом городе, равно как в Магдоле, Нофе (Фивах) и «земле Пафрос» (Верхнем Египте – *p3 t3 rs*; 44: 1, ср. 46: 14). Именно в Дафнах, вскоре после прихода туда, Иеремия вникает «слову Господню» о грядущей судьбе Египта (43: 8), причем из этого пророчества мы узнаем, что в Дафнах находился «дом фараона» (43: 9 – вне сомнения, правившего с 589 г. Априя, который и оказывается фигурантом последующих пророчеств о Египте). Еще более существенно иносказание, к которому Иеремия прибегает, вспоминая о поражении Иосии при Мегиддо¹¹: «сыновья Мемфиса и Тафны объели темя твое» (2: 16); как видно, в данном контексте Дафны стоят в одном ряду с Мемфисом – древнейшей столицей Египта – в качестве символа этой страны, что достаточно необычно, учитывая их статус военного поселения¹². Наконец, в

⁷ Petrie W.M.F. Tanis. Pt II: Nebesheh (Am) and Defenneh (Tahpanhes). L., 1888. P. 107–108.

⁸ Ibid.; см. также краткое резюме: Cook R.M. Amasis and the Greeks of Egypt // JHS. 1937. 57. P. 229–230 (на данном этапе исследований считалось, что греческий материал в Дафнах имеется не ранее чем с 570-560-х годов до н.э.); Braun T.F.R.G. The Greeks in Egypt // CAH². III. 3. 1982. P. 44.

⁹ Petrie. Tanis. Pt II P. 7, 17–18 (атрибуция погребений Телль-Небеше как «киприотских»), 48; *idem*. Seventy Years in Archaeology. L., 1932. P. 64 (карийская атрибуция данных погребений).

¹⁰ Т. Браун (Op. cit.) полагает его неприемлемым, исходя из отсутствия в районе Телль-Небеше карийских надписей; А.Б. Ллойд (Lloyd A.B. Herodotus. Book II. Commentary 99–188. Leiden, 1988 (ÉPRO, 433). P. 137), считая одной из крепостей «Стратопед» Дафны, видит вторую в «Мигдоле» (Телль эль-Херр к югу от Пелусия. С долей условности этот археологический комплекс был отождествлен с крепостью Мигдолом, упоминаемой в пророческих книгах: Иер. 44: 1; 46: 14; Иез. 29: 10; Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973². P. 134–135. Fig. 156; Oren E.D. Migdol: A New Fortress on the Edge of the Eastern Nile Delta // BASOR. 1984. 256. P. 7–44). На наш взгляд, подобный вывод не соответствует однозначному указанию Геродота о расположении «Стратопед» напротив друг друга (Дафны и «Мигдол» находятся на одном берегу Пелусийского русла и при этом отстоят друг от друга достаточно далеко).

¹¹ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Изд. преемников А.П. Лопухина. Т. 6. СПб., 1909. С. 19.

¹² Строго говоря, подобное иносказание может быть мотивировано и участием размещенных в Дафнах наемников саисских царей в их кампании последнего десятилетия VII в. до н.э. в Азии, каковое само по себе более чем вероятно (Braun. Op. cit. P. 49; ср. с предположением об участии ионийцев и карийцев в осаде Ашдода при Псамметихе I: Hall H.R. The Ancient History of the Near East. L., 1952. P. 528; Яйленко. Ук. соч.). Однако и в этом случае упоминание Дафн должно все-таки ассоциироваться не с самими наемниками, коль скоро они не являлись сколько-нибудь самостоятельной силой, а прежде всего с их «работодателем» – египетским государством.

книге Иезекииля за перечислением целого ряда египетских местностей, которые поразит нашествие Навуходоносора (30: 13–17), следует упоминание о решающем ударе по Египту, который будет нанесен именно в Дафнах: «И в Тафнисе померкнет день, когда Я сокрошу там ярмо Египта, и прекратится в нем гордое могущество его. Облако закроет его, и дочери его пойдут в плен» (30: 18).

О том, что за решающий удар имеется в виду в данном случае, можно догадаться и по указаниям самих пророческих книг, возвещающих низложение и гибель фараона «Вафрия» (Априя) в ходе вавилонского нашествия (Иер. 44: 30; ср. Ios. Ant. Iud. X. 9. 7). Однако совсем явно гибель Априя локализуется в Дафнах некоторыми произведениями поздней египетско-христианской традиции. Так, согласно коптскому «Роману о Камбизе», в последний момент своего царствования, испытывая натиск «Камбиза-Навуходоносора» (в этом произведении реминисценции вавилонского и персидского вторжений в Египет оказываются сильно переплетены), Априй пребывает именно в Дафнах, причем примечательным образом этот укрепленный пункт опять же предстает наряду с Мемфисом в качестве главного города Египта, где даже чтится египетское божество («...Апис – в Мемфисе, Амон – в Дафнах») ¹³. В другом тексте – «Хронике» Иоанна, епископа Никиу (исходно, по-видимому, написанной на коптском языке и очень близкой «Роману о Камбизе» ¹⁴) – сообщается, что Дафны (Tanbas) были резиденцией Априя наряду с Мемфисом и еще двумя городами; когда «Камбиз-Навуходоносор» вторгается в Египет и занимает Восточную Дельту, он убивает Априя в Дафнах собственной рукой (гл. 51). Само внимание названных авторов к гибели Априя выглядит вполне естественным: как мы видели выше, вторжение Навуходоносора II в Египет – это эпизод, которому в пророческих книгах Библии отведено очень значительное место ¹⁵, и любые дополнительные подробности о нем должны были представлять для египетских христианских авторов – уроженцев Египта – понятный интерес. В то же время чрезвычайно трудно представить себе мотивы, по которым эти авторы середины I тыс. н.э. стали бы специально измышлять та-

¹³ Фрагмент романа о Камбизе // Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. и коммент. А.И. Еланской. СПб., 2001. С. 249–252 (А.И. Еланская обратила внимание на процитированную нами фразу, но не нашла упоминания в этом контексте Амона никакого объяснения: Там же. С. 253. Прим. 17. См. также Jansen H.L. The Coptic Story of Cambyses' Invasion of Egypt. Oslo, 1950.

¹⁴ Cruz-Urbe Eu. Notes on the Coptic Cambyses Romance // Enchoria. 1986. 14. P. 51–56 (исследователь допускает даже, что епископ Иоанн создал оба эти произведения). См. издания «Хроники»: Zotenberg H. Mémoire sur la chronique byzantine de Jean, évêque de Nikiou. P., 1879; The Chronicle of John, Coptic Bishop of Nikiou / Transl. from Hermann Zotenberg's edition of the Ethiopic version. L., 1916; об этом источнике: Colin G. L'Égypte pharaonique dans la chronique de Jean, évêque de Nikiou // RdÉ. 1995. 46. P. 43–54.

¹⁵ Можно сказать, что по формальным критериям рассмотренные нами сообщения об обоих поздних произведениях могут считаться репликами вавилонского вторжения в Египет в большей степени, чем его персидского завоевания, не оставившего следа в библейской традиции (вернее, оно косвенным образом было истолковано ею как «восстановление» египетской государственности: Ладынин, Немировский. Ук. соч. С. 84–85. Пункт 5). Эти критерии – последовательное наименование вторгнувшихся в Египет его врагов «ассирийцами» (т.е. жителями Месопотамии в общепринятой античной терминологии), внятное и неоднократное указание, что жертвой этого вторжения стал Априй, и наименование его азиатского противника «в паре» с ним исключительно Навуходоносором. Вместе с тем в народной памяти египтян наиболее яркие были, конечно, реминисценции не вавилонского вторжения, а двухкратного персидского завоевания страны (тем более что они «подпитывались» подробными и легкодоступными сообщениями античной традиции). В итоге эти два эпизода, в равной мере (но в разных исходных традициях!) воспринятые как самый тяжелый внешний удар по Египту в его истории, оказались в египетско-христианской традиции контаминированы. Мнения исследователей о политической конъюнктуре, стимулировавшей интерес египетско-христианских авторов к этим эпизодам, см. Cruz-Urbe. Op. cit. P. 51.

кую деталь, как локализация гибели Априя в Дафнах; соответственно эта деталь с наибольшей (практически стопроцентной) вероятностью перешла в их произведения из использованных ими источников. Отсутствие прямых упоминаний об этом в Библии, а также очевидные и весьма яркие аллюзии древнеегипетских реалий, встречающиеся как в «Романе о Камбизе», так и в «Хронике» епископа Иоанна¹⁶, позволяют предположить, что сведения о гибели Априя в Дафнах были заимствованы авторами этих произведений непосредственно из аутентичной египетской традиции, «дожившей» до раннего средневековья; при этом, учитывая, что в своем чисто констатирующем качестве эта информация опять же не могла быть порождена никакой политической конъюнктурой, нет препятствий к тому, чтобы считать ее репликой исторической реальности.

В то же время, приняв эту информацию к сведению, мы не можем обойти вопрос о том, как она соотносится с другими данными о гибели Априя, содержащимися в не связанных с библейской традицией источниках. К их числу относятся так называемая Элефантинская стела фараона Амасиса (СМ 849), рассказывающая в благоприятном для него ключе о его борьбе с Априем в 570–567 гг. до н.э.¹⁷, и целый ряд сообщений греческих авторов, посвященных этому же сюжету (см. подробнее ниже). Что касается первого из этих источников, то сведения о гибели Априя в Дафнах не только не противоречат ему, но, как кажется, предоставляют дополнительные возможности для его интерпретации. Согласно первой части Элефантинской стелы, отражающей события октября–ноября 570 г. до н.э. (стб. 1–13), опорой Априя, поставившей ему корабли, укомплектованные *ḥzw-nbw* (т.е. обитателями Восточного Средиземноморья – обозначение, вполне соответствующее греческим и карийским наемникам Априя: ср. Herod. II. 163; Diod. I. 68. 2¹⁸), был некий район, обозначенный как «остров». В стб. 2, конец – 3 читаем: *Hcc-ib-rc ḥnt n.fiw.f kbnwt mh.ti*

¹⁶ А.И. Еланская справедливо обратила внимание на фактическое цитирование автором «Романа о Камбизе» знаменитой фразы «Сказки о потерпевшем кораблекрушения»: Изречения египетских отцов... С. 254. Прим. 34. Из аналогичных моментов в «Хронике» Иоанна назовем, к примеру, присутствующее в ее рассказе о сооружении великих пирамид (гл. 19) упоминание о древнеегипетской практике заупокойных жертвоприношений «демонам» (по-видимому, аналог египетского термина *ḥhw*); об этой любопытной детали автору настоящей работы довелось говорить в докладе «Сведения “Хроники” Иоанна Никийского о царствовании Хуфу» на 3-й научной конференции «Культурное наследие Египта и христианский Восток» в 2002 г. (Институт востоковедения РАН), который пока не подготовлен к публикации.

¹⁷ *Daressy*. Op. cit. P. 1–9; BAR. IV. P. 509–512. § 996–1007 (перевод с пропуском наиболее разрушенных мест); ср. *Maspero G.* Guide du visiteur au Musée du Caire. Le Caire, 1914. P. 198 (№ 849); *idem*. Le Caire, 1915. P. 206 (№ 849); PM IV 71 (данный памятник никогда не публиковался в изданиях сводного каталога Каирского музея, где он находится). Наиболее существенные уточнения к транскрипции и переводу этого памятника по сравнению с его предварительной и до сих пор единственной публикацией Ж. Даресси см. *Edel*. Op. cit. S. 13–20; отдельные уточнения и замечания были сделаны также в работах: *Posener G.* Notes sur la Stèle de Naucratis // ASAE. 1934. 34. P. 148 (к стб. 2); *Vandersleyen Cl.* Les guerres d’Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles, 1971 (Monographies Reine Elisabeth, 1). P. 144 (к стб. 3); *Spalinger A.* Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians. New Haven – London, 1982 (Yale Near Eastern Researches, 9). P. 18, 59, 108–109. Not. 40, 111 (к стб. 2); 77, 82 (к стб. 11); 80 (к стб. 12); 18, 54, 69 (к стб. 14); 40 (к стб. 18); и др. Датировки, присутствующие в Элефантинской стеле, наилучшим образом установлены в указанной работе Э. Эделя; о хронологии царствования Амасиса, прежде всего о проблеме определения его 1-го года см. *Parker R.A.* The Length of Reign of Amasis and the Beginning of the Twenty-Sixth Dynasty // MDAIK. 1957. 15 (Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. H. Junker). S. 208–212.

¹⁸ *Vercoutter J.* Haou-Nebout // BIFAO. 1949. 48. P. 174–175; полемика с этой интерпретацией со стороны Кл. Вандерслеена (Op. cit.) кажется абсолютно неоправданной и тенденциозной, так как мотивирована стремлением этого исследователя истолковать все случаи употребления этого этнонима как обозначения жителей Восточного Средиземноморья.

m ḥzḥ-nbw n rh.tw dr.sn – «Хаа-иб-Ра (Априй назван в данном случае по его тронному имени, причем взятому в картуш. – *ИЛ.*) послал ему на остров его морские корабли, полные *ḥzḥ-nbw*, которым нет конца (букв. “не знают предела их”)). В результате решительного сражения между Амасисом и Априем вблизи местности *ʿIzmw* (очевидно, соответствующего битве при Момемфисе или Мареа античных источников: Herod. II. 163, 169; Diod. I. 68. 5¹⁹) последний потерпел поражение и был оттеснен со своими войсками на пресловутый «остров» (стб. 13: *rdit ḥmf.sn.tw iw.s hr wzt nb* – «сделал Его Величество, [что] окружен “остров” их (?) со стороны каждой»). Установивший чтение слова «остров» в данных контекстах Э. Эдель высказал мнение, что оно должно обозначать захваченный Априем ранее и служивший ему важной базой Кипр; однако позднее Э. Лихи привел серьезные аргументы в пользу того, что этот форпост Априя представлял собой просто сильно изолированный участок, находившийся в пределах Египта: трудно предположить, чтобы на данном этапе вооруженной борьбы Амасис имел возможности для блокады столь удаленной базы, как Кипр, тем более что наемные морские силы Египта находились как раз на стороне его противника. Сам Лихи отождествлял данное обозначение с надежно изолированной царской резиденцией в Мемфисе²⁰. Дальнейшее повествование второй части Элефантинской стелы (стб. 14–18) относится уже к финалу борьбы Амасиса и Априя в марте 567 г. до н.э.²¹: речь в нем идет о новой активизации врагов Амасиса, действующих с кораблей, которая развивается одновременно с глухо упоминаемым вторжением «азиатов»-вавилонян²². Хотя об активной роли в этих событиях Априя ничего не говорится, очевидно, что и здесь речь идет о борьбе Амасиса с его сторонниками, тождественными с *ḥzḥ-nbw* первой части стелы. Этот этап борьбы оканчивается полным успехом Амасиса, разгромом флота его врагов и гибелью находящегося среди них Априя. Обозначение «остров» во второй части стелы не встречается; однако совершенно очевидно, что если принять вполне доказательную точку зрения Э. Лихи, в ней должен описываться разгром именно этого форпоста Априя, в ходе которого он и погиб. В таком случае на основании данных библейской и египетско-христианской традиции мы можем вполне уверенно отождествить пресловутый «остров», как место гибели Априя, с Дафнами или, может быть, в целом с регионом «Стратопедов» Геродота.

Подобное отождествление кажется вполне оправданным с точки зрения того, как протекало противостояние Амасиса и Априя после разгрома по-

¹⁹ См. об интерпретации топонимов, упоминаемых в Элефантинской стеле и античных источниках о борьбе Амасиса и Априя: *Helck W.* Die altägyptische Gaue, Wiesbaden, 1972 (BTAVO, Reihe B, 42). S. 155; *Burton A.* Diodorus Siculus: Book I. Leiden, 1972 (EPRO, 29). P. 208 (к интерпретации топонима «Мареа» у *Diod. I. 68. 5*); *Spalinger A.* The Civil War between Amasis and Apries and the Babylonian Attack against Egypt // 1st International Congress of Egyptologists. Acts. B., 1979. S. 602. Anm. 14.

²⁰ *Edel.* Op. cit. S. 19; *Leahy A.* The Earliest Dated Monument of Amasis and the End of the Reign of Apries // JEA. 1988. 74. P. 193–197.

²¹ Особенности этой части Элефантинской стелы проанализированы нами в работе: *Ладынин И.А.* Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса о вавилонском вторжении в Египет в 567 г. до н.э. // Восток (Oriens) (в печати).

²² В дальнейшем Элефантинская стела не сообщает ни о какой последующей борьбе Амасиса с вавилонянами и вообще больше о них не упоминает. Скорее всего, само изначальное упоминание об их вторжении было вынужденным, так как составители стелы не могли полностью обойти столь значительный эпизод в тексте, адресованном его современникам; однако они сделали все возможное, чтобы закамуфлировать направленность вавилонского вторжения против Априя и в поддержку Амасиса (в противном случае последний был бы сильно скомпрометирован сотрудничеством с главным внешним врагом Египта этого времени).

следнего при 'Izmw/Момемфисе-Марса. Египетские источники показывают, что последовавшая за ним блокада «острова» Амасисом была установлена около ноября (в крайнем случае, начала декабря) 570 г. до н.э.²³ Учитывая, что окончательный разгром «острова» приходится, согласно датировке в Элефантинской стеле, на март 567 г. (стб. 14: III zht 8 4-го года Амасиса), можно заключить, что Априю удалось продержаться в этом форпосте более двух лет²⁴. Для сравнения уместно вспомнить, что персидские войска, укрывшиеся в мемфисской цитадели во время восстания Инара в 460–450-х годах до н.э., выдержали едва ли не более длительную осаду (оценки ее продолжительности ввиду специфики источников в принципе не могут быть точными)²⁵; следует также учесть, что район «Стратопед» в условиях традиционной египетской экономики мог быть вполне самодостаточен в смысле снабжения продовольствием²⁶. В то же время похоже, что блокада «острова» не была полной, и Априй имел возможность получать подкрепления людской силой и военными кораблями извне, которые, вероятно, и позволили ему к концу этого времени предпринять новое наступление против Амасиса. Указания на это можно усмотреть во фрагменте вавилонской надписи, сообщающей о походе Навуходоносора II в Египет, который содержит следующие отрывочные словосочетания: «...город Путу-йаман (т.е. «Буто греческий». – И.Л.) ...земли дальние посреди моря ...» (Nbk. 329, rev. 16–17: ...^{URU} Pūti-Ūaman ... nagi nisutu

²³ Как известно по античным и египетским данным, мятеж Амасиса против Априя начался на рубеже Египта и Ливии во второй половине 571 г., и в течение 570 г. Амасис укрепился в Западной Дельте, включая Саис (стб. 2). После сражения при 'Izmw/Момемфисе, также локализуемом в Западной Дельте, в районе совр. Ком эль-Хисн (по-видимому, накануне этого сражения силы Априя проникли вглубь контролируемой Амасисом территории), которое датируется, как уже упоминалось, октябрём–ноябрём 570 г. до н.э. (стб. 1: II šmw 1-го года Амасиса). Априй стремительно утрачивает контроль над всей Дельтой, за исключением «острова» и соответственно за остальным Египтом. Это подтверждается свидетельствами других египетских источников: последний по времени документ царствования Априя (Р. ВМ 10113 из Фив) датируется 19 октября 570 г. до н.э. (II šmw 10 20-го года Априя), в то время как стела Амасиса Louvre C 298, происходящая из Фарбейта (т.е. свидетельствующая об установлении его власти в Восточной Дельте), датируется уже декабрём 570 г. до н.э. (IV šmw 1 1-го года Амасиса). См. Spalinger. The Civil War between Amasis and Apries... P. 594–595, 598–599 (Chart I), 601 (Chart III; необходимо принять во внимание, что установленная Э. Спэлнджером датировка второй части Элефантинской стелы не соответствует действительности и ей следует предпочесть восстановление Э. Эделя), 602 (Not. 9, 15); Leahy. Op. cit. P. 187–189.

²⁴ Нужно заметить, что это заключение идеально согласуется с указанием Диодора о 22-х годах царствования Априя (Diod. I. 68. 1), которые могут складываться только из чуть менее 19 лет его самостоятельного правления (589 – конец 571 г. до н.э.; ср. Manetho, fr. 68 (ed. Waddell)) и ок. 4 лет его «соуществования» с мятежником Амасисом (570–567 гг.; см. точные хронологические выкладки по годам их царствования с отсылками к источникам в работах, указанных в нашем предыдущем примечании). Очевидно, что хронологическое указание Диодора объяснимо, только если на протяжении этого последнего периода Априй признавался легитимным царем хотя бы в какой-то области Египта. После поражения при 'Izmw/Момемфисе этой областью мог быть только «остров». Сведения о 25-летнем царствовании Априя (Геродот и очевидно следующий ему Евсевий: Herod. II. 161; Manetho, fr. 69a–b (ed. Waddell)) должны восходить к тем же реминисценциям «параллельного правления» Априя и Амасиса, только с ошибкой в его продолжительности; см., однако: Wiedemann A. Der Zug Nebucadnezars gegen Ägypten bestätigt durch eine gleichzeitige hieroglyphische Inschrift // ZAS. 1878. 16. P. 2–6; idem. Ägyptische Geschichte. Gotha, 1884. P. 640 ff.; Piehl K. Doit-on accepter l'hypothèse d'un règne simultané d'Apriès et d'Amasis? // ZAS. 1890. 28. S. 9–15.

²⁵ См., с подробными отсылками к источникам: Kienitz F.K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953. S. 69–70; Briant P. Histoire de l'empire perse: De Cyrus à Alexandre. P., 1996. P. 591–594.

²⁶ См. мнение А.И. Климина о наличии в «Стратопедах» не только укрепленных пунктов, но и связанной с ними земледельческой колонии семей наемников и ветеранов: Климин А.И. Греция и Египет в архаическую эпоху: Проблемы политического, экономического и культурного взаимодействия: Автореф. дис... к.и.н. СПб., 2001. С. 15.

ša kirib tamtim...). Интерпретаторы этого фрагмента вполне справедливо видели в нем упоминание некоего греческого города, бывшего опорой египетского царя в его войне с Вавилоном, а также более дальних (очевидно, островных) государств, тоже оказывавших ему содействие. Вместе с тем на основании неверного представления о том, что вторжение Навуходоносора II было направлено против Амасиса, «Путу-йаман» очень уверенно отождествлялся с союзной ему Киреной (ср. Herod. II. 181)²⁷. Понятно, что при выводе о направленности вавилонского вторжения против Априя это отождествление теряет смысл; напротив, становится весьма вероятно, что данное обозначение имеет ввиду как раз Дафны и район «Стратопедов» в качестве главного опорного пункта враждебного Навуходоносору египетского царя и на данном этапе действительно город с преимущественно греческим населением. Похоже, что эта догадка получает прямое подтверждение в египетской топонимике «Стратопедов»: согласно египетским источникам и Геродоту, город, находившийся напротив Дафн на территории нынешнего Телль-Небеше, был центром XIX нижнеегипетского нома и назывался *'Imt* (одноименно с номом) или, в греческом варианте, Буто (Herod. II. 75; т.е. *Pr-W3dyt*, по-видимому, в соответствии с его чтимым божеством)²⁸. Достаточно легко представить себе, каким образом этот топоним, в принципе гораздо более известный, чем название «Дафны», мог быть ассоциирован с районом «Стратопед» в целом, получив при этом уточнение «греческий», чтобы четко отличить обозначенную им территорию от древнейшего культового центра в северо-западной Дельте. Соответственно упоминание «земель дальних посреди моря» вряд ли может быть связано с чем-то иным, кроме поддержки извне, оказываемой «Стратопедам»/Дафнам/Путу-йаман на протяжении блокады данного района; с наибольшей вероятностью речь идет о греческих государствах и, возможно, Карию, обычно поставлявших в Египет наемников.

Следует заметить, что это предположение позволяет лучше объяснить и такую меру Амасиса, предпринятую им уже после окончательной победы над Априем, как перемещение греческих и карийских наемников из «Стратопед» у Пелусийского устья в Мемфис (Herod. II. 154). Подобная мера должна была настолько ослабить восточную границу и морские рубежи Дельты, что, скорее всего, могла быть осуществлена лишь под нажимом извне; в то же время она оказывается близка и по смыслу, и по времени осуществления предпринятому Амасисом ограничению греческого присутствия в Египте районом Навкратиса (Herod. II. 178; ср. со стб. 2–3 Элефантинской стелы²⁹). Гадать о том, какая сила была в это время заинтересована в сокращении полезных для Египта контактов с греческим миром, не приходится: несомненно, это был Новый Вавилон, который на протяжении правления Априя неоднократно

²⁷ Edel. Op. cit. S. 15–16; Spalinger. The Civil War between Amasis and Apries... P. 597, 604. Not. 38 (со ссылкой на: Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947. P. 149–157). Заметим, что подобное отождествление проблематично, даже если принять, что вавилонский царь был противником Амасиса: ни из чего не следует, что союз последнего с Киреной был заключен еще до завершения внутренней борьбы в Египте.

²⁸ Helck. Die altägyptische Gaue. S. 196.

²⁹ Истинный смысл данного фрагмента Геродота, который обыкновенно принимали за сообщение об основании колонии Навкратис, был хорошо показан А.Б. Ллойдом (Lloyd A.B. Herodotus. Book II. Introduction. Leiden, 1975. P. 23, 26; *idem*. Herodotus... Commentary 99–188. P. 221; правда, исследователь не пришел к заключению о вероятной роли внешнего фактора в данном решении Амасиса); этот же автор обратил внимание, что греческое присутствие в районе «военных станов» фиксируется археологически и в царствование Амасиса, т.е. их ликвидация была лишь временной мерой (Op. cit. P. 137).

сталкивался с греческими наемными отрядами и в особенности флотом на службе у Египта³⁰. При этом особое значение для вавилонян должна была иметь как раз ликвидация «Стратопед» и, возможно, других баз вблизи выхода в море, занимавших удобное положение не только для защиты рубежей Египта, но и для беспрепятственной даже в чрезвычайных обстоятельствах переброски наемных подкреплений.

Предложенное нами согласование свидетельств о месте гибели Априя, которые содержатся, с одной стороны, в библейской и связанной с ней египетско-христианской традициях, а с другой – в Элефантинской стеле, казалось бы, подрывается следующим противоречием между ними. Первая группа свидетельств достаточно однозначно связывает гибель Априя с вторжением вавилонян: при этом «Хроника» епископа Иоанна называет Навуходоносора II его непосредственным убийцей, а примыкающий к ней «Роман о Камбисе» хотя и не сохранился в части, описывающей смерть Априя, но в целом рисует образ вавилонского царя столь черными красками, что, скорее всего, содержал такие же сведения. Напротив, Элефантинская стела никак не связывает гибель Априя с действиями «азиатов»: в ней просто сообщается, что после окончательного разгрома сторонников Априя Амасис обнаружил на поле боя его мертвое тело и, проявив великодушие, удостоил его подобающего царю погребения (стб. 17–18). Последняя подробность, полностью совпадающая со свидетельством Геродота (ср. Herod. II. 169), показывает, что после своей победы Амасис явно хотел продемонстрировать сожаление о бесславной судьбе своего предшественника, несмотря на все его ошибки (стб. 18: *bwt ntr* – «мерзость перед богом», букв. «бога»), недостойной его прежнего высокого статуса. Соответственно коль скоро нашествие вавилонян было упомянуто в тексте стелы (стб. 14), то об умерщвлении Априя ими (тем более непосредственно их царем) было бы сказано не только совершенно открыто, но, скорее всего, и в тоне обвинения. Заметим, однако, что собственно библейская, а не египетско-христианская традиция хотя и связывает гибель Априя с вторжением Навуходоносора, но прямую вину за это возлагает на воспользовавшихся этим его внутренних врагов («ищущих души» Априя и его сторонников, как они обозначены в двух фрагментах книги Иеремии: 44: 30; 46: 26), каковыми, пожалуй, могут быть только сторонники Амасиса (а может быть, также и люди Априя, предавшие его, когда его скорое поражение стало очевидно)³¹. Существенно, что эта ситуация, обрисованная в Библии, идеально соответствует выводам, которые можно сделать из соположенности упоминания о вторжении «азиатов» и рассказа об окончательном разгроме Априя в Элефантинской стеле: очевидно, первый и особенно тяжелый удар по пресловутому «острову» нанес Навуходоносор II, после чего его результатами воспользовался подоспевший со своими силами Амасис³². Нежелание Амасиса признавать свою

³⁰ Spalinger. *Egypt and Babylonia...* P. 234; Freedman K.S., Redford D.B. *The Dates in Ezekiel in Relation to Biblical, Babylonian and Egyptian Sources* // JAOS. 1970. 90. P. 481–484.

³¹ Сообщение Иосифа Флавия (Ant. Iud. X. 9. 7) об убийстве Навуходоносором II правившего на момент его вторжения в Египет фараона (т.е. Априя) – такое же упрощение реального хода событий, как и соседствующее с ним указание на прямое поставление Навуходоносором следующего фараона (т.е. Амасиса).

³² Характерным образом Э. Спэлинджер считает триумфальной стелу с титулатурой Амасиса, найденную в сильно фрагментированном виде в Телль-Небеше: Spalinger. *Egypt and Babylonia...* P. 243. Not. 84; Petrie. *Tanis*. Pt II. P. 34. Pl. IX. На наш взгляд, основания увидеть в этом памятнике победный коммеморатив не столь уж очевидны; однако, если это так, то, скорее всего, он маркирует победу Амасиса над Априем и его наемниками, а не какой-то внешне-политический успех в Восточном Средиземноморье (как полагал сам Спэлинджер).

прямую вину за смерть Априя и соответственно умолчание об этом в Элефантинской стеле вполне понятны; что касается египетско-христианской традиции, то стоит еще раз вспомнить, что в ней реминисценции о вавилонском вторжении оказываются контаминированы с гораздо более памятной картиной персидского завоевания Египта. Между тем основными компонентами этой картины, хорошо известными прежде всего по рассказу Геродота (см. также ниже), оказываются вполне положительный образ хитроумного Амасиса и невероятно мрачный – персидского царя Камбиса. Соответственно представить убийство Априя собственноручным деянием Камбиса, сливающегося с Навуходоносором II в единый образ, было столь же естественно, сколь невозможно приписать его, в соответствии с исторической реальностью, Амасису.

Что касается свидетельств греческих авторов о гибели Априя, которые известны большинству историков наилучшим образом, они находятся с данными библейской и египетско-христианской традиций в гораздо более резком противоречии, чем с Элефантинской стелой. Не углубляясь сейчас в детальный анализ этих сообщений, скажем, что они явно делятся на две группы: благожелательные по отношению к Амасису и явно восходящие через посредство Геродота к лояльным его дому египетским информаторам (Herod. II. 169 – в составе хорошо известного обширного повествования об Амасисе и его сыне; Diod. I. 68.5; Athen. X. 438b) и благожелательные к Априю и ставшие известными грекам через посредство персидской традиции (Herod. III. 1–2; Ctesias. F. 13a = Athen. XIII. 560d; возможно, к этой группе следует отнести и один фрагмент Гелланика Лесбосского: FGrH. 608a = Athen. XV. 680b). Реальные события исхода борьбы между Априем и Амасисом, привязанные к Дафнам, могли теоретически найти отражение в рамках традиции, благожелательной к Априю; однако если это и имело место, то разве что на уровне прототипов известных нам сообщений этой традиции. Что касается сообщений, восходящих к Геродоту, то его информаторы явно старались скрыть от него сведения, как бы то ни было компрометирующие Амасиса; поэтому вместо рассказа об осаде Априя в Дафнах и участии в его разгроме вавилонян греческий историк передает явную фикцию, согласно которой Амасис взял Априя в плен сразу после битвы при Момемфисе и позднее вынужденно выдал его на расправу своим сторонникам (Herod. II. 169; ср. с умолчанием Элефантинской стелы об обстоятельствах гибели Априя и совпадением рассказа о его погребении Амасисом в обоих этих источниках). Таким образом, отсутствие в античной традиции данных, согласующихся с картиной финала борьбы между Амасисом и Априем, которую мы восстановили по другим источникам, вполне объяснимо и не ставит под сомнение их достоверность.

Попробуем теперь суммировать наблюдения и выводы о месте Дафн в египетской истории первых десятилетий VI в. до н.э., которые мы сделали на материале рассмотренных источников. Находясь в зоне поселения наемников из Средиземноморья – важнейшей опоры Априя, – Дафны, очевидно, становятся его любимой резиденцией еще задолго до мятежа Амасиса: только этим можно объяснить превращение этого укрепленного города в символ Египта как мощного государства в библейских пророчествах, датированных как раз этим временем. По-видимому, именно в Дафнах Априй принял группу военной знати Иудеи, отказавшейся смириться с вавилонским владычеством и пришедшей искать убежища в некогда союзном Египте. После начала мятежа Амасиса Дафны (и, вероятно, весь район «Стратопед») становятся важнейшим опорным пунктом Априя, где ему удастся продержаться и даже получать помощь

извне более двух лет уже после установления власти его противника над остальным Египтом. По-видимому, в марте 567 г. до н.э. Априй делает попытку с этой прочной базы возобновить борьбу с Амасисом, после чего на Дафны должен был обрушиться один из главных ударов вавилонского вторжения в Египет. Вслед за этим на Дафны с новой силой обрушивается Амасис: ему удается нанести Априю новое тяжелое поражение, очевидно, уничтожив при этом его наемный флот в Пелусийском русле и взяв саму крепость. Наконец, после этого решающего сражения Априй оказывается убит в Дафнах или где-то возле них.

DAPHNAE IN THE BIBLICAL AND CHRISTIAN EGYPTIAN TRADITION AT THE END OF APRIES' REIGN (LATE 570S – EARLY 560S BC)

I.A. Ladynin

The basis of the paper is formed by the following sources: (1) the statements of the Bible and the early medieval Egyptian Christian tradition (the *Chronicle* of John, bishop of Nikiou, and the *Romance of Cambyses*), which highlight the role of Daphnae in the late 7th – first half of the 6th centuries BC, including the episode of a Babylonian invasion into Egypt; (2) the statements of the Egyptian and classical tradition on the end of Apries' reign (the Elephantine Stele of Pharaoh Amasis, the narratives by Herodotus, Diodorus and Athenaeus). Summing up these data, one might come to the following conclusions. Daphnae was a military outpost inhabited by Mediterranean mercenaries inside the region of the so-called Στρατόπεδα ('military camps': Herod. II.154) since at least late 7th century B.C. This town became an important residence of Apries, probably, still at the beginning of his reign (by at least in the late 580s, when a part of former military nobility of Judah found its refuge there: Jer. 43:7–9). When general Amasis started his coup d'état (late 571) and got hold of the major part of the Delta (by the end of 570), Daphnae (or probably the entire region of Στρατόπεδα) remained Apries' stronghold ('island' of the Elephantine Stele, cols. 2, 13; ^{UPU} Pḥrj-Yaman of the cuneiform fragment Nbk 329, rev. 16–17, dealing with the Babylonian invasion into Egypt), which was even able to get support from outside Egypt (the Mediterranean area). By 567 BC Apries tried to regain his control over Egypt from this base (the Elephantine Stele, col. 14); at the same time Egypt was invaded by Nebukednezzar II who thought it prudent to support Amasis against Apries. Daphnae were attacked by the Babylonians and later by Amasis, and Apries was killed there (see the second part of the Elephantine Stela, and the statements of the Egyptian Christian tradition; cf. Ez. 30:18; the classical tradition favourable to Amasis suppressed this information).

Харийс Туманс

ПСЕВДО-КСЕНОФОНТ – «СТАРЫЙ ОЛИГАРХ»
ИЛИ ДЕМОКРАТ?

Как известно, одна из труднейших задач, с которой приходится сталкиваться историку, состоит в интерпретации текста исторического источника. К тому же эта задача осложняется еще и наличием различных подходов к интерпретации, причем эти подходы могут носить как методологический характер, так и идеологический. Поэтому историку всякий раз приходится самоопределяться и делать свой выбор, примыкая к той или иной историографической традиции. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что наука выигрывает только в том случае, когда выбор историка определяется методологическими и научными соображениями, а не идеологическими постулатами или пристрастиями. История изучения и комментирования трактата «Афинская полития» анонимного автора, известного в науке под именем Псевдо-Ксенофонта, может служить прекрасной иллюстрацией к сказанному. В огромной литературе по этому вопросу отразились все известные подходы и интерпретации, хотя «воз», как говорится, «и ныне там». В результате данная тема представляет широкие возможности для поисков новых решений и подходов. Не претендуя на окончательное решение вопроса, которое в принципе вряд ли возможно, мне хотелось бы сделать несколько собственных наблюдений.

По старой традиции, возникшей еще в XIX в., Псевдо-Ксенофонт принято считать олигархическим критиком афинской демократии¹. Тогда же за ним закрепилось и прозвище «Старый Олигарх»². По всей видимости, «старым» он стал потому, что некоторым авторам буквально в каждой строке его трактата слышится старческое «брюзжание и раздражение»³. Этот стереотип на-

¹ Назову лишь основные вехи в истории вопроса: *Kirchhoff A.* Über die Schrift vom Staate der Athener // *Philologische und historische Abhandlungen d. Königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin.* 1874. S. 1–51; *Gutschmied A.v.* Zur Pseudo-Xenophon de re publica Atheniensium // *RhM.* 1876. 31. S. 632–635; *Kalinka E.* Prolegomena zur pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA // *WS.* 1896. 18. S. 27–83; *idem.* Die Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA: Einleitung, Übersetzung, Erklärung. Lpz, 1913; *Stail G.* Über die pseudoxenophontische Athenaiion Politeia. Paderborn, 1920; *Münscher K.* Kritische Nachlese zur Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA // *RhM.* 1932. 81. S. 209–220; *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1937; *Gomme A.W.* The Old Oligarch // *HSPH.* 1940. Suppl. 1. P. 211–245; *Nestle W.* Zum Rätsel der ATHENAION POLITEIA. Ein Versuch // *Hermes.* 1943. 78. S. 232–244; *Fuks A.* The Old Oligarch // *Scripta Hierosolymitana.* 1954. 1. P. 21–35; *Romilly J. de.* Le Pseudo-Xénophon et Thucydide. Étude sur quelques divergences de vues // *RPh.* 1962. 36. P. 225–241; *Bowersock G.W.* Pseudo-Xenophon // *HSCP.* 1966. 71. P. 33–46; *Leduc C.* La constitution d'Athènes attribuée a Xénophon. P., 1976; *Roberts J.T.* Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1994; *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens. Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1999.

² Предположительно – это прозвище закрепилось за Псевдо-Ксенофонтом в работе: *Murray G.* A History of Greek Literature. L., 1897. P. 167–169.

³ См. *Нукунтук Е.В.* Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // *Альтернативные социальные сообщества в античном мире.* СПб., 2002. С. 102.

столько прочно вошел в научный обиход, что иной взгляд на вещи зачастую кажется просто крамольным. Однако ближайшее ознакомление с историографией показывает, что картина отнюдь не столь проста и однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Даже в рамках общепринятой концепции существуют различные оценки идеологической позиции Псевдо-Ксенофонта: одни историки считают его воинственным олигархом⁴, другие же, более осторожные, указывают на его симпатии к некоторым сторонам демократического правления в Афинах⁵. Само собой разумеется, что среди исследователей нет единства и по поводу датировки трактата, колеблющейся, как правило, от последней четверти V до первой декады IV в. до н.э.⁶ Помимо того, разногласия возникают даже по такому поводу: считать ли автора трактата старым или молодым олигархом, поскольку не все слышат в его тексте старческое «брюзжание и раздражение»⁷. Наконец, в последние десятилетия стала вырисовываться новая тенденция, наметившая отход от старых схем. Так, например, В. Форрест отверг традиционное мнение о трактате Псевдо-Ксенофонта как политическом памфлете, посмотрев на него сквозь призму конфликта поколений в демократических Афинах конца V в. до н.э., и увидел в нем ученическую работу (a lecture for the class-room or the study-group), в которой два молодых человека отстаивают противоположные точки зрения по поводу афинской демократии⁸. В свою очередь, Й. Накатегавы констатировал отступление «Старого Олигарха» от постулатов олигархической идеологии, а также выявил его прагматический подход к вопросу, а также симпатии к демократии⁹. Наконец, С. Хорнбловер сделал самый радикальный прорыв – он принял уже ранее высказанную точку зрения о том, что данный текст принадлежит к жанру симпозиумной литературы, и предположил, что его автор являлся сторонником демократии, примерившим маску олигарха в рамках симпозиумной игры-беседы¹⁰.

Таким образом, сочинение так называемого «Старого Олигарха» на протяжении длительного времени неизменно привлекает внимание специалистов, предлагающих различные, зачастую прямо противоположные, трактовки его содержания. Для объяснения столь устойчивого и неослабевающего интереса к Псевдо-Ксенофонту и его произведению можно указать на несколько факторов. Во-первых, это анонимность текста, создающая постоянное искушение приписать данное сочинение тому или иному писателю или политику¹¹. Во-вторых, автор не формулирует явным образом свою конечную и истинную позицию по отношению к рассматриваемому им вопросу и не определяет цель написания текста, что побуждает ученых к самостоятельным поискам ответов

⁴ Например: Müller-Strübing H. Athenaion politeia. Die attische Schrift vom Staat der Athener // Philologus. 1884. Suppl. 4. S. 1–188; Kupferschmid M. Zur Erklärung der pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA. Hamburg, 1932. S. 52 f., 54 f.; Fuks. Op. cit. P. 28 ff.

⁵ См., например: Stail. Op. cit. S. 27 f.; Nestle. Op. cit. S. 236; Frisch H. The Constitution of the Athenians. N.Y., 1976. P. 103; см. также Sealey R. The Origins of Demokratia // CSCA. 1973. 6. P. 253–263.

⁶ Kirchhoff A. Über Abfassungszeit der Schrift vom Staate der Athener // Philologische und historische Abhandlungen d. Königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin. 1878. S. 1–25; Hohl E. Zeit und Zweck der pseudoxenophontischen ATHENAION POLITEIA // CPh. 1950. 45. S. 26–35; Forrest W.G. The Date of the Pseudo-Xenophontic Athenaion Politeia // Klio. 1970. 52. P. 107–116.

⁷ См. Leduc. Op. cit. P. 171 suiv.; Нукитюк. Ук. соч. С. 102.

⁸ Forrest W.G. An Athenian Generation Gap // YCS. 1975. 24. P. 43 f.

⁹ Nakategawa Y. Athenian Democracy and the Concept of Justice in Pseudo-Xenophon's Athenaion Politeia // Hermes. 1995. 123. P. 39 f., 45 f.

¹⁰ Hornblower S. The Old Oligarch (Pseudo-Xenophon's Athenaion Politeia) and Thucydides. A Fourth-Century Date for the Old Oligarch? // Polis and Politics. Studies in Ancient Greek History / Ed. P. Flensted-Jensen, T. Neine Nielsen, L. Rubinstein. Copenhagen, 2000. P. 364, 378.

¹¹ См. Kalinka. Die Pseudo-Xenophontische ATHENAION POLITEIA... S. 17–21; Nestle. Op. cit. S. 232 ff.; Frisch. Op. cit. P. 88–105; Leduc. Op. cit. P. 45–55; Forrest. An Athenian Generation Gap. P. 38 f.

на эти вопросы, опираясь при этом исключительно на интерпретацию тех или иных фраз. Понятно, что на таких ненадежных основаниях можно построить что угодно и результаты этого строительства никогда не смогут убедить всех остальных. В-третьих, изучаемый текст сам по себе в высшей степени противоречив, что запутывает исследователей и делает позицию автора неясной, скорее угадываемой, чем определяемой. Отсюда и происходит столь поразительный разбой мнений, делающих Псевдо-Ксенофонта то олигархом, то демократом.

Очевидно, что в данной ситуации, прежде чем браться за очередное разыскание идеологической платформы Псевдо-Ксенофонта, следует сформулировать методологические основания такого исследования. В этой связи представляется, что если не нахождение ответа, то хотя бы приближение к нему возможно достичь путем анализа трех составляющих проблемы. Иными словами, я вижу три пути, двигаясь по которым можно надеяться достичь некоторых результатов. Первый путь – это установление авторства трактата, что позволило бы интерпретировать текст исходя из идеологических постулатов его автора. Второй путь состоит в анализе самого текста и третий – в определении культурного и идеологического контекста, позволяющего сформулировать жанр и идеологическую тенденцию произведения. Все названные пути уже основательно проторены многими поколениями ученых, каждый из которых предпочел идти «своим путем». Сейчас нам остается только пройти по порядку этими тремя путями и попытаться свести их в одну колею.

1

Относительно первого направления исследования сразу приходится признать, что наши возможности в определении авторства «Афинской политики» в высшей степени ограничены, если не сказать равны нулю. Мы не располагаем такими данными, которые позволяли бы нам с достаточной степенью достоверности «вычислить» автора интересующего нас текста. В пользу авторства Ксенофонта можно привести всего три крайне слабых аргумента: 1) факт нахождения текста в сборнике сочинений Ксенофонта; 2) аттический диалект, на котором написано данное произведение и на котором писал Ксенофонт; 3) отдельные текстовые параллели между «Афинской политией» и некоторыми местами у Ксенофонта¹². Первые два факта вообще не могут быть признаны аргументами, а что касается параллелей, то их гораздо больше можно найти в текстах других авторов, особенно же Фукидида¹³. Против авторства Ксе-

¹² Например, в «Афинской политике» демократия представляется как власть низших социальных слоев (I. 2–8; см. комментарии об этом: *Nakategawa*. Op. cit. P. 34; *Ober*. Op. cit. P. 17, 22); похожим образом и Сократ у Ксенофонта определял правящий в Афинах демос как бедноту (*Xen. Mem. IV. 2. 37*). Однако это было скорее всего, общим местом, ведь и Аристотель характеризовал демократию как власть «свободных и неимущих» (*Pol. 1290 b 18–20*). Затем «Старый Олигарх» ставит в вину афинской демократии «распущенность метеков и рабов» (I. 10) и в таком же духе высказывается Фермен у Ксенофонта (*Hell. 2. 3. 48*). Но очевидно, что и здесь мы имеем дело с общим местом, ведь подобным образом могли рассуждать тогда очень многие афиняне.

¹³ См. *Weber-Schäfer P. Einführung in die antike politische Theorie*. Darmstadt, 1976. S. 163–166; *Raaflaub K. Politisches Denken und Krise der Polis. Athen und Verfassungskonflikt des späten 5. Jahrhunderts v. Chr. // HZ. 1992. 255. S. 12, 21, 42; Nakategawa*. Op. cit. P. 44. Показательно, что если обычно параллели между Псевдо-Ксенофонтом и Фукидидом объясняются тем, что Фукидид читал написанный ранее текст «Старого Олигарха», то Хорнбловер довольно убедительно доказывает обратное и утверждает, что «Афинская политика» была написана после «Истории» Фукидида и что в ней содержится целый комплекс рефлексий по этому поводу; на этом основании он переносит датировку «Афинской политики» в первое десятилетие IV в. до н.э. (*Hornblower*. Op. cit. P. 366 ff., 370–373).

нофонта говорит прежде всего литературный стиль, отличающийся изрядным количеством погрешностей¹⁴. Тем не менее, с начала изучения текста «Афинской Политии» у исследователей возникла устойчивая ассоциация, что автором трактата был Ксенофонт. Похоже, что именно этот факт оказал решающее воздействие на формирование стереотипа о «Старом Олигархе». Аристократические убеждения Ксенофонта хорошо известны по его произведениям, и, видимо, поэтому вниманием исследователей полностью завладели критические (хотя и относительно редкие!) высказывания в адрес афинской демократии, в то время как апологетические пассажи остались как будто незамеченными или не оцененными по достоинству. Только постепенно, по мере того как развеивался гипнотический эффект от имени Ксенофонта, стала убывать и убежденность исследователей в олигархическом характере сочинения¹⁵. Поэтому и автора стали искать в других местах, в основном среди софистов¹⁶, но и эти гипотезы выглядят не более убедительно. Таким образом, нам остается только признать факт принципиальной анонимности исследуемого текста. Нельзя не согласиться с Дж. Обером в том, что по отношению к анонимному тексту биографический подход очевидно абсурден¹⁷.

2

В данной ситуации анализ самого текста приобретает первостепенное значение, однако и здесь результаты разочаровывают. Текст оказывается настолько сложным и противоречивым, что служит основанием для прямо противоположных концепций. При всем этом в научной литературе иногда отмечают еще иронию автора¹⁸, что только усугубляет положение вещей, ведь ирония сама нуждается в объяснении и, к тому же, она не очевидна, и чтобы ее увидеть, нужно занимать определенную позицию. Основная же проблема состоит в том, что в тексте Псевдо-Ксенофонта соседствуют как критические, так и панегирические высказывания в адрес афинской демократии. Именно необходимость объяснения этого феномена побуждает исследователей изобретать различные версии, например, постулировать наличие у автора двойной системы ценностей¹⁹, принимать текст за симпозиумную игру с агоническими парадоксами²⁰ или за риторическое упражнение²¹. Таким образом, признание амбивалентного характера рассуждений в «Афинской политике» является пока единственным реальным достижением научной критики. Однако это достижение таково, что оно не дает возможности выявить собственную концепцию автора. Содержательный анализ текста сам по себе может быть плодотворным

¹⁴ О погрешностях стиля Псевдо-Ксенофонта писалось неоднократно – см., например: *Frisch*. Op. cit. P. 164–184; *Gomme*. Op. cit. P. 58–61; *Ober*. Op. cit. P. 26. На этом основании Ледюк решил, что «Старого Олигарха» правильнее было бы считать «Молодым Олигархом» ввиду его неопытности в литературном творчестве (Op. cit. P. 171–175); а Форрест из похожих соображений предложил считать «Афинскую политику» не трактатом, а ученической работой молодых людей (*An Athenian Generation...* P. 44 f.).

¹⁵ Эту тенденцию хорошо можно проследить выше (см. прим. 2, 5–6).

¹⁶ Об идейных параллелях между автором «Афинской политики» и софистами см. *Forrest*. *An Athenian Generation...* P. 42–45; *Nakategawa*. Op. cit. P. 43 f. Некоторые исследователи были склонны видеть в «Старом Олигархе» софиста Крития (например: *Müller-Strübing*. Op. cit. S. 90; *Norwood G.* *The Earliest Prose Work of Athens // CJ.* 1929/30. 25. P. 380 ff.).

¹⁷ *Ober*. Op. cit. P. 27.

¹⁸ *Nakategawa*. Op. cit. P. 36; *Ober*. Op. cit. P. 26 f.

¹⁹ *Nakategawa*. Op. cit. P. 39.

²⁰ *Hornblower*. Op. cit. P. 366, 376 f.

²¹ *Forrest*. *An Athenian Generation...* P. 43 f.

только в том случае, если известно, что хотел сказать автор, но как раз об этом идет главный спор. Здесь круг замыкается...

Фактически все зависит от того, как проинтерпретировать основополагающий пассаж Псевдо-Ксенофонта. Описав демократическое правление как власть социальных низов, он делает следующее заявление: «Конечно, не такие порядки нужны для того, чтобы государство могло сделаться наилучшим, но зато демократия скорее всего может сохраниться при таких условиях. Народ ведь желает вовсе не прекрасных законов в государстве, когда ему самому приходится быть в рабстве, но хочет управлять, а до плохих законов ему мало дела» (1. 8). Как к этому относится автор – хорошо или плохо? Вот в чем вопрос! Дж. Обер справедливо заключает, что в этом месте автор противопоставляет интересы полиса и интересы демократии, а также определяет демократию как власть одной социальной группы (демоса) в собственных интересах²². В свою очередь, Й. Накатегава, рассмотрев данный пассаж Псевдо-Ксенофонта в контексте всей второй главы, где подробно описываются выгоды, получаемые народом от демократии и морского владычества, приходит к выводу, что данный текст провозглашает новый идеал справедливости, основанной на власти силы и соображениях выгоды²³. Логика этого идеала максимально прагматична: только демократия способна обеспечить городу безопасность и экономическое процветание, а следовательно, эта власть является справедливой и необходимой²⁴. Однако вся эта интерпретация базируется всего лишь на предположении, что II глава отражает собственные взгляды автора «Афинской политики»²⁵. Но как это можно доказать, как проверить? Как узнать, где говорит именно автор? Мне представляется, что в данной ситуации имеет смысл отвлечься от углубления в смысловые пласты текста и проследить за движением мысли автора, подвергнув простому анализу композиционную структуру сочинения.

Итак, если следовать за логическим развитием мысли в «Афинской политике», то можно заметить одну интересную закономерность. Начиная с первой строки автор использует характерный прием – сначала он высказывает критическое замечание по поводу того или иного аспекта афинской демократии, а затем переходит к подробному рассмотрению обозначенного вопроса, в ходе которого он находит целый ряд аргументов, оправдывающих существующий порядок вещей. Этот метод задает, с некоторыми отступлениями, композицию всего сочинения. Таким образом, структура текста укладывается в формулу: «тезис – антитезис». Посмотрим, как это реализуется на конкретном материале.

1. В самом начале «Афинской политики» звучит тезис о том, что автор (или один из авторов) не одобряет афинскую демократию по той причине, что при ней простому народу живется лучше, чем благородным (τοὺς πονηροὺς ἄμεινον πρόττειν ἢ τοὺς χρηστοὺς – 1. 1). Тут же следует антитезис, в котором автор заявляет, что афиняне удачно сохраняют свой государственный строй, хотя с точки зрения других греков он и выглядит ненормальным. Фактически, это программное заявление всего сочинения, так как здесь задается тема полемического дискурса. Критический тезис сделан с позиций аристократии и

²² Ober. Op. cit. P. 17, 22.

²³ Nakategawa. Op. cit. P. 45.

²⁴ Ibid. P. 39 f., 45 f.

²⁵ Ibid. P. 38 f.

всей традиционной культуры греков, которая утверждала превосходство благородных над простолюдными²⁶. Показательно, что автор (или второй оппонент) не оспаривает этот тезис и заявленные в нем ценности, молчаливо принимая их как нечто само собой разумеющееся, но вместо этого выдвигает именно антитезис, т.е. принципиально другие ценности. Суть этого антитезиса состоит в том, что высшей ценностью провозглашается выгода для народа и что вопрос о пригодности или непригодности данного государственного устройства будет рассматриваться не с позиций старых представлений о справедливости, но с позиций выгоды этого устройства для народа. Таким образом, автор впервые сформулировал принципиально новый подход к обсуждению форм власти. В этом ключе и построены все дальнейшие рассуждения.

Итак, следуя заявленному принципу, сначала доказывается справедливость того, что в афинском государстве демос пользуется преимуществом перед богатыми и благородными, поскольку именно народ «приводит в движение корабли и дает силу государству» (1. 2–3). В рамках этого тезиса автору приходится отвечать на классический упрек в том, что демократия вручает власть «дурным» людям, которых характеризует «величайшая необразованность, недисциплинированность и низость» (ἐν δὲ τῷ δήμῳ ἀμαθία τε πλειοῖσι καὶ ἀταξία καὶ πονηρία – 1. 5). Пространные рассуждения на эту тему сводятся к тому, что «невежество, грубость и благожелательность такого человека скорее приносят пользу (μᾶλλον λυσίτελεϊ), чем достоинство, мудрость и недоброжелательность благородного» (1. 7). Здесь принцип пользы очевидным образом торжествует над принципом доблести и благородства. Затем следует процитированный выше пассаж о том, что такие порядки не делают государство лучше, зато полезны народу и способствуют сохранению демократии (1. 8). Таким образом, идея пользы получает дальнейшее развитие и возводит демократию в ранг абсолютной ценности, т.е. ценности самой по себе.

2. Следующий критический тезис ставит афинянам в упрек «распущенность рабов и метеков» (1. 10). На это дается ответ, объясняющий, что афинянам выгодно такое положение вещей, так как оно отвечает интересам морской державы (1. 11–12).

3. Далее афиняне упрекаются в том, что они упразднили общества, занимавшиеся гимнастическими и мусическими выступлениями (1. 13). Ответ следует заданной схеме: афинский народ сам хочет получать выгоду и поступает так, как считает удобным для себя. При этом без тени смущения добавляется: «Да и в судах он (*народ*) не столько заботится о справедливости, сколько о своей собственной выгоде» (ibid.). Если эту фразу вырвать из контекста, то в ней можно увидеть критику, иронию или прямую издевку. Но если ее воспринимать в контексте, то никакой иронии не чувствуется, ведь здесь опять проводится мысль о пользе как о главном ценностном критерии.

4. Затем рассматриваются отношения с союзниками. Афинянам ставится в вину то, что они везде изгоняют и убивают благородных, а простой народ поддерживают (1. 14). Естественно, это оправдывается тем, что таким способом афиняне сохраняют демократию и извлекают для себя материальную выгоду (1. 15). Развивая эту тему, на обсуждение выносятся упрек в том, что союзники принуждаются для судебных дел ездить в Афины (1. 16). В качестве ответа приводится серия аргументов, сводящаяся к очередному перечислению вы-

²⁶ Подробнее см. *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 83 сл., 95 сл.

год, получаемых Афинами от такого положения вещей (1. 17–18), а закрывает эту тему размышление о том, что владение заморскими территориями полезно афинянам еще и тем, что делает их опытными в морском деле (1. 19).

5. Естественным продолжением предыдущего обсуждения становится вопрос о военной силе афинского государства. Здесь упрек не формулируется, но угадывается, и тезис вводится словами о том, что гоплитское войско кажется самой слабой стороной афинян (2. 1). Возможно, что автор был первым, кто выразил этот аспект афинской демократии, и поэтому он, не ссылаясь на других критиков, сам берется за рассмотрение вопроса. Суть тезиса состоит в том, что согласно прежней системе ценностей предпочтение в военной сфере отдавалось гоплитской армии, воплощавшей в себе сам полис и одновременно аристократический кодекс боя²⁷. Следовательно, слабость афинской гоплитской армии с традиционной точки зрения должна восприниматься как недостаток всей политической системы. Антитезис же в качестве альтернативной ценности предлагает эффективность и доказывает, что мощный флот дает Афинам военное превосходство над союзниками и вообще над сухопутными армиями (2. 2–6). В этом месте текст по сути превращается в панегирик афинской морской державе, и далее следует пространное описание материальных выгод, которые получает афинский демос от своего морского могущества (2. 7–13)²⁸.

6. Далее мы видим отступление от нормы – автор не выдвигает очередной критический тезис, а заявляет: афинянам не хватает только одного, а именно, чтобы «они владычествовали над морем, живя на острове» (2. 14). При этом поясняется, что для морской державы островное положение является оптимальным, поскольку оно обеспечивает наибольшую безопасность (2. 14–15). Понятно, что материковое расположение Афин нельзя поставить в вину политическому устройству государства, но автор, очевидно, решил расширить тему и взялся за рассмотрение не только критикуемых недостатков, но всех вообще возможных слабых сторон. Оставаясь верным себе, он и здесь находит аргумент в пользу афинян, так как они в данной ситуации ведут себя благоразумно, отдавая свое имущество на сбережение островам (2. 16).

7. Следующий сюжет примыкает к предыдущему – здесь тоже не формулируется явно тезис, но автор пускается в рассуждения по целому ряду частных вопросов (2. 17–20). Довольно обстоятельно он показывает, что афинский народ, пользуясь коллективной ответственностью, превращающейся в безответственность, может позволить себе не соблюдать договоры и клятвы, а также сваливать вину на предшественников или на оппозицию. Поскольку это с самого начала противопоставляется порядкам при олигархии, то композиционный принцип «тезис – антитезис» в целом соблюден. По ходу изложения становится понятным – народу выгодно такое положение вещей, и поэтому автор повторяет свое исходное положение о том, что народ знает, что ему во благо, а что нет, и исходя из этого отдает предпочтение простолюдинам перед неблагонадежными благородными (2. 19). Завершается весь пассаж заявлением о том, что порядочный аристократ, не будучи сторонником демократии, не мо-

²⁷ Подробнее об этом см. Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 171; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 118; Туманс. Ук. соч. С. 179 сл.; Nilsson M.P. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1929. Bd 22. Ht 3. S. 245 ff.

²⁸ В этом месте при восхвалении афинского морского владычества наиболее очевидны параллели с надгробной речью Перикла у Фукидида (*Thuc.* II. 38–39). См. об этом Romilly. *Le Pseudo-Xenophon...* P. 225–241; Hornblower. *Op. cit.* P. 369 ff.

жет оставаться в Афинах, а тот, кто остается, преследует преступные цели, так как он видит, что «мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (2. 20).

В этом месте наиболее отчетливо проявляется проблема личной позиции автора. Как видно, он самоопределяется тогда, когда заводит речь об афинском народе. Обычно он говорит о нем в третьем лице – «он», «они», «афиняне»²⁹, и, к тому же, характеризует народ как невежественную и грубую массу (1. 5, 7). Однако значит ли это, что автор был затаившимся врагом демократии или эмигрантом³⁰? Скорее всего, нет, ведь он в своем произведении только то и делает, что защищает демос и его власть. В конце данного пассажа он открыто заявляет: «Я со своей стороны допускаю демократическую точку зрения для самого народа, потому что каждому простительно заботиться о самом себе» (2. 20). Здесь он явно дистанцируется от народа и в то же время становится на его позицию, которая основана на принципах целесообразности и выгоды. Этим объясняется противоречивость всего текста и особенно последних абзацев второй главы (2. 17–19). Описанные в этом месте явления носят вызывающе аморальный характер и автор, явно не скрывая этого и, очевидно, разделяя негативную оценку таких явлений с точки зрения традиционной этики, тем не менее с позиций новой этики признает за народом право заботиться о своей выгоде так, как ему самому представляется необходимым. В этом ключе как вывод из вышесказанного можно понимать и заявление автора в начале третьей главы: «Итак, что касается государственного устройства афинян, то характер его я, конечно, не одобряю; но раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, они удачно сохраняют демократию, пользуясь теми приемами, какие я указал». Это явно говорит аристократ, и он явно противопоставляет две системы ценностей – старую аристократическую, не нуждающуюся в обоснованиях, и новую, демократическую, которую он взялся объяснить и оправдать.

8. После таких общих заявлений логично было бы поставить точку, но автор продолжает обсуждение и возвращается к прежней структуре своего сочинения. В качестве очередного тезиса звучит критика функционирования Совета пятисот и афинских судов. Упреки заключаются в медлительности работы Совета (3. 1–2), его коррумпированности (3. 3), а также в чрезмерно большом числе судей (3. 7). Ответы даются соответственно обычной схеме, т.е. исходя из принципа практической целесообразности. Объясняется, что Совет просто физически не может работать быстрее из-за своей загруженности; коррупция же весьма цинично оправдывается как удобное средство решения проблем, с замечанием, что афиняне могли бы добиться еще большего, «если бы еще больше было людей, готовых давать деньги» (3. 3); напротив, большое число судей оправдывается именно необходимостью предотвращения коррупции (3. 7). Получается, что подкуп членов Совета автор оценивает позитивно, как эффективный способ решения дел, а подкуп судей – негативно, как нарушение справедливости. Похоже, что для него здесь нет противоречия, так как он различает практическую целесообразность при подкупе должностного лица и несправедливость по отношению к частному лицу при подкупе судей. Для него эти фак-

²⁹ Показательно, что обычно, говоря об афинянах в третьем лице, автор тем не менее однажды допустил и первое лицо мн. ч. – «мы» (1. 12). См. *Ober. Op. cit.* P. 14.

³⁰ *Ibid.* P. 22.

ты располагаются в разных плоскостях и поэтому по отношению к ним он применяет разные критерии, а по сути и разные системы ценностей.

Примечательно, что в конце данного сюжета автор обобщает свои рассуждения, сведя их к общему знаменателю: «Так вот ввиду этого я не считаю возможным, чтобы в Афинах дела шли иначе, чем теперь: разве только в чем-нибудь незначительном: можно одно выкинуть, а другое прибавить...» (3. 8). Этот вывод возвращает его к прежнему различению пользы для государства и пользы для демократии – он констатирует, что для улучшения государственного строя можно многое придумать, но как совместить демократию с лучшим правлением, он не знает (3. 9). В этом заключается его знаменитая апория – есть осознание того, что Афинское государство могло бы быть обустроено лучше, но нет представления о том, что для этого надо делать³¹. В то же самое время, логика всего авторского рассуждения неотвратно подводит к мысли, что афинская демократия и есть наилучшая форма власти, так как с точки зрения целесообразности она оказывается наиболее эффективной для решения тех задач, которые перед ней стоят.

9. И опять-таки, после столь серьезных выводов было бы удобно закончить сочинение на этом месте, но автор снова переходит к рассмотрению частных. Здесь он от себя заявляет, что ему не нравится то, что в городах, где происходит смута, афиняне поддерживают «худших» (3. 10). Но, как и положено, он тут же оправдывает афинян, объясняя (как в принципе, так и на примерах), что они поступают благоразумно, преследуя свои собственные интересы (3. 11).

10. Наконец, в последнем сюжете обсуждается вопрос о гражданах, несправедливо лишенных гражданской чести: сначала от лица некоего критика в ироничной форме вводится тезис о том, что, дескать, в Афинах таких граждан и нет вовсе, на что автор уже серьезно отвечает, что такие граждане есть, но их совсем немного (3. 13). В качестве антитезиса он приводит два аргумента: во-первых, он утверждает, что в Афинах гражданских прав лишаются только за недобросовестное исполнение служебных обязанностей, а также за нечестные речи и действия; и во-вторых, он указывает, что поскольку несправедливо лишенных гражданской чести мало, то с их стороны афинской демократии ничто не угрожает (*ibid.*). Здесь довольно неожиданно, на первый взгляд, заканчивается «Афинская полития». Однако такая концовка не случайна – все общие выводы автор уже сделал выше, а закончил он тем, что в очередной раз показал благоразумность афинской политической системы и на конкретном примере проиллюстрировал свою мысль о том, что в Афинах нет никаких предпосылок для смены этой системы.

Теперь, возвращаясь к вопросу о целях написания «Афинской политии», представляется вполне очевидным, что такая структура сочинения, в которой каждому негативному тезису противопоставляется позитивный антитезис, совершенно непригодна для критики и может быть использована только для апологии. Таким образом, структурный анализ текста убеждает в том, что автор ставит своей целью ответить на критику афинской демократии, причем делает это последовательно и рассматривает не только тезисы оппозиции, но и вообще все слабые стороны Афинского государства. Показательно, что критические тезисы он вводит чаще всего нейтральными фразами, просто описывающими подлежащее обсуждению положение вещей (1. 10, 13, 14; 2. 1, 14, 17). В других случаях автор ссылается на неких критиков демократии и тогда тезис

³¹ Обсуждение этой атории см. *Ober. Op. cit.* P. 24 f.

вводится соответствующей фразой: «некоторые удивляются...» (1. 4), «некоторые упрекают» (3. 1) или «по мнению некоторых» (1. 16). Тем самым он явно дистанцируется от их мнения, а затем дает свой ответ на их критику. Наконец, всего только три раза он высказывает собственное критическое мнение: два раза он повторяет одну и ту же мысль о том, что он не одобряет государственного устройства афинян, но при этом тут же оправдывает его интересами демоса и подчеркивает, что афиняне удачно сохраняют свой строй (1. 1; 3. 1). В третий раз он осуждает афинян за то, что они принимают сторону «худших» в других государствах (3. 10), и это порицание носит ярко выраженный аристократический характер. Но он сам же и отводит свой упрек, показав, что народ в данном случае поступает вполне благообразно, отстаивая свои собственные интересы. Эти три фразы могли бы служить единственным основанием для того, чтобы приписать Псевдо-Ксенофону антидемократическую позицию, если бы он сам не ответил на свои тезисы контитезисами, в которых оправдал политику демократии. Более того, он сам признал за демосом право отстаивать свои интересы (2. 20) и констатировал, что демос это делает чрезвычайно успешно и благообразно. В результате рассмотренная под углом прагматизма афинская демократия в его изложении оказывается если не совершенной политической формой, то вполне самодостаточной, внутренне завершенной и целесообразной, что в данной системе ценностей соответствует высшим оценочным критериям.

Итак, на основании проделанного анализа уже можно сделать некоторые выводы. Во-первых, сам текст обладает известной цельностью и, несмотря на некоторые литературные погрешности и отступления от композиционных принципов, он в целом хорошо структурирован по формуле: «тезис – контитезис». Во-вторых, складывается впечатление, что у текста все-таки один автор. Об этом говорят последовательность мысли и стройность изложения, так что, несмотря на композиционные нарушения, автор на удивление целенаправленно проводит сквозь весь текст свои основные мысли, совершая плавные переходы от одной темы к другой. В-третьих, автор явно принадлежит к аристократическому сословию, но при этом демонстрирует новый тип мышления. Можно в какой-то мере согласиться с утверждением, что он совмещает в себе две системы ценностей³². С одной стороны, он разделяет старый морально-этический кодекс аристократии, а с другой – в сфере практической деятельности он отказался от этого кодекса и избрал своей идеологией прагматизм и целесообразность. В-четвертых, исходя из представлений о выгоде и эффективности как о высших критериях в суждениях о государстве, он стал на сторону демоса и написал апологию афинской демократии. В данной системе ценностей демократия, естественно, предстает как в высшей степени целесообразно устроенная форма власти, обеспечивающая максимально возможное соблюдение собственных интересов. Таким образом, в новой картине мира Псевдо-Ксенофонта нравственный аспект оказался вытеснен прагматизмом, благодаря чему демократия приобрела ценность сама по себе, без привязки к этическим категориям; можно сказать, она стала политическим фетишем, высшей ценностью вообще. Поэтому все остальное оказалось подчинено ее интересам и стало возможным оправдать все, что делается на благо демократии. Нельзя не признать, что эта идеология и сегодня выглядит современно, а значит, она вполне реальна...

³² Nakategawa. Op. cit. P. 39.

При этом нас не должен смущать радикализм той идеологии прагматизма, которую представляет Псевдо-Ксенофонт. Довольно много примеров такой идеологии мы можем найти у Фукидида, причем именно в приводимых им речах афинян. В этих речах афиняне, как правило, обосновывают свои поступки правом сильного и собственной выгодой, ради которой они, не стесняясь, открыто отказываются от постулатов права и справедливости (Thuc. I. 76. 2–3; III. 44. 1, 4; V. 89. 2 sqq.; 90. 1; 91. 2)³³. Есть основания полагать, что такая очищенная от морали и этики идеология прагматизма действительно царила в демократических Афинах и что, следовательно, сочинение Ксенофонта является лишь ее отражением. Конечно, мы не можем быть до конца уверены, что автор «Афинской политики» действительно думал так, как писал, но этого мы уже никогда не узнаем. Зато для нас важно знать, какую идеологию содержит в себе его сочинение.

3

Проверить выводы можно с привлечением культурно-исторического контекста. Надо сказать, что и на этой ниве уже изрядно поработали исследователи³⁴. В их трудах изучены различные аспекты той исторической среды, которая окружала автора «Афинской политики» во время написания его произведения. Так, например, Дж. Обер обстоятельно исследовал литературный контекст³⁵, а К. Раафлауб – политический и исторический³⁶. Интересно сопоставить их некоторые наблюдения. Так, Обер отмечает, что сочинение Псевдо-Ксенофонта, хотя и открыло традицию литературной критики афинской демократии, прямых продолжений в литературе тем не менее не имело³⁷. В свою очередь, Раафлауб задается вопросом: почему в Афинах не происходило конструктивных дебатов по поводу демократии, т.е. почему не было открытого обсуждения ее проблемных сторон и предложений по ее улучшению? И сам же он отвечает на свой вопрос: ничего этого не было потому, что у демократии и ее критиков не было точек соприкосновения – оппозиция не критиковала отдельные стороны демократии, а отрицала ее в принципе как порочную систему³⁸. Вот это наблюдение, на мой взгляд, хорошо объясняет уникальность Псевдо-Ксенофонта и отсутствие у него продолжателей. Чтобы в полной мере оценить уникальность нашего текста, необходимо произвести хотя бы беглый обзор литературной критики демократии того времени. Для этого достаточно будет лишь нескольких примеров из произведений тех авторов, у которых эта критика выражена наиболее отчетливо³⁹.

³³ Пожалуй, наиболее показательными в этом отношении являются следующие слова Диодота: «Мы, однако... должны рассуждать здесь не о справедливости, а о том, как нам полезнее в наших же интересах поступить с ними» (Thuc. III. 44. 4). Циничный отказ от справедливости ради выгоды – прекрасный образец нового, прагматического типа мышления в демократических Афинах. Псевдо-Ксенофонт еще далеко не так циничен...

³⁴ См., например: Raaflaub K. Die Entdeckung der Freiheit. München, 1985; *idem*. Die Anfänge des Politischen Denkens bei den Griechen // HZ. 1989. 248; *idem*. Politisches Denken...; Roberts. Athens...; Ober. Op. cit.

³⁵ Ober. Op. cit.

³⁶ Raaflaub. Politisches Denken...

³⁷ Ober. Op. cit. P. 15, 27.

³⁸ Raaflaub. Politisches Denken... S. 21.

³⁹ В данном контексте под критикой демократии понимается критика ее как системы, а не критика отдельных ее дефектов. Исходя из этого и сделана следующая выборка авторов.

Одним из первых и, без сомнения, самых великих критиков демократии был Сократ. Судя по «Воспоминаниям» Ксенофонта, он критиковал афинский государственный строй за моральное разложение (III. 5. 16 sqq.), алчность и коррупцию должностных лиц и политиков (II. 6. 24; III. 5. 16), но, главное, он отрицал сам принцип демократического равенства: «Глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов, тогда как никто не хочет иметь избранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности» (I. 2. 9). По его мнению, управлять государством должны не те, кто избран жребием, а те, «которые умеют управлять» (III. 9. 10). Наконец, в разговоре с Периклом-младшим он на вопрос о том, что нужно делать, чтобы исправить положение, ответил: «...разузнуть, какие порядки были у предков, и соблюдать их столь же строго...» (III. 5. 14). Понятно, что это означало бы ликвидацию демократии и возврат к аристократической республике.

Подобную тенденцию легко обнаружить и в комедиях Аристофана. В них часто встречаются высказывания, порицающие моральное разложение (*Vesp.* 1091 sqq.), алчность и коррупцию (*Plut.* 567 sqq.), и, конечно же, очень ясно звучит осуждение того, что к власти в Афинах приходят совершенно негодные люди (*Equit.* 238 sqq., 764 sqq.). Идеал Аристофана – в прошлом, в эпохе аристократической республики, когда в Афинах жило поколение героев Марафонской битвы. Именно поэтому в комедии «Всадники» благополучная концовка наступает тогда, когда Демос сварен в котле и вернул свою молодость времен Марафонского сражения (*Equit.* 1352–1372).

В точно таком же ракурсе смотрит на вещи Исократ: он осуждает нравственную деградацию (*De расе* 41–48), власть дурных людей (*ibid.* 13, 52 sq., 122), причиной всех бед он считает морское владычество Афин (*ibid.* 64, 74) и, наконец, призывает вернуться к тому политическому устройству, которое было во времена Солона и Клисфена, т.е. к аристократической республике (*Ageor.* 16 sq.).

Как известно, наиболее последовательным критиком афинской демократии был Платон. Целью государства он считал воспитание в гражданах добродетели (*Leg.* 630c–632a), и, оценивая с этих позиций демократию, он характеризовал ее резко отрицательно, как политический строй, разрушающий добродетель и поощряющий пороки (*Gorg.* 519a; *Resp.* 557b–c, 559d; *Leg.* 831d, 916e, 917a). Он полагал, что хороший государственный строй был в Афинах в эпоху Персидских войн, т.е. до демократии (*Leg.* 698b). Вслед за своим учителем он порицал демократию за то, что она приводит к власти дурных людей (*Resp.* 558c; *Prot.* 319d; *Polit.* 291e, 303c, 363d), и считал, что править должны лучшие; на этом основании он проектировал свое идеальное государство, в котором у власти стояли бы мудрые философы.

В качестве иллюстрации этих примеров вполне достаточно, так как они наглядно подтверждают справедливость тезиса Раафлауба о том, что настоящие критики демократии, т.е. так называемые «олигархи», говорили не об отдельных недостатках системы, но отрицали ее в целом, как принцип. Даже по этой выборочной и крайне беглой сводке мнений легко можно вычленить основные претензии к демократии. По сути дела, вся критика сводится к двум пунктам: во-первых, не приемлется то, что к власти в Афинах пришли «дурные» люди, а «добрые» отстранены от дел (кстати, знаменательно, что Псевдо-Ксенофонт начинает свое сочинение именно с этого, т.е. главного обвине-

ния)⁴⁰, и, во-вторых, осуждается моральное разложение, причиной которого признается порочный государственный строй. Как видим, отрицание демократии строится на понятиях нравственного содержания. Понятно, что оба обвинения носят принципиальный характер, затрагивающий самые основы демократического государства, и поэтому тут ничего нельзя было изменить, не поменяв само государственное устройство. Поэтому оппозиция отрицала саму систему и диалог с ней был невозможен.

Если же в этом контексте посмотреть на сочинение Псевдо-Ксенофонта, то становятся очевидными две вещи. Во-первых, его автора объединяет с критиками демократии то, что он высказывает неодобрение афинскому государственному строю за то, что при нем простому народу живется лучше, чем благородным (1. 1). Во-вторых, от настоящих критиков он резко отличается тем, что признает за афинским народом право самому устраивать свои дела, как то представляется ему выгодным (1. 8; 2. 20), и оценивает политику демоса исходя из ее эффективности, а не из моральных категорий. Тем самым, он по сути дела отказывается от аристократических критериев и оправдывает демократию. Если он и критикует, то не саму политическую систему, а отдельные ее недостатки, причем всегда находя им оправдание⁴¹. Самое же главное, на мой взгляд, заключается именно в том, что Псевдо-Ксенофонт отказался от нравственных критериев в обсуждении государственного устройства афинян и тем самым лишил оснований всю систему критики. Он стал на позиции крайнего прагматизма, а с этой точки зрения оказалось возможным оправдать и власть «дурных» и коррупцию. Такой подход допускает обсуждение только отдельных частных, которые могли бы быть изменены к лучшему.

В целом создается впечатление, что автор «Афинской политики» пытается занять среднюю позицию между афинским демосом и его аристократическими критиками – он дистанцируется от тех и других и, подобно Солону, признает долю правды за каждой стороной. Но, как всегда в таких случаях, на деле одна из сторон оказывается обладательницей большей доли правды. В данном случае правды больше у афинского демоса, поскольку автор становится на его точку зрения и разделяет его ценности. Следовательно, можно утверждать, что этот текст действительно представляет собой апологию демократии, и это объясняет, почему в литературе того времени мы больше не встречаем аналогов такой «критики».

Основной парадокс «Афинской политики» состоит в том, что ее автор умудрился объединить в себе или в своем сочинении две диаметрально противоположные позиции – позиции критика и апологета афинской демократии. Это и есть главная загадка данного произведения. Тем не менее эта загадка не столь темна, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, проделанный анализ показывает, что не только структура текста максимально отвечает зада-

⁴⁰ Тот факт, что у демократии поначалу были лидеры аристократического происхождения, нисколько не меняет сути дела, так как в глазах оппозиции люди делились на «дурных» и «добрых» прежде всего по их моральным качествам. Поэтому естественно, что аристократы, ставшие на сторону демократии, воспринимались ими скорее как отщепенцы, чем как «добрые». Но даже исключения вроде Перикла не могли повлиять на отрицательное отношение критиков к демократии. Так, например, признание за Периклом политического таланта (*Plato. Alc. I. 118 c*) ничуть не мешало Платону негативно оценивать результаты его политики (*Gorg. 519 a*) и отрицать демократию как таковую.

⁴¹ В этом смысле его в какой-то степени можно сравнить с Аристотелем, который признавал демократию, в принципе, как власть большинства (*Arist. Pol. 1281 a 40*), но критиковал ее отдельные недостатки (*ibid. 1310 a 25 sqq.; 1304 b 20 sq.; 1310 a 3*).

чам апологии демократии, но и большая его часть посвящена оправданию критикуемых аспектов демократического правления. Следовательно, при кажущейся идеологической двойственности, в «Афинской политике» все-таки достаточно явно прослеживается генеральная идейная линия автора. Во-вторых, данное произведение прекрасно вписывается в контекст софистической риторики и симпозиумной литературы своего времени, так как в рамках обоих этих жанров автор мог попеременно занимать разные позиции⁴². В-третьих, не исключено, что в сознании одного человека того времени реально могли столкнуться две идеологии – старая аристократическая система ценностей, основанная на этических постулатах, и новая демократическая идеология, основанная на принципах прагматизма. В данной ситуации государственное мышление и патриотизм естественно вели к победе новой идеологии, о чем, на мой взгляд, и свидетельствует рассматриваемая нами «Афинская политика». Из опыта истории хорошо известно, что интересы государства, если их поставить на первое место, достаточно легко побеждают нравственность и тогда ими можно оправдать все, что угодно. Поэтому не исключено, что в лице Псевдо-Ксенофонта мы имеем первого античного Макиавелли...

Теперь, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, мне приходится заключить, что я не вижу оснований считать Псевдо-Ксенофонта ни «молодым», ни «старым», ни вообще олигархом, а скорее демократом аристократического или, если угодно, олигархического происхождения. Поскольку речь идет о системе взглядов, можно сказать, что демократами или олигархами не рождаются, а становятся...

PSEUDO-XENOPHON, AN «OLD OLIGARCH» OR A DEMOCRAT?

H. Tumans

In the author's opinion, the main paradox of the «Athenian Politeia» consists in the fact that its author endeavoured to combine two opposite positions: those of a critic and apologist of the Athenian democracy.

Firstly, not only the structure of the text is aimed to make an apology of democracy, but the greatest part of the argument is devoted to justifying the most criticised aspects of democratic rule. Consequently, in spite of the apparent ideological ambiguity, the author's main ideological trend is quite evident in the «Athenian Politeia». Secondly, this work matches well the context of contemporary sophistic rhetorics and sympotic literature, for in these genres the author was expected to take opposite positions alternately. Thirdly, it is quite possible that at that period two ideologies could have coexisted in the same mind: old aristocratic values, based upon ethical postulates, and a new democratic ideology, based upon pragmatic principles. In such a situation political thinking and patriotism could naturally lead to the victory of the new ideology, as it is attested in the «Athenian Politeia».

The author concludes that Pseudo-Xenophon should be regarded as neither «young», nor «old» oligarch, but rather a democrat of aristocratic or oligarchic origin.

⁴² В какой-то степени диалоги Платона тоже свидетельствуют об этом, ведь их автор с гениальным изяществом представлял позиции как Сократа, так и его оппонентов, причем иногда даже совмещая их в одном лице.

Вернер Эк

ИМПЕРАТОР КАК ГЛАВА ВОЙСКА. ВОЕННЫЕ ДИПЛОМЫ И ИМПЕРАТОРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ¹

Военные дипломы (*diplomata militaria*) были массовым феноменом. Так остается и по сей день и даже во все возрастающем масштабе. Когда в 1955 г. Герберт Нессельгауф опубликовал приложение к CIL XVI, он смог указать 189 единиц; немалая часть этих документов содержала полный текст; *tabulae* дипломов в подавляющем большинстве сохранились целиком. С тех пор общий материал дипломов существенно возрос, а также изменился. Маргарет Роксан опубликовала к 1994 г. в трех томах «Roman Military Diplomas» (далее – RMD) круглым счетом 201 единицу, – таким образом, больше, чем было в общей сложности известно Герберту Нессельгауфу к 1955 г. Большинство из этого 201 документа составляют прежде не известные дипломы и конституции; лишь в сравнительно немногих случаях представлена копия уже известного текста диплома. Документы в CIL XVI и RMD I–III составили в общей сложности 386 единиц, а с учетом RMD IV, который вскоре выйдет в свет, их будет 507. С 1993 г. в целом было опубликовано по меньшей мере 180–200 новых дипломов, немалая часть которых также вошла в RMD IV, и еще больше в настоящее время находится в печати². К этому сле-

¹ Доклад в Лондоне был озаглавлен «Diplomata and Imperial Government» («Дипломы и императорское управление»). При работе над статьей управление (government) было исходной точкой рассуждения. Я выражаю горячую благодарность Петеру Вейссу за критическое чтение текста и драгоценные указания.

² См. неполную подборку статей, в которых с 1994 г. были опубликованы дипломы: *Lambert N., Scheuerbrandt J.* Das Militärdiplom. Quelle zur römischen Armee und zum Urkundenwesen. Stuttgart, 2002. S. 67 ff.; однако эта подборка никоим образом не заменяет собой отсутствующего перечня дипломов. В «Roman Military Diplomas», IV который издается при содействии Пауля Хольдера, войдет 121 единица. Укажем здесь лишь еще несколько статей, в которых новые дипломы были опубликованы в последнее время или же будут в скором времени опубликованы: *Eck W., MacDonald D., Pangerl A.* Neue Militärdiplome für Truppen in Italien: Legio II Adiutrix, Flotten und Prätorianer // ZPE. 2002. 139. S. 195 ff.; *idem.* Neue Diplome für das Heer der Provinz Syrien // Chiron. 2002. 32. S. 427 ff.; *idem.* Neue Militärdiplome mit neuen Konsulndaten // Chiron. 2002. 32. S. 401 ff.; *idem.* Neue Militärdiplome zur Geschichte der Provinz Germania inferior // KJb. 2002. 35. S. 227 ff.; *idem.* Neue Diplome für Auxiliärtruppen in den dakischen Provinzen // AMN. 2001. 38. 1. S. 27 ff.; *Eck W., Weiß P.* Hadrianische Konsuln: Neue Zeugnisse aus Militärdiplomen // Chiron. 2002. 32. S. 449 ff.; *Weiß P.* Ausgewählte neue Militärdiplome // Ibid. S. 491 ff.; *idem.* Neue Flottendiplome für Thraker aus Antoninus Pius' späten Jahren // ZPE. 2002. 139. S. 219 ff.; *idem.* P. Caelius Optatus, cos. suff. 167 oder 168 n. Chr. // ZPE. 2002. 140. S. 253 ff.; *idem.* Neue Diplome für Soldaten des *Exercitus Dacicus* // ZPE. 2002. 141. S. 241 ff.; *Papi E.* Diploma militare da *Thamusida (Mauretania Tingitana)*: 31 dicembre 133/134 // ZPE. 2003. 142. S. 257 ff.; *Isac D.* Das Militärdiplom aus dem Jahr 151 n. Chr. von Samum (Çaşehir) und die Datierung der Prokuratur des *Macrinus Vindex* in *Dacia Porolissensis* // AMN. 2001. 38. 1. S. 49 ff.; *Eck W., Pangerl A.* Sex. Iulius Frontinus als Legat des niedergermanischen Heeres. Zu neuen Militärdiplomen in den germanischen Provinzen // ZPE. 2003. 143. S. 205 ff.; *Eck W.* Eine weitere Kopie der domitianischen Bürgerrechtskonstitution für die Truppen Syriens vom 7. Nov. 88 // ZPE. 2003. 143. S. 229 ff.; *idem.* Eine Bürgerrechtskonstitution *Vespasianus*

дует добавить еще как минимум 130 дипломов, о существовании которых известно, но которые пока не находятся в стадии публикации; впрочем, эти тексты в настоящее время доступны лишь частично³. В совокупности это означает, что мы в данный момент можем рассчитывать на значительно большее число, чем 700 документированных дипломов, возможно даже, на приблизительно 750–800⁴; это число, если мы не ошибаемся, в ближайшие годы еще существенным образом возрастет, поскольку новые экземпляры появляются почти еженедельно⁵. Так, в последние месяцы стали известны новые дипломы эпохи Тита для войск Норика и по одному, для Германии (Нижней) с указанием Sex. Iul[ius Frontinus] в качестве наместника около 83 г.⁶, провинции Иудея 90 г.⁷, Сирии 93 г.⁸, Нижней Германии 101 г., и Британии – два для 122 г., и 178 гг. К 121 г. относится документ с крайне необычной формулой предоставления привилегий, поскольку в нее включены еще и *parentes, fratres* и *sorores*⁹, также к 121 г. относится диплом для Киликии, к 145 г. – для Нижней Мезии, к 119 г. – еще один для Нижней Паннонии, другой для *equites singulares* при Каракалле – и этот перечень можно было бы продолжать сколь угодно долго.

Конечно, многие из этих новых документов, по сравнению с большей частью собранных в СІЛ дипломов, весьма фрагментарны¹⁰ – этот факт доказывает, что раньше не принимались во внимание многие свидетельства, так как казалось, что одни из них не имели большого значения, а другие нередко представлялись и вовсе лишенными такового. Сегодня публикуется каждый фрагмент и, как постоянно подтверждается, с полным основанием, поскольку и небольшие фрагменты могут содержать важную информацию¹¹.

Несмотря на массу сохранившихся документов, эти дипломы представляют лишь ничтожную часть того, что ранее существовало. Едва ли возможно

aus dem Jahr 71 n. Chr. und die Aushebung von brittonischen Auxiliereinheiten // ZPE. 2003. 143. S. 220 ff.; *Petolescu C.C., Popescu A.T.* Ein neues Militärdiplom für die Provinz Moesia inferior // ZPE. 2004 (в печати); *Eck W., MacDonald W., Pangerl A.* Neue Militärdiplome für Truppen in Britannia, Pannonia inferior, Pannonia superior sowie in Thracia // REMA. 2003; *idem.* Hadrianische Diplome für die Auxiliärtruppen von Dacia inferior und Pannonia inferior // AMN. 2002. 39; *Eck W., Pangerl A.* Ein Sequaner in einem Militärdiplom vom 27. Juli 108 // REMA. 2003.

³ За эти сведения я благодарю доктора Барбару Пффердехирт из Центрального Римско-Германского музея в Майнце, а также Петера Вейсса и нескольких частных коллекционеров. Некоторые дипломы доступны также в Интернете, что отчасти связано с аукционами.

⁴ Далеко не полная подборка известных мне опубликованных дипломов включает сейчас приблизительно 730 единиц.

⁵ Конечно, на антикварном рынке появляются иногда и подделки, но они до последнего времени были такого плохого качества, что их можно без труда распознать. Особенно большое число подделок на рынке было предложено для одного диплома из Сирии времени Антонина Пия.

⁶ *Eck, Pangerl.* Sex. Iulius Frontinus...

⁷ *Cotton H.M., Eck W., Isaac B. T.* Pomponius Bassus. Governor of Judaea and a New Military Diploma of 90 CE // Israel Museum Studies in Archaeology (в печати).

⁸ В нем появляется М. Cornelius Nigrinus в качестве наместника провинции уже в этом году; и данные этого диплома существенным образом отражаются на консульских фастах этого года.

⁹ Об этом см. *Eck W., Pangerl A.* Vater, Mutter, Schwestern, Brüder... Zu einer außergewöhnlichen Bürgerrechtsverleihung in einer Konstitution des Jahres 121 n. Chr. // Chiron. 2003. 33.

¹⁰ Некоторые фрагменты столь малы, что порой нельзя установить их принадлежность. Поэтому некоторые из этих маленьких фрагментов вполне могут оказаться частью уже опубликованных дипломов.

¹¹ Укажем, например, на фрагмент, который опубликовал Петер Вейсс (*Neue Militärdiplome // ZPE. 1997. 117. S. 256 ff.*) и который состоит всего из шести фрагментированных строк на внутренней и четырех на внешней стороне и, тем не менее, содержит важнейшую информацию. Кроме того, ср. *Eck W., Weiß P.* Tusidius Campester, cos. suff. unter Antoninus Pius, und die Fasti Ostiensis der Jahre 141/142 n. Chr. // ZPE. 2001. 134. S. 251 ff. и их выводы для реконструкции нескольких лет в Fasti Ostiensis.

уточнить, насколько велика степень утраты эпиграфических документов, поскольку мы вряд ли когда-либо откроем или точно оценим число когда-то существовавших надписей. Однако в случае с дипломами можно, по крайней мере для времени правления Гальбы и Веспасиана, установить общую тенденцию – вывод, который с некоторой вероятностью следует распространить на весь феномен военных дипломов.

В некоторых ранних случаях можно подсчитать, каким должно было быть минимальное число существовавших прежде дипломов, которые должны восходить к определенной конституции. Будет достаточно нескольких примеров.

22 декабря 68 г. в Риме на *ara gentis Iuliae* была опубликована конституция¹² Гальбы. Для этого были использованы по меньшей мере три *tabulae aeneae*, так как в RMD III. 136 упоминается *tabula tertia*¹³, с которой был списан дошедший до нас диплом; таблиц могло быть и больше. Так как подобные бронзовые таблицы, как представляется, состояли, самое большее, из шести *paginae*, с как минимум 46, но, возможно, даже 50 строками, в каждой из которых стояло имя, то мы получаем в случае с конституцией, к которой восходит RMD III. 136, по меньшей мере 829, но скорее всего приблизительно 900 имен солдат¹⁴, которые когда-то были внесены в текст этой конституции и таким образом получили привилегии и, в конце концов (согласно общепринятому в науке мнению), еще и бронзовый диплом¹⁵. В настоящее время известны четыре экземпляра указов о предоставлении гражданства, к которым принадлежит и RMD III. 136¹⁶. Соответственно при 900 когда-то выданных дипломах процентная доля сохранившихся составляет 0.44%. В свою очередь на *ara gentis Iuliae* находились по меньшей мере три *tabulae* конституции Веспасиана от 5 апреля 71 г.; однако до сих пор обнаружены только три диплома из также приблизительно 900 выданных документов¹⁷. Здесь процентное соотношение понижается до 0.33%. В случае с другой конституцией этого года мы получаем около 0.5%¹⁸, с еще одной – только 0.16%¹⁹.

¹² По вопросу, следует ли говорить о конституциях в связи с законодательными актами, которые вели к предоставлению гражданства и *conubium*, см. *Coriat J.-P.* Le prince législateur. La technique législative des Sévères et les méthodes de création du droit impérial à la fin du principat. Rome, 1997. P. 108 f. Кориа дает отрицательный ответ, однако в связи с этим постоянно говорит о собственном дипломах и никогда – об опубликованных в Риме *tabulae aeneae*. Но какую задачу должны были выполнять эти *tabulae*, как не делать правовые акты публичными и доступными для частных лиц? При этом мне представляется невозможным в римских условиях четко отделить легислативный характер от нелегислативного.

¹³ RMD III. 136: [--] *tab(ella) III pa[g](ina) --*].

¹⁴ Об этом см. также рассуждения Дж. Фorni: *Forni G.* I diplomi dei classiari delle flotte pretorie (inclusi quelli dei classiari-legionari) // *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle/Hrsg. von W. Eck, H. Wolff.* Passau, 1986. S. 293 ff.

¹⁵ Это число могло быть меньше, если в получивших привилегии тогда включали еще и женщин и детей. В других четырех известных примерах этой конституции указаны только лица, получившие привилегии.

¹⁶ CIL XVI. 7–9 и RMD III. 136. *Pagina* номер V обнаруживается в CIL XVI. 9; в XVI. 16 упомянута даже *pagina VI*. Наибольшее число *loci*, а именно 46, обнаруживается в XVI. 11, в XVI. 14 их 44. Дж. Фorni, который подробно занимался этим вопросом (*I diplomati...*), предполагает, по аналогии с другими известными таблицами с перечнем личных имен, что в каждом случае на столбец (*pagina*) приходилось около 50 строк; см. *Forni. I diplomati...* P. 303 ff.

¹⁷ CIL XVI. 14–16.

¹⁸ Это действительно для CIL XVI. 10/11 от 7 марта 70 г.; к этому следует добавить еще один диплом: *Eck, MacDonald, Pangerl.* Neue Militärdiplome... in Italien. S. 195 ff.

¹⁹ Конституция от 26 февраля 70 г.: *Roxan M.M.* An emperor rewards his supporters: the earliest extant diploma issued by Vespasian // *JRA.* 1996. 9. S. 248 ff.: упомянута *tabula I*, что предполагает наличие *tabula II* (в АЕ. 1997. 1771 эта цифра опущена).

Как бы ни оценивать среднее число дошедших до нас дипломов, ясно, что эти приблизительно 750 дипломов, найденные на сегодняшний день, составляют неизмеримо малую часть отдельных документов, которые когда-то были выданы²⁰. Представляется вполне реалистичным, что между эпохой Клавдия, когда появляются бронзовые дипломы, и годами непосредственно после середины III в., когда выдача дипломов прекращается²¹, было выдано по меньшей мере около 150000 бронзовых дипломов и, вероятно, даже существенно больше – возможно, более 300000²². Но уже данное поддающееся определению число ясно показывает, что эти обеспечивающие привилегии документы не следует считать особым пожалованием (во всяком случае с конца правления Флавиев), как это утверждается вновь и вновь и порой весьма настойчиво²³. Особое пожалование, которое распространяется всегда на столь большое число лиц, неизбежно теряет свою исключительность. Дипломы были повседневной нормой римского войска²⁴. Многое из того, что приводится ниже относительно организации изготовления и выдачи дипломов, является прямым следствием этого факта.

* * *

Дипломы, естественно, являются лишь отражением собственно правовых документов, императорских конституций, которые когда-то в Риме извещали о получении привилегий солдатами и ветеранами преторианских и город-

²⁰ В отдельных случаях, естественно, может сохраниться еще больше документов в процентном соотношении. Это имеет место, например, в случае с конституцией 164 г. для войска в Дакии Поролиссенской. От нее к настоящему времени известно по меньшей мере восемь копий (см. неполный перечень в RMD III. 240). Кроме того, можно указать конституцию 159 г. для Верхней Паннии с, как минимум, пятью дипломами: *Weiß P. Ein Konsulnpraag vom 21. Juni 159 n. Chr. Drei Diplome für Kommilitonen der oberpannonischen Ala I Thracum victrix c. R.* // *Chiron*. 1999. 29. S. 147 ff., а также два неопубликованных диплома, которые были кратко описаны В. Эком, Д. Макдональдом, А. Пангерлом (*Neue Militärdiplome...*). Нельзя сказать, какая специфическая причина обусловила исключительную сохранность в этом случае. Однако для основной массы дипломов дело обстоит иным образом. Характерно и то, что большинство вновь найденных дипломов также свидетельствует о новой конституции.

²¹ Здесь можно пренебречь немногими дипломами, которые вновь выдаются в течение короткого времени в конце III – начале IV в., в эпоху первой и второй Тетрархий. О прекращении практики выдачи дипломов ср. также *Weiß. Ausgewählte neue Militärdiplome*. S. 526 ff.

²² Если для процентного соотношения сохранившихся дипломов принять высокий коэффициент 0.5% и соотнести их с известными сейчас приблизительно 750 экземплярами, то мы приходим по меньшей мере к 150000 дипломам; при 0.16% их количество возрастает до приблизительно 470000. В конечном счете, точное число для их оценки как массового феномена не играет никакой роли. Тем не менее можно провести некий контроль посредством другого рассуждения. Если считать, что численность вспомогательных войск во II в. составляла, как минимум, 150000 человек, то между концом правления Веспасиана, когда дипломы выдавались регулярно, и 168 годом можно выделить немногим более трех поколений солдат вспомогательных войск, следовательно, около 500000 человек, которые служили в это время. Если руководствоваться реалистичным подсчетом, установить процентное соотношение тех, кто достиг конца военной службы, в 50%, то это дало бы около 250000 дипломов, которые когда-то должны были быть им выданы. Это с учетом других воинских подразделений, которым тоже выдавались дипломы, составляет коэффициент, довольно близкий тому, который как раз и был подсчитан при остаточном показателе в 0.33% – 0.16%. Следовательно, эти подсчеты выглядят реалистичными и с другой стороны.

²³ Ср. из последних публикаций: *Dušanić S. A Diploma for the Lower Pannonian auxilia of the Early 140's* // *ZPE*. 2001. 135. S. 218 f.; *idem. Preseveran Diplomata and the Problem of «Special Grants»* // *Heer und Integrationspolitik...* S. 190 ff.

²⁴ Это ни в коей мере не означает, что право гражданства иногда не предоставлялось на особых основаниях отдельным солдатам или целым воинским подразделениям, прежде всего за воинские доблести. Но это не относится к основной массе конституций, и так было с самого начала.

ских когорт, *equites singulares*, италийского флота и прежде всего расквартированных в провинциях вспомогательных подразделений, а также провинциального флота. Возможно, что эти конституции выдавались с большей регулярностью не с самого начала, т.е. с конца правления Клавдия, а скорее с конца правления Веспасиана. Во всяком случае, между 70 и 168 г. н.э. можно отметить не так много лет, для которых неизвестно хотя бы одной конституции. Когда в 1994 г. вышел III том RMD Маргарет Роксан, то еще для 20 лет не было никаких данных, указывавших хотя бы на одну конституцию в год²⁵; сегодня, насколько представляется, остается еще 10 таких лет²⁶. С притоком дальнейшего материала и эти небольшие лакуны будут заполнены; к тому же следует учитывать, что только в издании Роксан отмечены более 120 дипломов, которые не могут быть с точностью отнесены к какому-либо году; фактически их количество сейчас намного превышает 200 единиц. И вряд ли все они будут относиться только к тем годам, для которых и без того уже известна конституция. Поэтому более реалистично уже сейчас предположить, что во всяком случае с конца правления Флавиев до 168 г. н.э. конституции, скорее всего, выдавались ежегодно. Для большинства лет уже сегодня засвидетельствовано более одной конституции²⁷, часто даже более двух, несколько раз четыре, пять или, возможно, даже больше конституций²⁸.

Следует также отметить, что издание конституций происходило совершенно непрерывно, хотя и не в соответствии со строгим временным ритмом, и не по определенным дням в году²⁹. Иногда издавалось несколько конституций для войска одной и той же провинции в один и тот же день, как, например, для Сирии в 88 г.³⁰, а также для разных провинций, как, например, про-

²⁵ См. список в RMD III. 235 ff.

²⁶ Речь идет о следующих новых дипломах, датирующихся, возможно, 95 г.: *Eck, Pangerl. Sex. Iulius Frontinus...*; 111 г.: RMD IV. 223; 117 г.: *Katalog Harlan Berk. Chicago. 2001. S. 150. № 602*; 119 г.: *Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Diplome... Provinz Syrien*; 125 г.: AE. 1997. 1772; *idem. Neue Militärdiplome... Konsulndaten. № 4*; 136 или 137 г.: диплом не опубликован (я благодарю за информацию К. Петолеску) и RMD III. 160; 142 г.: AE. 1995. 1824; 1998. 89; *Weiß. Neue Flotten-diplome... S. 219 f.*; 151 г.: неопубликованный диплом (я благодарю за информацию Дана Исака). Кроме того, некоторая информация исходит из RMD IV, за что я благодарю Пауля Холдера. При всех этих свидетельствах следует, конечно, учитывать то, что со времени выхода последнего, тома RMD III в 1993 г. пока не появилось никакого полного обзора общего материала. Таким образом, могут обнаружиться еще и другие дипломы для вакантных ныне лет.

²⁷ В настоящее время это действительно для более чем 75 лет за столетие между 70-168 гг. См. Приложение I.

²⁸ Так, например, в 85, 126, 127, 138, 145, 153, 158, 160 и 161 г. (пять конституций).

²⁹ Если не принимать во внимание преторианские дипломы III в., которые датируются всегда 7 января. З. Визи (*Visy Z. Die Entlassung der Auxiliarsoldaten aufgrund der Militärdiplome // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungarica. 1984. 36. S. 223 ff.*) исходит вслед за Г. Нессельгауфом (CIL XVI, p. 75 f.) из того, что император издавал конституции «как правило, в конце года» и, возможно, даже для всех вспомогательных войск. Однако ничто не указывает на это в наших документах, они даже противоречат этому. На с. 233 в прим. 60 З. Визи пытается также аргументированно доказать, что провинции, для которых известны дипломы с одинаковой датой, являются соседними провинциями. Это, конечно же, неверно. Уже в его примерах Македония и Верхняя Дакия, разумеется, не являются соседними провинциями (CIL XVI. 67, 68). Но 20 февраля 98 г., что впервые стало известно именно благодаря статье Визи, были выданы конституции для войск Нижней Германии и Паннонии, возможно, также для Британии (CIL XVI. 42; *Haalebos J.K., Willems W.J.H. // JRA. 1999. 12. P. 247 ff.*; CIL XVI. 43), 20 августа 127 г. – для армий Нижней Германии, Нижней Мезии и Британии (AE. 1997. 1314, 1779, 1980), 8 февраля 161 г. – для армий Нижней Мезии и Верхней Паннонии (*Pferdehirt B. Vier neue Militärdiplome im Besitz des Römisch-Germanischen Zentralmuseums // AKB. 2001. 31. S. 261 и RMD I. 55*). Ср. также прим. 31.

³⁰ CIL XVI. 35; RMD I. 3; *Weiß. Neue Militärdiplome. S. 229 ff. = AE. 1997. S. 1761 f.*; *Eck. Eine weitere Kopie... При Веспасиане также можно обнаружить несколько конституций для провинциального войска с одной датой: Eck, MacDonald, Pangerl. Provinz Germania inferior...*

изошло для Британии и Ликий-Памфилии в 178 г., или же для одной провинции, но в разное время, что, например, засвидетельствовано для Дакии Поролиссенской в 133 г., и это уже не представляется, как раньше, столь исключительным³¹. Кроме того, кажется, что это происходило прежде всего при Флавиях в определенные годы, когда издание конституций увеличивалось, в частности, при Веспасиане, вероятно, в 75 и 78 гг., в то время как в другие годы этого могло и не быть³², как во всяком случае позволяют предположить дошедшие до нас документы. Современные данные, однако, могут быстро устареть благодаря новым дипломам. В целом выдача дипломов происходила совершенно регулярно. Этого и следует ожидать; в конце концов, солдаты с течением времени всегда регулярно увольнялись из военных подразделений, даже если увольнение не производилось непременно каждый год, о чем достаточно свидетельствует расширение формулы *quinis et vicenis* посредством *pluribusve stipendis emeritis*³³, так как это была не пустая формула, напротив, она явно употреблялась только тогда, когда речь действительно шла о солдатах, служивших дольше. Если бы это было чисто шаблонным выражением, то упомянутая формулировка должна была бы фигурировать постоянно; но этого как раз и не происходит³⁴; таким образом, она появляется именно тогда, когда она была необходима, а в других случаях нет. Все-таки ни один император не мог позволить себе на протяжении долгого времени категорично отвергать пожелания солдат. Что было предоставлено одному призыву ветеранов, не могло быть запрещено другому, если на то не было особой причины. Восстание 14 г. в Нижней Германии и Иллирике отчетливо показало, к чему может привести недовольство в войсках.

Тем не менее, существует интервал примерно в 10 лет, который заметно выделяется на фоне отмеченной регулярности. Это период со 168 до конца 177 г. От начала правления Марка Аврелия до 167 г. сохранилось несколько дипломов для каждого года (согласно едва ли исчерпывающему списку для этого времени имеется не менее 40 дипломов); затем для последующих 178, 179, 180–184, 186 и 192 гг. мы также располагаем соответствующими документами. Но для десятилетия 168–177 гг. они, видимо, отсутствуют полностью или же почти полностью, так как единственный, еще не опубликованный диплом следует окончательно отнести к последним годам единовластного правления Марка Аврелия – к 175–177 гг.³⁵ (другой диплом, который, как казалось,

³¹ См. перечень у Роксан (RMD III, p. 344). Нова, например, дата 8 сентября 79 г., когда была издана конституция как для египетского флота, так и для Норики (CIL XVI. 24 и неопубликованный диплом – я благодарю за сообщение А. Пангерла). Ср. также прим. 29. О двух конституциях для Мавретании Цезарейской этого же года см. RMD 35. 280.

³² Так, до настоящего времени для нечетных лет в правление Домициана – 81, 89, 93 и 95 – не известен ни один диплом (правда, один диплом может относиться к 95 г., если не к 96 г.). Могло ли это представлять нечто вроде «двухгодичного ритма» дарования прав гражданства и одновременно увольнения из армии – должно оставаться открытым вопросом. Следует сохранять скептицизм и эти данные также относить скорее к случайности наших находок.

³³ Таким образом, если данное добавление иногда отсутствует, то никоим образом не следует принимать это за ошибку в формуляре – такое отсутствие обусловлено тем простым фактом, что в данном случае не было даровано привилегий ветеранам с более долгим сроком службы. Ср., например, CIL XVI. 67. 128.

³⁴ См., например, два диплома для Иудеи 86 и 90 гг.: Cotton, Eck, Isaac. T. Pomponius Bassus... Неопубликованный фрагмент 87 г., также для Иудеи, обнаруживает тот же феномен.

³⁵ См. публикацию диплома: Eck W., MacDonald D., Pangerl A. Die Krise des römischen Reiches unter Marc Aurel und ein Militärdiplom aus dem Jahr 177(?) // Chiron. 2003. 33.

относился к 171–172 гг., следует датировать 160 г.)³⁶. Однако этот единственный диплом, согласно которому получили привилегии солдаты только одной когорты (что указывает на провинцию, где были расквартированы лишь одна или две когорты), мог также быть выдан только в 177 г. и свидетельствовать уже о начале возобновления выдачи бронзовых дипломов³⁷. Во всяком случае, правилен тот вывод, что для этого десятилетия – со 168 по 177 г. – нам следует констатировать совершенно неожиданный перерыв в практике, ранее наблюдавшейся непрерывно на протяжении ста лет. Какова причина этого неожиданного феномена – будет рассмотрено ниже. Во всяком случае, он не имеет ничего общего с постепенным прекращением выпуска дипломов для вспомогательных войск, которое наблюдается с середины правления Коммода.

То, что в случае с конституциями и дипломами мы имеем дело с массовым феноменом, становится ясным благодаря еще одному наблюдению. Долгое время казалось, что конституции выдавались как будто бы только для пограничных провинций, где были расположены крупные воинские подразделения, но не для внутренних провинций, так называемых *provinciae inermes*, в которых находилось лишь довольно немного подразделений, чаще всего одно или два. При этом, правда, не соблюдался простой статистический закон: если в провинции стоит гарнизоном только одно вспомогательное подразделение, что следует предположить для большинства проконсульских провинций, а также для таких императорских провинций, как Лузитания, Киликия, Аквитания или Галатия, то, естественно, велика возможность того, что от сравнительно небольшого количества дипломов, которые были выданы этим единичным подразделениям, до нашего времени также дошло немного. Однако за время с 1955 года – года выхода Приложения к CIL XVI, нам стал известен один диплом для провинции Азия³⁸, а кроме того обнаружен первый диплом для Киликии³⁹. Для Ликии-Памфилии, которая была представлена долгое время только в CIL XVI. 128, нам стали известны с тех пор даже три новых диплома: 138, 154 и 165 гг. В последнем в качестве наместника назван проконсул, так как в этом году был изменен статус провинции⁴⁰. Фракия не была представлена в CIL XVI ни одним дипломом. Однако после того как в RMD I под номером 14 был указан первый документ такого рода из этой провинции, нам за короткое время стали известны еще семь⁴¹. С другой стороны, пока нет ни одного свидетельства для двух провинций – Аравии и Каппадокии, которые были плотно заняты войсками; относится ли сообщение о появлении нового диплома и к восточной провинции империи, Каппадокии, еще не получило подтверждения. Тем не менее, совершенно невероятно, что на Востоке солдаты вспомогательных частей после 25 лет не получали никаких привилегий

³⁶ О первоначальной датировке: Wolff H. Neue Militärdiplome aus Künzing... // Ostbairische Grenzmarken. 1999. 41. S. 23 ff. Но см. из последних публикаций: Dietz K. Das Künzinger Militärdiplom und die Fasti Ostienses vom Jahre 160 n. Chr. // Chiron. 2002. 32. S. 395 ff.

³⁷ Eck, MacDonald, Pangerl. Die Krise...

³⁸ RMD II. 100.

³⁹ Мне известно это благодаря дружескому сообщению А. Пангерла. Этот диплом находится в настоящее время в Центральном Римско-Германском музее в Майнце. Можно считать, что с дальнейшим наплывом новых документов постепенно станут известны дипломы и для других внутренних провинций империи.

⁴⁰ Weiß P. Ein neuer Prokonsul von Lycia-Pamphylia auf einem Militärdiplom (165/166 n. Chr.) // EA. 1999. 31. S. 77 ff.

⁴¹ См. Roxan M.M., Weiß P. Die Auxiliartruppen der Provinz Thracia. Neue Militärdiplome der Antoninenzeit // Chiron. 1998. 28. S. 371 ff. Два других диплома не опубликованы.

или, в нормальном случае, хотя бы бронзовых дипломов. Отсутствие подобных документов для Аравии и Каппадокии следует скорее связать с состоянием проходивших до сего времени исследований в этих регионах⁴². Даже для Сирии, где в середине II в. находились, по меньшей мере, 27 вспомогательных частей⁴³, в CIL XVI и трех томах RMD имеется в общей сложности только семь дипломов; однако сейчас в самое короткое время появилось еще десять дипломов для этой провинции, что более чем удваивает их количество⁴⁴. Для образованной позднее провинции Нумидии – места дислокации III Августова легиона, где были размещены несколько вспомогательных воинских частей, до недавнего времени не имелось ни одного диплома; сейчас известны два, которые только что были опубликованы⁴⁵. Все это означает, что нет никакой серьезной причины считать, что армии каких-либо провинций были исключены из процесса предоставления привилегий и из специфического документирования привилегий посредством дипломов⁴⁶. При этом получают окончательное решение и все предположения о том, что присвоение прав гражданства солдатам вспомогательных войск якобы происходило, по крайней мере вплоть до II в., каждый раз на особом основании, прежде всего как результат участия в военных действиях⁴⁷. Напротив, дарование римского гражданства солдатам вспомогательных войск в конце службы было со времени Веспасиана рутинным занятием римской военной администрации и соответствующего императора⁴⁸. Это не означает, что в отдельных случаях не представлялись также особые основания для награждения, особенно досрочного. Траян, например, осуществлял это в Дакии в большом объеме, так же как Адриан. Однако и в этом случае дипломы выдавались порой также только в конце службы⁴⁹.

До какой степени оформление конституций, и особенно отдельных дипломов, стало рутинным процессом, при этом проходившим согласно специфици-

⁴² Как мне любезно сообщил Петер Вейсс уже по завершении рукописи, теперь стал известен и первый диплом для провинции Аравия.

⁴³ Об этом в ближайшее время будет опубликована работа Петера Вейсса.

⁴⁴ Два диплома (*Weiß. Neue Militärdiplome. S. 229 ff.*), к которым за это время добавились и другие ставшие известными дипломы: четыре диплома для Сирии (*Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Diplome... Provinz Syrien*), а также еще одна копия двух конституций 88 г., которая уже известна в нескольких экземплярах (см. *Eck. Eine weitere Kopie...*).

⁴⁵ *Weiß. Ausgewählte neue Militärdiplome.*

⁴⁶ Для следующих провинций (это относится к разделению провинций приблизительно в середине II в.) в настоящее время еще отсутствуют дипломы и вместе с этим императорские конституции: Бетика, Лузитания, Испания Тарраконская, Сицилия, Галлия Нарбонская, Аквитания, Галлия Бельгийская, Альпийские провинции, Эпир, Ахайя, Понт-Вифиния, Галатия, Каппадокия? (см. в тексте), Кипр, Крит-Киренаика. Галлия Лугдунская представлена одной *cohors urbana*, так же как и проконсульская Африка (RMD IV. 213).

⁴⁷ См. выше, прим. 23.

⁴⁸ В качестве возражения Б. Пффердехирт (*Pferdehirt B. Die Rolle des Militärs für den sozialen Aufstieg in der römischen Kaiserzeit. Mainz, 2002. S. 55*) ссылается на дипломы, в которых указана только часть войска провинции, например только *cohortes*, но не *alae*. Однако это заключение покоится на *argumentum e silentio*, который с самого начала не выдерживал критики по методическим соображениям. В настоящее время это можно также доказать, поскольку как при Флавиях, так и при Траяне нам известны несколько случаев, когда для одной и той же даты для войска одной-единственной провинции имеется несколько конституций, согласно каждой из которых получает привилегии часть войска, порой также разделенного по алам и когортам. См. *Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Militärdiplome... Germania inferior*. Для 13 мая 105 г. нам пока известны четыре диплома для *exercitus* из Нижней Мезии (CIL XVI. 50; один неопубликованный диплом в музее в Шпеере, который будет опубликован Г. Альфельди и Р. Петровски, другой, также неопубликованный диплом, за сведения о котором я благодарю Петера Вейсса, а также еще один неопубликованный диплом), в каждом из которых названы различные воинские единицы. Вследствие этого указанное предположение не обосновано.

⁴⁹ Пример этого см. *Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Diplome...in den dakischen Provinzen.*

ческим организационным формам, можно понять благодаря различным внешним факторам. Одним из них была публикация *tabulae aeneae* или *aereae*⁵⁰ в определенном месте в Риме. До 89/90 г. бронзовые таблицы выставлялись исключительно на Капитолии⁵¹, правда, в постоянно менявшихся местах, из чего следует сделать вывод, что эти таблицы можно было там видеть долгое время; их, по всей видимости, убрали не сразу. Однако затем в качестве места публикации *tabulae* было принципиально выбрано пространство *in muro post templum divi Augusti ad Minervam*. Даже если саму эту *murus* позади храма *divus Augustus*, чье местоположение еще не идентифицировано, и представить довольно большой, многие конституции едва ли могли быть публично выставлены там на очень долгий срок. Спустя относительно короткое время их убрали, чтобы освободить место для новых таблиц. Разумеется, вряд ли их немедленно уничтожали; они были официальными документами и поэтому, вероятно, сдавались в архив, предположительно в тот, что находился в компетенции канцелярии, также отвечавшей за оформление конституций, но не в *tabularium publicum* на склоне Капитолия; он, по всей вероятности, не имел никакого отношения к общему процессу; скорее эти документы должны были быть архивированы в *officium*, который также осуществлял их издание. Количество бронзовых таблиц в этом архиве, должно быть, быстро оказалось огромным, столь огромным, что однажды, видимо, возникла идея их больше не хранить, но либо переплавлять их, либо использовать таблицы повторно. Известно, что для дипломов применялись уже однажды использованные бронзовые таблицы. В частности, для этого повторно использовались бронзовые пластинки с надписями, ранее прикреплявшиеся в Риме под почетными статуями⁵², а кроме того, в III в., вероятно, уже использованные тонкие металлические пластины другого цвета (правда, только для *tabellae* II, т.е. не для лицевой стороны)⁵³, а именно, бывшие таблицы с конституциями, даровавшими право гражданства. В трех случаях мы теперь можем доказать, что подобные *tabulae aeneae* использовались для изготовления дипломов. Самый ранний пример относится к 224 или 225 г.⁵⁴, два других – к 243 и 248 гг.⁵⁵ Так как они были выкроены из больших по размеру бронзовых таблиц, то в целом внешне незначительно отличаются от дипломов солдат вспомогательных частей II в.; порой они также существенно тяжелее, чем более ранние⁵⁶. Количество этих дипломов, изготовленных подобным образом, – три – еще довольно невелико, так что выводы покоятся на ненадежном фундаменте. Однако следует указать еще на то, что, во всяком случае, эти три известных в настоящее время дип-

⁵⁰ Изменение *aeneae* на *aereae* имеет место приблизительно в конце правления Адриана с некоторыми «отклонениями» при Пие; ср. RMD III, p. 284, not. 7.

⁵¹ Об этом см. *Nesselhauf H.* // CIL XVI. 196 ff.; *Corbier M.* L'aerarium militare sur le Capitole // *Armée romaine et provinces* III. P., 1984. P. 147 suiv.; *Eck W., Roxan M.M.* A Military Diploma of AD 85 for the Rome Cohorts // *ZPE.* 1993. 96. S. 73 f. Кроме того, из последних публикаций: *Eck.* Eine Bürgerrechtskonstitution Vespasians...

⁵² *Eck W.* Bronzeinschriften von Ehrendenkmälern aus Rom. Zu dem neuen Militärdiplom von der unteren Sava // *ZPE.* 2000. 133. S. 275 ff. с перечнем известных примеров. В будущем соответствующие тексты должны быть занесены в CIL VI.

⁵³ О применении использованного металла в III в. см. *Weiß.* Ausgewählte neue Militärdiplome. S. 528 f. П. Вейсс также подробно рассказывает о тенденциях в оформлении дипломов в III в.

⁵⁴ *Eck, MacDonald, Pangerl.* Neue Militärdiplome...in Italien. S. 204 ff.; *Weiß P.* Ein Prätorianerdiplom Severus Alexanders auf einer wiederverwendeten Bronzetafel // *ZPE.* 2000. 133. S. 283 ff.; ср. *idem.* Ausgewählte neue Militärdiplome. S. 527 ff.

⁵⁵ CIL XVI. 147, 153.

⁵⁶ Эту проблему, которая является более многосторонней, чем обозначено здесь, обстоятельно разобрал П. Вейсс (*Ausgewählte neue Militärdiplome.* S. 527 ff.).

лома были изготовлены согласно *constitutio Antoniniana*. Можно ли из этого заключить, что таблицы конституций стали использоваться вторично только со времени ее издания, так как после 212 г. уже едва ли могла возникнуть дискуссия о праве подданного на римское гражданство? Если основание для подобного заключения оказалось бы однажды достаточно надежным, то это было бы важным выводом относительно порядка, характерного для римских архивов.

Тем не менее, мы стоим на твердой почве в том, что касается другого вывода. Для многих конституций должны были быть изготовлены сотни отдельных дипломов. Это характерно не только для конституций при Гальбе и Веспасиане, когда, по-видимому, получила привилегии существенная часть I и II *legiones Adiutrices*⁵⁷, но и для конституций периода около 98 г., когда Траян предоставил привилегии солдатам 6 алы, 25 когорт и флота в Нижней Германии⁵⁸. CIL XVI. 69 от 17 июля 122 г. также является лишь одним из довольно многочисленных дипломов⁵⁹, которые были выданы в то же самое время, поскольку Адриан наградил тогда правом гражданства ветеранов 13 алы и 37 когорт британского войска. Если исходить из нормальной пропорции увольнений, то чисто математически из 26 500 солдат этого подразделения в Британии тогда должны были быть уволены более 1000 ветеранов⁶⁰. Даже если допустить, что в каждом случае почетной *missio* из войска добивались только 50% когда-то рекрутированных солдат, то в этом случае их число составило бы более 500 человек, которым также было выдано много дипломов. Эти 500 дипломов, которые восходили к одной-единственной конституции и должны были быть изготовлены в одно и то же время, требовали много «письменной работы» вручную. Даже если гравировщики были мастерами своего дела, им требовалось значительное время для изготовления одного диплома, который представлял текст в двойной форме, внешней и внутренней. Самой большой частью текста был, разумеется, формуляр, повторявшийся в каждом дипломе – совсем как во многих наших современных официальных документах, для которых существуют печатные формуляры.

В каждом отдельном дипломе после стереотипного дипломного текста менялись только указания на военное подразделение того, кто получал привилегии, т.е. название когорты или алы, имя командующего этого подразделения и, естественно, имя того, кто должен был получить данный диплом; к этому добавлялись имена его жены и детей, если таковые имелись. Здесь те, кто занимался изготовлением дипломов, могли со временем прийти к мысли проводить изготовление *tabulae* более рациональным образом, т.е. сначала писать только соответствующий формульный текст, и на стольких таблицах, сколько требовалось дипломов. Это количество было известно, так как оно соответствовало числу солдат, которых должны были наделить привилегиями. Такая подготовка «формуляра» могла начаться уже в тот момент, когда император давал свое согласие на предоставление привилегий определенному провинциальному войску и становился известным текст конституции⁶¹. При этом

⁵⁷ CIL XVI. 7 ff.

⁵⁸ *Haalebos, Willems*. Op. cit. P 254 ff.; *Haalebos J.K.* Traian und die Hilfstruppen am Niederrhein – Ein Militärdiplom des Jahres 98 n. Chr. aus Elst in der Over-Betuwe // *Saalburg Jahrbuch*. 2000. 50. S. 31 ff.

⁵⁹ К этому добавляются в настоящее время еще два других неопубликованных фрагмента диплома.

⁶⁰ Среди 50 подразделений названы три *cohortes milliariae*, так что номинальное общее число составляло 26 500 человек.

⁶¹ Об этой временной последовательности см. ниже с. 41 слл.

представлялось целесообразным сначала написать только формуляр, который повторялся в каждом дипломе; впоследствии не было необходимости постоянно обращаться к образцу, вследствие чего гравировка могла быть ускорена⁶². Позднее в написанный формуляр могли быть внесены непостоянные разделы и другими, чем вначале, писцами. Действительно, на многих дипломах можно различить почерк разных писцов для постоянных и непостоянных разделов⁶³. Их можно распознать прежде всего начиная со времени Адриана, на внутренней части *tabella II*, как только полный текст самой конституции заканчивался словами *singuli singulas*, или же начиная со времени Пия, после слова *singulis* уже на внутренней стороне *tabella I*, в то время как на внутренней стороне *tabella II* следовали непостоянные разделы. При таком разделении текста на две *tabellae* можно было в случае с дипломами, которые представляли одну и ту же конституцию, комбинировать любую *tabella I*, заполняющуюся вначале только с внутренней стороны, а текст на внешней стороне следовал лишь позднее, с любой *tabella II*: поскольку только внутри *tabella II* находились непостоянные разделы, которые затем также должны были появиться на внешней стороне *tabella I*.

Эта концентрация текста конституции внутри *tabella I* начинается уже в начале правления Адриана, приблизительно в 125 г.⁶⁴ На внутренней стороне *tabella II* затем, как правило, стоят еще и дата, название подразделения, командующий и имя получателя диплома с женой и детьми, в зависимости от обстоятельств. Что касается отметки о копировании (*descriptum*), то начиная со 120 г. н.э. она там постоянно опускается⁶⁵. Лишь со 153 г. она неожиданно вставляется снова, подобно тому как и текст внутренней стороны в целом вновь заносится более подробным и в общем более точным образом⁶⁶. Эта внутренняя сторона в тех случаях, когда сохранились обе внутренние стороны и можно сравнить почерк, чаще всего оказывается написанной другой рукой⁶⁷. Такое разделение труда вело, несомненно, к известной рационализации. Это в конце концов могло, конечно же, отражаться на характере диплома как правового документа.

Правовому документу требуется гарантированно точный текст. Поэтому первоначально в дипломе не обнаруживается никаких или почти никаких сокращений⁶⁸. Это, несомненно, объясняется тем простым фактом, что опубликованные в Риме конституции равным образом представляли текст без сокращений⁶⁹. Однако с конца правления Траяна постепенно появляется все боль-

⁶² В высшей степени невероятно, что довольно большому числу гравировщиков текст зачитывался, как это легко можно себе представить при умножении других документов, так как работа производилась с помощью молотка и резца; уровень шума вообще не был незначительным. И прежде всего, гравировка продолжалась значительно больше времени, чем обычное письмо, так что чтение не могло бы принести никакой пользы.

⁶³ См. об этом прежде всего подборку М. Роксан (RMD III, p. 339 ff.); кроме того: *Eck W. Ein neues Militärdiplom für die misenische Flotte und Severus Alexanders Rechtstellung im Jahr 221/222 // ZPE. 1995. 108. S. 15 ff.* – о дипломе 221 г., на котором можно особенно явственно отметить повторное надписывание.

⁶⁴ См. список: *Eck, Weiß. Hadrianische Konsuln...* S. 454.

⁶⁵ Например, CIL XVI. 95, 96, 108.

⁶⁶ См. об этом на с. 40 сл.

⁶⁷ Ср. об этом феномене: *Roxan M.M. // RMD III, p. 339 f.*; а также *Weiß. Ein Konsuln paar...* S. 178.

⁶⁸ Для некоторых слов в титулатуре императора сокращения встречаются с очень раннего времени; однако это не влияло на правовое содержание документа.

⁶⁹ Это становится ясным на примере нескольких дипломов, которые были выданы в один и тот же день одному и тому же подразделению, поскольку их текст идентичен до малейшей детали; ср., например, два диплома, которые в 90 г. были выданы двум солдатам *cohors I Aquitanorum veterana* в Верхней Германии: CIL XVI. 36; *Eck, Pangerl. Sex. Iulius Frontinus...*

ше сокращений, сначала на внутренней стороне, в то время как на внешней стороне они начинают появляться лишь позднее. Эти различия на внешней и внутренней стороне в рамках текстового формуляра, который, однако, восходит в каждом случае к одному и тому же тексту конституции, показывают, что они связаны с процессом занесения текста на *tabellae* дипломов. То, что на внутренней стороне сокращали раньше и больше, чем на внешней, объясняется в основном тем, что на практике в жизни ветерана внутренняя сторона едва ли играла какую-либо роль. В случае необходимости предъявлялся диплом в закрытом и запечатанном виде, оформленный как двойной документ; при этом тогда читалась обычно только внешняя сторона, на которой значился полный текст, поскольку подобный документ, как правило, не раскрывали. Если печати были сломаны и диплом лишился своего первоначального облика, то документ терял свое первоначальное юридическое значение. По всей вероятности, нельзя выяснить, можно ли было запечатать его вторично. Таким образом, на практике, как правило, было достаточно внешней стороны. Но это также означает, что этот текст должен был быть недвусмысленным и прежде всего мог легко читаться. Сокращения же могли затруднить это. Для внутренней стороны указанные обстоятельства не имели значения.

Главная особенность ранних дипломов, до первых лет правления Веспасиана, заключается в том, что внутренняя сторона, которая содержит юридически действительный текст двойного документа, заполнялась особенно тщательно⁷⁰. Но в последующие десятилетия это изменилось, поскольку на практике функции внешней и внутренней стороны поменялись местами: внешний текст заносился с равной или иногда даже большей тщательностью, а внутреннему часто придавалось гораздо меньшее значение. Так что в долгосрочной тенденции во многих случаях и в определенное время качество письма все более и более ухудшалось – со случайным улучшением на короткое время⁷¹. Особенно в конце правления Антонина Пия, но также при Марке Аврелии во многих дипломах текст внутренней стороны будет все менее разборчив; порой, несмотря на то что нам известен точный текст, уже совершенно не удастся соотнести отдельные знаки письма с определенными буквами, так что иногда внутренние тексты более не поддаются дешифровке⁷². В некоторых случаях кажется, что вообще выгравированы одни бессмысленные знаки, хотя это совсем не так. Но писцы знали, что внутренняя сторона больше не имела значения.

Особенно заметной становится эта тенденция начиная со 120 г., когда на внутренней стороне полностью исчезает отметка о точном копировании: *descriptum et recognitum*.... Возможно ли, что те, кто изготавливал дипломы, сделали это совершенно сознательно, так как они прекрасно знали, что в действительности внутренняя сторона больше не соответствовала подобному аутентичному содержанию и что аутентичность также более не контролировалась? Зачем же еще писать эти ненужные слова, которые только отнимали время? Поскольку отметка опускалась постоянно, это, вероятно, было связано с рас-

⁷⁰ См., например, воспроизведение диплома от 26 февраля 70 г.: *Rohan M.M. An emperor rewards his supporters: the earliest extant diploma issued by Vespasian // JRA. 1996. 9. P. 248.*

⁷¹ То, что это не представляет собой просто однозначного ухудшения, становится ясным хотя бы из того, что всякий диплом изготавливался отдельно, в каждом случае разными лицами. Их отношение к работе равным образом играло свою роль.

⁷² Особенно яркий пример: см. *Eck W., Isac D., Piso I. Ein Militärdiplom aus der Provinz Dacia Porolissensis // ZPE. 1994. 100. S. 577 ff.* Правда, этот процесс не единообразен; имеются также экземпляры, которые написаны вполне разборчивым образом.

поряжением подрядчика, который изготавливал дипломы. То, что это было санкционировано официально, не кажется правдоподобным. Внешняя сторона диплома, действительно, контролировалась и исправлялась, как это можно иногда наблюдать⁷³. Однако к тому времени, когда осуществлялся этот контроль, диплом, как правило, был давно закрыт и запечатан. На внутренней же стороне корректура или дополнение более не были возможными⁷⁴, но это и не представлялось нужным, если корректировался только внешний текст. Внутренний текст считался не имеющим значения или, по крайней мере, не столь важным.

Это сказывается и в том, что с конца правления Адриана в нем сокращались до *cognomina* даже имена консулов, в то время как снаружи они по-прежнему значились полностью. Но апогея это сокращение, а также с определенного времени и фальсификация внутренней стороны достигли в период между 143 и 153 годами. Почти во всех дипломах этого времени текст внутренней стороны сокращен настолько, что отдельные подразделения провинциального войска, солдаты которых представлялись к получению привилегий, более не указывались; перечислялись в начале текста конституции лишь алы и когорты, на которые распространялись данные привилегии и которые были учтены в самой формуле предоставления привилегий⁷⁵. Этот общий текст, однако, более не соответствовал конституции, которую можно было прочесть на *tabula aenea*, тем самым на подлиннике; прежде всего он заметно отличался от текста, который находился на внешней стороне *tabella I*. Диплом, как было показано, с юридической точки зрения, вероятно, просто больше не являлся двойным документом: поскольку его смысл состоял именно в том, что снаружи можно было прочесть в точности то, что следовало читать на юридически действительной, но запечатанной стороне. Ничего подобного уже не было. Впрочем, подобное расхождение между внешней и внутренней стороной двойного документа, наблюдается не только в случае с дипломами, но, и с некоторыми другими документами: например, Бабаты и Саломеи Комаизы, двух еврейских женщин, чьи архивы были найдены в пещерах Нагал Гевер в пустыне Иудей⁷⁶.

В Риме те, кто занимался массовым изготовлением дипломов, со временем так привыкли к этому экономящему время способу производства, что после первых разрозненных попыток, в конце концов, с 146 г. придерживались этой берегающей время формы. Однако кажется, что спустя приблизительно десятилетие на это резкое изменение внутреннего текста дипломов было обращено внимание. Вероятно, при какой-то правовой процедуре диплом был раскрыт, и добросовестный юрист не только отметил нарушение правил, но и сообщил соответствующему ведомству о том, что это невозможно с юридической точки зрения. Во всяком случае, такая практика сокращения текста на внутренней стороне совершенно неожиданно прекращается в 153 г.⁷⁷ С этого времени во

⁷³ О подобных исправлениях см., например, *Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Diplome... in den dakischen Provinzen.*

⁷⁴ Пример дополнения: *Eck. Ein neues Militärdiplom für die misenische Flotte...*

⁷⁵ См. список свидетельств: *Eck W., Weiß P. Die Sonderregelungen für Soldatenkinder seit Antoninus Pius. Ein niederpannonisches Militärdiplom vom 11. Aug. 146 // ZPE. 2001. 135. S. 198.*

⁷⁶ *Lewis N. The Documents from the Bar Kokhba Period in the Cave of the Letters. Greek Papyri. Jerusalem, 1989. № 9; Cotton H.M. // Cotton H.M., Yardeni A. Aramaic, Hebrew and Greek Documentary Texts from Nahal Hever and Other Sites (The Seiyâl Collection II). Discoveries in the Judaean Desert XXVII. Oxf., 1997. P. 141. № 67.*

⁷⁷ В одном из дипломов 153 г. еще обнаруживается сокращение, но три других вновь представляют полный текст: *Eck, Weiß. Die Sonderregelungen... S. 198.*

всех дипломах вновь значится полный текст также и на внутренней стороне. Характерно, что теперь снова добавляется отметка о копировании (*descriptum*); вероятно, тогда же заметили и ее отсутствие и настояли на ее восстановлении. Таким образом, произошло небольшое землетрясение в административной инстанции, которая была ответственна за изготовление дипломов. Этот контроль не подействовал. Вследствие этого общий текст вновь заносился на внутреннюю сторону со всеми подробностями, правда, отныне в сокращенной форме. Но качество письма на внутренней стороне при Пие и Марке Аврелии в результате этого, конечно же, не улучшилось существенным образом. В этом могли сказаться и экономические соображения, но, конечно, вряд ли они принадлежали администрации, поскольку изготовление дипломов несомненно было сдано в аренду подрядчикам, которые не хотели слишком сокращать свой доход⁷⁸.

Замечание, что меры по устранению неудовлетворительного положения с оформлением дипломов предпринял, очевидно, кто-то из администрации, непосредственно приводит к вопросу о том, кто участвовал в разработке конституции, ее публикации, равно как в изготовлении и рассылке дипломов. На первом месте стоит император, именем которого начинается диплом. Об императоре мы еще будем говорить ниже. Роль наместников, как и командующих подразделениями, достаточно ясна, поскольку и сегодня в общих чертах правомерны рассуждения Гартмута Вольфа (1981 г.), а также Барнабаса Леринза и Гезы Альфельди (1986 г.)⁷⁹. Списки назначенных к получению привилегий солдат, с необходимыми деталями, составлялись командующими вспомогательных подразделений по распоряжению наместника⁸⁰. Последний собирал эти данные и передавал их в определенном порядке в Рим или же туда, где непосредственно находился император, поскольку, несомненно, император в каждом случае участвовал в этом процессе, как это еще будет показано. Но после того как верховный правитель принимал свое решение, документы, если он задерживался в провинции, передавались всегда в Рим. Все конституции, в чем мы можем быть почти уверены, выставлялись там⁸¹. Однако мы начинаем испытывать трудности, когда пытаемся представить себе конкретный процесс в Риме и при этом понять систему в целом. Кто именно в Риме после принципиального решения верховного правителя брал на себя конкретную работу? С одной стороны, от кого поступали данные в *commentarius civitate Romana donatorum*⁸², в котором значилось имя каждого отдельного получателя привилегий, а также, вероятно, и наделенных правом гражданства ветеранов вспомогательных частей, если для них не име-

⁷⁸ Об этом см. ниже.

⁷⁹ Wolff H. Bemerkungen zum Verwaltungsgang und zur Verwaltungsdauer der Bürgerrechtsschenkungen an Auxiliare // ZPE. 1981. 43. S. 403 ff.; Lörlincz B. Die Nennung und Funktion der Statthalter in den Auxiliarkonstitutionen // Heer und Integrationspolitik... S. 375 ff.; Alföldy G. Die Truppenkommandeure in den Militärdiplomen // Ibid. S. 385 ff.

⁸⁰ То, что, как предполагалось, в каждом случае распоряжение должен был отдавать император, было совершенно исключено в практической административной деятельности.

⁸¹ К отметке о публикации: *Romae in muro post templum divi Augusti ad Minervam* следует отнестись совершенно серьезно. Если это когда-либо было иначе, то это, несомненно, отмечалось бы.

⁸² Как он именуется в *tabula Banasitana*: AE. 1971. 534 = IAM. II. 94; ср. также новый документ, который, возможно, является частным дипломом, предоставляющим право гражданства: *Frei-Stolba R., Lieb H. Un diplôme civil: le fragment de Carnuntum* (AE. 1999. 1250) // ZPE. 2003. 143. S. 243 ff.

лось отдельного архива⁸³? С другой стороны, кто давал указания для изготовления бронзовых таблиц, служивших для публикации конституций и, возможно также, инструкции для оформления диплома? Все эти функции отправлялись непрерывно на протяжении всего года, как показывают уже сами бесчисленные конституции⁸⁴, известные к настоящему времени; часть из них требовала также достаточно больших затрат. Едва ли в каждом случае это могло происходить *ad hoc*. В администрации должны были выработать рутинные процедуры специально для подобного течения событий, поскольку работы также находились в постоянном процессе.

И, в конце концов, происходила отправка в провинции: кто ее осуществлял? Забирали ли ответственные лица из провинций все документы? Или же они выдавались отдельным военным служащим, которые и так постоянно находились в пути между провинциями и Римом? При большом количестве транспортировка неизбежно была дорогостоящей. Кроме того, можно еще задать вопрос: как, собственно, происходила выдача дипломов в провинциях. Можно было бы представить, что наместник, которому они, вероятно, все вместе доставлялись из Рима, пересылал их отдельным командирам вспомогательных частей, и те потом осуществляли выдачу. Однако можно также думать, что выдача в отдельных случаях, которые тогда также соответствующим образом оформлялись и должны были получить утверждение сверху, происходила в резиденции наместника. Поскольку провинциальное войско нуждалось также в центральном, общем и утверждающем его идентичность мероприятии⁸⁵.

Как представляется, на основании имеющихся у нас источников невозможно или, по крайней мере, пока невозможно разрешить затронутые здесь вопросы, прежде всего те, что касаются ответственного должностного лица в Риме. Можно, правда, думать об *ab epistulis* и его *officium*⁸⁶. Но нельзя указать на какой-либо источник, который говорил бы об этом более или менее

⁸³ Р. Генш (*Haensch R. Das Statthalterarchiv // ZSS. 1992. 109. S. 209 ff., 275. Anm. 191*) высказал вызвавшую вначале интерес гипотезу, что документы для *honesta missio* одного ветерана вспомогательных войск были выставлены в храме Кастора и Поллука в Риме. Основанием для этого служит замечание ветерана L. Cornelius Antas в документе 103 г., касающемся эпикрисиса (P. Hamb. I. 31 = Daris № 90): он предъявляет для эпикрисиса наряду с военным дипломом еще и официальное письмо: 'Ἐπήνευκεν δὲ Κάστορο καὶ Πολυδεύκου ταβουλαρίων ἀπογραφὴν περιέχοσαν ἐστρατεύσθαι αὐτὸν ἔτεσι καὶ ἀπολελύσθαι ἐντείμῳ ἀπολύσει. В то время как Дж. Манн и М. Роксан (*Mann J.C., Roxan M.M. Discharge Certificates of the Roman Army // Britannia. 1988. 19. P. 342*) относили это указание к храму в Египте, Генш склонялся к его интерпретации как храма на Forum Romanum. Напротив, П. Шуберт (*Schubert P. Les archives de Marcus Lucretius Diogenes et textes apparentés. Bonn, 1990. P. 39*) не исключал того, что Кастор и Поллукс могли быть именами *tabularii*. Это предположение, пока не доказано противоположное, даже кажется правильным исходя уже из самого порядка слов. В случае с другими лицами, названными в этом папирусе, должность также стоит после имен, за исключением *exduplicario* для Cornelius Antas, что было заимствовано из военного диплома. Тогда речь могла бы идти об архиве документов в Риме, касающихся увольнения ветеранов вспомогательных войск.

⁸⁴ Действительно, для многих лет следует принимать в расчет дюжины конституций: чисто теоретически – по крайней мере столько, сколько было провинций с вспомогательными воинскими частями; к этому еще добавлялись конституции для преторианцев, *equites singulares* и италийского флота. Даже если в каждой провинции солдаты для получения привилегий назначались не ежегодно, в каждом случае должно было иметь место большое, двузначное число.

⁸⁵ Ср. обозначение всего провинциального войска Нижней Германии как *exercitus pius fidelis Domitianus*, которое сохранялось и после смерти Домициана в краткой форме: из последних публикаций – *Eck, Pangerl. Sex. Iulius Frontinus...*

⁸⁶ Из последних работ о должностных лицах см. *Birley A.R. Locus virtutibus patefactus? Zum Beförderungssystem in der Hohen Kaiserzeit // Abh. der NRW Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. Opladen, 1992.*

прямо. Возможно даже, что управление *commentarius civitate Romana donatorum* было поручено скорее всего канцелярии *a censibus*, поскольку она в любом случае должна была заниматься римскими гражданами и их конкретным личным статусом⁸⁷. Но такая структура, как кажется, неизбежно приводит к заключению, что конкретное изготовление дипломов и гравировка текста не были поручены какому-либо императорскому *officium*. Эти работы, по всей вероятности, были скорее переданы свободным подрядчикам и/или *collegium*, как это происходило и в сфере других публичных работ⁸⁸. Эти лица выполняли работы в соответствии с заключенным контрактом. При этом можно предположить, что те, кто заносил конституции на бронзовые таблицы, изготавливали также и дипломы. В этом случае и то и другое могли происходить одновременно. Таким образом, можно было бы легко объяснить, почему обнаруживаются признаки определенной рационализации в изготовлении, но прежде всего тем, что вначале на табличку диплома заносились формульные части конституции и только в конце добавлялись также и непостоянные разделы. Свидетелями наложения печати также были частные лица, на что недвусмысленно указывают их имена, дошедшие до нас. Речь идет не об императорских вольноотпущенниках, но о свободнорожденных или обычных либертинах; однако именно подобные лица в это время еще не использовались непосредственно на императорской административной службе.

С другой стороны, строгая последовательность свидетелей как минимум с конца правления Адриана показывает, что здесь господствовал регламентированный порядок в противоположность предыдущему времени, когда запечатывание, видимо, еще не было строго организовано. Идея Рудольфа Генша о том, что свидетели наложения печати представляли собой нечто вроде концессионной нотариальной конторы с жесткой иерархией, основанной прежде всего на степени давности, т.е. на времени вступления в число свидетелей⁸⁹, соответствует тому представлению, которое складывается в результате знакомства со многими списками свидетелей. Из этого также следует, что важная часть заключительного этапа изготовления дипломов, а именно запечатывание, была поручена не императорскому *officium*, но частным предпринимателям, которые работали за вознаграждение. Разумеется, это точно так же действительно для более раннего времени, когда первоначально смена свидетелей была столь частой, что они, как правило, вообще появляются на дипломах лишь однажды. Можно наблюдать, как начиная с середины правления Веспасиана медленно формировался круг свидетелей наложения печати, который сложился в систему к концу правления Адриана. Насколько нам сегодня известно, императорский *officium* на этом этапе в изготовлении дипломов не участвовал.

Кто выдавал заработную плату изготовителям дипломов, можно опять только догадываться. Иногда высказывалось предположение, что ветераны,

⁸⁷ Из недавних публикаций об этой функции: *Demougin S. Le bureau palatin a censibus // MEFRA. 2001. 113. P. 621 ff.*

⁸⁸ Так же, по всей вероятности, обстояло дело и, например, с поддержанием в исправности и «эксплуатацией» храмов в Риме.

⁸⁹ *Haensch R. Die Verwendung von Siegelzeugen bei Dokumenten der kaiserzeitlichen Reichsadministration // Archives et Sceaux du monde hellénistique / Ed. M.-F. Boussac, A. Invernizzi. P., 1996. P. 449 ff.*

если они хотели иметь дипломы, сами должны были платить за них⁹⁰. Однако на это ничто прямо не указывает. Дипломы были частью императорской привилегии. Это проявляется, например, в том, что войска, которые находились в окружении императора, во всяком случае определенное время, совершенно очевидно получали большие по размеру, более тяжелые и тщательнее изготовленные дипломы, чем вспомогательные войска в провинциях. Это можно доказать на примере многих преторианских дипломов, а также на примере дипломов для солдат италийского флота при Адриане и Антонине Пие или же позднее, в III в.; это действительно и для дипломов *equites singulares*⁹¹. То, что солдаты из провинций должны были пересылать для этого свои деньги в Рим, также представляется более чем нереалистичным. Таким образом, политическая и социальная вероятность говорит в пользу того, что оплата дипломов производилась из императорской кассы⁹². Но невозможно выяснить, какое отделение фиска могло бы нести эти расходы.

Каждый диплом говорит прямо и недвусмысленно, кому ветераны были обязаны привилегиями: императору. Его именем начинается каждый текст диплома. В то время как увольнение ветеранов вспомогательных частей осуществлялось через наместника, и если выдавались соответствующие документы, в них в качестве действующего лица также значится только наместник⁹³, присвоение прав гражданства никогда не переходит в компетенцию непосредственных военных начальников солдат. Оно остается исключительной привилегией верховного правителя. Данное представление должно было быть столь сильным, что в этом процессе не принимали участия даже назначенные приемники, несмотря на то что они уже получили *tribunicia potestas* и *imperium*. Ни Нерон, ни Тит, ни Элий Цезарь, ни Антонин Пий, ни Марк Аврелий не появляются вместе с соответствующим Августом в дипломах, которые выдавались в данный отрезок времени⁹⁴. Это изменил только Марк Аврелий; однако Луций Вер уже носил титул Августа, так же как и Коммод, который указывается

⁹⁰ Основанием для этого предположения было также то, что среди получателей дипломов обнаруживается больше солдат из ал, чем из когорт. Следовало бы проверить, является ли это соотношение действительным еще и сейчас.

⁹¹ Об этом см. *Weiß*. *Neue Flottendiplome...* S. 219 ff.; *idem*. *Ausgewählte neue Militärdiplome*. S. 491 ff.

⁹² При этом вполне можно представить, что и соответствующие суммы исходили, вероятно, от военной администрации в Риме, что соответствовало бы обычному представлению об ее организации. Но вряд ли речь идет об *aerarium militare*, так как из него, во всяком случае в соответствии с его основным назначением при Августе, осуществлялись только выплаты legionерам.

⁹³ См. об этом *Eck W., Roxan M.* *Zwei Entlassungsurkunden – tabulae honestae missionis – für Soldaten der römischen Auxilien // Arch. Korrespondenzblatt*. 1998. 28. S. 95-112; *Eck W.* «Ehrenvoll entlassen». Eine *tabula honestae missionis* für einen Bonner Veteranen aus dem Jahre 230 n. Chr. // *Rhein. Landesmuseum Heft*. 1999. 1. S. 12–17. Ср. также *Haensch*. *Das Statthalterarchiv*. S. 273 f. Возможно, для ветеранов легионов дело обстояло иначе, что позволяет предположить, по крайней мере, один документ из Виндониссы: *Speidel M.A.* *Die römischen Schreibtafeln von Vindonissa*. Baden–Dättwil, 1996. S. 90 ff. № 1. Если бы это соответствовало действительности, такой порядок мог быть связан с увольнительными выплатами, которые в Риме должны были запрашиваться со стороны *praefecti aerarii militaris*. Но, вероятно, это увольнение, осуществлявшееся через императора, было обусловлено особыми обстоятельствами, как это несомненно имеет место в случае с *M. Annius Martialis*, который в качестве *centurio legionis XXX Ulpiae Victricis* во время Парфянской войны получил почетную отставку, в этом случае даже лично от Траяна, так как иначе формулировка была бы непонятна (CIL VIII. 2354 = Dessau 305). Ср. *Alföldy G.* *Kaiser, Heer und soziale Mobilität im Römischen Reich // Army and Power in the Ancient World / Ed. A. Chanotis, P. Ducrey*. Stuttgart, 2002. P. 139.

⁹⁴ Во всех случаях дипломы относятся ко времени после получения *tribunicia potestas* будущими приемниками; тем не менее никто из них не фигурирует в этих конституциях.

вместе с Марком Аврелием в качестве подателя привилегии со 178 г., но не ранее, когда он еще не имел титула Августа. Пока Каракалла и Гета носят только титул Цезаря, их имена отсутствуют в дипломах, но в качестве Augusti они указываются наряду с отцом⁹⁵.

С этой долгой традицией было покончено только при Элагабале, так как вместе с ним Александр Север в конце 221 г. уже появляется с титулом Цезаря на дипломах в качестве подателя привилегий, несмотря на то что он еще не получил *tribunicia potestas*. Можно было бы пренебречь этим как простой формальностью. Однако если закрепленная в формуляре традиция, которая затрагивает политическую суть всего мероприятия, была внезапно изменена, то на это должна была иметься особая причина. Кроме того, диплом, датированный 29 ноября 221 г., показывает, что включение Александра Севера было сделано по настоянию политической группировки и его следует понимать как мощный политический сигнал⁹⁶, так как ранее в начале диплома стояло только имя Элагабала: был употреблен глагол *dedit*. Но затем в Риме должна была произойти перестановка политических сил, которую, вероятно, предвидел уже сам гравировщик диплома или тот, кто за него отвечал, потому что в дипломе после имени Элагабала было оставлено свободное место для дополнительной строки, чего обыкновенно никогда в дипломах не случается. На внутренней стороне было также предусмотрено это место; однако диплом был закрыт, прежде чем произошла перестановка сил; таким образом, там остается пустая строка. Но на внешней стороне когда-то, до или после 29 ноября 221 г., предполагаемой даты публикации конституции, было дополнительно внесено имя Александра Севера, а кроме того глагол *dedit* был изменен на *deder(unt)*. Видимо, это исправление указывает на то, насколько важным считалось, чтобы в заглавии документа, предоставляющего привилегии, стояло также имя нового цезаря⁹⁷.

Можно также доказать, что участие императора не только было принципиально необходимым, но и требовало весьма специфического правового акта. Это помогает выявить одна особенность в дипломах, которая ранее принималась за пропуск или ошибку либо в тексте конституций, либо, вероятнее всего, в отдельных дипломах, если только не в современных копиях⁹⁸. А именно, существует довольно длинный ряд дипломов (см. таблицу ниже), в которых имеется расхождение между *tribunicia potestas* императора и датой, которая определяется с точностью до дня благодаря ссылке на консулов⁹⁹.

Из этой таблицы становится ясно, что только в двух случаях существует более значительный интервал между двумя датами, а именно, при Домициане в

⁹⁵ RMD III. 191.

⁹⁶ Eck. Ein neues Militärdiplom... S. 15 ff.

⁹⁷ В новом, еще не опубликованном дипломе Александра Севера 234 г. имя императора высклабляется трижды. Чтобы сделать выводы из этого наблюдения, следует дождаться публикации данного диплома.

⁹⁸ Об этом см. последние публикации: Pferdehirt B. // AKB. 2001. 31. S. 266 ff.; Schindel N. Zwei neue Militärdiplome aus der Provinz Moesia superior // Tyche. 1998. 13. S. 221 ff. Более подробно: Wolff H. Bemerkungen zum Verwaltungsgang und zur Verwaltungsdauer der Bürgerrechtsschenkungen an Auxiliare // ZPE. 1981. 43. S. 423 f.

⁹⁹ О следующем комплексе см. более подробно: Eck W. Zum Zeitpunkt des Wechsels der *tribunicia potestas* des Philippus Arabs und anderer Kaiser // ZPE. 2002. 140. S. 257 ff. Ср. об этом комплексе также Visy. Die Entlassung der Auxiliarsoldaten... S. 230 ff. с частично другими интерпретациями, которые здесь не представляется возможным изложить.

Император	<i>Tribunicia potestas</i>	Дата консульства	Расхождение	Документ
Домициан	II: 14.9.82–13.9.83	20 сент. 82/83 г.?	7 дней	CIL XVI. 28
Домициан	XII: 14.9.92–13.9.93	13 июля 94 г.	10 месяцев	CIL XVI. 38
Домициан	XIII: 14.9.93–13.9.94	16 сент. 94 г.	3 дня	CIL XVI. 39
Домициан	XIII: 14.9.93–13.9.94	16 сент. 94 г.	3 дня	Tyche. 1998. 13. S. 221 ff.
Траян	[--]	16 дек. 113 г.		RMD I. 86
Траян	XVII: 10.12.112–9.12.113	3–4 мая 114 г.	По крайней мере около 5 месяцев	RMD IV. 226 ¹⁰⁰
Траян	XX: 10.12.115–9.12.116	8 сент. (117 г.)	По крайней мере 9 месяцев	CIL XVI. 62/3 (?)
Адриан	III: 10.12.118–9.12.119	14–31 дек. 119 г.	По крайней мере 5 дней	<i>Eck, MacDonald, Pangerl // Chiron. 2002. P. 428 ff.</i>
Адриан	XII: 10.12.127–9.12.128	18 февр. 129 г.	Более 2 месяцев	CIL XVI. 74
Антонин Пий	III: 10.12.139–9.12.140	13 дек. 140 г.	4 дня	RMD I. 39 ¹⁰¹
Антонин Пий	XIII: 10.12.149–9.12.150	23 янв. 151 г.	По крайней мере 42 дня	Неопубликованный диплом, предложенный к продаже ¹⁰²
Антонин Пий	[--]	28 дек. 154 г.		RMD I. 48
Антонин Пий	XIX: 10.12.155–9.12.156	8 февр. 157 г.	60 дней	RMD II. 102/3
Антонин Пий	[--]	13 дек. 157 г.?		CIL XVI. 107
Антонин Пий	[--]	27 дек. 156 г.?		CIL XVI. 112/113
Марк Аврелий/Луций Вер	[--]	16/19 дек. 164–166 г.		CIL XVI. 125
Коммод	XVIII: 10–31.12.192 (убит 31.12.192 г.)	11 авг.	Более 7 месяцев, если это консулы 193 г. – но скорее всего 192 г., в таком случае никакого расхождения нет	<i>Pferdehirt // АКВ. 2002. 32. S. 247 ff.; MacDonald, Pangerl // АКВ. 2003. 33. S. 259 ff.</i> ¹⁰³
Септимий Север	X: 10.12.201–9.12.202	20 дек. 202 г.	11 дней	<i>Pferdehirt // АКВ. 2001. 31. S. 267</i>

¹⁰⁰ Ср. также 227: возможно, что число *tribunicia potestas* ошибочно.

¹⁰¹ Ср. XVI. 177: *trib. pot. III*, те же консулы, но в ноябре.

¹⁰² Информация предоставлена П. Вейссом.

¹⁰³ *Pferdehirt B. Ein neues Militärdiplom für Pannonia inferior vom 11.8.193 n. Chr. // АКВ. 2002. 32. S. 247 ff.* Диплом, который опубликован Д. Макдональдом и А. Пангерлом в АКВ. 2003. 33. S. 259 ff., представляет собой второй экземпляр CIL XVI. 132; Коммод носит титулатуру: *trib. pot. XVIII, imp. VIII, cos. VII*. Если это верно, то в таком случае следовало бы думать о периоде 10–31 декабря, так как Коммод был убит 31 декабря 192 г. Этому, однако, не соответствует дата консулата – 11 августа. Возможно, в *tribunicia potestas* закралась ошибка – XVIII вместо правильного XVII; в таком случае следовало бы предполагать период с 10 декабря 191 г. по 9 декабря 192 г., чему соответствовало бы указание на консульство. Если же указание на трибунские полномочия правильно, то консульство должно было бы приходиться на 193 г. Это возможно, но крайне маловероятно. Скорее всего, в числе допущена ошибка.

Император	<i>Tribunicia potestas</i>	Дата консульства	Расхождение	Документ
Александр Север	intus: III (extr.: III): 10.12.223–9.12.224 (если не 224/225)	7 янв. 225 г.	По крайней мере 29 дней (если там стояло <i>tr. pot. III</i>)	CIL XVI. 142
Александр Север	III: 10.12.224–9.12.225	18 дек. 225 г.	9 дней	<i>Roxan, Stylow // Chiron. 1999. S. 183 ff.</i>
Филипп	III: 10.12.246–9.12.247	28 дек. 247 г.	19 дней	CIL XVI. 152
Филипп	V, <i>cos. Des.</i> III: 10–31.12.247 ¹⁰⁴	7 янв. 248 г.	по крайней мере 8 дней	<i>Weiß // Chiron. 2002. 32. S. 517 ff.</i>
Деций	I: —9.12.249	28 дек. 249 г.	19 дней	CIL XVI. 154 ¹⁰⁵

93/94 г. с расхождением по меньшей мере в 10 месяцев и при Траяне в 116/117 г. – в как минимум 9 месяцев¹⁰⁶. Почти во всех других случаях можно обнаружить, что интервал составляет менее 30 дней, порой это лишь совсем немного дней, только в двух случаях можно констатировать 42 или 60 дней. Но цифра *tribunicia potestas* постоянно оказывается более низкой, чем она должна была быть для указанного дня. Если рассмотреть данные более внимательно, то становится ясно, что точно датированный день в большинстве случаев стоит совсем близко к тому, в который *возобновляется tribunicia potestas*, и число лет обладания ею должно было быть увеличено на один год. При Домициане, когда данный феномен наблюдается в первый раз, – это 13/14 сентября, со времени Нервы постоянно, без какого-либо позднейшего изменения – 9/10 декабря¹⁰⁷. В приведенных дипломах *tribunicia potestas* с ее указанной в каждом случае цифрой, соответствует числу *до* этой смены, а дата консульства с месяцем и днем приходится на время *после* смены. Это происходит настолько регулярно¹⁰⁸ и засвидетельствовано столь многими недвусмысленными примерами с конца I до середины III в., что это не может быть случайностью, но должно быть отражением очень конкретной ситуации.

Если поставить вопрос, что означало это расхождение, то следует прежде всего принять во внимание тот факт, что каждая конституция является правовым документом. Тем самым изменения деталей текста с большой долей вероятности имели юридическое значение¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Таким образом и здесь *tribunicia potestas* уже изменена, но указание на третье консульство показывает, что датировать следует еще 247, а не 248 г.

¹⁰⁵ Существует расхождение между внутренней и внешней стороной. *Intus* стоит *trib. pot. II*, что дает 250 г., однако *extrinsecus* – только *tr. pot.* без числа; там также значатся *consules ordinarii* 249 г. и дата: 28 декабря. Эти данные аналогичны другим приведенным здесь свидетельствам. Текст внутренней стороны нельзя считать решающим, поскольку он в любом случае является лишь более поздним и относится к 250 г., так как указано назначение на третье консульство, чему никак не могут соответствовать консулы 249 г. Возможно, что здесь были соединены друг с другом две различные конституции; ср. в связи с подобным случаем: *Weiß P. Ein Fragment eines außergewöhnlichen Militärdiploms: Severus Alexander und Maximinus Thrax // ZPE. 2001. 134. S. 273 ff.; Pferdehirt. Vier neue Militärdiplome... S. 272 ff.*

¹⁰⁶ Если не учитывать случай 192/193 г., который, однако, скорее всего и не является никаким «случаем».

¹⁰⁷ Новь и вновь выдвигаемые «основания» для перенесения и изменения дат все без исключения являются следствием неправильного истолкования источников, прежде всего данных в военных дипломах; см. *Eck. Zeitpunkt...; ср. также Rémy B. Remarques sur la date de renouvellement de la puissance tribunitienne d'Antonin le Pieux // ZPE. 2003. 142. S. 269 ff.*

¹⁰⁸ Это утверждение проверено на всех дипломах, которые при Домициане датируются сентябрем/октябрем или со времени Нервы/Траяна декабрем или началом января.

¹⁰⁹ Ср. *Visy. Die Entlassung der Auxiliarsoldaten... S. 223 ff.* относительно отдельных распоряжений о сроках службы.

Расхождение во времени отражает различные шаги в процессе предоставления привилегий. Если было оставлено число *tribunicia potestas* императора, которое для дня и месяца, датированных по консулам, уже устарело, но тем не менее не было изменено, хотя это можно было бы сделать очень легко. Все это означает, что в то время, к которому отсылает *tribunicia potestas* с ее конкретной цифрой, произошло решающее с юридической точки зрения событие, чем по логике вещей могло стать только присуждение *civitas Romana* и/или *conubium*. Этот официальный правовой акт имел место до того дня, который устанавливается по дате консульства. Правда, интервал между двумя датами мы можем засвидетельствовать только в указанных случаях; но поскольку во всех них речь идет о совершенно нормальном предоставлении привилегий, в этом следует видеть нормальный процесс, так что мы должны предполагать существование этого временного промежутка, в частности, даже там, где он не засвидетельствован.

После официального правового акта, в котором, несомненно, принимал участие сам император, начинался процесс оформления конституций и дипломов. Дата консульства, вероятно, отмечала конец этого процесса, а именно, день официального выставления конституций, как раз *in muro post templum divi Augusti ad Minervam*, и тем самым их публично документированного вступления в юридическую силу.

В целом этот процесс был довольно кратковременным, однако диплом 151 г. указывает на то, что он мог занять по меньшей мере 42 дня, а диплом 157 г. – даже два месяца, а может быть, и еще больше времени, поскольку при указанной *tribunicia potestas* мы знаем только, когда *самое позднее* последовал императорский правовой акт (а именно, не позже 13 сентября или 9 декабря), однако это не точный срок. Он мог иметь место и за несколько недель до 13 сентября или 9 декабря. Поэтому часто встречающиеся короткие периоды в 3, 4 или 5 дней, естественно, не означают, что интервал был столь коротким и в большинстве других случаев.

Правда, два диплома выпадают из этих рамок, один – времени Домициана, другой – Траяна. В случае с дипломом Домициана, как вообще часто предполагается для описанных феноменов, в действительности могла вкрасться ошибка в число *tribunicia potestas*: XII вместо правильного XIII¹¹⁰; в таком случае этот диплом здесь больше не был бы уместен, так как *tribunicia potestas XIII* этого императора приходится на время с 14 сентября 93 г. по 13 сентября 94 г.; дата консульства 13 июля 94 г. оказалась бы посередине этого периода. Это, конечно же, может быть и не так; и для этого затягивания может иметься особая причина. Решение признать цифру трибунской *potestas* ошибочной могло бы коснуться и Траянова диплома¹¹¹, поскольку если в нем изменить число *tribunicia potestas* с XX на XXI, мы получили бы 117 год (естественно, до смерти Траяна, которая последовала 8 августа). Дата консульства указывает на 8 сентября 117 г. Тогда Траяна уже месяц как не было в живых. Если теперь серьезно отнестись к значению акта дарования привилегий, который, как показано, датировался с помощью *tribunicia potestas*, то легко представить, что Траян перед своей смертью в августе на востоке империи отдал распоряжение о подобном предоставлении прав гражданства. Пока это распоряжение в письменном виде достигло Рима, прошло несколь-

¹¹⁰ CIL XVI. 38.

¹¹¹ CIL XVI. 62.

ко недель¹¹², так что публикация могла состояться там только тогда, когда Траяна уже не было в живых и Адриан уже принял верховную власть. Однако правовой акт был проведен еще Траяном, поэтому и должны были быть сохранены его имя и его титулатура. Имя Адриана, если правильны приведенные соображения, могло совсем не входить в конституцию; в этом не было никакой надобности¹¹³.

Это наблюдение обозначает два важных аспекта в рамках конкретной административной деятельности. С одной стороны, становится особенно ясно, что императоры в каждом случае принимали непосредственное личное участие даже в административной деятельности, носившей крайне рутинный характер, и их распоряжение было необходимым¹¹⁴. Хотя право гражданства предоставлялось каждый год примерно тысяче ветеранов вспомогательных войск, ни одно доверенное лицо императора не действовало при этом просто от его имени; скорее, все эти документы были представлены самому императору, как ни формально это может происходить в некоторых случаях. Он должен был дать распоряжение или, во всяком случае, свое согласие. Этот факт во многом влияет и на то, как мы должны представлять себе развитие событий в императорской администрации, ее быстроту и эффективность. В порядке опыта будет, вероятно, достаточно трех примеров.

21 декабря 69 г. Флавиевы войска захватывают Рим. Однако уже 25 февраля 70 г. публикуется конституция для *beneficarii* из *classis Ravennas*, которые отличились в деле Веспасиана, а 7 марта того же года – для солдат *legio II Adiutrix*¹¹⁵. В то время Веспасиан еще находился в Египте, к тому же из-за зимы сообщение с Египтом по морю было возможным только в исключительных случаях. Тем не менее, если считать верным сделанные здесь выводы относительно участия императора в предоставлении прав гражданства, соответствующий запрос должен был дойти до Веспасиана, несмотря на зимнее время.

Это относится и к Траяну: поскольку от него мы располагаем для 20 февраля 98 г. (т.е. спустя всего три недели после смерти Нервы) уже двумя, если даже не тремя различными конституциями: одной – для войска Паннонии, другой – для войска Нижней Германии, где собственно находился Траян, и, вероятно, еще одной для войска Британии, хотя ее точная дата не сохранилась¹¹⁶. Если исходить из того, что днем публикации конституций в Риме является 20 февраля, то вся документация должна была перейти к Траяну еще до смерти Нервы, потому что едва ли можно представить, что зимой за три недели документы для получения привилегий были доставлены из Паннонии в Герма-

¹¹² Вероятно, это происходило в рамках периода, который можно обычно констатировать при данном феномене.

¹¹³ Если не придерживаться этой версии, но исходить из правильности числа *tribunicia potestas*, то следовало бы предположить, что принципиальное решение двух императоров по не известной нам причине осталось без последствий и было выполнено лишь много позже. Это вполне вероятно. Однако это невозможно доказать, так же как и предположение, что цифру *tribunicia potestas* здесь на самом деле следует изменить на меньшую. В случае с дипломами 192 или 193 г., как кажется, действительно имеет место подобная ошибка в записи. Почему же приказ Коммода должен был быть исполнен в августе 193 г.? В крайнем случае, здесь можно было бы даже сказать, что распоряжение Коммода не было приведено в исполнение из-за следовавших политических и военных беспорядков.

¹¹⁴ Это прямо соответствует тому, как Фергюс Миллар описал деятельность императора.

¹¹⁵ *Roxan // JRA. 1996. 9. S. 247 ff.; CIL XVI. 10. 11; Eck, MacDonald, Pangerl. Neue Militärdiplome... in Italien. S. 195 ff.*

¹¹⁶ *CIL XVI. 42; RMD II. 80, 81; Haalebos, Willems. Op. cit. P. 254 ff.; CIL XVI. 43.*

нию и оттуда в Рим. Однако за эти три недели получившие одобрение конституции должны были быть доставлены из Нижней Германии в Рим и опубликованы там. В противном случае лишь с трудом можно объяснить упоминание Траяна как автора конституции.

Немного больше времени было у Адриана, от которого известна конституция для войск в Мавретании Тингитанской от 28 марта 118 г.¹¹⁷ И он тогда еще находился в Малой Азии или, может быть, уже в дунайских провинциях¹¹⁸. Информация, касающаяся стоящего на повестке дня предоставления привилегий, должна была дойти до него в период между концом августа 117 и началом 118 г., при этом она могла в свою очередь дойти до Рима, чтобы получить там обработку до 28 марта.

Все это позволяет понять, насколько быстро сам этот рутинный процесс и связанные с ним административные документы могли перемещаться в пределах империи. Это вполне можно признать свидетельством административной эффективности.

Но, с другой стороны, расхождение между двумя временными пунктами, которые обнаруживаются в дипломах, позволяет осознать, как много еще делалось в администрации после принципиального распоряжения императора и чем сам император больше совсем не занимался. Правда, это были рутинные процедуры, однако они имели очень важное значение в общем процессе. Очевидно, что пока конституция не была опубликована в Риме, содержавшееся в ней распоряжение не могло вступить в силу. Только с внесением точной даты оформления дипломы становились действительными и отправлялись адресатам. Но все это полностью находилось в компетенции императорской канцелярии и ее персонала. Хотя, как уже подчеркивалось, в настоящее время еще не ясно, кто именно за это отвечал.

Таким образом, если даже в таких рутинных процедурах решающей инстанцией был фактически сам император, это тем более относится к внесению изменений в содержание. Эти изменения, даже если инициатива исходила от кого-то другого, должны были бы отвечать взглядам соответствующего императора; но они могли даже быть инициированы им самим. Дипломы, как кажется, представляют яркий пример этого.

Основанием для предоставления римского гражданства и/или *conubium*, за исключением очень немногих случаев, которые наблюдаются прежде всего во время войны Траяна с даками¹¹⁹, являлось завершение требовавшегося от солдат срока службы, т.е. 25 лет для солдат вспомогательных частей и 26, позднее 28 лет для флота. С самого начала предоставление привилегий осуществлялось широким образом, так как дети ветеранов и их потомство также были включены в число тех, кому предоставлялись права гражданства, во всяком случае, если удостоенный привилегий солдат при этом ставил о них в известность, пока при Антонине Пие в конце 140 г. не произошло радикального из-

¹¹⁷ CIL XVI. 166.

¹¹⁸ Halfmann H. *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im römischen Reich.* Göttingen, 1986. S. 190. Начало конституции не сохранилось, так что нельзя проверить, носил ли Адриан титул *proconsul*, что происходило всегда, когда он находился в провинции. См. Eck W. Suffektkonsuln der Jahre 132–134 und Hadrians Rückkehr nach Rom im Jahr 132 // ZPE. 2003. 143. S. 234 ff.

¹¹⁹ См. прежде всего CIL XVI. 160.

менения¹²⁰. Начиная с этого времени дети солдат вспомогательных войск более не принимались во внимание; лишь в случае с солдатами провинциального флота дело обстояло иначе. Долгое время ученые ломали голову над тем, что же могло быть этому причиной. Вопрос усложнялся еще и тем, что существовали вполне очевидные исключения из этого нового правила, поскольку казалось на основании двух дипломов конца правления Антонина Пия и времени Коммода, что дети *centuriones* и *decuriones*, т.е., командного состава ал и когорт, могут, тем не менее, получить римское гражданство¹²¹. Из этого как будто следует, что вид и объем привилегий якобы зависел от чина получателя, что означало бы также отход от существовавшего до сих пор одинакового отношения ко всему составу вспомогательных войск.

Но три диплома, которые относятся к эпохе Антонина Пия и были вместе опубликованы в ZPE. 2001. 135, вносят ясность¹²². Формула предоставления привилегий детям после реформы 140 г. звучит в ее полном виде следующим образом: *Praeterea praestitit, ut liberi decurionum et centurionum item caligatorum, quos praesidi provinciae ex se procreatos, antequam in castra irent, probavissent, cives Romani essent*. Следовательно, получали привилегии не только дети некоторых более высоких чинов в офицерском корпусе вспомогательных войск, но дети всех солдат, даже *gregales* или *caligati*, если они уже появились на свет до вступления их отцов в войско и об этом был официально заявлено наместнику¹²³. Но все прочие, о которых ставили в известность во время службы, с 140 г. были исключены, даже дети офицеров подразделений. Этот вывод выявляет также причину, побудившую Антонина Пия ввести это резкое разделение в практику предоставления привилегий. Такое сожительство с женщинами идет вразрез с представлением о *disciplina militaris*. Разумеется, Антонин Пий мог и не считать, что он был способен своим мероприятием воспрепятствовать отношениям солдат с женщинами вопреки общей человеческой приро-

¹²⁰ Более чем невероятно предположение, что какой-либо император до Антонина Пия уже установил это правило, которое затем было автоматически перенято при Антонине Пие. Все приведенные для этого основания (ср. обобщающую ссылку: *Pferdehirt. Die Rolle... S. 47 ff.*) неубедительны. Антонину Пию прежняя процедура представлялась злоупотреблением; однако при этом речь шла только об ограничении злоупотребления и о настаивании на строгом исполнении правила. Но это не нуждалось ни в каком масштабном, долго вызревавшем обосновании.

¹²¹ CIL XVI. 132 и AE. 1960. 103 = RMD I. 53; см. об этом из последних публикаций: *Wolff H. Zu den Bürgerrechtsverleihungen an Kinder von Auxiliaren und Legionaren // Chiron. 1974. 4. S. 479 ff. O AE. 1960. 103 = RMD I. 53 см. в данное время Weiß. Ein Konsulnpaar... S. 165 f. O датировке CIL XVI. 132 см. выше, в прим. 103 публикацию Пфердехирт, а также Макдональда и Пангерла.*

¹²² *Eck, Weiß. Die Sonderregelungen... S. 195 ff.; Dušanić. A Diploma... S. 209 ff.; Stiglitz H. Fragment eines Militärdiploms der antoninischen Zeit aus Carnuntum // ZPE. 2001. 135. S. 220 ff. O комплексе в целом см. из последних публикаций также Pferdehirt. Die Rolle... S. 38 ff. С ее общей аргументацией сегодня нельзя согласиться; однако совершенно невероятно, что предоставленные этих привилегий в каждом отдельном случае происходило по решению императора. Активным критерием было рождение ребенка до поступления отца на военную службу. Нет никакой убедительной причины, по которой император должен был действовать здесь по произволу. Статистический «довод» с дипломами из Ретии, приведенный Б. Пфердехирт (*Die Rolle... S. 53*), не может иметь никакого веса при столь ограниченных случаях. Следовало принять во внимание то, что до недавнего времени мы в целом располагали лишь двумя подобными особыми дипломами, но за несколько последних лет появилось еще четыре. В этом в полной мере проявляется случайность сохранности документов.*

¹²³ *Professiones* этого типа известны для Египта. Ср., например, *Corpus Papyrorum Latinorum 148 = FIRA III². № 2; CPL 163 = FIRA III². № 1. O контроле этих professiones ср. также Haensch R. Le rôle des officiales de l'administration provinciale dans le processus de decision // Cahiers Glotz. 2000. 11. P. 259 suiv., особенно 270 suiv.; idem. Das Statthalterarchiv. S. 283 ff. В целом о professiones см. Geraci G. Le dichiarazioni di nascita e di morte a Roma e nelle province // MEFRA. 2001. 113. P. 675 ss.*

де. Однако в его сознании предписание, запрещавшее солдатам жениться во время их службы, вступало в противоречие с тем фактом, что последствия сожительства – дети тем не менее рассматривались как законное потомство и на них распространялись привилегии. То есть предоставление привилегий детям противоречило тому основополагающему принципу, что солдаты должны были оставаться неженатыми. Антонин Пий, который, насколько нам известно, сам никогда не задерживался в провинции с крупным военным подразделением, создал здесь новую ситуацию для немалого числа солдат, как показывает число сыновей и дочерей, указанных в дипломах до 140 г.¹²⁴ Можно предположить, что это распоряжение исходило от него самого, а не было сделано по инициативе кого-либо из его советников или наместника. Как представляется, юридическая рациональность, хотя в реальной действительности она по большей части и не соблюдалась, указывает на Пия как на инициатора¹²⁵.

Как эту реорганизацию приняли те, кого она затрагивала, т.е. солдаты? Очевидно, что прямого отражения их реакции в источниках не имеется. Во всяком случае, выдача дипломов не сократилась, напротив, ни для какого-либо иного правления нам не известно так много дипломов и вместе с этим конституций, как для времени Пия: 81 из 386 дипломов, известных к 1994 г., следует с уверенностью отнести к его времени, т.е. около 21% всех известных. Конституции выпускались с абсолютным постоянством, что продолжалось и при его преемниках.

Однако затем выдача бронзовых дипломов внезапно прекратилась, что несомненно произошло, самое позднее, после смерти Вера, возможно уже со 168 г. С этого момента до 178 г. имеется всего лишь один–единственный диплом¹²⁶. То, что в этом могла бы сыграть роль случайность сохранности документов, исключено, поскольку для периода со 161 до 167 г. их плотность почти сопоставима со временем Пия и, кроме того, дипломы выпускаются вновь со 178 г., пусть и не так интенсивно, как раньше, но сначала очень регулярно. Что могло бы привести в этот период к перерыву в выдаче дипломов? Едва ли можно сомневаться в наличии связи с тогдашней кризисной ситуацией; при этом бросается в глаза временное совпадение: бесперывные войны с прорывающими границу германскими племенами, эпидемии, свирепствующие почти повсюду в империи, нехватка рабочей силы, а также солдат, массовый рост налоговых недоимок – все это известно¹²⁷. Что же привело к прекращению столь долго и регулярно практикуемой выдачи бронзовых дипломов? Играть ли при этом первостепенную роль перечисленные факторы или же дело в чем-то другом? Поскольку дипломы являются следствием предоставления права гражданст-

¹²⁴ См. указатели к CIL XVI и RMD I–III.

¹²⁵ О двух дипломах 192 г., в которых формула появляется в измененном виде, см. прим. 110. То, что в данном случае следует предполагать послабление, т.е. согласие на регистрацию детей, представляется крайне невероятным. В таком случае это ограничение, вероятно, также было бы отменено. Возможно, предписание относительно *professio* до вступления в войско оказалось в конце концов излишним, потому что римские граждане и без того уже были обязаны совершать *professio* для своих детей. При этом можно было бы ожидать, что солдаты, которые хотели приобрести гражданство для своих детей, родившихся до вступления в войско, указывали это при *professio*. То, что такое указание являлось непременным условием, стало окончательно известно со 140 г. Решающее значение имело *professio*, которое, вероятно, не требовалось от солдат вспомогательных войск до 140 г.

¹²⁶ См. выше текст к прим. 35–37.

¹²⁷ Перерыв в выпуске дипломов для этого десятилетия был установлен (*Duncan-Jones R.P. The impact of the Antonine plague // JRA. 1996. 9. P. 108 ff., особенно 124*) и поставлен в связь с массовыми эпидемиями этих лет.

ва и/или *conubium*, то, может быть, предоставление прав гражданства было прекращено или крайне ограничено? Или же, возможно, вообще было существенно меньше солдат, которые полностью отслужили свой срок и, как обычно, подлежали увольнению и тогда могли быть награждены римским гражданством? Ведь поскольку те, кто еще имел право на получение привилегий, были, предположительно, столь немногочисленны, то могло быть выдано совсем немного дипломов, шанс которых дойти до нашего времени был незначителен? Или же привилегии были предоставлены, но увольнение не состоялось, так как требовались все имеющиеся в распоряжении военные силы. Документирование привилегий посредством дипломов могло быть отложено до времени фактического увольнения, как это произошло с солдатами Траяна во время войны с даками¹²⁸. Однако при Марке Аврелии очень много дипломов не было выдано, по той, вероятно, причине, что солдаты за это время погибли.

Все эти возможные объяснения находят прочную опору в источниках. Так, известны массовые потери в войске из-за продолжительных боев и последствий болезни. Кризис рекрутирования принимает такие размеры, что даже гладиаторы брались в войско, непосредственно в его подразделения; в войско принимались так называемые бандиты, а также рабы¹²⁹; кроме того, вербовали германцев с другой стороны границы империи. VII Клавдиев легион в Виминации в 169 г. должен был заполнять огромные бреши, намного превышающие нормальную потребность в пополнении¹³⁰. Это также вело к тому, что увольнение откладывалось¹³¹, если солдаты вообще еще доживали до этого времени и уже раньше не умирали от болезни или не погибали в одной из непрерывных битв. Если увольнение откладывалось, то предоставление привилегий вполне могло иметь место; но документирование посредством диплома еще не следовало с необходимостью; в конце концов однажды объявленная в присутствии войска привилегия получала документирование в списке личного состава. Мы располагаем дипломом 110 г., который показывает, что Траян в 106 г., несомненно, на поле сражения наградил солдат за их отвагу *civitas Romana*; публикация конституции в Риме и документирование посредством диплома последовали только в 110 г.¹³² Подобная процедура была бы возможна и при других обстоятельствах, например, в период военного кризиса 70-х годов II в.

Однако в попытке объяснить почти полное отсутствие дипломов во время между 168 и 177 гг. следует учитывать и то, что дипломы стоили денег и необходимая для этого бронза как раз и была деньгами. И ее для этого не хватало. Непосредственно для 169 г. известен драматический жест Марка Аврелия по продаже государственного имущества, платья, сокровищ дворца¹³³. Большое число дипломов, в том виде, в каком они до того времени выдавались, т.е. все-таки за счет императорской казны¹³⁴, требовали много металла, следовательно, денег, которые были в этой ситуации гораздо более необходимыми для формирования нового войска, для замены потерянного снаряжения¹³⁵.

¹²⁸ Ср. выше, прим. 119.

¹²⁹ См. HA. Vita Marci 21. 6.

¹³⁰ См. об этом Birley A.R. Marcus Aurelius. L., 1987. 2. P. 159 f.

¹³¹ З. Визи (Die Entlassung der Auxiliarsoldaten... S. 236), например, в целом объясняет отсутствие дипломов в это время прекращением увольнений ветеранов.

¹³² CIL XVI. 160.

¹³³ HA. Vita Marci. 17. 4 sq.; 21.9.

¹³⁴ См. выше, прим. 92.

¹³⁵ Таким образом, документы могли бы выдаваться на другом материале, прежде всего на *tabulae ceratae*.

Все это в совокупности может объяснить, почему для этого десятилетнего интервала нам не известен почти ни один диплом. Таким образом, нет необходимости в предположении, что Марк Аврелий якобы распорядился провести принципиальное изменение в политике предоставления привилегий, что почти наверняка оказалось бы немотивированным, если не прямо противоречащим действительности; наверное, нам следует рассматривать приостановление выдачи бронзовых дипломов лишь как прагматическую адаптацию к разного рода обстоятельствам и потребностям. Бронзовые дипломы скорее всего должны были быть на некоторое время заменены документами на другом материале, поскольку свидетели наложения печати, как кажется, продолжали работу, на что указывает непрерывность в их списках. Когда, как казалось, общая ситуация улучшилась, когда Коммод как преемник Марка Аврелия должен был получить заметное место и в публичной, и в военной деятельности, тогда, видимо, сначала вновь вернулись к прежней рутинной выдаче дипломов из бронзы, правда, только на короткое время. Вскоре после этого с середины правления Коммода эти документы, во всяком случае для вспомогательных войск, становятся все малочисленнее и, кажется, исчезают уже за несколько лет до *constitutio Antoniniana*. Последний диплом для вспомогательного подразделения – это диплом 203 г., который был опубликован в 1986 г.¹³⁶ Правда, для других подразделений выдача продолжалась до середины III в.; затем это прекратилось, опять во время драматического кризиса империи, чтобы вновь возобновиться на короткое время при первой и второй тетрархиях. Этот процесс можно сравнить с тем, что мы констатировали для Марка Аврелия¹³⁷.

Почему прекратилась выдача бронзовых документов солдатам вспомогательных частей: просто ли изменились методы документирования или же один из императоров учредил их выдачу исключительно посредством специального постановления, – об этом нет никаких прямых данных. Но так как, в отличие от десятилетия при Марке Аврелии, продолжается выдача бронзовых дипломов италийскому флоту и преторианцам, то маловероятно, что вспомогательные части получали документы на другом материале. Это отождествлялось бы с дисквалификацией. Настоящая причина могла состоять в том, что все больше рекрутов уже обладали римским гражданством. Однако *conubium* имел крайне важное значение для социальной жизни после военной службы. Для преторианцев, солдат флота и *equites singulares* он не только предоставлялся и далее, но и подтверждался посредством дипломов. Если указанные военные части в Италии продолжали испытывать в этом потребность, то это тем более относилось ко вспомогательным частям в провинциях. Если же дипломы больше совсем не выдавались, то, по всей вероятности, речь идет о сознательном решении, основание для которого мы пока не можем указать.

Приведем последнее соображение: дипломы изначально были юридически-ми документами. Наилучшим доказательством этого является их оформление в виде двойного документа. Однако наряду с этим они могли служить еще и другой социальной потребности. Все солдаты знали, что они служили императору. Ему приносили они присягу, от него получали они свое жалование, праздники войска были организованы прежде всего вокруг императорского дома; культовые праздничные дни были широко ориентированы на *domus Augusta*.

¹³⁶ Eck W., Wolff H. Ein Auxiliardiplom aus dem Jahr 203 n. Chr. // Heer und Integrationspolitik... S. 556 ff. = RMD III. 187.

¹³⁷ См. об этом прежде всего Weiß. Ausgewählte neue Militärdiplome. S. 526 ff.

Однако большинство солдат никогда не входили в отношения с самим императором. Это касается не только такого правителя, как Антонин Пий, который никогда не покидал Италии и поэтому никогда не имел прямого контакта с солдатами провинциальных войск; но это относится и к другим императорам в отношении подавляющего большинства солдат. Естественно, существовала форма коммуникации сверху вниз; несомненно, что письма или указы правителя постоянно доводились до сведения войск, прежде всего, когда выплачивались донативы. Но это оставалось сравнительно анонимным и абстрактным, и вряд ли было адресовано отдельным солдатам, разве только в тех немногих случаях, когда император выдавал поощрения и награды отдельным воинам; здесь в игру вступал индивидуальный фактор; возможно, награды даже чаще вручались лично правителем¹³⁸. Однако для массы солдат связь с императором оставалась совершенно неконкретной.

Диплом, однако, был весьма конкретен. Он исходил лично от императора, он был доставлен из Рима. В начале документа стояло имя верховного правителя со всеми его титулами. В нижней же части документа в отдельной строке было указано имя получателя, только его имя; с ним обращались как с личностью, которой верховный правитель предоставил *civitas Romana* и *conubium*. Кроме того, в III в. имя получателя обозначалось особенно большими буквами на внешней, т.е. лицевой, стороне. Этим немедленно доказывалось и наглядно демонстрировалось, что связь с правителем действительно существовала, что император заботился об отдельных солдатах. Большинство солдат принимало этот документ с гордостью, он был драгоценностью, которую показывали многим; это относилось прежде всего к ветеранам, возвращавшимся на свою родину, далеко от их прежнего места сражений, что происходило гораздо чаще, чем считалось до сих пор. Так, по крайней мере, позволяют предположить многочисленные новые находки последних десятилетий, поскольку почти все новые документы поступают из фракийско-нижнемецкой зоны, хотя их владельцы служили во всех частях империи: в Британии, Нижней Германии, Верхней Германии, Реции, Паннонии, Ликии-Памфилии, Киликии, Сирии, Иудее или Нумидии и Мавретании, а также среди преторианцев и в италийском флоте¹³⁹. Если считать, что дипломы из этой зоны, доступные в настоящее время, позволяют составить репрезентативную картину, это означает, что многие тысячи ветеранов, особенно со времени правления Адриана, должны были вернуться в район Восточных Балкан из всех тех провинций, где они служили, и каждый из них нес с собой свой диплом. Спустя короткое время там больше не оставалось ни одного населенного пункта, где в доме не находился бы по крайней мере один такой документ, посредством которого далекий правитель в Риме предоставлял *beneficium* отдельному солдату. Подобный документ не на всех мог произвести то же самое впечатление, но для ветеранов диплом, по всей вероятности, имел большое значение. Ветеран мог использовать диплом для того, чтобы официально подтвердить свой более высокий личный статус, обозначить свое положение благодаря указанию на императора; но из этого также вытекало, что он принадлежал к вышестоящей общине Рима. Интеграционная политика Рима находила в дипломах свое конкретное, повсеместно присутствующее выражение.

¹³⁸ Eck W. *Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // Kaiser, Heer und Gesellschaft. Gedenkschrift für Eric Birley / Hrsg von. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 483 ff.*

¹³⁹ См. данные в статьях П. Вейсса и В. Эка, Д. Макдональда, А. Пангерла (прим. 2).

Приложения

1. Список лет между 54 и 226 годами, для которых засвидетельствовано более одной конституции (не диплома)¹⁴⁰:

Год	Количество		Год	Количество		Год	Количество	
0:	7	2	12:	1	2	46:	1	4
1:	7	4	13:	1	3	48:	1	2
5:	7	3	14:	1	3	50:	1	4
8:	8	или 4	16:	1	3	52:	1	6
0:	8	3	18:	1	6	53:	1	¹⁴² 5
3:	8	2	19:	1	4	54:	1	2
5:	8	4	20:	1	4	55:	1	5
6:	8	2	21:	1	5	57:	1	5
8:	8	4	22:	1	2	58:	1	4
0:	9	2	23:	1	3	59:	1	5
1:	9	2	24:	1	2	60:	1	5
2:	9	2	25:	1	4	61:	1	2
3:	9	2	26:	1	5	63:	1	2
4:	9	2	27:	1	или 6	64:	1	2
6:	9	или 3 ¹⁴¹	29:	1	2	65:	1	3
7:	9	или 4	30:	1	3	66:	1	2
8:	9	3	31:	1	3	67:	1	3
9:	9	3	32:	1	5	78:	1	2
00:	1	2	33:	1	4	79:	1	2
01:	1	2	34:	1	3	86:	1	2
05:	1	5	35:	1	4	92:	2	2
06:	1	2	38:	1	4	02:	2	2
07:	1	2	39:	1	3	06:	2	3
08:	1	2	40:	1	2	12:	2	3
09:	1	3	42:	1	2	21:	2	4
10:	1	3	44:	1	2	25:	2	2
	1	3	45:	1	? 4	26:	2	2
				1	5			

¹⁴⁰ Числа не являются абсолютно точными, так как не существует исчерпывающего обзора всех опубликованных и известных дипломов. К тому же порой не ясно, принадлежат ли два диплома к одной конституции или представляют две различные конституции.

¹⁴¹ Еще один диплом Домициана издан между 14 сентября 95 г. и 13 сентября 96 г.; см. *Eck, Pangerl. Sex. Iulius Frontinus...* Другой диплом Домициана для Верхней Германии относится ко времени между 94 и 96 годами (публикуется Петером Вейссом).

¹⁴² Неопубликованный диплом (я благодарю за информацию А. Пангерла и П. Вейсса).

Дополнительно опубликованы или, во всяком случае, известны приблизительно 200 дипломов, которые не могут быть датированы определенным годом. Так как они наверняка не относятся к годам, для которых уже засвидетельствовано более одной конституции, то уже сейчас следует признать существенно большим число лет, представленных несколькими конституциями.

2. Список лет между 70 и 168 годами, для которых еще не известно ни одного точно датированного диплома:

Год:

77

81?

89

93

95¹⁴³

104

117?¹⁴⁴

136/или

137¹⁴⁵

141

168 ?

THE EMPEROR AS MILITARY LEADER. MILITARY DIPLOMAS AND IMPERIAL GOVERNMENT

W. Eck

Roman military diplomas of the 1st–3rd centuries AD are considered in this paper in their connection with peculiarities of imperial government. Analyzing these documents the author comes to the conclusion that even such routine administrative activity as granting privileges to retiring veterans implied emperor's personal activity. Every diploma was an obvious proof of the link between the emperor and every military man and ensured higher status of its owner and his belonging to the upper community of Rome. In diplomas Roman policy of integration found its graphic expression.

¹⁴³ Возможно, что диплом Домициана (опубликованный: *Eck, Pangerl. Sex. Iulius Frontinus...*) относится к этому году.

¹⁴⁴ Согласно *tribunicia potestas*, дипломы CIL XVI. 62, 63 относятся к 116 г., но консульство в № 62 указывает на 117 г.; см. также выше с. 46 сл.

¹⁴⁵ К одному из этих двух лет относится RMD 160.

Перевод О.П. Смирновой.

© 2004 г.

В. П. Алексеев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ТИРА – НИКОНИЙ – ОЛЬВИЯ – ХЕРСОНЕС)

В очередной раз на страницах «Вестника древней истории»¹ мы информируем читателей о случайных находках любителей древностей и о предметах из частных собраний, в том числе о сугубо тематически сконцентрированных коллекциях в Одессе и близлежащих к ней пунктах, включая город Белгород-Днестровский. Наша задача – дать точную и всестороннюю информацию о древних предметах с привлечением аналогий и кратких комментариев.

ТИРА

I. Женская голова – фрагмент статуи или бюста (рис. 1). Высота – 11.5 см, высота лица – 9 см, ширина – 12.5 см, ширина боковой стороны – 12 см. Мрамор белого цвета. У изображенной на портрете женщины низкий лоб, широко расставленные миндалевидные глаза (зрачки не моделированы), короткий нос, кончик которого слегка сглажен, довольно большие ноздри, плотно сжатый рот, небольшой, но волевой округлый подбородок, широкие, заметно выступающие скулы и несколько запавшие щеки. Особо выделяется пышная прическа, пряди которой уложены крупными фестонами, длинными «волнами» опоясывающими всю голову. Четко обозначен пробор. Волосы переданы не пластическим средством (с помощью бурава), а графически – короткими имитирующими их насечками. Исходя из этих признаков можно сказать, что тип лица не эллинский, а скорее присущ этническому типу местных жителей, вобравших некоторые черты окружавших античные полисы варварских племен. Сведения о находке головы среди груды наваленных камней, находящейся вблизи раскопанных недавно остатков храма (или общественного здания – множество фрагментов колонн, целые их базы) указывают на то, что изображение этой головы принадлежало не простой жительнице Тире, а какому-то официальному и высокопоставленному лицу. Продвигаясь в своих рассуждениях по этому пути в поисках аналогии, мы приходим к выводу, что по ряду признаков публикуемая мраморная женская голова ближе всего скульптур-

¹ Алексеев В.П. Памятники древних культур из Днестро-Дунайского региона // ВДИ. 2001. № 4. С. 66–76; *он же*. Памятники античной и скифской культуры из Тире и Никония // ВДИ. 2002. № 2. С. 57–66.

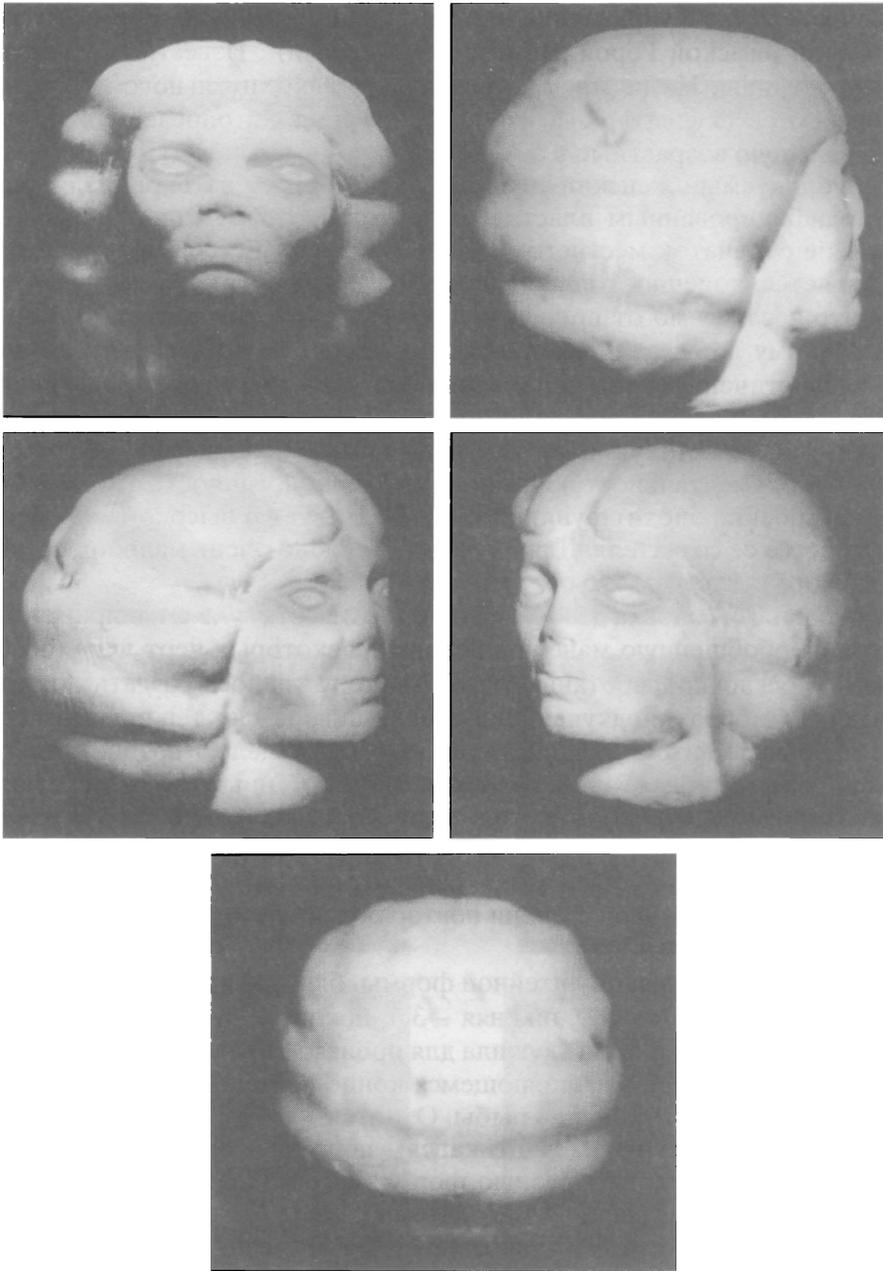

Рис. 1. Мраморная женская голова из Тира

ному изображению Юлии Домны, второй жены римского императора Септимия Севера².

В связи с возрастанием роли женщины в руководстве государством женский портрет получил широкое распространение в первой четверти III в. н.э. Юлия Домна, отличавшаяся властным характером и гибким умом, принима-

² См. Соколов Г.И. Римский скульптурный портрет III века. М., 1983. № 94.

ла активное участие в управлении империей. На Востоке ее даже обожествляли (называли римской Герой, Деметрой и Гестией)³. Известно 25 портретов этой императрицы. На протяжении сравнительно длительного правления со своим мужем ее скульптурные изображения прошли определенную эволюцию, отразившую возрастные и стилистические изменения⁴. Поэтому возможно, что публикуемый женский скульптурный портрет из Тиры является еще одним модифицированным пластическим воплощением Юлии Домны, несущим на себе отпечаток местного этнического типа. Естественно, наше допущение является, конечно, только гипотетическим. Однако все же следует отметить, что независимо от принадлежности данного скульптурного портрета тому или иному лицу, нельзя не согласиться с тем, что это изображение не только реалистично и точно передает индивидуальные особенности внешности, но отражает сложный внутренний мир, волевой и властный характер женщины, жившей в жестокую и противоречивую эпоху. Присутствие в портрете первичной (документальность) и вторичной (психологичность и тонус общественных настроений эпохи) функций свидетельствует о высоком художественном мастерстве ее создателя. Для Тиры, где найдено очень мало произведений пластического искусства, это особенно важно.

II. Терракотовая головка девочки (рис. 2, 1). Высота – 7.5 см, ширина – 5.5 см. Несмотря на обобщенную манеру в передаче некоторых черт лица (особенно небрежно и бегло проработаны глаза), мастеру удалось создать достаточно выразительный образ, подкупающий своей наивностью, теплотой радостных чувств, прорывающихся через легкую улыбку, и целомудренной чистотой. Этим она близка терракотовым головкам детей из Тиры⁵. Публикуемую головку ориентировочно можно отнести к эллинистическому времени. Из-за невысокого технологического мастерства ее скорее можно считать местной, а не привозной продукцией. К III в. до н.э. относят местные терракотовые статуэтки, которые в значительной степени повторяют продукцию из других эллинистических центров⁶.

III. Створка керамической литейной формы, близкой трапеции (рис. 2, 2). Ее стороны (в см): верхняя – 2.9, нижняя – 3.4, боковые: левая – 4, правая – 4.2. Толщина – 0.9. Данная форма служила для производства ювелирного изделия – подвески или серьги. На расширяющемся конце помещенного внутри изображения имеется голова птицы или рыбы. Отлитая в этой форме подвеска аналогична подвеске IV в. до н.э. из Пантикапея – последняя представляет собой золотую разомкнутую, петлеобразную форму, на расширяющемся конце которой находится львиная голова⁷.

IV. Свинцовая гирька почти квадратной формы (рис. 2, 3). На двух ее сторонах прорезаны пять кружков – по одному на несколько оттянутых углах и в центре. Размеры гирьки 2.5 × 2.4 × 0.5 см, вес – 27, 2 г. Ее, по-видимому, следует отнести к эвбейско-аттической весовой системе. Одна ее драхма составляла

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. Ср. скульптурные портреты Юлии Домны: № 92–97.

⁵ См. Клейман И.Б. Статуэтки из Тиры // САИ. 1970. Г1-11. Табл. 3, 3 (девочка, IV–III вв. до н.э.); 4 (мальчик, II в. до н.э.).

⁶ Там же. С. 25. Табл. 3, 6–8.

⁷ См. Галанина Л., Грач Н., Торнеус М. Ювелирные изделия в Эрмитаже. Л., 1967. Рис. 22. См. такой же формы золотую серьгу из Нимфея – Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. 69. С. 91. Рис. 50, 2: III в. до н.э.

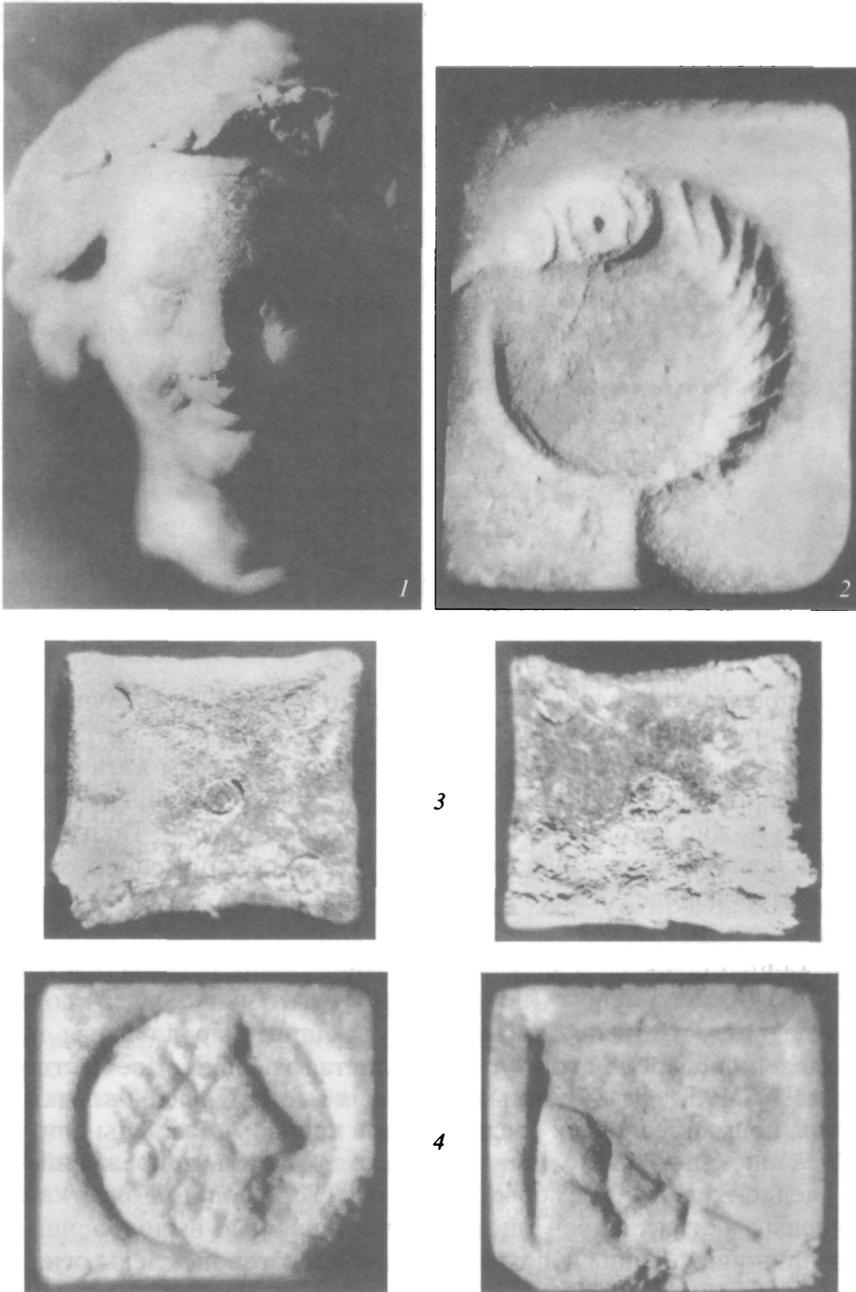

Рис. 2. 1 – терракотовая головка девочки; 2 – терракотовая створка литейной формы; 3 – свинцовая гиря из Тира; 4 – мраморная печать из Никония

4.25–4.37 г⁸. Поэтому вес нашей гирьки примерно соответствовал шести аттическим драхам (25.5 или 26.22 г). Но более близкий вес дают расчеты на основе веса облегченной эвбейско-аттической мины – 390 г (или 409 г), при ко-

⁸ Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 18.

Рис. 3. Мраморный рельеф из Тирь

торой одна драхма составляла 3.9 г (или около 4 г)⁹. В этом случае вес представленной гири приближается к весам семи таких драхм – 27.3 г. Так как эвбейско-аттическая весовая система с пониженным весом аттической мины получила распространение во II в. до н.э. и в первые века нашей эры¹⁰, публикуемую гирю можно датировать этим же периодом времени. Таким образом, к настоящему времени кроме шести гирь из Тирь, обнаруженных за все годы раскопок в этом городе¹¹, стало известно еще о пяти¹², т.е. их количество теперь увеличилось до 11 экз.

V. Мраморный рельеф из двух фрагментов – линия разлома идет почти по диагонали от нижнего левого (немного отступя от него вправо) до верхнего правого угла (рис. 3). В нижнем правом углу трещина, параллельная линии разлома, на тыльной стороне этого угла извилистая трещина. Две части рельефа найдены в 1946–1950 годах отдельно в разных местах древней кладки какого-то строения, примыкающего к средневековой крепости. Размеры плиты (в см): длина – 29.9, ширина – 20.2, толщина – 2, высота рельефа изображений – 2–3 мм. Мрамор бледно-желтый (кремовый) с белыми сверкающими блестками. Светло-коричневый фон испещрен множеством специально выдолбленных углублений, различной величины и формы. На тыльной стороне следы огня, некоторые участки закопчены.

Рельеф представляет греческого бородатого воина на коне, в доспехах, в коринфском шлеме, поножиях, плаще и с мечом (ксифосом) в правой руке, который попирает поверженного и обнаженного до пояса врага в шлеме. Он,

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же.

¹¹ Клейман И.Б. К изучению весовой метрологии Тирь // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. Киев, 1989. С. 23.

¹² О четырех гирях см. Алексеев. Памятники древних культур ... С. 71 сл. № 3–5; он же. Памятники античной и скифской культур ... С. 59. № 5.

с трудом опираясь на полусогнутую левую руку, умирает возле ступеней храма или какого-то общественного здания, символом которого выступает дорическая колонна с правой стороны рельефа. Изображение не поддается однозначной трактовке, но общий смысл ясен, так как подкрепляется аналогиями. Ближайшей является знаменитая мраморная стела Дексилея из некрополя Керамик в Афинах, датируемая 394 г. до н.э.¹³ Прообразом для него, по мнению М. Алпатова, послужил рельеф «Всадник, попирающий врага», созданный в 420 г. до н.э. О живучести этого сюжета, хотя и трансформированного, свидетельствует образ Георгия Победоносца в византийском искусстве¹⁴. Публикуемый рельеф можно предположительно отнести к эллинистической или римской эпохе. В античной нумизматике подобные сюжеты имелись на реверсах тетрадрахм пеонского царя Патрея (335–315 гг. до н.э.)¹⁵ и медных монет римского императора Траяна¹⁶. Аналогичные рельефы получили наибольшее распространение в первые века нашей эры на Боспоре, в Ольвии и в городах Западного Понта¹⁷. Некоторые исследователи полагают, что со всадником у греков могло быть связано представление о герое. И если в архаическую и классическую эпохи героизировали в основном знатных лиц, то в эллинистическую героизировать простых умерших стало уже повсеместной традицией¹⁸. Публикуемый рельеф, возможно, свидетельствует о том, что умерший гражданин погиб как воин-герой¹⁹. Так как у греков герои ассоциировались с хтоническими божествами (с их культами связывают изображения коней – Плутон, по словам Гомера, был «славный конями»)²⁰, вполне допустимо, что присутствие на нашем рельефе героя-всадника вблизи храма, который символизирован колонной, может свидетельствовать об обожествлении умершего воина. В Тире пока не обнаружено ни одного храма, святилища и общественного сооружения, отсутствуют даже сведения об их существовании²¹, хотя их функционирование там предполагается. Ведь в некоторых фрагментах строительных надписей имеются смутные указания на строительство храмов, в ходе раскопок найдена нижняя деталь колонны, а в 2000 г. открыты остатки колоннады²². В свете этого можно предположить, что публикуемый рельеф, возможно, являлся вотивным²³ и содержал косвенное свидетельство о существовании в Тире храма. Ведь на мраморной плитке изображена дорическая колонна, к которой ведут три ступени. Поскольку ближайшим к Северо-Западному При-

¹³ См. Алпатов М. Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987. Рис. 200.

¹⁴ Там же. С. 138.

¹⁵ См. Герасимов Т. Античные и средневековые монеты в България. София, 1975. С. 73. № 57 и на реверсах фракийских подражаний монетам этого царя (II в. до н.э.); С. 74. № 58. С. 75. № 59; Юркова И. 24 монеты и печати от България. София, 1978. № 9, 96.

¹⁶ См. Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969. Табл. XXXII, 5.

¹⁷ Фурманская А.М. Памятники скульптуры из Тире // КСИА. 1960. 10. С. 81.

¹⁸ Кругликова И.Т. Мраморный рельеф из Анапы // СА. 1962. № 1. С. 288.

¹⁹ В качестве аналогии ср. изображение головы лошади и предметов воинского снаряжения на херсонесском рельефе IV в. до н.э. (Борисова В.В. Мраморный рельеф // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 14. Рис. 1. С. 16, 18).

²⁰ Кругликова. Ук. соч. С. 287.

²¹ Сон Н.А. Греческие культы Тире первых веков нашей эры // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 125; она же. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 107.

²² Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 53. Рис. 16. № 3. С. 116; Самойлова Т.Л., Кожокару В. Новые данные о культах и культовых античных постройках в Тире // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 109–113.

²³ Правда, иногда рельефы устанавливались рядом с домашним очагом (Сон. Тира римского времени. С. 124).

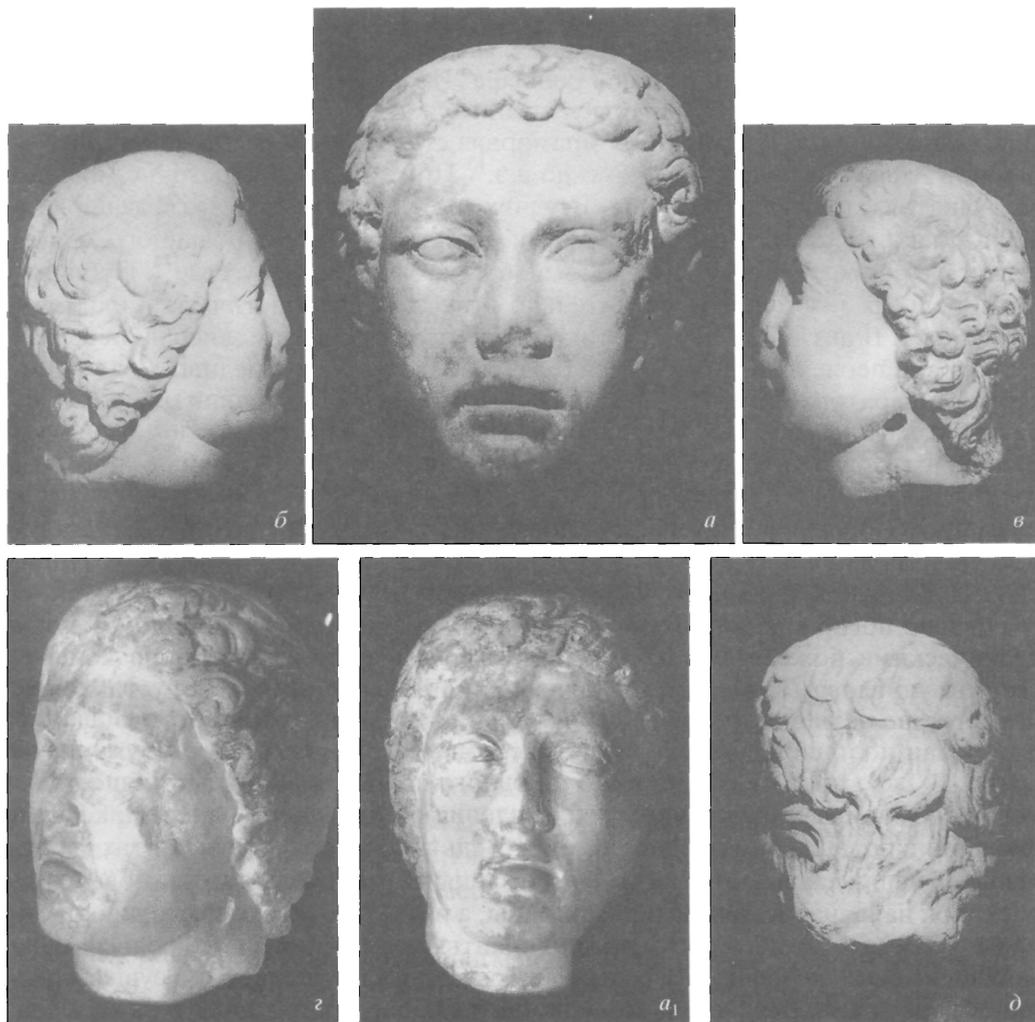

Рис. 4. Мраморная голова юноши (анфас и в профиль) из Тире – а, б, в. В других ракурсах и при ином освещении – а₁, г, д

черноморью месторождением мрамора была Фракия²⁴, не исключено, что публикуемый тираский рельеф изготовлен из фракийского мрамора, как, возможно, и описываемый ниже фрагмент скульптуры.

VI. Голова юноши (рис. 4). Мрамор бело-серого цвета. Отбит кончик носа, часть левой щеки выщерблена. Размеры (в см): высота – 22, ширина – 17, боковая сторона – 18. Размеры деталей лица: лоб – 4.3, его ширина – 9.5, длина носа – 5, ширина переносицы – 1.4, нижней части носа – 3, рот – 4.5, расстояние между приоткрытыми губами в центре рта – 0.5, глаза – длина 3.5, величина глазного яблока правого глаза – 1, левого – 0.9; теменной части – 18 × 15.5, шеи – 13 × 10.3. Окружность головы – 62 см. Внизу шеи круглое углубление диаметром 2 см, сбоку от левой стороны шеи почти такое же отверстие диаметром 1.6 см. Подобные памятники, как и рельефы из Тире, – явление

²⁴ Фурманская. Памятники скульптуры из Тире. С. 80.

чрезвычайное²⁵. Для полноты наших представлений о данном памятнике необходимо дать самые важные его ракурсы. Интересно, что каждое из положений юношеской головы при различном освещении приобретает новую художественную выразительность: внутреннюю решительную сосредоточенность, готовность к волевым и смелым действиям (рис. 4 б, в), и застывшую на лице затуманенную грезами отрешенность (рис. 4 а), оборванную на полуслове мольбу (рис. 4 з), спокойствие, полное гордого достоинства с легким оттенком превосходства победителя (рис. 4 а). Такая многоплановость чувств и состояний, выраженная в этом вдохновенном юношеском лице, выдает в его создателе руку большого мастера.

Ближайшей аналогией публикуемому фрагменту скульптуры является голова юноши первой половины I в. н.э. из собрания Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Ее считают копией с оригинала первой половины IV в. до н.э.²⁶ С тираской головой ее сближают удлинённый овал лица, вьющиеся (волнистые), плотно уложенные («шапкой») пряди волос, полуоткрытые губы, задумчивое выражение лица. Эти признаки, как полагают, родственны аттическим надгробиям первой половины IV в. до н.э.²⁷, поэтому, возможно, данная мраморная голова – также копия с греческого оригинала, аналогичная указанным надгробиям. Однако все искусствоведческие вопросы и проблемы, связанные с датировкой публикуемого фрагмента мраморного изваяния, должны решать специалисты по античной скульптуре. Ведь представленный здесь фрагмент – не ремесленное изделие или бесталанное подражание заурядного ваятеля, а вдохновенное произведение выдающегося художника. Для истории и культуры Тире это особенно важно.

VII. Статуэтка Деметры (рис. 5, 1). Кость светло-коричневого цвета. Стоящая фигура Деметры в калафе и длинном одеянии, полностью скрывающем ноги, лицо круглое и полное, глаза миндалевидные, нос длинный, на губах легкая улыбка, обе руки тесно прижаты к телу, в согнутой в локте левой руке пучок пшеничных колосьев, а правая рука опущена вдоль тела. На тыльной стороне статуэтки желоб, идущий сверху до самого низа, и два круглых углубления (по-видимому, для штырей, на которые подвешивалась фигурка). Высота – 6,3 см, ширина – 1,7 см (рис. 5, 1 а, б). Культ Деметры в Тире был широко распространен и занимал особое место²⁸. На основании найденной головы большой статуи Деметры предполагают, что в Тире существовал храм этой богини²⁹. Ряд изделий из кости и рога (статуэтка женщины, иглы, кружки, множество костей животных, подвергшихся обработке различными инструментами) дал право полагать, что в городе находилась косторезная мастерская³⁰. Наиболее близкие аналогии публикуемой статуэтке: костяная женская фигурка из Ольвии, которая в правой опущенной руке держит венок, а в согнутой, немного поднятой левой руке, – неясный предмет; терракотовая статуэтка Кору в калафе и с венком в руке из Пантикапея, почти точно повторяющая компози-

²⁵ См. сведения о малочисленности мраморной скульптуры и рельефов из Тире: *Фурманская. Памятники скульптуры из Тире. С. 80; Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 62. Рис. 22. С. 79. Рис. 27. С. 115. Рис. 37; Сон. Тира римского времени. С. 122.*

²⁶ Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1987. № 28.

²⁷ Там же.

²⁸ *Зограф А.Н. Монеты Тире. М., 1957. С. 44. Табл. I, 1–10; Фурманская А.И. Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 44.*

²⁹ *Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. Киев, 1988. С. 78.*

³⁰ Там же. С. 15. Рис. 16, 5–7.

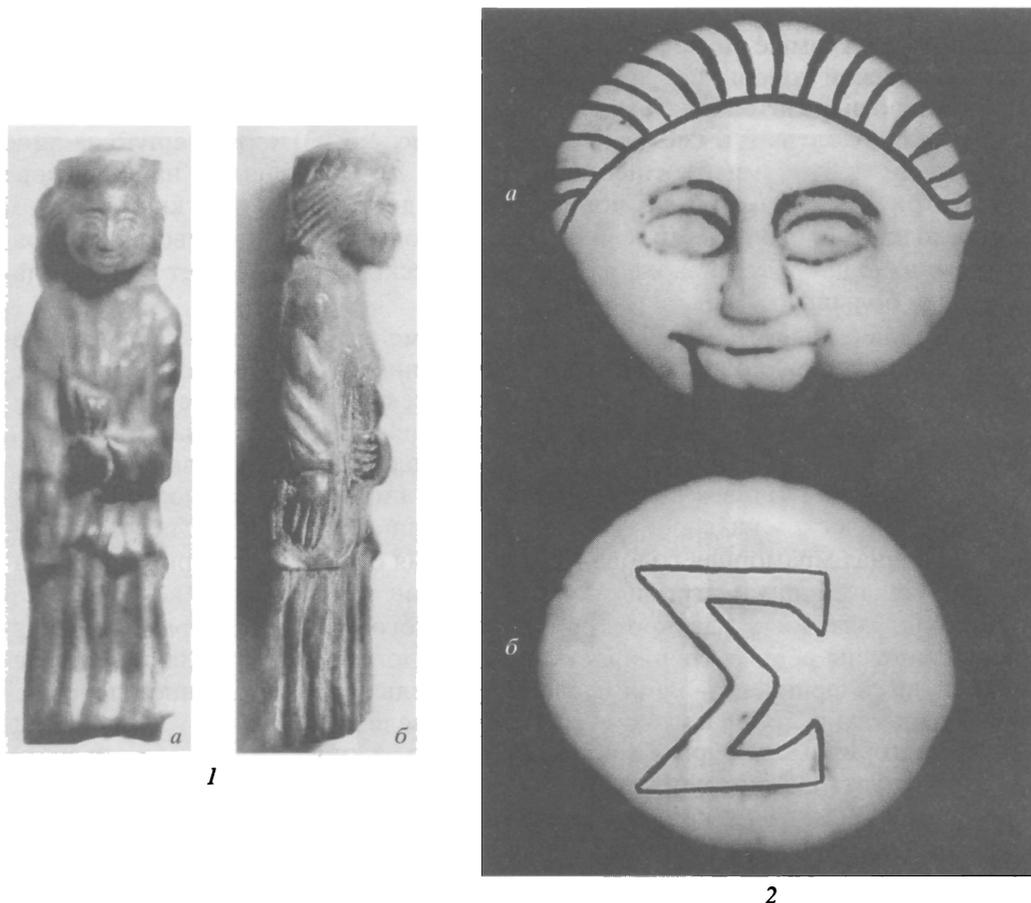

Рис. 5. Костяные изделия из Тира: 1 – статуэтка Деметры; 2 – амулет с Горгоной

цию публикуемой фигурки Деметры³¹. Ольвийскую костяную и пантикапейскую терракотовую статуэтки относят к VI в. до н.э. по ряду признаков, типичных для ранней и зрелой архаики, – неподвижность позы, неотделенность рук от туловища, преобладание вертикальных линий над горизонтальными и косыми³². Однако М.А. Наливкина не исключает того, что ольвийская статуэтка изготовлена в IV в. или даже в начале III в. до н.э.³³ Поэтому, думается, и публикуемую фигурку Деметры, обладающую такими же художественными признаками, можно датировать эллинистическим временем и видеть в ней изделие, выполненное в архаистическом стиле³⁴.

VIII. Амулет круглой формы (рис. 5, 2 а, б). Кость белого цвета. На лицевой стороне голова Медузы Горгоны анфас с высунутым языком и уложенными во множество фестонов прядями волос, на оборотной – большая буква Σ (сигма).

³¹ См. Наливкина М.А. Костяная фигурка из Ольвии // КСИА. 1961. 83. С. 143. Рис. 57, 1; Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки (Пантикапей). САИ. 1974. Вып. Г1-11. С. 7. Табл. 3, 1.

³² Наливкина. Ук. соч. С. 144; Силантьева. Ук. соч. С. 7.

³³ Наливкина. Ук. соч. С. 145.

³⁴ Подробно об этом художественном стиле см. Кобылина М.М. Роль традиции в греческом искусстве // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 23–31.

Диаметр – 1.9 см. Близкой аналогии найти не удалось, но голова Горгоны почти тождественна таковой на костяной односторонней тессере с о-ва Змеиный³⁵. Поскольку образ Горгоны в греческом мире обладал защитными, апотропеическими функциями, его присутствие на данном амулете естественно. Гораздо труднее однозначно определить смысловое значение *сигмы* на оборотной его стороне. Учитывая назначение этого изделия, можно предположить, что сигма – это первая буква слов σωτήριος «спасающий, охраняющий» или σωτήρια – «спасение, сохранение», или начальная буква эпиклезы какого-либо божества – ΣΩΤΗΡ (Спаситель). Такие эпиклезы в греческой религии имели Зевс, Афина, Асклепий и др. На протяжении всей истории Тире Афина занимала одно из главных мест в пантеоне города, а в II–III вв. н.э. даже возглавляла его. Культ Зевса в Тире не засвидетельствован³⁶, так что указанный выше эпитет следует отнести к Афине и понимать его как ΣΩΤΕΙΡΑ «Спасительница». Ведь Афина во многих греческих городах выступала прежде всего как защитница, а Горгона являлась ее символом, изображалась на ее щите и эгиде и также обладала магической защитной силой³⁷. Посвятительные граффити из Тире свидетельствуют о почитании неизвестного бога, который упомянут под именем «Спаситель»³⁸.

Но, может быть, все обстоит гораздо проще. Амулеты в древней Греции часто имели связь с медицинской магией, служили филактерием от болезней и недугов. Ведь по логике магии страшное и неприятное отворачивается страшным. Поэтому *сигма* могла являться первой буквой слов, означающих какую-либо болезнь, которую отпугивала голова Горгоны на лицевой стороне амулета³⁹. На возможность такой трактовки указывает один из подобных амулетов, на лицевой стороне которого изображен Геракл, борющийся с Немейским львом, а на оборотной – три буквы «К». Смысловое значение этих букв некоторые специалисты понимают как предназначенность защищать человека от колик⁴⁰.

Палеографические признаки начертания *сигмы* на публикуемом амулете наиболее близки графической ее транскрипции в лапидарном письме Боспора I в. н.э.⁴¹ Поэтому данный костяной амулет можно датировать этим же временем или первыми веками нашей эры⁴².

С.П

— 37 —

³⁵ См. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 48. Рис. 18, 4.

³⁶ Сон. Греческие культы Тире... С. 127 сл., 135; она же. Тира римского времени. С. 108.

³⁷ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 92, 94, 96.

³⁸ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 61 сл. со ссылкой на Г. Авакяна.

³⁹ Подобное явление свойственно змеевикам-оберегам в разных странах и у разных народов. Эти амулеты были призваны предохранять от всех болезней и бедствий. В частности, русские змеевики-обереги, обычно круглой формы, имели на лицевых сторонах изображения драконов, чудовищ, а также и Горгон (см. Тарасонов В.М. Символы медицины как отражение врачевания древних народов. М., 1985. С. 49, 51).

⁴⁰ См. Неверов О.Я. Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР // ВДИ. 1979. № 1. С. 97. Табл. IV. 37.

⁴¹ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 10. Табл. III, 4.

⁴² Ср. характер начертания *сигмы* на представленном амулете с аналогичной ее трактовкой на обломке мраморной плиты из Тире II в. н.э. (Карышковский П.О. Новые тираские надписи // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С. 80. Рис. 2, 3-я строка снизу).

IX. Мраморная печать почти квадратной формы $1.8 \times 1.7 \times 0.8$ см (рис 2, 4). На лицевой стороне во вдавленном круге рельефная мужская голова с короткой бородой вправо. На оборотной – во вдавленном четырехугольнике в нижнем левом углу рельефно изображена ветка с листьями. На гранях вертикальных сторон имеются по одному круглому углублению, по-видимому, для крепления подвижной дужки. На лицевой стороне отбит небольшой кусочек нижнего правого угла, на оборотной – часть левого нижнего, а в правом нижнем углу сбит тонкий слой поверхности. Близких аналогий найти не удалось. Вещь с печатью в древнем мире демонстрировала право владения имуществом и охрану его законом. Нередко это выражалось в изображении на печати различных божеств, а их использование было связано с образованием классового общества и государства⁴³. Бородатую голову на публикуемой печати можно трактовать как изображение Зевса. На это косвенно указывает ветка с листьями на оборотной стороне, которая понимается нами как стилизация ветки дуба. Зевс, как известно, являлся покровителем этого дерева, он же олицетворял начало государственности и порядка, даровал законы людям, как символ всего сущего⁴⁴. В Никонии найдено множество граффити, посвященных Зевсу⁴⁵. Одно из них свидетельствует о существовании там его храма⁴⁶. Граждане этого полиса особенно почитали Зевса-Базилевса⁴⁷. Нельзя исключать, что на лицевой стороне печати помещено изображение скифского царя, возможно Скила. Ведь по словам человека, нашедшего данную печать, она была обнаружена в предполагаемом захоронении этого царя или в непосредственной близости от него⁴⁸.

X. Фрагменты надписи на мраморной плите (рис. 6, 1 а–в): фрагмент «а» – верхняя строка – ПΑΡΘ, нижняя строка – ΓΙΣΠ, размер 3.9 см; фрагмент «б» – верхняя строка – ΕΝΩΗ, нижняя строка – ΥΝΚ[...], размер 3.5 см; фрагмент «в» – верхняя строка – ΔΟ, средняя – ΔΑΥ, нижняя – ΥΑΙ, размер 3.7 см. Величина букв колеблется в пределах 0.7–1.1 см.

Палеографические признаки *пи*, *альфы*, *ро* и *эпсилон* соответствуют формам букв в лапидарных надписях Ольвии, V–IV вв. до н.э., а *сигмы* и *ню* – V в. до н.э. Поэтому данные эпиграфические фрагменты можно датировать V в. до н.э. Следует отметить своеобразное начертание *омеги* – посреди ее петли помещена точка. Такой вариант ее написания зафиксирован в именах ΚΛΕΟΦΩΝ и ΠΩΣΤΙΔΩΝ⁴⁹ на гранях предмета из Никония, предположительно опреде-

⁴³ Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 251 сл., 261.

⁴⁴ Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 465; Лосев А.Ф. Проблемы символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 206; он же. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 153 сл.

⁴⁵ Головки И.Д. Граффити Роксоланского городища // КСОГАМ за 1960 г. Одесса, 1961. С. 81–84; он же. Эпиграфические находки // МАСП. 1966. № 5. С. 78. № 1–8. С. 79; Мальцев М.М. Посвятительные граффити Никония // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев – Одесса, 1976. С. 178 сл.

⁴⁶ Секерская Н.М., Секерский П.М. Граффити с посвящением Зевсу из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 46 сл.

⁴⁷ Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989. С. 110.

⁴⁸ О том, что после убийства Скила его братом Октамасадом тело царя-эллинофила, вероятно, было захоронено в Никонии, косвенно свидетельствует найденное на его территории навершие с изображением главного божества скифского пантеона Папая. Аналог этому навершию, которое хранится в частной коллекции, известен: Мозолевский Б.М. Скифский степ. Київ, 1983. С. 192. № 15 (навершие с фигурой Папая из урочища Лыса Гора в Днепропетровской области).

⁴⁹ Алексеев. Памятники древних культур... С. 72. Табл. III, I, z, d.

Рис. 6. Памятники из Никония: 1 а, б – мраморные фрагменты лапидарной надписи; 2 – бронзовая головка воина; 3 – фрагмент терракотовой статуэтки; 4 а, б, в – граффити

ленного как разновидность домашнего алтарика. Это всего лишь второй документ лапидарного письма из Никония⁵⁰.

XI. Бронзовая головка безбородого воина в шлеме с небрежно проработанными деталями лица. Вероятно, часть статуэтки (рис. 6, 2). Высота – 2.1 м, ширина – 1.4 см. Это первое изображение человеческого лица выполненное в бронзе, которое обнаружено в Никонии. До этого там находили изделия из бронзы и меди в виде обломков предметов хозяйственного назначения (кувшинов, ручек сосудов, стержней и т.п.), украшений (браслетов, зеркал, перстней) и фрагмент гривны IV в. до н.э.⁵¹ Публикуемый предмет можно датировать эллинистическим временем.

XII. Терракотовая статуэтка в калафе (рис. 6, 3). Руки и ноги, которые подвешивались к туловищу, утрачены, черты лица и окаймляющие его верхнюю часть волосы четко моделированы, торс обнажен, груди едва намечены. Высота – 8.2 см. Публикуемая статуэтка-игрушка (нередко называемая «куклой») близка найденной в Ольвии⁵². Подобные статуэтки, а чаще их фрагменты встречаются в античных городах Северного Причерноморья. Их считают продукцией Коринфа и датируют V в. до н.э.⁵³ В Никонии найдены пока лишь отдельные части этих игрушек (нога, торс)⁵⁴ и статуэтка в стефане⁵⁵.

XIII. Граффити (рис. 6, 4 а–в): на внешней стороне доньшка чернолакового сосуда почти по форме окружности нанесено – АΦΡΟΔΙΤΗΣ. Это посвященное граффито богине Афродите, культ которой в Никонии был одним из главных⁵⁶; б) на сильно поврежденном времени фрагменте чернолакового сосуда личное имя ее владельца – ΕΡΤΥΧΗΣ, т.е. Ертихий; в) на внешней стороне доньшка блюдца – ΙΠΠΑ. Это может быть сокращением личных имен типа Гиппон, Гиппократ, Гиппоник и т.п.

На внешней стороне венчика чернолакового сосуда граффито в три строки:

ΗΡΑΚΛΕΙΔΑΣ : Τ [...]	1
ΠΕΡΙΧΟΡΟΠΟΤ [...]	2
ΑΠΕΡΠΝΙΚΑΔ [ΑΔ?ΑΛ?] ⁵⁷	3 (рис. 7, 3 а)

Гераклид – имя собственное, приведенное на дорическом диалекте; Т... можно дополнить, исходя из предлагаемого нами ниже перевода других слов граффити: Т[ΑΧΟΣ] – «быстро», Т[ΕΡΠΩ] – «доставь удовольствие», Т[Η] –

⁵⁰ Он же. Памятники античной и скифской культур... С. 64 сл. Табл. II, 10.

⁵¹ Секерская. Ук. соч. С. 67; Кокоржицкая Т.Н. Фрагмент бронзовой гривны из Никония // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 50.

⁵² См. Терракоты Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-11. 1970. Ч. I. Табл. 29, 3.

⁵³ Скуднава В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии // Там же. С. 51. № 25.

⁵⁴ Клейман И.Б. Терракоты // МАСП. 1966. 5. С. 91. Рис. 1, 8. С. 95.9 (Роксоланское городище); он же. Новые находки терракот в Никонии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 119. С. 120. Рис. 2.

⁵⁵ Алексеев. Памятники древних культур... С. 74. Табл. IV, 1.

⁵⁶ Секерская. Ук. соч. С. 106, 110; Клейман. Терракоты. С. 100.

⁵⁷ Строка 3 граффито прочитана автором статьи, по нашему мнению, совершенно неверно. Здесь отчетливо стоят следующие буквы: ΑΠΡΟΤΙΝΙΚΩΝ [κ]αί προτί Νικῶν[ε]ον, т.е. «...и к Никонию». А всю надпись целиком следует понимать так: 'Ηρακλείδας: Τ[ύρας?] περιχόρο(υ) ποτ[ι... κ]αί προτί Νικῶν[ε]ον..., т.е. «Гераклид: Т[ира?]... и] окрестности (περιχόρο(υ) с характерной заменой ω > ο) со стороны [...] и к Никонию [...]». Речь могла идти о каком-то плавании, объезде местности с торговыми целями, а автор текста, очевидно, сам Гераклид или его компаньон, судя по имени, дорийскому диалекту и оборотом с προτί и ποτί, являлся торговцем из Византия, Каллатиса, Месембрии, Гераклеи Понтийской или Херсонеса Таврического. Несмотря на это, мы сочли возможным оставить трактовку граффито так, как предлагает автор, хотя согласиться с нею категорически не можем. – Примечание С.Ю. Сапрыкина.

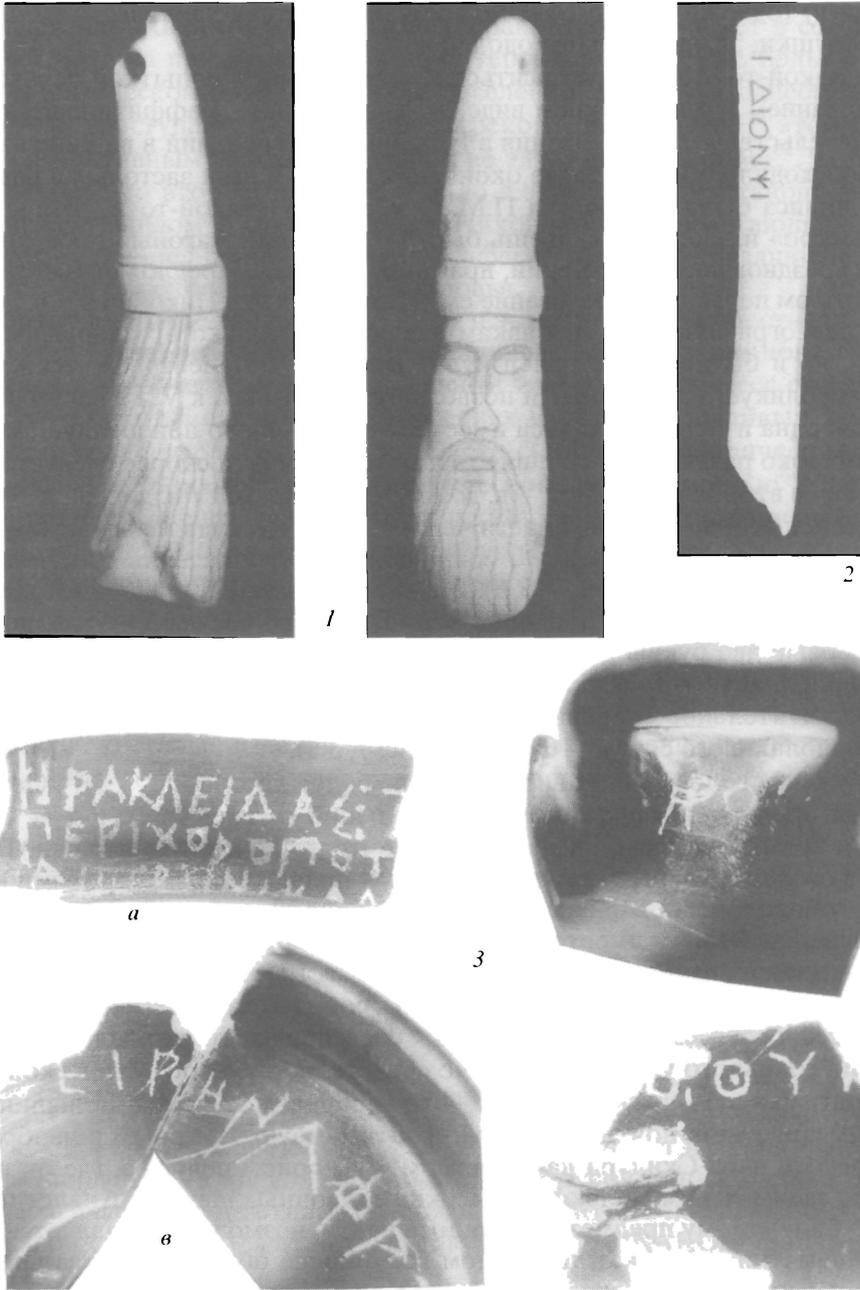

Рис. 7. Памятники из Никония: 1 – гравированное на кости изображение головы скифа; 2 – костяная ручка с граффити; 3 а–г – граффити

«на», «возьми», Τ[ΩΤΟΙ] – «посему» или Τ[ΡΙΣ] – «трижды»; ΠΕΡΙΧΟΡ[ΕΥΩ] – «пляшу вокруг» или ΠΕΡΙΧ[ΕΩ] – «наливаю»; ΠΟΤ[ΟΝ] – «питье»; ΠΟΤ[ΗΡ] – «кубок» или ΠΟΤ[ΟΣ] – «пирушка»; ΑΙ – «эх», «ах»; ΠΕΡΠ[ΕΡΟΣ] – «хвастливый»; ΝΙΚ[ΑΩ] – «превзойти», «победить».

Если допустить эти дополнения, то смысл надписи можно представить в двух близких вариантах: а) «Гераклид! Быстро налей кубок, эх, хвастливого

превзойди(у) (одержи победу)»; б) «Гераклид! Доставь удовольствие, пляши вокруг пирушки, эх, хвастливого одолей».

Если в какой-то степени согласиться с предложенной попыткой перевода и его содержанием в самом общем виде, то тогда данное граффити явится вторым свидетельством существования в Никонии соревнований в винопитии, которое происходило обычно после окончания пира. Первая застольная надпись из этого полиса была переведена П.М. Секерским: «(такой-то ... чтобы (ты) выпил быстро» или «... да выпьешь быстро ...». Такие «агоны» происходили во время празднования анфестерий, праздника кружек. Предложенный упомянутым автором перевод дал основание ему говорить, что в Никонии в V в. до н.э. (судя по палеографическим признакам надписи) не только праздновались анфестерии, но и был распространён культ Диониса⁵⁸. Палеографические особенности публикуемого граффити позволяют отнести его к V, IV векам до н.э. Но так как одна из *альф* в надписи имеет явно наклонную поперечную гасу и у *сигмы* широко раздвинуты крайние гасы, то граффити скорее следует датировать скорее второй половиной V в. до н.э. или началом IV в. до н.э.

⁵⁹ На внешней стороне верхней части чернолакового сосуда между основаниями петлеобразной ручки – **ΡΟ** – сокращение многочисленных имен на Геродор... (Геродор, Герократ – рис. 7, 3 б). В Никонии данное сокращение было зафиксировано на фрагменте доньшка чернолакового сосуда VI–V вв. до н.э., причем первые две буквы даны также в лигатуре⁵⁹. На внешней стороне доньшка чернолакового сосуда надпись: ΕΙΡΗΝΑΦΡ (рис. 7, 3 в). Мы понимаем ее как посвятительное граффито – «мир Афродиты». На внешней стороне стенки чернолакового сосуда – Ο ΘΥΙ... (рис. 7, 3 г).

XIV. Мужская голова, выгравированная на белой кости (рис. 7, 1)⁶⁰. Острым предметом прочерчены широкие пряди большой окладистой бороды, длинные усы и прямые волосы, ниспадающие почти до нижней части шеи. Большие глаза овальной формы, не прямой нос, заканчивающийся широкими ноздрями. На голове высокая шапка, низ которой опоясан широкой накладной полосой, а в верхней части имеется круглое сквозное отверстие, служившее, по видимому, для подвешивания изделия. Его высота – 3.5 см, ширина – 0.6 см. Отмеченные черты лица, величина и форма бороды, характер прически (для ясности воспроизведения линии резьбы обведены на фотографии карандашом) и тип головного убора однозначно свидетельствуют об этнической принадлежности данной мужской головы – это изображение скифа. Большинство указанных признаков почти полностью соответствуют таковым в изображении скифского царя Скилура на известном мраморном рельефе, где он представлен со своим сыном Палаком в высоких войлочных шапках. Аналогию же самому публикуемому предмету не удалось найти, возможно, он является уникальным памятником. С каждым годом все больше обнаруживается предметов, которые настойчиво свидетельствуют о возрастающем влиянии скифской культуры на различные сферы жизни греческого Никония⁶¹. В этом полисе

⁵⁸ Секерский П.М. Застольная надпись из Никония // МАСП. Киев, 1976. Т. VIII. С. 215–218.

⁵⁹ См. Головки. Эпиграфические находки... С. 81. № 42. На донных частях других сосудов имеется такое же сокращение, но все три буквы представлены раздельно – № 43, 44.

⁶⁰ Нельзя исключать вероятность того, что данная вещь, как и костяная рукоять в рис. 7 под № 2, могут быть поддельными. Право их публикации и трактовки как исторического источника остается на совести автора. – *Примечание С.Ю. Сапрыкина.*

⁶¹ См. Алексеев. Памятники древних культур... С. 75. № 9. Табл. IV, 5 (в прим. 70 см. литературу по данному вопросу); он же. Памятники античной и скифской культуры... С. 65. № 11. Табл. II, 11.

преобладание скифской керамики над фракийской предстает в соотношении 75% к 25%, а на примыкающей к нему территории оно еще больше – 80% к 20%. В физическом облике местного населения Нижнего Поднестровья IV–II вв. до н.э. проступают черты скифов, греков и фракийцев. В этом симбиозе наиболее активным было взаимодействие эллинов со скифами⁶². Таким образом, начиная со второй четверти V в. до н.э., с момента установления скифским царем Скилом протектората над Никонием⁶³, с возрастающей степенью интенсивности шел процесс влияния скифских племен на различные стороны жизни греческих колонистов Поднестровья.

В античном мире только с IV в. до н.э. происходит существенная трансформация в изображении варваров. Впервые этот образ в новом качестве появляется в греческом монументальном искусстве. Процесс его гуманизации привел к отмиранию в изображениях варваров уродливых, гротескно-карикатурных черт и сохранению вместе с тем их специфических этнических признаков, показанных с реалистической достоверностью⁶⁴. Это наблюдение полностью согласуется с указанными выше изобразительными чертами головы скифа. Здесь заметно стремление к документальности и графической детализации, что дает нам основание отнести рассматриваемое изделие к эллинистической эпохе. Различные факторы позволяют специалистам утверждать о существовании в Никонии косторезного ремесла⁶⁵. Однако автором публикуемого изделия мог быть не только грек, но и варвар (скиф). Это предположение основывается на том, что варварские племена не только использовали костяные изделия, но и сами их изготовляли, имея свои косторезные мастерские⁶⁶. Косторезное ремесло существовало в Северном Причерноморье еще до прихода греческих колонистов, и изделия из кости широко использовались местными племенами⁶⁷.

XV. Костяная плоская рукоятка, на которой тонким и острым предметом уверенной рукой аккуратно прочерчена надпись – I ΔΙΟΝΥΣΙ (рис. 7, 2). Длина – 14 см, ширина – 1,7 см. Палеографические особенности *ню* с параллельными и равновеликими вертикальными гасками и *пси* с прямыми расходящимися отростками допускают возможность датировать изделие концом III–II в. до н.э.⁶⁸ На костяных предметах нередко встречаются граффити различного содержания⁶⁹.

ОЛЬВИЯ

МОНЕТЫ

XVI. Серебряная монета. Л.с. Обнаженный Геракл в накинутой львиной шкуре опирается на правое колено и правой рукой сгибает лук, а левой рукой натягивает конец тетивы, стремясь закрепить ее на верхней части лука. На правой стороне поля монеты сверху вниз – ΕΜΙΝΑΚΟ. Вокруг ободок из

⁶² Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990. С. 59.

⁶³ Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса в VI–I вв. до н.э. М., 1980. С. 107; Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 10.

⁶⁴ Иванова А.П. Образ варвара в античном искусстве // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. 1944. Вып. 9. С. 291 сл.

⁶⁵ Секерская. Ук. соч. С. 67.

⁶⁶ Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181–189.

⁶⁷ Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 31.

⁶⁸ См. Книпович. Ук. соч. С. 9. Табл. IX, 4.

⁶⁹ Петерс. Ук. соч. С. 63. Табл. XII, 28–40.

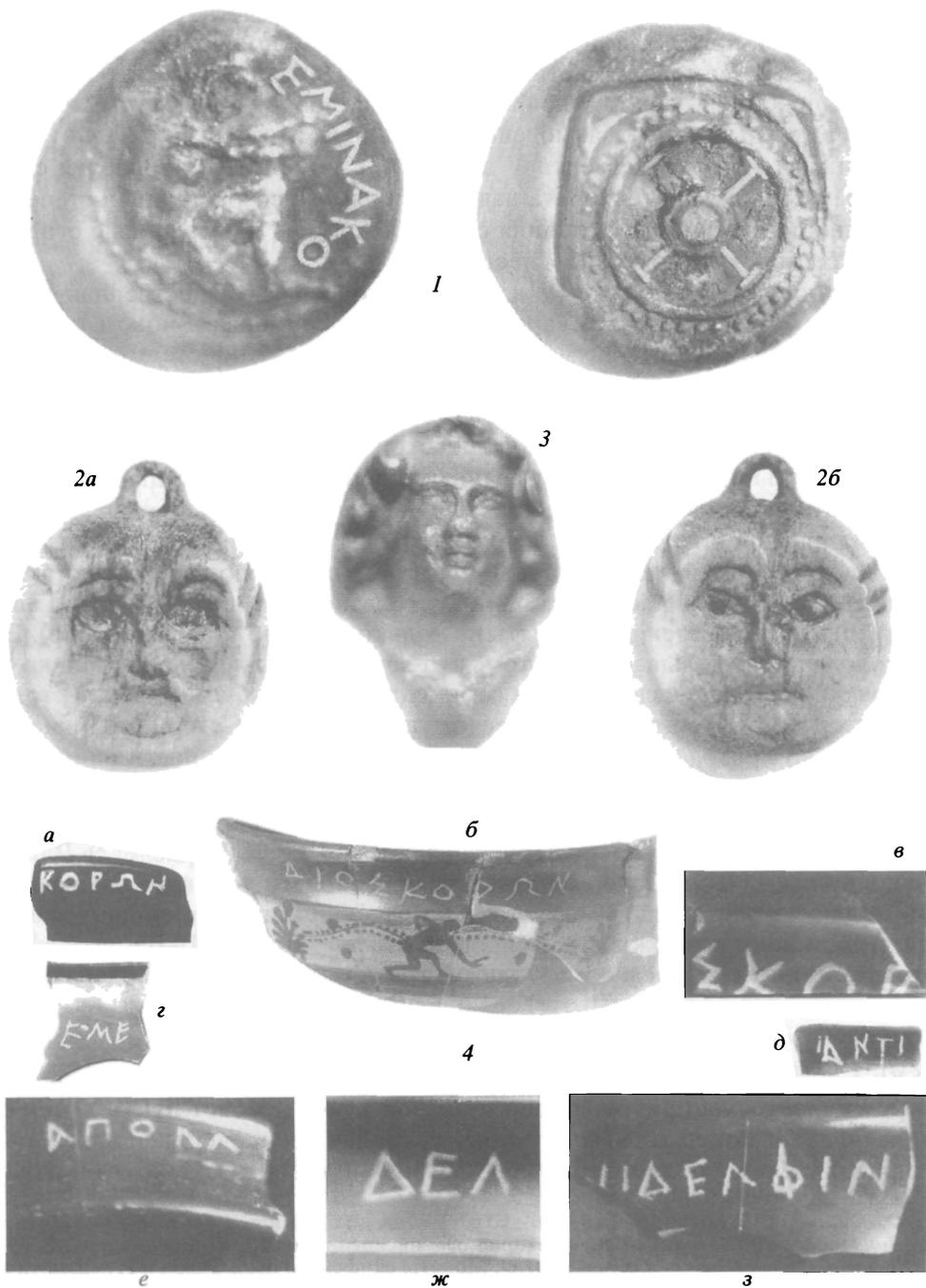

Рис. 8. Памятники из Ольвии: 1 – монета Эминака; 2 а, б – костяной амулет; 3 – бронзовая головка юноши; 4 а-з – граффити

крупных точек. *О.с.* В неглубоко вдавленном квадрате колесо с четырьмя спицами, нижние части которых имеют прямые и короткие распорки, перпендикулярно к ним расположенные. Верхние части спиц в центре колеса упираются в небольшой выпуклый кружок. Колесо окружено крупными точками. В

каждом углу квадрата по одному обращенному влево дельфину. Четвертый угол из-за сдвинутого вниз штемпеля на монете не отпечатался. Статер. Диаметр – 30 мм, вес – 11.4 г. Найден в Бугском лимане (рис. 8, 1).

К 1984 г. П.О. Карышковскому было известно 24 монеты Эминака⁷⁰. В 1993 г. был опубликован еще один подобный экземпляр⁷¹, а в 2000 г. еще пять⁷². Особенностью нашей монеты, редкой среди монет Эминака, является наличие указанных распорок в основании спиц колеса. Подобная их конструкция известна только на реверсах двух монет⁷³. Штемпеля сторон издаваемой монеты новые. Ее вес – 11.4 г дополняет шкалу весов пяти монет – 11.3–11.16 г⁷⁴. Датируются монеты Эминака по-разному: П.О. Карышковским – 460–440 гг. до н.э., Ю.Г. Виноградовым – 450–440 гг., В.А. Анохиным – 440–430 гг. до н.э.⁷⁵ Археологический материал, сопровождающий находку статера 1989 г., позволил примерно определить только верхнюю границу этих первых чеканенных монет Ольвии – не позднее середины V в. до н.э. Еще больше расхождений во мнениях наблюдается по вопросам определения весовой системы этих статеров и семантики их изображений⁷⁶. Поэтому, думается, что публикация каждой новой монеты Эминака и накопление их разновидностей, вариантов монет будет способствовать постепенному раскрытию сути явлений, связанных с этими интересными монетами.

XVII. Круглый костяной амулет с петлей (рис. 8, 2 а, б). На двух сторонах изображено круглое лицо Медузы Горгоны анфас. На одной стороне ее глаза обращены вправо (а), на другой – влево (б) и язык на этой стороне показан высунутым. Волосы переданы условно двумя параллельными врезанными линиями слева и справа на каждом из этих изображений. Кость желтоватого цвета. Диаметр – 1.7 см (с петлей – 2 см). Вследствие того, что косторезное ремесло в Ольвии получило значительное развитие в первые века нашей эры⁷⁷, данную подвеску-амулет можно предположительно также отнести к этому времени. Амулеты, выполнявшие защитные функции, в нижебугских некрополях встречаются нечасто⁷⁸.

XVIII. Бронзовая головка юноши (рис. 8, 3). Длинные волосы небрежно уложены в крупные фестоны, глаза без моделированных зрачков, нос заметно расширяющийся к ноздрям, немного приоткрытые пухлые губы, мягкий овал лица. Мечтательный взгляд в сочетании с плавно перекатывающимися волнами волос создает выразительный образ. Фрагмент статуэтки или бюста. Высота – 3 см, ширина – 2.5 см. Хотя в архаическую эпоху обработка цветных металлов в Ольвии была достаточно развита, особенно медное и бронзолите-

⁷⁰ См. *Карышковский П.О.* Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 79. Рис. 1–4.

⁷¹ *Лейпунська Н.О., Назарчук В.І.* Нова знахідка монети Емінака в Ольвії // Археологія. 1993. № 1. С. 115. Рис. 1.

⁷² *Нечитайло В.В.* Каталог античних монет Ольвії (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Киев, 2000. С. 21. № 72.

⁷³ См. *Карышковский П.О.* Новые материалы... Рис. 4. 2; *Нечитайло*. Ук. соч. С. 21 (рисунок реверса). На публикуемой монете надпись отретуширована в точном соответствии с ее палеографическими особенностями.

⁷⁴ См. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 139. Табл. 7.

⁷⁵ См. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии... С. 50; *Виноградов*. Ук. соч. С. 117, 121; *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 15.

⁷⁶ См. о верхней дате этих монет по раскопочному материалу и краткий обзор разноречивых мнений по упомянутым вопросам – *Лейпунська, Назарчук*. Ук. соч. С. 117 сл.

⁷⁷ *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 136 сл.; *Крыжичский С.Д., Лейпунская Н.А.* Ольвия. Николаев, 1997. С. 64, 67.

⁷⁸ *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 180.

тейное производство (в частности в мастерских Верхнего города и на Ягорлыцком поселении)⁷⁹, художественные произведения из бронзы зафиксированы только для римского времени (статуэтка Амура, головки, фигурка всадника)⁸⁰. Поэтому думается, публикуемую головку можно датировать этим же временем.

XIX. Граффити (рис. 8, 4 а–э): а) на венчике чернолакового сосуда: ΚΟΡΩΝ. Это может быть окончанием посвянительной надписи Диоскурам; б) на венчике фрагмента расписного сосуда (килика): ΔΙΟΣΚΟΡΩΝ – посвянительная надпись Диоскурам; в) на венчике чернолакового сосуда: ΣΚΟΡ – срединная часть посвянительной надписи Диоскурам⁸¹.

Кульτ Диоскуров в Ольвии существовал уже в VI в. до н.э. Из всех найденных 51 граффити почти полностью сохранилось всего три⁸². Наши граффити дополняют их количество. Подавляющее большинство посвянительных надписей Диоскурам относится к первой четверти V в. до н.э.⁸³; г) на венчике чернолакового сосуда – ΕΜΕ, может быть, остаток от начертанного на сосудике имени; д) на венчике чернолакового сосуда – ΑΝΤΙ – начальная часть многих имен, ср., например, Антифон из Ольвии⁸⁴, Антимах, Антифил, Антидот из Пантикапея⁸⁵; е) на венчике чернолакового сосуда – ΑΠΟΛΛ – посвящение Аполлону – главному божеству Ольвийского полиса, или начало теофорного имени; ж) на венчике чернолакового сосуда – ΔΕΛ – начальная часть эпikleзы Аполлону Дельфинию в посвянительной надписи; з) на венчике чернолакового сосуда – ΠΔΕΛΦΙΝ⁸⁶. Граффити – рис. 9, 1 а–ж: а) на стенке чернолакового сосуда – ΑΥΙΒΙΤΟΓ; б) на венчике чернолакового сосуда – ΜΗΤΡΟΣ – посвянительная надпись Матери богов – Кибеле⁸⁷. Кульτ этой богини в Ольвии эволюционировал от архаического божества растительности и животного мира до грандиозного величия Матери богов и покровительницы города⁸⁸; в) на стенке чернолакового сосуда – ΙΟΜΙΡΠΚ; г) на чернолаковой посуде по окружности – ΙΔΕΜΠ ΣΑ; д) на внешней стороне доньшка чернолакового сосуда – ΔΙΟ – посвянительная надпись Дионису или начало теофорного имени⁸⁹; е) на внешней стороне доньшка чернолакового сосуда по окружности – ΤΟΠΟΛΛΟΝΣ⁹⁰; ж) на стенке чернолакового сосуда – ΕΡΜΗ – посвянительная надпись Гермесу⁹¹. Публикуемый фрагмент по краям обтесан. Это дает основание полагать, что его треугольная форма возникла не случайно, а с определенной целью – имитировать, возможно, фронтон здания. Поскольку в Оль-

⁷⁹ Сон Н.А. Ремесленное производство // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 119.

⁸⁰ Крапивина. Ук. соч. С. 133.

⁸¹ См. аналогии: Русяева. Ук. соч. С. 117. Рис. 36, 3, 5, 10.

⁸² Там же. С. 116.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц Ольвии I–III вв. н.э. // ВДИ. 1977. № 4. С. 162. № 176 (конец I в. н.э.), № 80, 82 (первая половина I в. н.э.). С. 174. № 265 (II в. н.э.).

⁸⁵ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., 1953. С. 118. № 202.

⁸⁶ См. аналогии: Леви Е.И. К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии // Культура античного мира. М., 1966. С. 125. № 1. С. 126. № 2, 3; Русяева. Ук. соч. С. 42 сл.

⁸⁷ См. аналогии: Русяева. Ук. соч. С. 144. Рис. 46, 2, 3.

⁸⁸ Там же. С. 148.

⁸⁹ См. аналогии: Толстой. Ук. соч. На наружной стороне подставки канфара IV в. до н.э. из Ольвии – С. 29. № 34.

⁹⁰ А.С. Русяева полагает, что эта надпись является вариантной транскрипцией имени Аполлона (Ук. соч. С. 30. Рис. 6, 8; С. 36).

⁹¹ См. аналогии: Русяева. Там же. С. 88. Рис. 24, 4, 6.

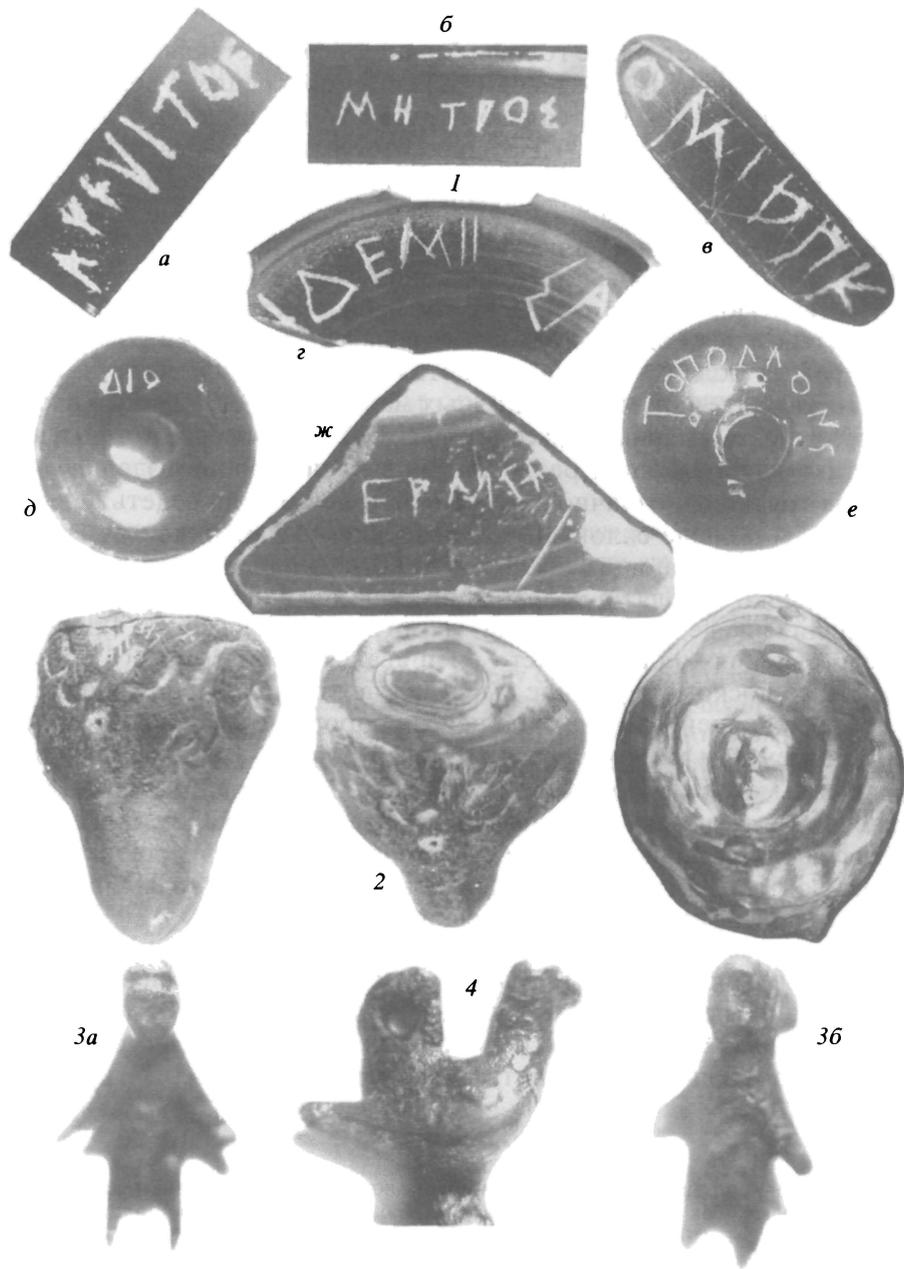

Рис. 9. Памятники из Ольвии: 1 а-ж – граффити. Памятники из Херсонеса; 2 – амулет (стеклянная паста с накладной золотой пластиной); 3 а, б, 4 – бронзовые подвески-обереги

вии существовало святилище Гермеса и Афродиты с отдельным алтарем Гермеса⁹², допустимо предположить, что данное посвящение Гермесу было принесено на его алтарь в этом святилище, а само оно, возможно, было небольшим храмом.

⁹² Там же. С. 87.

XX. Подвеска-амулет в виде головы барана из синей стеклянной пасты. Сзади с помощью маленьких гвоздиков (заклепок) прикреплена золотая круглая пластинка, во вдавленном центральном круге которой имеется рельефное изображение безбородой головы. Несколько отступая от нее, сверху и снизу две круглые петли. У самых краев пластинки видны шляпки гвоздиков (рис. 9, 2). Длина – 4 см, ширина – 3 см⁹³. Аналогичная подвеска в форме головы барана из такой же синей стеклянной пасты происходит из некрополя Ольвии. На ее задней стороне выгравировано изображение скорпиона. Датируется изделие третьей четвертью VI в. до н.э. Центром производства подобных предметов был Навкратис⁹⁴. Из Ольвии происходят подвески такого же рода, но из египетского фаянса (головка барана) и золота (головки быка и львов)⁹⁵. Публикуемая подвеска синтезирует два различных материала – стеклянную пасту и золото. В отличие от изданных у рассматриваемой подвески две петли, а не одна.

Семантику изображенной рельефно на задней стороне изделия юношеской головы трудно однозначно определить. В ней можно видеть Гелиоса или Диониса⁹⁶. Мы больше склоняемся к последнему. Баран, как известно, был одним из часто встречающихся атрибутов бога Диониса. В Ольвии подобные подвески нередко находят в погребениях, как и свинцовые букрании и свинцовые изделия в виде головы барана – в могильных насыпях⁹⁷. Образ Диониса в представлениях эллинов часто смешивался с образом бога подземного царства Аида, поскольку Дионис выступал не только как бог виноделия, но и как бог умирающей и возрождающейся природы. Благодаря этому он был связан с подземным миром и хтоническими богами. Диониса представляли как владыку мертвых, дарующего блаженство умершим⁹⁸. В силу этого представленная подвеска-амулет явно связана с культом хтонического Диониса. Она служила защитой погребенному и, согласно представлениям древних, вместе с умершим способствовала возрождению природы и плодородию земли благодаря присущим ей магическим свойствам⁹⁹.

XXI. Антропоморфные с расставленными в разные стороны руками бронзовые подвески (рис. 9, 3 а, б). Высота – 2,2 см. Близкими аналогиями являются подвески из некрополя Херсонеса¹⁰⁰, которые находят в женских и детских погребениях. В Херсонесе подобные человеческие фигурки использовались как апотропеи для защиты от «дурного глаза». Датируются они

⁹³ Происхождение подвески из Херсонеса предположительно. По словам ее владельца, она привезена из Крыма. Так как нашедший ее проживал в Севастополе, решили, что сама вещь происходит из Херсонеса или из его округи. Не исключено, что она могла быть найдена в Восточном Крыму, так как после Ольвии такие подвески чаще всего находят в Пантикапее.

⁹⁴ Скудниова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 77. № 109 (грунтовая могила 50. № 8 – 1,2 см).

⁹⁵ Скржинская М.В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 178. Рис. 54, 9, 10; С. 179. Рис. 56.

⁹⁶ Возможно, изображение получено с помощью бронзового штампа, аналогичного тому, который имеет мужскую безбородую голову (Трейстер М.Ю. Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. 1998. № 4. С. 140. Рис. 10).

⁹⁷ Зайцева К.И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 88, 89. Рис. 3, 1–5.

⁹⁸ Там же. С. 97.

⁹⁹ Руслева. Ук. соч. С. 161, 177, 180.

¹⁰⁰ См. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 100. Рис. 66, 2. С. 101. Рис. 67, 2.

первыми веками нашей эры¹⁰¹. Подвески-обереги были антропоморфными, топорovidными и зооморфными.

XXII. Бронзовая подвеска в виде голубя со сложенными крыльями и большой почти квадратной петлей на спине размером 2.3 см (рис. 9, 4). Подобные подвески происходят из некрополя Херсонеса¹⁰². Эти зооморфные обереги встречаются не только в Крыму, но и в античных некрополях других городов Северного Причерноморья. В религиозных представлениях эллинов голубь был связан не только с Афродитой, но и с хтоническими божествами, символизируя чистые и праведные человеческие души¹⁰³.

NEW MATERIALS FOR THE CULTURAL STUDY
OF THE ANCIENT NORTH PONTIC CITIES
(TYRAS – NICONIUM – OLBIA – CHERSONESUS)

V.P. Alekseyev

The paper presents a number of new and various monuments of ancient culture, some of them of big historical and artistic importance. Among them are marbles of Tyra: a female head representing, as we may suppose, Julia Domna (Fig. 1), a bas-relief of an armed horseman trampling a half-naked warrior on a temple staircase (Fig. 3) dated to the Roman period, and a fragment of a marble statue, the head of a young man notable for its psychological expressiveness and artistic perfection (possibly, a copy of a Greek original) (Fig. 4 *a, a₁-d*).

Among the epigraphic monuments of special interest are fragments of a stone inscription from Niconium (Fig. 6, *1 a-в* – the second example for this polis). An Olbian stater of Eminos with new stamps, dated back to the 5th c. BC (Fig. 8, *1*) is important for the history of Olbian numismatics. Of a certain aesthetic value is a pendant from Chersonesus, manufactured in Naucratis, made of glass paste and shaped as a ram's head, with a golden plaque attached to its back side bearing a high relief of a beardless head full face (probably, Dionysos – Fig. 9, 2). For all the monuments presented necessary technical parameters are given and the closest parallels are indicated.

¹⁰¹ Там же. С. 102.

¹⁰² Там же. С. 99. Рис. 65.

¹⁰³ Там же. С. 102.

А. И. Иванчик, Н. А. Сон

НОВАЯ НАДПИСЬ ЭПОХИ СЕВЕРА АЛЕКСАНДРА ИЗ ТИРЫ*

История Тирь первых веков христианского летосчисления достаточно часто привлекала внимание исследователей¹, но, несмотря на это, во многих отношениях продолжает оставаться плохо изученной. О некоторых ее аспектах нам приходится лишь гадать, что объясняется в первую очередь скудостью имеющихся в нашем распоряжении источников: эпиграфические памятники, происходящие из Тирь, немногочисленны, и их количество не идет ни в какое сравнение с количеством надписей, происходящих из других греческих городов, включая ее ближайших соседей – Истрию и Ольвию. Поэтому каждая новая надпись из Тирь представляет особый интерес и заслуживает специального рассмотрения. Не является исключением и публикуемая здесь надпись, которая в настоящее время находится в одной из частных коллекций Киева (рис. 1–2, вклейка).

Об условиях ее находки известно немного: по словам нынешнего владельца надписи, она была обнаружена на территории античной Тирь. Эта информация не может считаться совершенно надежной, однако она не противоречит содержанию надписи и в некоторой степени даже подтверждается им (см. ниже). Таким образом, можно предположительно считать публикуемый памятник происходящим из Тирь.

Надпись вырезана на мраморной плите прямоугольной формы. Мрамор серого оттенка с синими прожилками, крупнозернистый. Сохранилась правая часть плиты, включая правый и нижний края. Верхний ее край оббит, но поле надписи не пострадало. Сохранившиеся размеры плиты: высота 41.5 см, ширина – 22–31.5 см, толщина 8 см.

Текст памятника вырезан достаточно тщательно, буквы покрашены красной краской. Расстояние между строками составляет 1.4–1.6 см. Высота букв в первой строке 2.2–2.3 см, в следующих колеблется между 3.3 и 4.0 см. Начиная с четвертой строки применяются лигатуры (TE, MΩ, ΩT, HΣ, THΣ, ΓM, MΠ), в двух последних строках дважды *омикрон* уменьшен (1.4 см). Слово δβυ(ατ) в стк. 6 сокращено, после сокращения стоит знак интерпункции в виде небольшого треугольника (высота 0.8 см). Резчик, видимо, плохо рассчитал расположение текста на плите: во 2 стк. он расположил буквы весьма свободно, а затем, очевидно, стал опасаться, что надпись не уместится

* Статья подготовлена в рамках проекта «Письменные источники по этнокультурному взаимодействию в западной части евразийских степей и Причерноморье в древности» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Авторы благодарят Г. Бауэрсока и Х. Хабихта (Принстон) за полезное обсуждение рукописи этой статьи.

¹ См. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 82–138; Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993.

Рис. 1. Надпись из Тирь. Фотография

ГУХН
 АСАРАМАХР
 АРОНЕХТХН
 АХРАРЕМНИ
 АКЛЕВНЕТУ
 АЛЕХНЛОМ
 ТОЖЛАМТРО
 0 2 у

Рис. 2. Надпись из Тирь. Прорисовка

на отведенном для нее месте. Его опасения не были напрасными – последнюю строку ему пришлось дописывать на нижнем поле маленькими буквами (высота 1.6 см, расстояние между последней и предпоследней строками 1.0 см), последняя из которых сохранилась. Очевидно, по той же причине он начал сокращать слова в конце надписи, а также стремился уместить как можно больше букв в каждой строке, что заметно уже в сткк. 4 и 5. В стк. 4 резчик написал после имени М. Аврелия Артемона *иоту*, с которой начинался следующий за ним этникон, вместо того, чтобы начать написание этникаона с новой строки, а в конце стк. 5 пытался поместить *ипсилон*, который оказался уже, чем та же буква в других местах надписи, и лишенным украшений в виде горизонтальной гасты и апексов верхних гаст. Кроме этого случая, *ипсилон* лишен горизонтальной гасты только на буквах меньшего размера в первой и последней строках. Другие буквы в конце строк начиная с четвертой (N, T, Δ), также существенно уже и тоньше, чем в их начале, особенно в первых трех строках.

Датировка надписи определяется вполне уверенно благодаря упоминанию в ее начале Севера Александра. Ее шрифт полностью соответствует этой датировке. Часть букв имеет начертания, типичные для угловатого шрифта эпохи поздних Северов. Особенно характерны написания *омеги* и *сигмы*. При этом угловатые буквы сочетаются с округлым, а не ромбическим *омикроном*. Такое сочетание угловатых и округлых букв хорошо известно в надписях III в. н.э., включая и эпоху Севера Александра. Для надписей этого времени характерно и использование *омикрона* уменьшенного размера, и интерпункции при сокращениях. Широкое использование лигатур и их форма также типичны для этого периода. Из датированных надписей близкого региона с публикуемой схожи по шрифту ольвийские надписи IOSPE I². 184 и NO 52 эпохи Севера Александра (особенно буквы *сигма*, *омега*, *ипсилон* и др., но не *омикрон*, а также лигатуры и знаки интерпункции) и истрийская надпись ISM I. 89, датирующаяся 212–217 гг. (*сигма*, *омега*, *ипсилон* и др. в сочетании с округлым *омикроном*, большого и уменьшенного размера).

Надпись читается следующим образом:

vac. ΑΓΑΘΗ] ΤΥΧΗ vac.

ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ]ΚΑΙΣΑΡΑ Μ ΑΥΡ
 ΣΕΟΥΗΡΟΝ ΑΛΕΞΑ]ΝΔΡΟΝ ΕΥΤΥΧΗ
 ΕΥΣΕΒΗ ΣΕΒΑΣΤΟΝ] Μ ΑΥΡ ΑΡΤΕΜΩΝ Ι
 ----- Η]ΡΑΚΛΕΩΤΗΣ ΤΥ
 ----- Β]ΟΥΛΕΥΤΗΣ ΔΟΓΜ
 ΤΗΣ ΙΕΡΩΤΑΤΗΣ Β ΚΑ]Ι ΤΟΥ ΛΑΜΠΡΟ
 ΤΑΤΟΥ ΔΗΜΟΥ] vac.

Восстановление текста особых сложностей не вызывает, некоторые сомнения могут возникнуть лишь относительно заполнения лакун в сткк. 5–6. В целом восстановленный текст и его перевод выглядят следующим образом.

[ἀγαθῆ] τύχη

[Αὐτοκράτορα]Καίσαρα Μ(άρκον) Αὐρ(ήλιον)

[Σεουήρον Ἀλέξα]νδρον εὐτυχῆ

[εὐσεβῆ Σεβαστόν] Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Ἀρτέμων Ἰ-

5 [στριανός Ethnicum Ἡ]ρακλεώτης Τυ-

[ρανός Ethnicum β]ουλευτῆς δόγμ(ατι)

[τῆς ἱερωτάτης β(ουλή)ς κα]ὶ τοῦ λαμπρο-

[τάτου δήμου]

«[Доброй] судьбе. (Статую) [императора] Цезаря Марка Аврелия [Севера Алекса]ндра Феликса [Пия Августа], Марк Аврелий Артемон и[стриец (?) ... г]ераклеец, ти[риец ... ч]лен совета, по постановлению [святейшего совета и] светлей[шего наро]да (поставил)».

В сткк. 2–4 содержится имя императора Севера Александра в стандартной для греческих надписей форме, являющейся дословным переводом с латыни: Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μ(ᾶρκος) Αὐρ(ήλιος) Σεουήρος Ἀλέξανδρος εὐτυχῆς εὐσεβῆς Σεβαστός передает латинское Imperator Caesar M. Aurelius Severus Alexander Felix Pius Augustus. Таким образом, надпись относится ко времени правления этого императора (март 222 г. – март 235 г.). Благодаря упоминанию имени императора в начале надписи удастся выяснить примерную длину ее строк и соответственно количество букв, которых не хватает в левой, пропавшей ее части. Наличие в сткк. 2 и 3 сочетания Μ(ᾶρκον) Αὐρ(ήλιον) [Σεουήρον Ἀλέξα]νδρον, в которое не может быть вставлен никакой дополнительный элемент, позволяет выяснить, что в лакуне умещалось примерно 14 букв. Это исключает теоретически допустимую возможность того, что в начале текста имелся более развернутый вариант титулатуры и перед сочетанием [Αὐτοκράτορα] Καῖσαρα стояли еще какие-то слова. Кроме того, это исключает и возможность того, что надпись продолжалась на другой плите, примыкавшей к сохранившейся справа. Следовательно, правый край плиты является одновременно и краем надписи. В 4 сткк. после имени императора стоит имя Марка Аврелия Артемона в номинативе, за которым следует *iota*. Здесь можно было бы предположить и форму датива Μ(ᾶρκῳ) Αὐρ(ήλιῳ) Ἀρτέμωνι, однако наличие в сткк. 5 и 6 двух номинативов, Ἦρακλεώτης и βουλευτής, исключает такое восстановление. Таким образом, резчик, очевидно, из экономии места (см. выше) начал написание слова на этой строке, хотя здесь и могла уместиться лишь одна буква.

Восстановление дальнейшего подсказывают те же слова – речь идет, видимо, о ряде этниконов. Учитывая место находки надписи, после слова Ἦρακλεώτης достаточно уверенно восстанавливается Τυ[ρανός]. Соответственно после имени Марка Аврелия Артемона следует восстанавливать название города, начинающееся на *iota*. Наиболее вероятным кандидатом, учитывая географическое положение, является Истрия. Окончание сткк. 5 показывает, что этниконы в данном случае не были соединены союзом καί, как ожидалось бы. Аналогии такому способу перечисления в подобном контексте хотя и редки, но известны².

Для заполнения двух оставшихся лакун наиболее вероятным представляется восстановление здесь еще двух этниконов. В первой лакуне возможно, кроме того, восстановление слова βουλευτής, хотя ее размер не позволяет восстанавливать здесь слово целиком, но оно достаточно часто сокращалось. Однако тот факт, что в следующей строке то же слово стоит несокращенным, при том, что резчик испытывал явный дефицит места (см. выше), вряд ли позволяет предполагать такую возможность. Можно восстанавливать, таким образом, в этой лакуне этникон, содержащий 7–8 букв, например Σινωπεύς (учитывая наличие в нем узкой *iota*). Впрочем, это восстановление сугубо

² См., например: Moretti L. Inscriptiones Graecae urbis Romae. V. I. Romae, 1968. P. 207–211. № 240: 9–10. Чаще встречается перечисление названий городов без καί – см., например: Bourguet E. Inscriptions de l'entrée du sanctuaire au trésor des Athéniens. P., 1929 (Fouilles de Delphes. III, 1). P. 365–366. № 551: 10–19; IGBulg. I². № 24(2), a: 8–11 и др.

предположительно, поскольку мы не можем быть уверены в том, что все города списка обязательно принадлежали черноморскому региону.

В лакуне в стк. 6 несомненно содержался еще один этникон (9–10 букв). Таким образом, в надписи восстанавливается последовательность из пяти этниконов (один сохранился полностью, два частично и восстанавливаются с большой вероятностью, два не сохранилось), завершающаяся словом βουλευτής. Такой способ перечисления встречается нередко, например в близких по времени надписях из Эфеса³ ([M]άρκος Αὐρ[ήλιος – – – – Ἀλεξανδ]ρεὺς καὶ Ἐφ[έσιος καὶ – – – – καὶ] Σμυρναῖ[ος β]ουλευτή[ς]), с Лесбоса⁴ (Αὐρήλιος Πίνυτος Γλύκωνος Ἐρέσιος καὶ Μηθυμναῖος βουλευτής), из Афродисия⁵ (Μάρ. Αὐρ. – – –) ΟΝ Τειμοκλέους [τοῦ Ἀγαθόποδος τοῦ Ἀρτε[μιδώ]ρου Ἀφροδεισιέα καὶ [N]εικομηδέα καὶ Ἀκυρ[αν]όν, βουλευτήν), в уже упоминавшейся надписи из Рима⁶ (Ἀλεξανδρεὺς, Ἐρμπολείτης, Ποπιολανός, Νεαπολείτης καὶ Ἥλειος καὶ Ἀθηναῖος βουλευτής) и др.

В последних двух строках содержится ссылка на постановление совета и народа с обычными для этого времени орнаментальными эпитетами. Название совета, судя по размеру лакуны, было сокращено, что также достаточно часто встречается в надписях. Обычно за упоминанием совета и народа следует название города, однако известны и случаи, когда оно отсутствует (например, IG Bulg. III. 2. № 1574: 7–9, с тем же сокращением слова βουλῆς). Другая возможность восстановления в данном случае ἱερῶς βουλῆς (ср. IG Bulg. III. 2. № 1553: 5–6) менее вероятна из-за редкости этой формулировки в данном контексте и из-за большей длины восстанавливаемого в лакуне текста.

Таким образом, надпись сообщает, что М. Аврелий Артемон, очевидно, за свой счет поставил статую императора Севера Александра в Тире по постановлению городских властей (ср. аналогичную формулировку, например, в IOSPE I². 199; ISM I. 177 B). Следует при этом заметить, что надпись нанесена не на постамент статуи, что было наиболее обычной практикой в таких случаях⁷, а на плоскую мраморную плиту. Впрочем, нельзя исключать, что постамент был изготовлен из более дешевого материала, например известняка, а на нем была укреплена мраморная плита с надписью. Возможно также, что плита с надписью была укреплена не на постаменте, а на стене рядом со статуей.

М. Аврелий Артемон, вне всякого сомнения, принадлежал к провинциальной элите и имел римское гражданство наряду с гражданством нескольких греческих городов. Судя по его имени, он сам или его предки получили римское гражданство между 161 и 212 годами, когда по решению Каракаллы им было надлено все свободное население империи. В подобных случаях, как известно,

³ Engelmann H., Knibbe D., Merkelbach R. Die Inschriften von Ephesos. IV. № 1001–1445 (Reperitorium) (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 14). Bonn, 1980. S. 105–106. № 1154.

⁴ IG XII. 2. 1899. S. 125. № 562: 1–2.

⁵ Roueché Ch. Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Period. A Study Based on Inscriptions from the Current Excavations at Aphrodisias in Caria. L., 1993 (Journal of Roman Studies Monograph, 6). P. 198–200. № 70: 2–7 = MAMA. VIII. 1962. P. 117. № 521: 1–6.

⁶ Moretti. Inscriptiones... P. 208. № 240: 9–10.

⁷ Трейстер М.Ю. Материалы к Корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. 1999. 10. С. 121–158. Предположение о том, что эта плита могла относиться не к статуе императора, а к какому-то сооружению, воздвигнутому в его честь, невозможно потому, что в этом случае имя императора стояло бы в дативе (ср. IOSPE I². 181; ISM I. 147, 148 и др.) или в генетиве в обороте со значением «за благополучие», «за здравие» и т.п. (ср. IOSPE I². 174, 184; ISM I. 182 и др.).

новый римский гражданин в качестве *граепопел* и *попел* получал имена правящего императора (имена Марк Аврелий носили римские императоры от Марка Аврелия до Севера Александра), которые наследовались его потомками⁸. М. Аврелий Артемон был, вероятно, уроженцем Истрии (на это указывает упоминание соответствующего этника в начале списка), но получил гражданство также в Гераклее, Тире и еще по меньшей мере в двух других городах. Видимо, во всех этих городах он принадлежал к привилегированной группе *булевтов*. В большинстве греческих городов императорской эпохи члены советов назначались пожизненно, а сами советы превратились в подобие местных сенатов⁹. Членство в них часто, если не всегда, наследовалось (в надписях нередки упоминания о *булевтах ἀπὸ προγόνων, πατῆρ καὶ προγόνοι βουλευτοῖ, γένος βουλευτικόν* и т.д.) и могло предоставляться иностранцам вместе с гражданством.

Случаи, когда представители провинциальной элиты совмещали не только гражданство нескольких полисов, но и членство в их советах, достаточно хорошо известны. Предпринимавшиеся время от времени римскими властями попытки бороться с этой практикой (см. Plin. Epist. X. 114–115), очевидно, не имели успеха. Например, упоминаемый в афинской надписи близкого времени (253–257 гг.) глашатай Валерий Эклект был *булевтом* Синопы, Дельф, Сард, Перг, Никеи, гражданином Афин, Элеи и «гражданином и *булевтом* многих других городов» (IG II/III². № 3169/70)¹⁰. То же лицо упоминается в надписи 261 г. из Олимпии¹¹, из которой выясняется, что он был *булевтом* также в Смирне, Филадельфии, Гиераполе и Триполисе и гражданином Рима¹². Судя по тому, что Синопа в обоих списках упоминается первой, Валерий Эклект был уроженцем именно этого города. Кроме того, можно упомянуть надписи из Дельф и Эфеса в честь пантомима эпохи Коммода и Септимия Севера Тиберия Юлия Аполавста, бывшего *булевтом* в Эфесе, Дельфах, Магнесии на Меандре, Афинах, Пергаме, Траллах, Лаодикее, Милете, Никомедии, Никее, Кесарии, Никополе на Актии, Митилене, Гиерокесарии, Магнесии на Сипиле, Кумах, Саиттах¹³, Фивах, Платее, Херонее, Мессении, а также гражданином

⁸ Уже во второй половине II в. во всей Римской империи *граепопел* превращается из личного имени в наследственное, а исключения встречаются редко. С рубежа II–III вв. наследственные *граепомина* становятся общим правилом, а личные совершенно исчезают. См. Salomies O. Die römischen Vornamen. Studien zur römischen Namengebung. Helsinki, 1987. S. 378–389, 422–426 (специально об именах новых граждан и их потомков).

⁹ Lévy I. Etudes sur la vie municipale de l'Asie Mineure sous les Antonins // REG. 1895. 8. P. 219–231; Liebenam W. Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Lpz. 1900. S. 227–252; Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 170–191; Magie D. Roman Rule in Asia Minor, to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950. P. 640–643; Ste Croix G.E.M. de. The Class Struggle in the Ancient Greek World, from the Archaic Age to the Arab Conquests. L., 1981. P. 308, 530–531; Wörle M. Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien (Vestigia 39). München, 1988. P. 123–135; Sartre M. L'Orient romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C. – 235 après J.-C.). P., 1991. P. 129–130.

¹⁰ Ср. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. P. 263–268. № 90.

¹¹ Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia. B., 1896 (Olympia, V). S. 355–358. № 243 = SEG XVII. 203.

¹² Несмотря на упоминание Рима в этом списке, римское гражданство и гражданство греческих полисов представляли собой два совершенно различных феномена, и их получение имело разные последствия, причем в ряде случаев гражданство греческих полисов приносило больше практических выгод, чем римское; ср. Gauthier P. «Générosité» romaine et «avarice» grecque: sur l'octroi du droit de cité // Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston. P., 1974. P. 207–215.

¹³ Этот город упомянут в надписи из Дельф дважды в разной форме: Σελτηνῶν (v. 17) и Σέτταις (v. 24). Речь идет о городе в Лидии; см. о нем, а также о разных формах его названия: TAM V. 1. 1981. P. 28–31.

еще ряда городов¹⁴. На более близких территориях можно назвать упомянутого в надписи из Дионисополя (ср. ниже) Марка Помпея Луция, консульского бенефициария первого Итальянского легиона, который был булевтом одновременно Дионисополя, Каллатиса и Маркианополя (IGBulg. I². 24 bis). Таких примеров можно привести достаточно много, причем списки городов, в которых соответствующий персонаж был булевтом, могут включать от двух до двух десятков и более городов. Иногда они завершаются указанием на «многие другие города», а в некоторых случаях содержат явные преувеличения, как, например, в надписях из Дельф и с о-ва Мелос, в первой из которых утверждается, что чествуемый был гражданином и булевтом «всей Эллады» (τῆς Ἑλλάδος) ἀπάσης πολείτ[η]ν καὶ βουλευτῆν), а во второй даже и «повсюду во вселенной» ([παντα]χοῦ τῆς οἰκουμένης)¹⁵.

Несмотря на распространенность таких случаев в Римской империи, в надписях Северного Причерноморья до сих пор упоминания лиц, бывших булевтами нескольких городов, не встречались, хотя на западном побережье такие упоминания известны (Марк Помпей Луций в надписи из Дионисополя, см. выше). Тем не менее тот факт, что Тира, как и большинство других греческих городов римской эпохи, практиковала оказание почестей иностранцам в форме их наделения правами гражданства и включения в свой совет, уже был известен благодаря одной латинской надписи. Она нанесена на мраморном алтаре из Эска, столицы провинции Нижняя Мезия, в состав которой в первой половине III в. административно входила и Тира¹⁶. Надпись чествует Тита Аврелия Флавина, в прошлом примипилария одного из легионов, награжденного, по всей видимости, Каракаллой (в надписи император назван Divus Magnus Antoninus Augustus), и была поставлена в эпоху Элагабала (218–222) или в начале правления Севера Александра¹⁷, т.е. лишь ненамного раньше публикуемой здесь надписи. Из надписи выясняется, что в момент ее составления Тит Аврелий Флавин был председателем совета Эска (princeps ordinis Coloniae Oescensium), а также членом советов (употреблено греческое слово *buleuta*) Тире, Дионисополя и Маркианополя в Нижней Мезии и более удаленных Аквинкума в Паннонии и города тунгров в Германии (на территории современной Бельгии). Надпись поставлена в честь своего «достойнейшего друга» неким Клавдием Ником[едом ?], бывшим булевтом, скорее всего в Тире (в надписи название города сохранилось лишь частично: *buleuta civitatis* [Tyra]norum). Уже первый издатель надписи А. фон Домашевски предположил, что перечисленные в надписи города Нижней Мезии и, в частности, Тира оказали Титу Аврелию Флавию почести, предоставив ему гражданство и членство в своих советах за его вклад в оборону от нападения племени карпов в 214 г., причем решающее сражение с ними произошло в окрестностях Тире¹⁸. Это предположение подтвердилось после

¹⁴ Bourguet. Op. cit. P. 365–366. № 551: 10–19; Merkelbach R., Nollé J. u.a. Die Inschriften von Ephesos. VI. № 2001–2958. Bonn, 1980 (Repertorium) (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 16). S. 53–55. № 2070–2071. См. Robert L. Pantomimen im griechischen Orient // Hermes. 1930. S. 106–114 = Opera Minora Selecta. I. Amsterdam, 1969. P. 654–662. Надпись в честь того же пантомима была найдена и в Коринфе: Robert L. Inscriptions de l'Antiquité et du Bas-Empire à Corinthe // REG. 1966. 79. P. 756–759 (Corinth VIII. 3. № 370 + 693).

¹⁵ Bourguet. Op. cit. P. 114–115. № 200: 4–5; IG XII. 3. 1898. P. 208. № 1117: 5–6.

¹⁶ CIL III (Suppl. 2). 14416 = ILS II. 7178. К чтению см. Gerov B. Die Invasion der Carpen im Jahre 214 // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Oxf., 1971. S. 431–436.

¹⁷ Gerov. Op. cit. S. 432; Карышковский П.О. Из истории Тире в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 74–77; ср. Кон. Ук. соч. С. 44–45.

¹⁸ Domaszewski A. von. Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte // RhM. 1902. 57. S. 507. Anm. 8.

публикации еще одной почетной надписи в честь того же лица, в которой сохранилось упоминание места сражения: *ges ... Tucae ge[stas]*¹⁹. По всей видимости, тот же Тит Аврелий Флавин поставил *ex voto* мраморный алтарь, обнаруженный в окрестностях Тире у с. Беленькое. В надписи, датированной благодаря упоминанию консулов 217 г., называется, к сожалению, неполностью сохранившееся имя дедиканта: *T(itus) Aur(elius) [Flavi]nus*²⁰. Эта находка дополнительно подтверждает названную интерпретацию. Видимо, с теми же событиями связана и упоминавшаяся выше надпись другого римского военного – консульского бенефициария первого Италийского легиона Марка Помпея Луция (*IGBulg. I². 24 bis*), относящаяся ко времени не раньше эпохи Каракаллы (на это указывает название легиона *Antoniniana*, которое легионы, размещенные на дунайской границе, получили в его правление). Предположение о том, что он получил звание *булевта* трех нижнемезийских городов (Дионисополя, Каллатиса и Маркианополя) за участие в тех же событиях 214 г., в которых отличился Тит Аврелий Флавин²¹, весьма вероятно.

Таким образом, в нашем распоряжении уже имелись данные о том, что в первой половине III в. некоторые представители провинциальной элиты могли быть *булевтами* одновременно нескольких городов Западного Причерноморья. Однако до сих пор эти свидетельства касались лишь римских военных, получавших соответствующие почести от греческих городов за удачные военные действия в непосредственной близости от них и соответственно их защиту²². Публикуемая надпись является первым прямым свидетельством того, что эта практика в Западном Причерноморье, как и в других частях империи, не ограничивалась римскими военными. В самом деле, надпись не дает никаких оснований предполагать, что М. Аврелий Артемон имел какое-либо отношение к римской армии: речь идет, очевидно, об уроженце одного из греческих городов региона, скорее всего Истрии, и не думавшего делать военную карьеру. Сама надпись свидетельствует о том, что тесные связи, всегда существовавшие между различными городами понтийского региона, не прерывались и в III в.

Можно полагать, что упоминаемый в надписи М. Аврелий Артемон был весьма выдающимся деятелем, по крайней мере по черноморским масштабам. При этом в отличие от своих современников Т. Аврелия Флавина и М. Помпея Луция он не был римлянином, а принадлежал к греческой провинциальной элите. Его деятельность, конечно, не ограничивалась рамками одного полиса и включала столь неблизкие города, как Тира и Гераклея. Тем не менее отождествить его с одним из многочисленных омонимов, упоминаемых в

¹⁹ *Gerov. Op. cit. S. 432–433.*

²⁰ *Карышковский П.О.* Новые эпиграфические находки в Поднестровье и Подунавье // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С. 57–58; *Бруяко И.В., Росохацкий А.А.* К политической истории Нижнего Поднестровья в первой четверти III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 22–28.

²¹ *Gerov. Op. cit. S. 434–435; Карышковский.* Из истории Тире... С. 77–78.

²² Ср. статьи о херсонесском декрете 174 г. в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды, прокуратора Нижней Мезии, направленного в Херсонес во главе воинского отряда. За спасение города от военной опасности он получил гражданство, членство в совете и статус *проедра*. Интересно, что одновременно с ним чувствуется и его жена Аврелия Паулина, которой даруются гражданство и обычные для проксионов привилегии, но не членство в совете (*Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–86; *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60; *Смышляев А.Л.* Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3. С. 141–147).

надписях близкого времени (особенно популярно это имя было в Термессе в Писидии²³), не представляется возможным.

Следует заметить, что в ряде случаев получение дополнительного гражданства было не только знаком престижа и формой оказания почестей, но имело и вполне меркантильный интерес. Именно такова была ситуация с гражданством Тиры. Как мы знаем из надписи IOSPE I². 4, датированной 201 г., граждане Тиры имели существенные фискальные привилегии. Судя по содержанию надписи (сткк. 23–28), Тира злоупотребляла своим привилегированным положением, слишком щедро даруя свое гражданство иностранцам (очевидно, не без выгоды для себя²⁴) и тем самым частично выводя их из-под налогообложения. Эта практика приняла такие масштабы, что стала негативно влиять на доходы провинции. Для пресечения злоупотреблений потребовалось вмешательство римских властей и даже самих императоров (Септимия Севера и Каракаллы). В результате фискальные привилегии Тиры были сохранены, но существенно ограничено право предоставлять гражданство и, следовательно, расширять круг лиц, которые могли ими пользоваться: отныне, в отличие от обычной практики, для получения гражданства стало недостаточным постановление совета и народа. Это постановление, чтобы вступить в силу, должно было утверждаться специальным декретом наместника провинции. Этот факт красноречиво свидетельствует о размере фискальных привилегий, которыми обладали тириты, а также и об уровне зависимости Тиры от провинциальных властей. М. Аврелий Артемон, очевидно, обладал достаточным влиянием, чтобы добиться у наместника провинции своего утверждения в качестве гражданина Тиры. Впрочем, нельзя исключать и того, что этот статус он унаследовал от своего отца или деда, получивших его еще в тот период, когда новые правила не были введены, т.е. до 201 г. Во всяком случае, гражданство и членство в совете Тиры не было для него просто почетным званием: публикуемая надпись показывает, что он финансировал некоторые важные для города мероприятия, в данном случае установку императорской статуи.

Таким образом, публикуемая надпись является еще одним важным источником по истории Тиры, да и всего причерноморского региона в 20-е – 30-е годы III в. Она дополняет наши сведения о системе гражданства и государственного устройства понтийских городов этого времени, административно входивших в состав Римской империи. Так, она впервые свидетельствует о том, что причерноморские города в это время предоставляли почести в виде прав гражданства и членства в своих советах не только римским военным, но и уроженцам соседних греческих городов, не связанным с римской армией или администрацией. Эти представители греческой провинциальной элиты, очевидно, играли важную роль в жизни городов, выступая, в частности, эвергетами. Такая практика также свидетельствует о важности «горизонтальных» связей между городами различных частей причерноморского региона, в том числе входивших в состав разных римских провинций (например, Тира, Истрия и Гераклея). Впрочем, этот вывод не является неожиданным – совершенно аналогичная картина известна и в других регионах Римской империи.

²³ Список упоминаний см. TAM III. 1. 1941. S. 318.

²⁴ Известно, что гражданство некоторых полисов в римское время можно было просто купить (в Афинах до запрещения этой практики Августом: *D. Cass.* 54. 7. 2; в Тарсе: *D. Chrys.* XXXIV. 23 и др.), см. *Sartre.* Op. cit. P. 126–127. В любом случае полисы были заинтересованы в привлечении в состав своих граждан богатых и влиятельных людей, бывших потенциальными эвергетами.

A NEW INSCRIPTION OF THE EPOCH OF SEVERUS ALEXANDER FROM TYRAS

A.I. Ivantchik, N.A. Son

The authors publish an inscription of the epoch of Severus Alexander (222–235) recently discovered in Tyras (now in a private collection). The inscription can be reconstructed almost completely and translated as follows: «[To the Good] Fortune. (The statue) [of Emperor] Caesar Marcus Aurelius [Severus Alexa]nder Felix [Pius Augustus] – Marcus Aurelius Artemon Hi[stri]an (?), ... , H[er]acleian, Ty[r]ian... m]ember of the council, (erected) in accordance with the resolution [of Most Sacred Council and most] glorious [peo]ple». As numerous analogies show, M. Aurelius Artemon mentioned in the inscription was not only a citizen of a number of Pontic cities (Histria, which, probably, was his native place, Heraclea, Tyras and two other cities in lacunas), but also a member of their councils. In most Greek cities of the imperial epoch members of councils were appointed for life, and the councils became very much like local senates. Membership could often, if not always, be inherited or granted to foreigners together with citizenship. This practice, widespread in the Greek world in the imperial epoch, had not been attested before in the North Pontic Area, and in the West Pontic Area was attested for military officers of high rank. M. Aurelius Artemon obviously did not belong to the latter and was a representative of Greek provincial elite.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2004 г.

В. М. Зубарь

ЕЩЕ РАЗ ПО ПОВОДУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ В ЧЕСТЬ АГАСИКЛА, СЫНА КТЕСИЯ (IOSPE I². № 418)

Одной из важнейших категорий источников, использующихся для изучения исторического развития Херсонеса, являются эпиграфические, которые со времени издания корпуса В.В. Латышева, наряду с археологическими и нумизматическими, постоянно привлекаются для реконструкции различных аспектов его истории. Работа с ними сложна и сопряжена с определенными трудностями, а атрибуция не всегда однозначна. К сожалению, они имеют определенную границу информативности, переходить которую при интерпретации и реконструкции надписей вряд ли следует. Скрупулезный анализ этой категории источников и корреляция данных эпиграфики с результатами, полученными в ходе археологических исследований, являются первым и, пожалуй, важнейшим этапом при написании всякой историко-археологической работы. Поэтому хотелось бы еще раз вернуться к почетной надписи в честь Агасикла, сына Ктесия, которая уже неоднократно служила и еще долго будет служить объектом повышенного внимания, и попытаться выяснить, как археологические реалии согласуются с принятой сегодня в научной литературе характеристикой его деятельности.

Надпись вырезана на мраморном постаменте статуи Агасикла, которая, вероятно, была установлена рядом с каким-то монументальным сооружением¹. По данным палеографии Ю.Г. Виноградов датировал памятник рубежом IV–III вв. или самым началом III в. до н.э.² Правда, В.П. Яйленко не согласился с такой датировкой, полагая, что его следует отнести ко времени, близкому к

¹ IOSPE I². № 418; Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 350–351. Прим. 202; Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // ХСб. 1999. 10. С. 127, 138–139. № 1(22); Яйленко В.П. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 10. Москва–Магнитогорск, 2001. С. 182.

² Виноградов, Шеглов. Ук. соч. С. 335. Такая датировка, предложенная Ю.Г. Виноградовым на основании палеографии надписи, подтверждается исполнением Агасиклом обязанностей агранома, деятельность которого на этом посту В.И. Кац относит к промежутку времени между 300–285 гг. до н.э. (Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 51, 76: группа I, подгруппа В; ср. Яйленко. Ук. соч. С. 182–184).

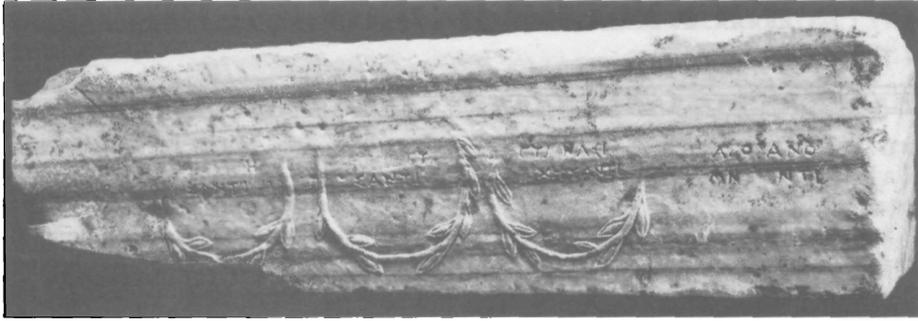

Рис. 1. Боковая грань постамента статуи Агасикла, сына Ктесия

270 г. до н.э.³ Признавая весомость некоторых аргументов В.П. Яйленко, приведенных в пользу именно такой датировки, следует подчеркнуть, что они далеко не бесспорны и в лучшем случае свидетельствуют о возможности отнесения памятника лишь к началу или первым двум десятилетиям III в. до н.э.⁴ Это, по сути, ничего не меняет, а лишь говорит об отсутствии еще в достаточной мере разработанной датировки шрифта ранних херсонесских надписей. К тому же, предложенная В.П. Яйленко дата памятника плохо согласуется с ситуацией, сложившейся в Херсонесе к 270 г. до н.э., что заставляет вслед за Ю.Г. Виноградовым отнести установку почетной надписи в честь Агасикла ко времени не позднее начала III в. до н.э.

Заслуги чествуемого гражданской общиной Агасикла перечислены в восьми венках из плюща и лавра, расположенных на двух гранях постамента. Упоминание об отправлении им ординарных магистратур («устроившему рынок»(?), «исполнившему должность стратега»(?),⁵ «отбывшему жречество»(?), «исполнившему должность гимнасиарха», «завершившему магистратуру агоранома») вырезаны в венках на длинной боковой грани (рис. 1). А три другие, в которых засвидетельствовано исполнение Агасиклом экстраординарных магистратур, находились в венках на лицевой стороне постамента. Они взаимосвязаны между собой и отражают, как считается, комплекс мер по организации и защите подвластных Херсонесу земель в Северо-Западной Таврике («провел границу виноградной области на равнине»⁶, «предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его», «бывшему стеностроителем»)⁷ (рис. 2).

³ Яйленко. Ук. соч. С. 182–184.

⁴ Там же. С. 180–181.

⁵ Ю.Г. Виноградов не без оснований считал, что это восстановление весьма условно, так как противоречит симметрии строк в других венках, и был склонен принимать мнение Э. Минза (*Minns E.H. Scythians and Greeks. Camb., 1913. P. 646*), согласно которому здесь нужно восстанавливать: «исполнившему должность дамиурга» (*Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 351. Прим. 203; ср. Welwei K.-W. Die griechische Polis. Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1998. S. 61, 73, 256, 264; Владимиров А.А. К вопросу о структуре государственного управления Херсонеса Таврического // Античный мир. Белгород, 1999. С. 96–104; он же. Адміністративна реформа у Херсонесі Таврійському в останній чверті I століття до н.е. в світлі можливих варіантів реконструкції однієї епіграфічної пам'ятки // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. 8. С. 237–240*).

⁶ В.П. Яйленко считает, что чтение и интерпретация текста в этом венке, предложенные Ю.Г. Виноградовым, не могут быть приняты (Ук. соч. С. 178–180). Оставляя эпиграфистам окончательное решение этого вопроса, следует подчеркнуть, что для нашей темы важным является основное значение глагола ὀρίζοντι – «проводит границу» (от ὀρίζω) (ср. там же. С. 178), что, безусловно, свидетельствует о деятельности Агасикла именно на территории хоры.

⁷ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 351–358; ср. Яйленко. Ук. соч. С. 178–180.

Рис. 2. Лицевая сторона постамента статуи Агасикла, сына Ктесия

Принимая поправки к прочтению заслуг Агасикла в венках на лицевой стороне постамента, предложенные Ю.Г. Виноградовым на основании аналогий, все же нельзя безоговорочно согласиться с его заключением, как, впрочем, и с мнением его главного оппонента⁸, что все перечисленные деяния чествуемого были совершены вдали от Херсонеса, на территории херсонесских владений в Северо-Западной Таврике. Упоминание в венках на боковой стороне постамента магистратур, отправлявшихся этим деятелем, вне всякого сомнения, было связано с Херсонесом. Поэтому логично предположить, что и на лицевой стороне были отмечены наиболее значимые заслуги чествуемого, проведенные в жизнь в непосредственной близости от полиса. Они не только затрагивали интересы подавляющего большинства членов гражданской общины, но и были им хорошо известны. Поэтому в венках, как на боковой, так и на лицевой стороне постамента, отсутствовали указания о том, где конкретно протекала деятельность Агасикла на благо гражданской общины. В противном случае в венках на лицевой стороне следовало бы ожидать определенных уточнений того, где именно находилась граница «виноградной области» или виноградников, располагались гарнизон и стена, возведенная Агасиклом. Такой логический вывод хорошо согласуется со всем тем, что сегодня известно из истории Херсонеса на рубеже IV–III вв. и в начале III в. до н.э.

К последней четверти – концу IV в. до н.э. в целом была завершена сплошная размежевка территории Гераклейского полуострова, а на ряде земельных участков возведены усадьбы⁹. Завершение процесса освоения большей части земель в непосредственной близости от Херсонеса, вероятно, потребовало организационного и юридического закрепления границ земельного фонда. Размежеванная территория Гераклейского полуострова доходила только до Сарандинакиной балки, а земли к востоку от нее вплоть до гребня Сапун-горы, возвышенности Карагач и Каранских высот, площадью 1500–2000 га на про-

⁸ Яйленко. Ук. соч. С. 175–187.

⁹ Кац В.И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове // *Античный мир и археология*. Вып. 1. 1972. С. 32–36; Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории сельских усадеб на Гераклейском полуострове // *Древнее Причерноморье*. Одесса, 1990. С. 78; Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 16; Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. С. 10; Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь, 1999. С. 44.

тяжении всей античной эпохи оставались нераспаханными и, как предполагается, использовались в качестве общественного выгона для выпаса скота¹⁰.

На Гераклейском полуострове количественно преобладали виноградники¹¹, а в самом Херсонесе уже к рубежу IV–III вв. до н.э. было налажено достаточно масштабное производство амфорной тары для транспортировки вина¹². А в Северо-Западной Таврике ведущей отраслью сельского хозяйства было производство зерна¹³, виноградники же занимали сравнительно небольшие площади. Во всяком случае, пока на освоенных греками обширных территориях в этом районе следы виноградных плантажей зафиксированы только у мыса Ойрат, в окрестностях Калос Лимена и Керкинитиды (Маяк 2)¹⁴. Орудия труда и приспособления, связанные с этой отраслью сельскохозяйственного производства и датирующиеся IV – первой половиной III в. до н.э., представлены единичными находками¹⁵. Это позволяет согласиться с теми исследователями, которые полагают, что выращивание винограда и его переработка велась в хозяйствах Северо-Западной Таврики. Но эта отрасль в отличие от зернового хозяйства не имела товарной направленности и была ориентирована на собственное потребление¹⁶. Поэтому целую «виноградную область» или «виноградники» и «равнину», упомянутые в почетной надписи в честь Агасикла (рис. 3), нельзя безоговорочно локализовать исключительно в Северо-Западной Таврике¹⁷. Косвенно в пользу этого свидетельствует характер ландшафта Гераклейского полуострова, который вполне может быть назван равнинным¹⁸.

В связи со сказанным нельзя обойти вопрос о локализации «равнины» текста Присяги граждан Херсонеса, близкой по времени почетной надписи в честь Агасикла¹⁹. Как считал Ю.Г. Виноградов, постановка артикля тоῦ пе-

¹⁰ Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. 6. С. 47–49; Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 33–77; ср. Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 74.

¹¹ Стржелецкий. Ук. соч. С. 66; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 102; Рогов. Ук. соч. С. 75.

¹² Ахмеров Р.Б. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1946. № 4. С. 188–191; Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 59–60; Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–153; она же. Херсонес: Керамическое производство // САИ. 1966. Вып. Г-1. 20. С. 25–26. № 39–49; Кац В.И. Внешняя торговля и экономика античного Херсонеса (V–II вв. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1967. С. 9; Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов, 1989. С. 50.

¹³ Ср. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 113; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 331.

¹⁴ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 110–112; Яценко И.В. Раскопки греческого поселения на городище «Чайка» и виноградники у Евпаторийского маяка в 1983–1984 гг. // Достижения советской науки в XI пятилетке. Тез. докл. конф. Баку, 1985. Ч. 2. С. 383–385; она же. Городище Чайка и его округа // АО за 1984 г. М., 1986. С. 334–335; она же. Исследования на западной окраине Евпатории // АО за 1985 г. М., 1987. С. 442–443; Колесников А.Б., Яценко И.В. Античный виноградник на Евпаторийском мысу // Проблемы исследования античных городов. Тез. докл. конф. М., 1989. С. 57–58.

¹⁵ Карасев А.Н. Раскопки на городище у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. 1965. 103. С. 138; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 112.

¹⁶ Рогов. Ук. соч. С. 76; Кутайсов В.А. Аграрная история Керкинитиды // ХСб. 1999. 10. С. 83, 88–89; ср. Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 340.

¹⁷ Ср. Стржелецкий. Ук. соч. С. 52, 159; Тюменев А.И. Херсонесские этюды. 6: Херсонес и Керкинитиды // ВДИ. 1955. № 3. С. 46. Прим. 1; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 122–123; Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 9; Пальцева Л.А. К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 114; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 140; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 347, 339–340; Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 76.

¹⁸ Подробнее см. Рогов. Ук. соч. С. 72–75.

¹⁹ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 335.

Рис. 3. Венок с упоминанием границы виноградной области или виноградников на «равнине» на лицевой стороне постамента

ред *λεδίου* свидетельствует об идентичности «равнины» в этих эпиграфических документах²⁰.

На сегодняшний день большинство исследователей помещают ее не в ближайших окрестностях Херсонеса, как и «равнину» почетной надписи в честь Агасикла, а в Северо-Западной Таврике²¹. В этом они, так или иначе, следуют за В.В. Латышевым и С.А. Жебелевым²², приводя как дополнительный аргумент результаты археологических исследований второй половины XX в. в Северо-Западной Таврике²³. Предполагается, что «равнина» текста Присяги была расположена за пределами земледельческой округи Керкинитиды и Калос Лимена²⁴.

Но в тексте Присяги ничего не сказано о том, где конкретно располагалась «равнина», что не позволяет безоговорочно согласиться с предположением о ее локализации именно в Северо-Западной Таврике. Более того, «равнина» упоминается в Присяге только в 11-м пункте вне всякой связи с Керкинитидой, Калос Лименом или иными укреплениями херсонеситов. Из расположения пункта в тексте Присяги с упоминанием «равнины», хлеб с которой должен был вывозиться только в Херсонес, следует, что он, как и несколько предыдущих, относится не к удаленным владениям гражданской общины, а к регламентации поведения членов гражданской общины во внутренних делах.

²⁰ Там же. С. 340.

²¹ *Щеглов. Северо-Западный Крым...* С. 121–123; *Соломоник. Ук. соч.* С. 8–9; *Пальцева. Ук. соч.* С. 114; *Сапрыкин. Ук. соч.* С. 140; *Виноградов, Щеглов. Ук. соч.* С. 340 и др.

²² *IOSPE I². № 401; Жебелев С.А. Херсонесская присяга // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 230–232; ср. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. 21. С. 192. Прим. 1; Белов. Ук. соч. С. 56–57.*

²³ Ср. *Соломоник. Ук. соч.* С. 9.

²⁴ *Щеглов. Северо-Западный Крым...* С. 121.

Ю.Г. Виноградов, проанализировавший этот пункт, пришел к выводу, что его включение в текст Присяги было обусловлено исключительно фискальными целями, а точнее – необходимостью пополнения бюджета государства за счет таможенных пошлин, собиравшихся с экспортных партий зерна, вывозившихся через херсонесский порт²⁵. Если это так, то «равнину» в тексте Присяги следует локализовать лишь на Гераклейском полуострове, поскольку требование вывозить хлеб только в Херсонес вряд ли было оправдано, когда речь шла о сельскохозяйственных территориях в Северо-Западной Таврике. Перевозка хлеба, например из района поселения Панское, требовала ощутимых дополнительных затрат на его транспортировку, что вряд ли делало рентабельной такую операцию при последующем его экспорте. Более оправданным с экономической точки зрения было бы разместить специальных херсонесских чиновников непосредственно в одном из пунктов на северо-западном побережье Таврики, где они могли взимать соответствующие пошлины²⁶.

Другое дело, если этот пункт касался Гераклейского полуострова, где, как сейчас считается, в Южной бухте, Килен-бухте и в устье р. Черной находились гавани²⁷, через которые, минуя Херсонес, могли вывозить хлеб²⁸. Не следует также игнорировать возможность периодической нехватки хлеба, выращиваемого на Гераклейском полуострове, где количественно преобладали виноградники²⁹. В неурожайные годы в Херсонесе могла ощущаться нехватка продовольствия для внутреннего потребления³⁰, как это было, например, в первые века нашей эры, когда город контролировал сельскохозяйственные территории лишь на Гераклейском полуострове³¹. Следовательно, есть все основания и «равнину» текста Присяги, и «равнину» в почетной надписи в честь Агасикла помещать на Гераклейском полуострове. Видимо, район, где были расположены земельные наделы, херсонеситы называли именно «равниной», как и жители Афин, которые именовали «равниной» одну из сельскохозяйственных областей в окрестностях своего города³².

В надписи еще в одном венке на постаменте статуи сказано, что Агасикл был «стеностроителем» (рис. 4). На базе сравнительного материала Ю.Г. Виноградов убедительно показал, что эта его деятельность не была связана с возведением укреплений в самом Херсонесе, а имела место за его пределами и отражает процесс укрепления стенами отдельных фортов где-то на хоре³³.

²⁵ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 347–350.

²⁶ Ср. Пальцева. Ук. соч. С. 111. Прим. 2.

²⁷ Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 69–70.

²⁸ Ср. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 50.

²⁹ Стржелецкий. Ук. соч. С. 66; Рогов. Ук. соч. С. 75.

³⁰ Ср. Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 157.

³¹ См. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 22; Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности. Харьков, 1994. С. 66–70.

³² Welwei. Op. cit. S. 153.

³³ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 357–358. Следует полностью солидаризироваться с этим выводом и указать, что, судя по результатам исследований И.А. Антоновой, уже в начале IV в. до н.э. существовала башня XVI и куртина 18, ограничивавшие городскую территорию с юго-востока (Антонова И.А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. 7. С. 117). Что же касается возведения так называемой «цитадели», то строительство укреплений на этой территории, занятой ранее некрополем, началось не позднее второй четверти – середины III в. до н.э. (ср. Щеглов А.Н. Рец.: Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4. Башня Зенона. Симферополь, 1969 // ВДИ. 1974. № 3. С. 173–175; он же. Северо-Западный Крым... С. 131) и никак не может связываться с деятельностью Агасикла (подробнее см. Золотарев, Туровский. Ук. соч. С. 83; Антонова. Ук. соч. С. 120; Зубарь В.М., Антонова И.А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 46–50).

Рис. 4. Венок с надписью «бывшему стеностроителю» на лицевой стороне постамента

Однако и эту деятельность Агасикла также нельзя связывать исключительно с землями Херсонеса в Северо-Западной Таврике.

После размежевки территория Гераклейского полуострова с востока, видимо, была защищена какими-то укреплениями, которые, как и в более раннее время на Маячном полуострове, представляли собой стену с башнями³⁴. Остатки стены или укреплений на гребне Сапун-горы видели путешественники конца XVIII – XIX в., периодически посещавшие этот район. Вот как описывает их в путевых заметках 1793–1794 гг. акад. П.С. Паллас: «Восточнее прямой линии, идущей от Балаклавского залива прямо на север к Инкерману, не встречаешь ничего, что можно было бы принять за древние жилища. Около этой линии идет продолговатая возвышенность поперек всей этой местности (гребень Сапун-горы. – В.З.), на которой, но только по этому направлению, можно заметить слабые следы стены и нескольких башен, частью четырехугольных, частью круглых, из которых большая часть камней могла быть вывезена на постройки Балаклавы и в ближайшую деревню Кады-кой (совр. окраина Балаклавы. – В.З.) затем, что они были, кажется, отесаны. Эти остатки, как можно предполагать, указывают на местоположение стены, которой по

³⁴ Николаенко Г.М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 282; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 18; он же. Некоторые вопросы истории тавров и Херсонеса в конце II – начале I в. до н.э. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 2002. 10. С. 205–206; Марченко Л.В. Защита хоры // ХСб. 1996. 7. С. 193–194; ср. Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 72–73.

Страбону был замкнут Херсонес от Балаклавской бухты до Ахтиярской, на расстоянии 40 стадий»³⁵.

И.М. Муравьев-Апостол писал следующее: «От Балаклавы, через татарское селение Кады-кой, прямо до устья р. Узень... 40 стадий, то есть 8 верст; и по всему этому пространству, составляющему перешеек полуострова, приметны еще и теперь следы бывшей тут некогда стены ... Бугорки, один от другого вблизи находящиеся в прямом направлении от юга к северу, суть несомненные признаки стены сей...»³⁶. Зафиксировали остатки этой стены в своих работах С. Богуш-Сестренцевич, Н. Мурзакевич, А. Демидов, З. Аркас, но их сведения о ней менее подробны³⁷.

О «стене херсонесцев», расположенной где-то на границе контролировавшихся Херсонесом земель, которую следует отождествлять с местностью между Инкерманом и Балаклавой³⁸, говорит и Страбон (VII. 4. 7). А на высоте Суздальской и Козацкой зафиксированы остатки башен II – первой половины III в. н.э.³⁹, свидетельствующие о том, что именно здесь римлянами были возведены сигнальные посты, с помощью которых осуществлялась защита жизненно важного сельскохозяйственного района к западу от гребня Сапун-горы⁴⁰. П.С. Паллас упоминает не только круглые, но и четырехугольные в плане башни, хорошо известные на усадьбах Гераклеяского полуострова в эллинистический период⁴¹. Если же учесть, что какие-либо аналогичные фортификационные сооружения эпохи средневековья здесь не известны, то с определенной долей риска можно говорить, что П.С. Паллас и другие путешественники видели на гребне Сапун-горы следы укреплений римского времени. Они были возведены на месте «стены херсонесцев» с башнями, о которой упоминает Страбон, построенной, вероятно, еще под руководством Агасикла, сына Ктесия, около рубежа IV–III вв. до н.э. Строительство стены в этом районе было обусловлено достаточно частыми набегами на земельные владения города окрестных варваров.

Сейчас на основании археологического материала предполагается, что в конце IV в. до н.э. далеко не на всех земельных участках херсонеситов, расположенных на Гераклеяском полуострове, имелись дома-башни⁴², где их владельцы могли укрыться в случае внезапной опасности. Поэтому строительство стены, защищавшей сельскохозяйственную территорию, рассматривалось как весьма важное для подавляющего большинства землевладельцев – членов гражданской общины – общегосударственное и в то же время экстраординар-

³⁵ Паллас П.С. Путешествие в Крым // ЗООИД. 1881. 12. С. 97.

³⁶ Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823. С. 105.

³⁷ Подробнее см. Даниленко В.Н. Херсонес и тавры Гераклеяского полуострова // МАИЭТ. 1993. 3. С. 237.

³⁸ Зубарь. Некоторые вопросы истории тавров... С. 205–206.

³⁹ Филиппенко А.А. Организация римских укреплений в окрестностях Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 64; Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 91–92; Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 20. Прим. 32; ср. Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. 2000. № 2. С. 52–57. Не исключено, что к этому же времени относились и остатки квадратной в плане башни, которую видел на гребне южного склона возвышенности Карагач Фр. Дюбуа де Монпере (см. Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 147).

⁴⁰ Подробнее см. Зубарь. Еще раз о Таврическом лимесе. С. 57–59.

⁴¹ Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове // КСИА. 1981. 168. С. 9–16.

⁴² См. там же. С. 14; Николаенко. Хора Херсонеса Таврического... С. 4.

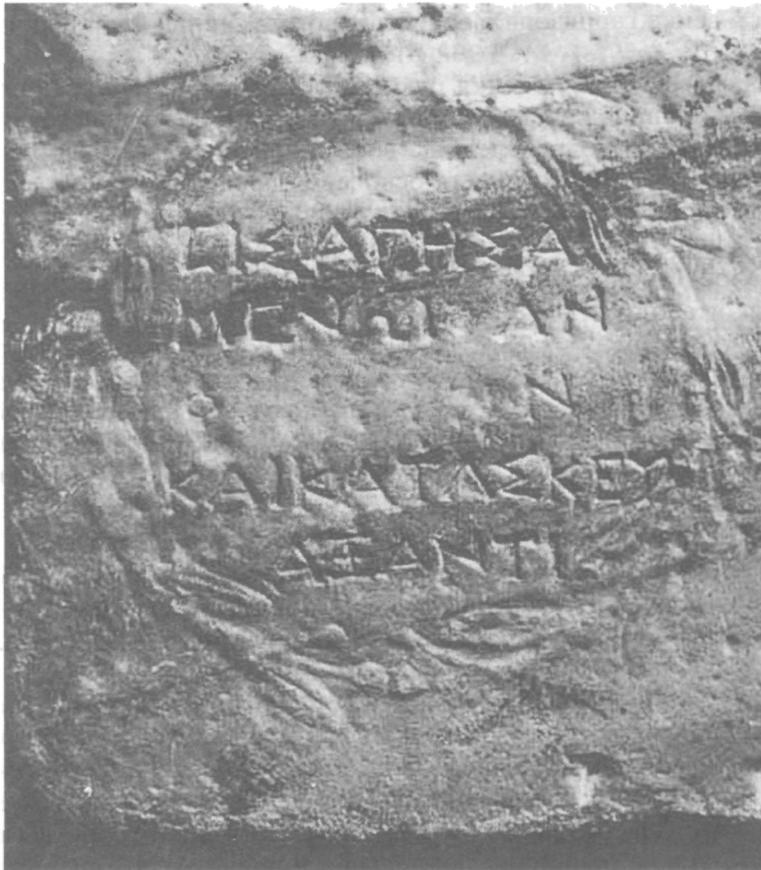

Рис. 5. Венок с надписью «предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его» на лицевой стороне постамента

ное мероприятие. Подтверждается это и расположением венка с указанием о «стеностроительстве» Агасикла на лицевой стороне постамента его статуи.

Сооружение стены под руководством Агасикла на границах херсонесской хоры на Гераклеяском полуострове около рубежа IV–III вв. до н.э. напоминает аналогичные действия, проводившиеся в разное время на различных территориях по возведению дорогостоящих оборонительных сооружений для защиты земель от рейдов кочевых народов. Но такие мероприятия, как правило, не могли надежно сдержать напор кочевников, которые своими действиями, как это имело место и в херсонесской истории несколько более позднего времени, неоднократно доказывали неэффективность таких укреплений⁴³.

Со строительством стены хорошо согласуется надпись в третьем венке на лицевой стороне постамента статуи Агасикла, где сказано, что ему была оказана еще одна почесть за предложение декрета о гарнизоне и его организации (рис. 5). Причем терминология надписи не оставляет сомнений в том, что этот гарнизон находился не в самом Херсонесе, а в каком-то укреплении за его пределами и охранял границы государства⁴⁴. Косвенно это подтверждается упо-

⁴³ Ср. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. С. 355.

⁴⁴ *Виноградов, Щеглов.* Ук. соч. С. 354–356.

минанием в венке гарнизона в единственном числе, на что обратил внимание В.П. Яйленко⁴⁵.

Следовательно, если Агасикл руководил сооружением укрепленной линии на восточной границе Гераклеяского полуострова, то на этой границе должны были размещаться и определенные вооруженные силы, способные противостоять противнику. Поэтому есть основания предполагать, что гарнизон, учрежденный Агасиклом, был размещен не в одном или нескольких фортах херсонесской хоры в Северо-Западной Таврике и в таких городках, как Керкини-тида и Калос Лимен, а в укреплениях, возведенных на восточной границе Гераклеяского полуострова.

Сказанное, таким образом, позволяет заключить, что около рубежа IV–III вв. или в начале III в. до н.э., одновременно с принятием Присяги, свидетельствующей о создании в Западной Таврике государственного образования эллинистического типа с центром в Херсонесе⁴⁶, благодаря выдающемуся личному вкладу Агасикла, сына Ктесия, законодательно были закреплены границы размежеванной на Гераклеяском полуострове территории и возведены укрепления на обрывистых склонах Сапун-горы («стена херсонесцев» Страбона), которые были заняты специально сформированным гарнизоном. Не исключено, что перечисленные действия Агасикла следует рассматривать как заключительный этап организации земель на Гераклеяском полуострове, размежевка которых была начата еще в середине IV в. до н.э.

Возможность локализации «равнины» почетной надписи Агасикла, как, впрочем, и «равнины» текста Присяги, на Гераклеяском полуострове уже не позволяет однозначно подходить к интерпретации этого памятника и связывать его деятельность по организации хоры Херсонесского государства исключительно с Северо-Западной Таврикой. Есть достаточно веские основания считать, что им был проведен целый комплекс экстраординарных мер на границе сельскохозяйственных владений херсонеситов в восточной части Гераклеяского полуострова, нашедший отражение в надписях на лицевой стороне постамента статуи этого государственного деятеля. Следовательно, настало время вернуться к почти уже забытому мнению о том, что «равнину» еще со времени Фр. Дюбуа де Монпере уверенно располагали на Гераклеяском полуострове⁴⁷. А ее локализация в Северо-Западной Таврике базировалась не на данных каких-то новых источников или ревизии уже известных, а связывалась а priori с этим районом, где во второй половине XX в. велись масштабные археологические исследования, результаты которых, казалось, подтверждали этот вывод. Иными словами, еще раз вспомним хорошо известную истину: «новое» – это хорошо забытое «старое».

⁴⁵ Яйленко. Ук. соч. С. 182.

⁴⁶ Тюменев. Ук. соч. С. 45; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 127; Фролов Э.Д. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // Материалы III Всесоюзного симпозиума «Эллинизм и Причерноморье». Тез. докл. Тбилиси, 1982. С. 94; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 320–321; Зубар В.М. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV – початку III ст. до н.е. // Археологія. 1990. № 1. С. 49–50; он же. Херсонес Таврический... С. 101.

⁴⁷ Ср. Белов. Ук. соч. С. 57; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 28; Стржелецкий. Ук. соч. С. 52; Анохин. Ук. соч. С. 50.

REVISING THE INSCRIPTION IN HONOUR OF AGASICLES,
SON OF CTESIOS (IOSPE I². № 418)

V.M. Zubar

An analysis of the inscriptions within the wreaths on the front side of the pediment of Agasicles' statue leads the author to the conclusion that on the turn of the 4th–3rd cc. BC or at the beginning of the 3rd c. BC, simultaneously with the adoption of the Chersonesian Oath, the borders of the land (divided into allotments) of the Heracleian Peninsula were fixed legislatively and fortifications were built on the craggy slopes of the Sapun Mountain to be occupied by a specially formed garrison. The present archaeological data prove that the «plain» of Agasicles honorary inscription, as well as the «plain» of the Chersonesian Oath, cannot be localized in north-western Taurica. There are sufficient grounds for supposing that Agasicles, son of Ctesios, took a series of extraordinary measures on the border of Chersonesian agricultural possessions in the eastern part of the Heracleian peninsula, which was reflected in the text of the inscription within the wreaths. Consequently, it is high time to return to the opinion that the «plain» is to be localized in the Heracleian Peninsula. Its localization in north-western Taurica was based neither upon the data of new sources nor on revised old data, but was a priori connected with this area, where large-scale excavations were conducted in the second half of the 20th century, which as it might seem could confirm such conclusions.

© 2004 г.

А. Д. Никитина

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ КОЛОНИИ КАНИША (XIX в. до н.э.)

Этнический состав международного торгового сообщества, создавшего на территории Анатолии среднебронзового периода сеть торговых колоний с центром в Канише¹, – одна из ключевых проблем изучения этих колоний. Ее решение позволит судить о сравнительном влиянии различных этногрупп, представленных в названном сообществе: ассирийцев, чья деятельность наиболее полно отражена в документах, местных аборигенов (хеттов и лувийцев), входящих в состав населения торговых колоний, и других групп.

Благодаря обилию письменных и археологических материалов в качестве основного и наиболее репрезентативного звена указанной системы колоний, по примеру которого организовывались и остальные ее части, может рассматриваться ее центр – международная торговая колония в Канише. При реконструкции ее этнического состава мы использовали материалы раскопок Б. Грозного на цитадели Каниша (городища Кюль-тепе) в 1925–1927 гг.², легшие в основу собрания Пражского университета³, и данные более поздних раскопок Т. Эзгюча⁴. Все эти источники происходят прежде всего из северной части торговой колонии, заселенной первоначально ассирийскими купцами (позже к ним присоединились амореи); письменные материалы из южной части поселения носят фрагментарный характер⁵. Хронологически они представляют период расцвета деятельности торговых колоний (археологические слои Кюль-те-

¹ В целом эта сеть насчитывала около 120 поселений, из которых 10 или 11 были центральными, непосредственно подчиненными канишскому. См. Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1968. С. 24 сл.; *Garelli P.* Les Assyriens en Cappadoce. P., 1963. P. 83–122.

² Подробнее о деятельности Б. Грозного см. *Hrózny B.* Rapport preliminaire sur les fouilles tchecoslovaques du Kultepe // *Syria*. 1927. 8. P. 1–12; *Matouš L.* Bedrih Hrozny. Leben und Forschungswerk eines tschechischen Orientalisten. Prag, 1952.

³ *Matouš L.* Zur Bestimmung der Altassyrischen Siegeigentümer // *Societies and Languages of the Ancient Near East*. Studies in Honor of I.M. Diakonoff. Warminster, 1982. P. 262–264; *Matouš L., Matoušova-Raimova M.* Kappadokische Keilschrifttafeln mit Siegel aus den Sammlungen der Karlsuniversität in Prag. Praha, 1984 (публикации источников: P. 3–87; дополнительная информация по материалам печатей, содержащихся на документах: P. 87–125).

⁴ *Ozgiç T.* An Assyrian trading outpost // *Scientific American*. 1963. 208/2. P. 96–106; *idem.* Excavations of Kultepe. 1954 finds on level II // *Turkish Historical Society Bulletin*. 1955. 19/73. P. 64–72; *idem.* Excavations of Kultepe. Finds on level Ib // *Ibid.* P. 77–80. В общей сложности было раскопано примерно 150 домов.

⁵ Таблички находили под полами домов ашшурских, аморейских купцов (на севере поселения) и их малоазийских коллег (на юге и, фрагментарно, в центре поселения, где располагались торговые лавки) в больших керамических сосудах и ларях из терракоты. При этом основной объем документов из южной и частично центральной части торгового поселения Каниша по сей день остается неопубликованным и недоступным для исследователей.

пе II и Ib, ок. 1875–1800 гг. до н.э.⁶), завершившийся с образованием державы Шамши-Адада в Верхней Месопотамии, а потом и подчинением мелких государств Анатолии, на территории которых находились наши торговые поселения, новообразованной неситской державе в середине XVIII в. до н.э.

Изучение этнического состава международной торговой колонии Каниша до недавнего времени основывалось только на данных ономастики, полученных при обработке клинописных табличек. Поначалу, в 20-е годы XX в., в результате подобных исследований система международных торговых колоний Анатолии была ошибочно связана исключительно с деятельностью ашшурцев. Однако уже сам П. Гарелли, один из сторонников этой идеи, отмечал, что среди материалов северной (ашшуро-аморейской) части поселения на 1200 семитских имен встречается 800 несемитских. Такое соотношение само по себе противоречит концепции полного этнического преобладания ашшурцев и вообще месопотамцев в колонии⁷. Т. Эзгюч, используя археологические данные, полученные при исследовании построек в северной и южной частях поселения Каниша, отмечает равное количество домов, принадлежащих семитам на севере и несемитам на юге торговой колонии; эти выводы позднее были частично подтверждены письменными источниками и прежде всего материалами ономастики⁸. Н.Б. Янковская, основываясь на материалах ономастики и археологических данных, не только выявила наличие неточностей в отождествлении хурритских имен из документов северной и южной частей торговой колонии, но и подтвердила полиэтничность северной части поселения Каниша, включавшего выходцев из западносемитских, сирийских и приевфратских областей⁹. Однако, как она отмечает, данные ономастики с точки зрения изучения этнического состава торговых поселений – это лишь дополнительный и корректирующий материал, не вполне репрезентативный сам по себе (что связано, с одной стороны, с довольно большим распространением семитских имен на территории Малой Азии, вызванным ассимиляцией пришлых этнических групп местными, а с другой – с довольно часто встречающейся в документах заменой полных имен уменьшительно-искаженными формами).

На следующем этапе исследования нашего вопроса для определения этнической принадлежности авторов документов широко использовались данные глиптики и сфрагистики. Э. Порада и Н. Эзгюч на основе изучения глиптики из северной и южной частей поселения Каниша и выявления специфики соответствующих этнокультурных традиций выделили четыре стиля глиптики, каждый из которых можно соотносить с традицией определенной этнической общности: староассирийский, старовавилонский, сирийский и анатолийский стили¹⁰. Староассирийский стиль должен был, по-видимому, представлять традицию аш-

⁶ В указанных выше работах Л. Матоуша, Н.Б. Янковской, Т. Эзгюча, а также в труде Л. Орлена (*Orlin L. Assyrian colonies in Cappadocia*. P., 1970. P. 201–213) слой Ib датируется временем Шамши-Адада I и его сына Ишме-Дагана (ок. 1813–1757 гг. до н.э.). При этом более ранний слой II должен датироваться на 60–80 лет выше, т.е. примерно 1875–1850 гг. до н.э., что подтверждается документом № 58 из синхронного канишскому II слою второго слоя Алишара – поселения, входящего в состав системы международных торговых колоний (в 43 км к северу от Кюль-тепе; см. *Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and Vicinity*. Chicago, 1935. P. 63 f.).

⁷ *Garelli*. Op. cit. P. 164.

⁸ См. прим. 3.

⁹ См. прим. 4, а также *Янковская*. Клинописные тексты... С. 15–16; *она же*. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н.э.) // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1988. С. 133–137.

¹⁰ *Porada E. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections*. Washington, 1948; *idem*. Kaniš, karum // *RLA*. 5. 1980. S.v.; ср. прим. 3–4.

шурских купцов, старовавилонский – традицию торговцев из Вавилона, Ура¹¹ и других городов Нижней Месопотамии; близкий к староассирийскому сирийский стиль был характерен для этнических групп, населявших территории, по которым проходили караванные пути из Ашшура в Малую Азию (в подавляющем своем большинстве это были амореи, реже – хурриты аморейского ареала или его рубежа, что подтверждают корректирующие данные ономастики), и, наконец, анатолийский стиль – традиция хетто-лувийцев и ассоциированных с ними территориально восточноанатолийских хурритов.

В связи с этой классификацией необходимо упомянуть выводы М.Т. Ларсена, который, изучая финансовую деятельность одного из элементов ашшурской части международного торгового сообщества Каниша (торгового дома купца Имди-Илима)¹², указал на возможность выделения окончательно сформировавшихся в начале XIX в. до н.э. различных стилей глиптики в зависимости от качества материала, из которого изготовлялись печати, и культурно-исторической традиции их изготовления, сложившейся в рамках соответствующей этнической группы. Он отмечает, что большая часть ассирийских печатей отличается ориентированностью на стандартизированное массовое производство, тогда как для анатолийских печатей, не имеющих четко установившихся канонических сюжетов, характерно разнообразие типов¹³. Таким образом, печати и их оттиски на документе из искусствоведческого и культурологического источника превратились также в источник по этнической истории.

Подобная классификация была использована чешскими специалистами во главе с Л. Матоушем при обработке находящейся в их распоряжении одной из самых больших коллекций клинописных документов из северной и примыкающего к ней фрагмента центральной частей торговой колонии Каниша. В итоге они смогли успешно определить стиль глиптики по оттискам печатей на документах, что способствует восстановлению этнической принадлежности их авторов. В 1950-х годах при работе с первыми 287 табличками Л. Матоуш представил только общие контуры классификации по стилям глиптики, ограничившись прежде всего выделением ассирийского, анатолийского и так называемого ассиро-анатолийского стилей¹⁴. Кроме указанных стилей, охватывающих основ-

¹¹ Для Ура с середины III тыс. до н.э. был характерен определенный тип глиптики, который в документах из северной и центральной частей торговой колонии Каниша характеризуется как «Ур III» (*Matouš L. Inscription cuneiformes du Kultepe. V. 1–2. Prag, 1962.*)

¹² Торговый дом являлся самой мелкой социальной единицей ашшурской части торговой общины и торговой общины в целом. Он представлял собой «большую семью», глава которой («отец») был членом совета общины. Остальные зависимые члены семьи, которые могли и не быть в родстве с ее главой, назывались «братьями».

¹³ *Larsen M.T. Your Money or Your Life! A Portrait of Assyrian Businessman // Societies and Languages of the Ancient Near East. Warminster, 1982. P. 214–245.*

¹⁴ Ассиро-анатолийский стиль был выделен Л. Матоушем в качестве смешанного стиля, отражающего как ассирийские традиции, так и анатолийские художественные влияния. Однако, если попытаться определить этническую принадлежность собственника такой печати, перед нами встанет ряд вопросов. В чем причина замены традиционного ассирийского стиля глиптики, если перед нами ассирийский купец? Если же речь идет о местном купце, то зачем ему копировать элементы ассирийского стиля, когда собственно анатолийский, местный стиль уже давно сформировался? Ответить на эти вопросы помогают сохранившиеся в тексте некоторых источников имена собственников соответствующих печатей, принадлежащие, согласно П. Гарелли и Н.Б. Янковской, хурритским торговцам. Хурритам и следует, очевидно, приписать «ассиро-анатолийскую» глиптику. В самом деле, хурриты были «равноудалены» от ассирийского и анатолийского влияния и равно подвергались обоим, населяя территории, отделяющие Ашшур от центрально-восточной части Анатолии. Наше предположение может подтверждаться тем фактом, что, проживая на территории Малой Азии, хурриты поддерживали тесные экономические связи прежде всего с ассирийскими купцами (см. *Garelli. Op. cit.; Янковская. Хурриты в Канише...*).

ную массу материала источников, отмечались еще и «сирийский» (он же «каппадокийский»), собственно вавилонский и, наконец, «обобщенный старовавилонский» (он же «стиль Ура III – Вавилона») ¹⁵. При этом Л. Матоуш постоянно пользовался археологическими материалами из северной и центральной частей торгового поселения Каниша, содержащими данные о расположении и характеристике построек купцов различных этнических групп. Таким образом ему удалось выделить расположенный компактно ареал ассиро-анатолийского стиля, носителями которого, по нашему мнению, являются хурритские купцы (см. прим. 14). По найденным в этом же секторе документам, отличавшимся специфической глиптикой и семитскими именами их владельцев, Л. Матоуш выделил особый «каппадокийский» («сирийский») стиль (всего около 1.5%), а таблички из собственно ассирийской части поселения со сходными оттисками отнес к «ассирийскому» стилю ¹⁶. Дальнейшее изучение канишской глиптики позволило существенно дополнить и скорректировать эту классификацию, и уже следующие 140 документов были четко разделены по отмеченным выше четырем стилям: староассирийскому, старовавилонскому, «сирийскому» и анатолийскому (см. прим. 3).

Таким образом, привлечение канишской глиптики позволяет существенно расширить возможности изучения интересующего нас вопроса и стать основой для его дальнейшего исследования. Здесь необходимо прежде всего отметить, что при том уровне развития общества, который представляют памятники Каниша, при силе общинных связей и изолированном положении иностранных купцов на чужбине, с одной стороны, и противопоставлении их местному населению, с другой, этнотерриториальная и этнокультурная близость должна была выступать как основной фактор разделения их сообщества на организационно-коммерческие подструктуры «земляческого» типа ¹⁷. Тем самым дополнительные данные по интересующему вопросу можно получить, проводя комплексно-статистический анализ информации, которая содержится в оттиске печати или в легенде к ней. Дело в том, что каждый торгово-финансовый документ, найденный на территории Каниша, был опечатан владельцем в качестве квитанции или платежного средства. Рядом с печатью владельца ставилась печать лица, зафиксированного в документе и удостоверявшего правильность его составления (лицо это выдвигалось из числа представителей местной администрации), а затем печати (обычно в количестве одной-двух) компаньонов купца – составителя документа, разделявших с ним финансовую ответственность и принадлежавших к его же этнической «земляческой» группе. Такие же печати ставились на «конверте», в который запечатывался документ во избежание внесения в его текст незаконных изменений. Местом составления документов, как сообщают тексты, прежде всего являлся Каниш, хотя им иногда мог быть и Ашшур, и наиболее крупные поселения внутри системы торговых колоний на территории Малой Азии. Документы, представляющие собой иски (т.е. документы по расчетам, производимым как внутри отдельной этнической группы, так и с привлечением представителей других из них), могут нести

¹⁵ *Matouš*. *Inscriptions cuneiformes du Kültepe*. V. 1–2.

¹⁶ *Ibid.* По характеру имен и написанию отчество в соответствующих документах Л. Матоуш убедительно связал «каппадокийский» стиль с амореями.

¹⁷ Подробнее о социальной структуре торговой колонии в Канише см. *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 45–53; *Янковская Н.Б.* Международное торговое объединение Каниша // ВДИ. 1965. № 3. С. 179–192; *Garelli*. *Op. cit.* P. 245–387; *Orlin*. *Op. cit.* P. 23–142.

две основные печати – истца и ответчика. При исках межэтнического характера к указанным печатям прибавлялась печать члена администрации торговой общины Каниша (так называемого «посла»)¹⁸.

При этом личная печать могла передаваться ее собственником только сыну, ближайшему родственнику по мужской линии, находившемуся в подчинении у самого купца, или непосредственному доверенному лицу¹⁹ из той же этнической группы (любое из этих лиц должно было принадлежать к торговому дому купца), т.е. представителю того же «землячества».

Таким образом, мы можем судить о происхождении документа из данной этнической общины не только по стилю каждой отдельной печати, но и по сочетаниям и корреляциям печатей и имен на различных документах. Используя такой комплексно-статистический анализ и обратившись к изложенным выше данным исследований глиптики и ономастики, мы получаем следующую сводную картину этнического состава населения северной части фактории Каниша. Судя по материалам первого опубликованного комплекса канишских документов, относящегося к северной части и небольшому соседнему сектору центральной части поселения, 39% населения составляли купцы из Ашшура (носители «ассирийского» стиля глиптики) и проживавшие в той же части колонии амореи (включая 1.5% носителей «каппадокийского» стиля). Второй комплекс документов, состоящий из табличек, найденных на севере колонии, показывает 64% семитского населения; при этом 45% составляли ашшурцы и 19% – амореи. Амореи были тесно связаны с ассирийцами, так как происходили с территорий, по которым проходили караванные маршруты из Ашшура в Малую Азию. Археологические данные четко указывают на то, что ассирийские постройки в северной части поселения прослеживаются и в более ранний период, чем аморейские, что подтверждает определенную зависимость (выраженную в том числе и в данных сфрагистики) амореев от ассирийцев как более сильных соседей и первопроходцев. Очевидно, именно ассирийцы вовлекли, с некоторым хронологическим запозданием, амореев (через территорию которых двигались в Анатолию) в торговлю с Малой Азией и привели их туда. К этой же группе можно добавить небольшое количество купцов из Нижней Месопотамии (представивших в первом комплексе документов около 7%, а во втором – около 4%), так как один из основных путей в Анатолию пролегал для них через Ашшур. Иную группу, свободную от влияния ашшурцев, составляли местные купцы, содержавшие лавки и мастерские в центральной части фактории, а также проживавшие в северной ее части либо в качестве уполномоченных местной администрации, либо в качестве посредников, обеспечивающих месопотамским купцам выход на локальные рынки, либо, наконец, в качестве представителей этих рынков в торговой общине Канеше – членов других общин Анатолии. Их общая численность довольно велика (42% – по первому комплексу документов и 22% – по второму), что объясняется не только потребностью в установлении постоянного контроля над деятельностью торговой общины со стороны местной администрации, но и существенной ролью местных торговцев в коммерческих операциях колонии.

¹⁸ См. *Meer P. van der. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce. Rome, 1931. P. 18 f., 124.*

¹⁹ Речь идет о так называемом «представителе», *kīma jāti // kuāti*, текстов из Каниша (*Meer. Op. cit. P. 124*).

Необходимо отметить, что при обращении к данным из центральной части колонии (где находились мастерские и лавки) процент местных купцов существенно увеличивается. Этот факт может свидетельствовать о большей вовлеченности в процесс местного производства местных же торговцев, и, возможно, об их экономическом доминировании в этом производстве.

К отдельной, относительно независимой как от местного (в большей степени), так и от ассирийского (в меньшей степени) влияния группе относились хурриты, которые составляли от 12% (по первому комплексу документов) до 10% (по второму) населения северной и центральной частей поселения. При этом какая-то часть хурритов могла происходить из районов Верхней Месопотамии, по которым пролегал маршрут из Ашшура в Каниш, и появиться в Анатолии вслед за ассирийцами, подобно амореям. Анатолийские хурриты были сравнительно независимы, так как держали под собственным контролем ряд важнейших перевалочных пунктов на пути из Ашшура в Малую Азию, располагавшихся к западу от Евфрата (Уршу, Хашшу и Ма'ма, являвшиеся с рубежа III–II тыс. до н.э. хурритскими центрами), но при этом довольно успешно сотрудничали с ассирийцами, не только заключая совместные сделки, но и выступая в них свидетелями²⁰. К северу от Тавра, в том числе в Канише, хурриты, будь то из Месопотамии или из Юго-Восточной Малой Азии, в любом случае должны были быть пришельцами.

В целом, рассматривая северную, преимущественно верхнемесопотамскую (ашшуро-аморейскую) часть торгового поселения Каниша и смешанную, со сравнительно большим числом анатолийских купцов, центральную его часть, можно отметить не только этническую пестроту проживавшего здесь населения, но и наличие своего рода двух этнических анклавов, поделивших между собой сферы влияния: анклав выходцев из стран к востоку от Евфрата (ашшурцев, амореев, вавилонских купцов), сплоченных общим пребыванием на территории далекого от их родины малоазийского царства, и анклав местных купцов, находившихся примерно в равном численном соотношении с вышеуказанными в центральной части поселения и в меньшинстве в северной его части. Местные торговцы, с одной стороны, вступали с пришельцами из Месопотамии в коммерческие операции, обеспечивая им выход на локальные рынки, с другой – находились от них в экономической зависимости и нуждались в их товарах, осуществляя в то же время постоянный контроль над их деятельностью через представителей местной городской общины или правителя, с третьей – являлись непосредственными организаторами самостоятельных торговых операций сходного вида.

Говоря о хурритах, которых нельзя отнести к какому-либо из двух выделенных анклавов, необходимо отметить, что они имели лавки в центральной части торговой колонии и проживали как в северной, так и в южной ее частях. Последняя осталась относительно малоизученной из-за фрагментарного характера опубликованного источникового материала, дошедшего оттуда. Используя поступившие в научный оборот данные ономастики, археологических раскопок и частично сфрагистики, предоставленные в разное время Т. Эзгючем, Н. Эзгюч и Н.Б. Янковской, и сведя их воедино, мы получим следующее: доля хурритского населения в южной части поселения не превышала 15%, более 70% составляли хетты-неситы (основное население всего района Каниша),

²⁰ Статус хурритов подтверждается одним из канишских документов (*Meer. Op. cit.* P. 45 f.; ср. в целом: *Янковская. Хурриты в Канише...*).

лувийцев же (появлявшихся здесь с юга, из Киликии, и с юго-запада, с плато Конья) насчитывалось, так же как и хурритов, не более 15%²¹.

Итак, в северной части месопотамское большинство жило бок о бок с анатолийским меньшинством, в центральной части, где находились мастерские и лавки, их соотношение было примерно одинаково, а в южной части безусловно преобладал хетто-лувийский элемент. Возможно, речь идет о противопоставлении иностранной северной части торгового поселения (анатолийские купцы которой были членами других городских или сельских общин на территории Малой Азии и также оставались чужаками для купцов-канишцев) – южной, включавшей в основном уроженцев и ближайших соседей Канишского царства.

Для детального изучения центральной, смешанной по населению, части торговой колонии мы пока не имеем достаточно источников; можно лишь предположить, что чем дальше от центра располагались те или иные лавки, торговые конторы или мастерские, тем большее влияние северной (иностранной) или южной (местной) частей поселения они испытывали, и соотношение находившихся здесь иностранных и местных купцов менялось соответствующим образом. Так, на самом юге северной части поселения и в небольшом секторе центральной части, как мы уже отмечали, соотношение месопотамской, хурритской и местной групп было 46% : 12% : 42%, с примерным равенством первой и третьей из них и очень небольшим преобладанием иностранцев (т.е. первой и второй групп в целом), что, очевидно, определялось близостью южной части, где обитали местные купцы, а также самим характером рассматриваемого района – торгового центра, где никто не жил, но постоянно должен был проводиться контроль за деятельностью иностранных купцов.

Сопоставив данные из северной и южной частей торгового поселения Каниша, укажем на то, что представленная в северной части поселения (где непосредственно располагалась иностранная часть торговой общины) система двух этнических анклавов, распредивших между собой уровни экономического и социально-политического влияния, оказывается не менее ярко выражена и в масштабах всего поселения целиком: месопотамская (ашшуро-аморейско-вавилонская) часть составляла в целом 36% от общего числа жителей торгового поселения, хетто-лувийский анклав – 52%, а своеобразным независимым элементом (обеспечивающим тем самым стабильность и равновесие всей системы торговых колоний) было хурритское население, не принадлежавшее к местным жителям и равно размещавшееся в обеих частях торгового поселения – северной, «месопотамской», и южной, «местной», составляя в целом 12% от их общего населения.

Этнический состав населения других торговых колоний, входивших в состав системы связей Каниша, не может быть сколько-нибудь достоверно восстановлен в силу недостатка источников. Можно, однако, предполагать, что процент местного населения здесь был существенно выше, причем в большой излучине Галиса достаточно велика была доля хаттов, в верховьях реки – палайцев, на плато Конья доминировали лувийцы, а к югу от Тавра – хурриты (для этого региона – местное население). В тех же факториях, которые лежали на караванных маршрутах, ведущих от Каниша на восток, за Евфрат, доля амореев и месопотамских хурритов также могла повышаться.

²¹ См. литературу, указанную в прим. 4, 9.

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE INTERNATIONAL KANISH TRADE COLONY (1800 BC)

A.D. Nikitina

The onomastic and glyptic data from Kul-tepe levels II–Ib (c. 1875–1800 BC) gives an opportunity to reconstruct ethnic distribution of the population of the Kanish trade colony as follows: at the northern part of the site, mainly inhabited by foreign traders, 50–60% of population belonged to Mesopotamian/Semitic ethnic enclave (Assyrians, Amoreans, mostly associated to them, and c. 5–7% traders from South Mesopotamia), occupying the northern and partly central part of the site. The Hurrians from South-East Anatolia and North Mesopotamia (to whom the so-called «Assyro-Anatolian» glyptic style can be attributed) constitute c. 10–15% of population at any part of the site – northern, central or southern. The local Hittite-Luwians occupied mostly the southern part. On the whole, the ethnic ratio for both northern and central parts can be approximately given as > 46% (Semitic Mesopotamians) : 12% (Hurrians) : < 42% (Hittites and luwians), while for the southern part it would be c. 15% (Hurrians) : 85% Hittite-Luwians (70% of Hittites and 15% of Luwians). The existence of two different ethnic enclaves/communities (Semitic and Anatolian), inhabiting different quarters, with Hurrians dispersed throughout the whole site as the third independent group, can be deduced from these ratios.

© 2004 г.

А. Н. Темерев

ПОЛОЖЕНИЕ НЕЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЗДНЕМ ЕГИПТЕ

(На примере арамеоязычного¹ населения юга Египта)

Положение незамужней женщины рассматриваемой этнической группы в позднем Египте до сих пор не являлось предметом специального рассмотрения². Вместе с тем, к настоящему времени издано большое количество документов на позднеиератическом, демотическом, арамейском языках, которые составляли основу семейных архивов. Хронологически они датируются эпо-

¹ Под «арамеоязычным населением» мы подразумеваем представителей различных этнических групп, которые в повседневной жизни пользовались арамейским языком. По распоряжению саисских, а затем и ахеменидских правителей отдельные представители этой части населения для выполнения возложенных на них обязанностей направлялись в различные районы Египта. На местах им выделялось жилье и выплачивалось жалование. Обычно служилые люди прибывали к месту службы вместе с членами своих семей (женами, детьми, престарелыми родителями). В арамейских юридических документах среди них часто упоминаются арамеи ('гтуп /'гту') и иудеи (yhwdyn/yhwdy'). Совместное проживание, выполнение общих профессиональных обязанностей, смешанные браки – все это способствовало формированию общих мировоззренческих представлений и общественных институтов. В зарубежной историографии эта группа населения, имевшая сходные этнокультурные корни и исторические судьбы, рассматривается как «jewish-aramaeac communities» (Hoonacker A. van. Une communauté judéo-araméenne à Eléphantine, en Égypte, aux VIe et Ve siècles av. J.-C. L., 1914; Ayad Ayad B. The Jewish-Aramaean Communities in Ancient Egypt. Cairo, 1975) или «aramaic-speaking communities» (Porten B., Gee J. Aramaic Funerary Practices in Egypt // The World of the Aramaeans II. Studies in History and Archaeology in Honour of Paul-Eugene Dion/Ed. P.M.M. Daviau, J.W. Wevers, M. Weigl. Sheffield, 2001 (Journal for the Study of the Old Testament. Suppl. Ser. 325). P. 270–307.

² Анализ некоторых арамейских терминов, служивших обозначением женщин Элефантины, см., например: Segert S. Zur Bezeichnung der Frauen in den aramaischen Verträgen von Elephantine // Studi in honore di Edoardo Volterra. Milano, 1971. P. 619–621.

хой позднего Египта (664–332 гг. до н.э.). В центре внимания исследователей постоянно находится анализ сходных по языку семейных архивов³ и переиздание ранее опубликованных и заново прочитанных текстов⁴.

Тексты семейных архивов характеризуют положение женщин в период их нахождения под опекой родителей, в замужестве, вдовстве и после оформления развода. Как видно из крупных семейных архивов арамеоязычного населения юга Египта, женщины в силу обстоятельств могли доминировать в своей семейной организации. Сведения, почерпнутые из архива Мибтахийи, дочери солдата южноегипетского гарнизона (471–410 гг. до н.э.)⁵ и архива Ананийя, служителя бога Йахо (Йахве) в военной крепости на о-ве Элефантина (451–402 гг. до н.э.)⁶, и сопоставленные с другими аналогичными арамейскими документами юга Египта, позволяют проследить материальное положение и правовой статус женщин.

Различные источники зафиксировали присутствие на юге Египта большой группы арамеоязычного населения к VI в. до н.э.⁷ Судя по данным патронимии, в V в. до н.э. на юге Египта проживало уже третье или четвертое поколение этих переселенцев, чьи предки являлись выходцами из различных областей Восточного Средиземноморья и Верхней Месопотамии. Местная администрация сама решала, где эта категория служилых людей вместе с членами их семей должна компактно проживать.

В эпоху Нового царства, судя по письменным источникам и изображениям в храмах и частных погребениях, чужеземец по своему правовому статусу ассоциировался с зависимым лицом. Большие группы населения, часто одного и того же этноса, принудительно привлекались к работам на пустующих землях, которые в соответствующих земельных кадастрах числились за государством. К VI в. до н.э. в бытовом отношении эти потомки пришлого населения уже мало, чем отличались от коренного населения.

На протяжении правления саисских фараонов соответствующие службы контролировали деятельность профессиональных солдат, искусных ремесленников и строителей, мореплавателей из числа переселенцев. Существовав-

³ Список основных публикаций и библиографию вопроса арамейских документов см. *Vergier A. Ricerche giuridiche sui papyri aramaici di Elephantina*. Roma, 1965; *Porten B. Archives from Elephantine: The Life of an Ancient Jewish Military Colony*. Berkeley – Los Angeles, 1968; *Contini R. I documenti aramaici dell' Egitto Persiana e Tolemaica* // RB. 1986. 34. P. 73–109. Анализ демотических текстов семейных архивов см. *Seidl Er. Ägyptische Rechtsgeschichte der Saiten- und Perserzeit*. Hamburg, 1956; *Pestman P.W. Marriage and Matrimonial Property in Ancient Egypt*. Leiden, 1961.

⁴ *Jews of Elephantine and Arameans of Syene (Fifth Century B.C.E.). Fifty Aramaic Texts with Hebrew and English Translations* / Ed. B. Porten in collaboration with J.C. Greenfield. Jerusalem, 1974; *A Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt* / Edited and Translated into Hebrew and English by B. Porten, A. Yardeni. V. 1–4. Jerusalem, 1986–1999. Новый английский перевод арамейских текстов см. *Porten B. The Elephantine Papyri in English* // *The Elephantine Papyri in English. Three Millennia of Cross-Cultural Continuity and Change* / Ed. B. Porten, J.J. Farber, J.C. Martin. Leiden, 1986. Издание демотических текстов семьи храмовых w3h-mw.w t3 в фиванского некрополя: *Papyrus démotiques de Tsenhor – P. Tsenhor. Les archives privées d'une femme égyptienne du temps de Darius Ier.* / Ed. P.W. Pestman. Transcriptions hiéroglyphiques et paléographie établies par P.W. Pestman et S.P. Vleeming . V. 1–2. Leuven, 1994.

⁵ Четырехтомное издание (TAD) арамейских текстов и острака Египта осталось для меня недоступно, поэтому я использовал издание: *Jews of Elephantine...* Тексты этого архива: *Jews of Elephantine...* P. 3–31.

⁶ Тексты: *Jews of Elephantine...* P. 35–73.

⁷ Их появление исследователи связывают с изменением политической ситуации в самом Египте, когда новым правителям необходимы были преданные им, а не местной знати служилые люди (*Ayad Ayad B. The Arameans in Egypt. Ph. D. dissertation. Cairo, 1963*; *Porten. Archives from Elephantine...* P. 8–19).

шая правовая база в виде законов и постановлений правителей Египта позволяла чужеземцу сохранять статус свободного человека, придерживаться привычек и обычаев своей далекой родины.

При Ахеменидах на юге Египта жили потомки *ḥyl' zu yhwdy'* («иудейское войско»). Они выполняли функции солдат и работников хозяйственных ведомств в округе Тшетрес (юг Фиваиды)⁸. Еще саисские правители позволили им построить в военной крепости храм в честь иудейского божества Йахо (С 30: 13). Как свидетельствует С 22: 124–125⁹, поклонники Йахо вместе с почитателями *'šmbyt'l* и *'ntbyt'l*, ближневосточными божествами, входившими вместе с Йахо в соответствующий божественный пантеон, к концу V в. до н.э. сформировали конфессиональную иудейскую группу/общину¹⁰ с элементами самоуправления. Выборные руководители в основной своей массе являлись потомками иерусалимских знатных жреческих семей. Эта община в Египте не была признана ахеменидской администрацией, ибо не имела местных корней, поэтому в официальной переписке (см. С 37: 1) ее члены ссылались на принадлежность к *ḥyl'* («войско/гарнизон»), т.е. к воинскому сословию, пользующемуся в Египте рядом льгот.

В отличие от египетских *ḥꜣḥꜣꜣꜣ* (Herod. II. 168), неегиптяне в позднем Египте не получали служебных земельных наделов в размере 12 арур¹¹ в пожизненное пользование с правом передачи их своим детям, а лишь натуральную и денежную оплату, жилье. Мужчины несли воинскую службу в составе одного из реформированных при Ахеменидах египетских воинских подразделений (*dglyn/dgln*). Солдаты южноегипетского гарнизона проживали и несли службу в Асуане, где находилась ставка командира гарнизона (*rb ḥyl'*), гражданские органы власти и суд. На о-ве Элефантина в военной крепости, где хранились запасы продовольствия, многими жилыми постройками и небольшими участками земли владели ветераны и женщины, чьих отцов и мужей уже не было в живых. Рядом с ними аналогичными постройками владели египтяне, которые были заняты в хозяйственных ведомствах или работали в

⁸ Город Асуан (Сиена) и о-в Элефантина в рассматриваемое время входили в *mdynt Tštrs*, которая на севере граничила с *mdynt N'*. Административное деление Египта не совсем совпадало с военным. Военное руководство южноегипетских гарнизонных частей располагалось в Эдфу. В начале IV в. до н.э. делегация «иудейского войска» (мужчины и женщины) была направлена в Фивы, чтобы получить разрешение на восстановление в элефантинской крепости храма Йахо. Ясно, что на протяжении всего времени господства в Египте персов происходили изменения в административно-хозяйственной структуре египетской сатрапии.

Из египетских источников (например, dem. p. Ryl. 9) известно, что южная часть Египта обозначалась термином P3 t3-rsj (ср. акк. Paturisi; древнеевр. Patros. В настоящее время не представляется возможным определить, в какое время произошла административно-территориальная реформа, в результате которой эта область была разделена на *mdynt Tštrs* и *mdynt N'*. В повседневном же обиходе существовало деление на Верхний и Нижний Египет (*'lyt' wḥtyt' – D 2: 3; 5: 6*) (Aramaic Documents of the Fifth Century B.C. / Ed. G.R. Driver. Oxf., 1965 (с. 1957; тексты – D), а южная часть обозначалась как «земля Патрос». Подробнее см. *Leibovitch J. Pathros // BIE. 1934–1935. 17. P. 69–82; Lambdin T.O. The Interpreter's Dictionary of the Bible. N.Y., 1962. V. K-Q. P. 676; Porten. Archives from Elephantine... P. 42 f.; Vittmann G. Der demotische Papyrus Rylands 9. Bd II. Wiesbaden, 1998. S. 287–290.*

⁹ В 1923 г. английский семитолог А. Каули издал ранее опубликованные арамейские тексты юга Египта и несколько острака (Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. / Ed. with translation and notes A. Cowley. Oxf., 1923 (reed. Osnabrück, 1967) (тексты – C).

¹⁰ Члены других аналогичных общин почитали Набу и Банит. Подробнее см. *Porten. Archives from Elephantine... P. 164–179; Vincent A. La religion des Judéo-Araméens d'Éléphantine. P., 1937.*

¹¹ 1 егип. арура/dem. st3 = 100 зем. локтям = 2735 м² (Kleines Wörterbuch der Aegyptologie / Hrsg. von W. Helck, E. Otto. 2 verbesserte Auf. Wiesbaden, 1970. S. 218) или 2756, 25 м² (Vittmann. Der demotische Papyrus... S. 519).

храмовом комплексе египетского бога Хнума. Ранее значительные площади земли о-ва Элефантины принадлежали египетскому храму Хнума (культовые постройки, хранилища, жилые дома обслуживающего персонала). В саисскую эпоху храмовое хозяйство Хнума пришло в упадок. Создавая укрепленную крепость, саисские правители передавали участки земли на о-ве Элефантина в распоряжение прибывавших на юг солдат из числа переселенцев. Аналогичную политику продолжили и Ахемениды. Процесс перехода этих земель к новым владельцам (солдатам) не всегда сопровождался составлением соответствующих письменных документов. Поэтому арамейские документы фиксируют права владения этими участками отдельными семьями часто лишь при оформлении вторичных сделок с недвижимостью. В этих сделках стали принимать участие и члены семей иранцев, по долгу службы оказавшиеся в этом отдаленном районе Ахеменидской империи.

Дочь или сестра солдата могла выйти замуж за представителя другой профессиональной или конфессиональной группы, но со временем кто-то из наследников (сын или внук) поступал на воинскую службу. Женщины, чтившие божественный пантеон во главе с Йахо, имели по крайней мере моральное право причислять себя к «иудейскому войску». В случае смерти домовладыки одинокие женщины могли надеяться на помощь своей семейной организации, общины и местной администрации. Члены «иудейского войска» объединялись в «сотни» и воинские формирования dglN/dglyn.

В ахеменидскую эпоху оплата в виде продовольственных пайков членам «сотен» сохранилась. Чаще всего в них входило только гражданское население. Члены воинских формирований (dglN) оплату получали не только продуктами питания, но и серебром.

Получая в полном объеме оплату, домовладыка (солдат или работник хозяйственного ведомства) мог прокормить семью из четырех человек. Сложнее складывалась ситуация в случае его смерти. Лишь только проанализировав некоторые из арамейских документов, в которых на конкретных примерах разбирается ситуация с оказанием помощи, можно говорить об истинном положении, в котором оказывались одинокие женщины, потерявшие своих кормильцев. Как правило, члены семей солдат не располагали необходимыми материальными средствами, а наследуемое имущество было небольшим.

Сохранился один арамейский юридический документ (С 43), датированный концом V в. до н.э.¹² Он позволяет хотя бы в общих чертах представить ситуацию с материальным положением одиноких женщин и тем, как складывались отношения между наследниками. Текст гласит:

«1. [bywm 2]5 lp'[py hw ... šnt mkl' 'dyn bYb 'mrt Mṣṣyh brt Gmryh yhwdy] [25 числа] (месяца) Пао[пи, то есть ... год царя, тогда в Йеб крепости сказала Миптахийя, дочь Гамарий, иудея]

2. zy Yb byrt' ldlgh '[rmyt] l'swry brt Gm[ry]h 'ḥth [wh]m[nh] [lm]m[r 'nh] [Mṣṣyt] Йеб крепости, его подразделение ара[мейское], Исивери, дочери Гамарий, своей сестре и [h]m[nh], следующее: ["Я], Миптахийя",

3. yhbt lky ksp šqln 6 hw šth b'bny mlk' ksp [r] 2 lkrš 1 'nh Mṣṣyh yhbt lky brḥm[t] передала тебе серебра сиклей 6, то есть шесть, по весу царскому серебра 2 ч[етверти] к 1 каршу. Я, Миптахийя, передала тебе в дар

¹² Naveh J. The Development of the Aramaic Script // The Israel Academy of Sciences and Humanities. Proceedings V. 1. Not. 1. Jerusalem, 1970. P. 35. Израильский ученый считает, что небольшой отрывок, изданный А. Каули (С 68: 4), является частью С 43.

4. lqbl sbwl [zy yhbty ly wrh]qt mnk[y] mn ywm' znh w'd 'lm l' 'khl 'ršnk[y] dyn [w]dbb bšm.

В обмен на (в соответствии с) sbwl, [которое ты передавала (предоставляла) мне. И я отка]зываюсь от претензий по отношению к те[бе] с этого дня и навеки. Я не смогу обратиться в суд и предъявить тебе иск по поводу

5. [ksp' znh zy yhbt lky wspr' ktbt 'l' w]l[' y]khl br ly wbrhly 'h w'hhlly qryb wřuq [этого серебра, которое ты получила от меня. И я написала документ в отношении этого. И] не [смо]гут (не будут иметь право) мой сын и/или моя дочь, брат или моя сестра, близкий или дальний родственник

6. [yršnky dyn wdbb zy yršnky bšm ksp' znh zy] yhbt lky yntn lky 'byg[d]n ksp kršn 2 [k]pm 'mrt

[обратиться в суд (преследовать тебя в суде) и предъявить тебе иск. Тот, кто обратится в суд (будет преследовать тебя) по поводу этого серебра, которое я передала тебе, должен будет уплатить тебе штраф серебра 2 карша, как сказано мною:

7. ['nh Mřtřyh 'p 'uty ptp' ly mn byt mlk' 'nh Mř]třyh zy hwh bydky yhbthy ly wřyb lbby

(мною сказано) (букв. "я, Миптахий"). Также, мне поступает (букв. "имеется мне") ptp' из Дома царя (сокровищницы), мне Мип]тахийи, который был в твоём распоряжении. Ты передала его мне и мое сердце удовлетворено

8. [bgw mn ywm' znh w'd 'lm rhqt mnky mn ks]p' znh wptp' zy hwh ly mn byt mlk' wl' 'khl

[этим (букв. "в отношении этого"). С этого дня и навеки я отказываюсь предъявлять тебе претензии в отношении се]ребра этого и ptp', который поступал мне из Дома царя. И я не буду иметь права

9. ['ršnky dyn wdbb 'nh Mřtřyh br] ly wbrh ly hngyt whnbg' zy l[y bš]m ksp' znh [обратиться в суд и предъявить тебе иск: я сама (букв. "я, Миптахий"), сын] мой или моя дочь, hngyt или мой hnbg'[по поводу] серебра этого,

10. [zy ktyb mn'l wptp' zy hwh ly mn byt mlk' wkl zy]ly zy yršnky bšm ksp' znh wpt[p' zy kt]yb mn'l

[о котором написано, и ptp', который поступал ко мне из Дома царя, и всего моего. Тот, кто обратится в суд по поводу этого серебра и pt[p', о чем напи]сано выше,

11. [yntn lky ksp kršn 2 ktb br] spr' znh kpm Mřtřyh brt Gmryh wšhdy' bgw [должен будет заплатить тебе 2 карша серебра. Написал сын] документ этот со слов Миптахийи, дочери Гамарийи, и свидетели при этом:

12. [šhd br šhd br] Pdyh šhd Mnky br Sp'mr'

[свидетель сын свидетель сын] Pdyh; свидетель Mnky, сын Sp'mr'.

13. [spr mřq zy ktbt Mřtřyh brt Gmryh l'swry] 'hth

[Документ об отказе, который написала Миптахий, дочь Гамарийи для Исивери], своей сестре».

Контрагентами в рассматриваемом документе выступают две женщины, Миптахий (Mřtřyh) и Исивери ('swry), которые возглавляли свои малые семейные организации. Из самого содержания С 43 можно сделать вывод, что у них не было мужей и детей. Обе они являлись дочерьми умершего солдата местного гарнизона Гамарийи (Gmryh) и его наследницами. О матери этих женщин сведений мы не имеем. Эти две женщины жили в элевантинском поселении, где и был составлен рассматриваемый документ.

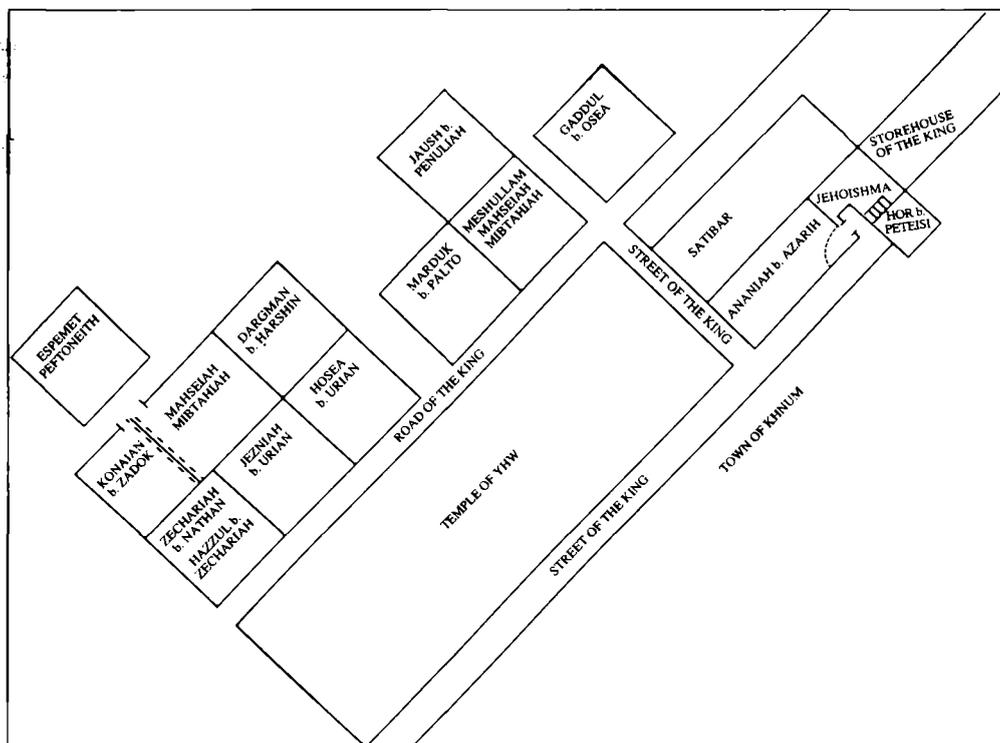

Рис. 1. Расположение иудейского храма Яахо в элефантинской крепости (по: *Porten. Archives from Elephantine...* P. 112)

Существование в позднем Египте специального документа (*spg mṛḥq*), регламентирующего практику временного отторжения собственности, каких-либо видов вознаграждения или льгот в пределах одной семейной организации, свидетельствует о развитости правовых институтов. Сохранив за собой после смерти отца право на часть жалованья (*ptr'*), старшая сестра временно это право переуступила своей младшей сестре. Юридическое оформление подобного общесемейного соглашения произошло уже после того, как в этой договоренности отпала необходимость. Можно предположить, что эти женщины продолжали жить в доме отца, но вели свои дела самостоятельно.

На основании имевшихся в арамейских документах сведений, исследователи воссоздали топографию отдельных участков элефантинской крепости, примыкавших к храму Яахо/Яахве. К сожалению, на плане нет строения, перешедшего к этим двум женщинам после смерти их отца (см. рис. 1–2)¹³. Причиной это-

¹³ В зависимости от правильного перевода и трактовки терминов 'yh и tḥtyh в рассматриваемых арамейских документах, мы можем восстановить план элефантинских построек. Сложность заключается в том, что следует понимать под терминами 'l' («выше») и tḥt' («ниже»). В последнее время исследователи отказались от традиционного перевода сочетаний: mntḥtyh l'lyh («с юга на север») и 'lyh 'd tḥtyh («с севера до юга»). Проф. Булос Аяад Аяал доказал, что арамейский термин 'lyh, применительно к рассматриваемому случаю, следует переводить как «юг», а tḥtyt' как «север» (*Ayad Ayad B. The Jewish Temple of the God Yahu (Yahweh) on the Island of Elephantine // Coptic Church Review. 1993. 14(3). P. 67–78; idem. From the Archive of Ananiah son of Azariah: a Jew from Elephantine // JNES. 1997. 56(1). P. 37–50; idem. From the Archive of Ananiah son of Azariah. A Jew from Elephantine. Part 2. The History and Inheritance of the Houses of Elephantine Located on the Eastern Side of the Jewish Temple and the King's Street: Revisions of Previous Plans. Boulder. Univ. of Colorado. Dpt. of Anthropology, 1999*).

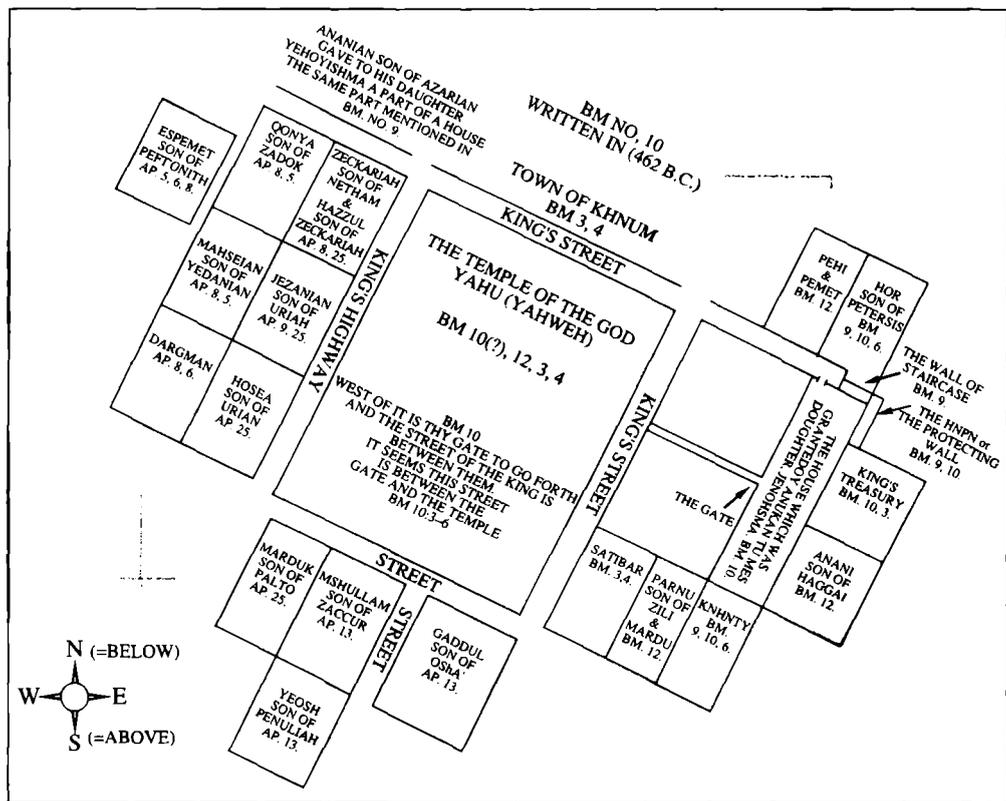

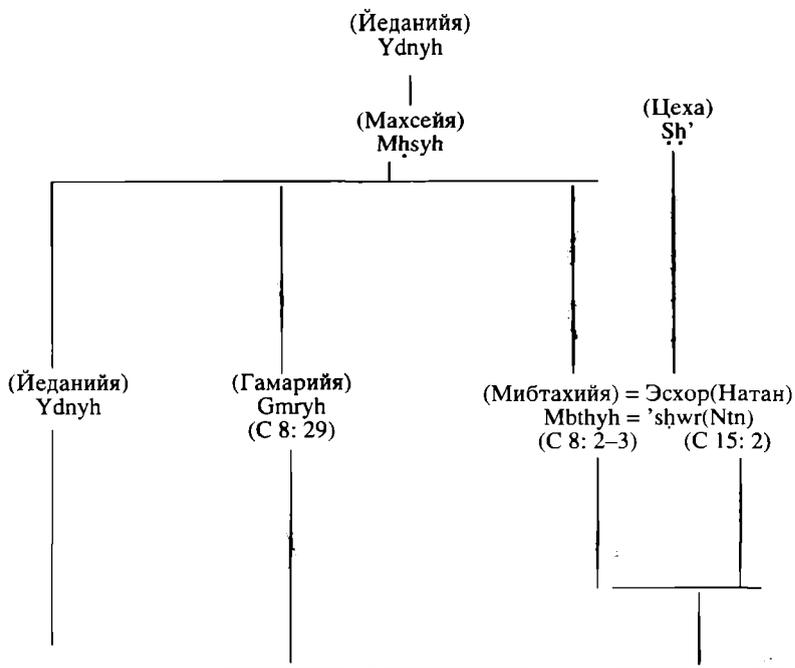
Рис. 2. Расположение иудейского храма Яахо в элефантинской крепости (по: Ayad Ayad. From the Archive of Ananiah... P. 40)

го является характер источников, ибо приводимые планы основываются на географическом расположении небольшого числа строений, примыкавших к владениям трех-четырёх семей «иудейского войска».

Обе эти женщины принадлежали к большесемейной организации потомков иудейских наемников, представители которой более ста лет жили и работали в Египте. Анализ арамейских документов V – начала IV в. до н.э. свидетельствует о том, что таких семей на юге Египта было немного. Письменные источники подтверждают присутствие в этом районе представителей четырех возрастных групп арамеоязычного населения. Деятельность первой охватывает 500–475 гг. до н.э., второй – 475–450 гг. до н.э., третьей – 450–425 гг. до н.э., четвертой – 425–400 гг. до н.э.

Согласно С 22 (400 г. до н.э.), в состав «иудейского войска» входило около 140 глав малых семейных организаций, почитавших Яахо и других божеств, составлявших соответствующие пантеоны. Малая семья могла насчитывать от одного до четырех человек. Типичная малая семья жителя элефантинской крепости состояла из домовладыки, его жены и двоих детей обоего пола. Такая семья входила в большесемейную структуру, насчитывавшую до 16 человек различного возраста и пола.

Мы располагаем сведениями, которые позволяют восстановить генеалогию нескольких арамеоязычных семей юга Египта, имеющую непосредственное отношение к Миптахийи и ее сестре Исивери (схемы 1–3).

Шемайя Šm'yh (C 8: 31)	Исивери 'swry (C 43: 2)	Мибтахийя Mḥyh (C 43: 11)	Йеданийя Ydnyh (C 22: 121)	Мешуллет Mšlmt (C 22: 2)	Йеданийя Ydnyh (C 20: 3)	Махсейя Mḥsyh (C 20: 3)
------------------------------	-------------------------------	---------------------------------	----------------------------------	--------------------------------	--------------------------------	-------------------------------

Схема 1. Большесемейная организация солдата южноегипетского гарнизона «иудейского войска» Йедонийи (по: *Porten. Archives from Elephantine...* P. 238)

Данные ономастики свидетельствуют о естественном стремлении родителей при выборе имени для новорожденного подтвердить лояльность культу Йахо и почтить умерших предков. Поэтому в одной возрастной группе, но в разных большесемейных организациях, можно было встретить лиц мужского и женского пола с идентичными именами.

Gmryh. В арамейских текстах юга Египта на протяжении всего V в. до н.э. встречаются упоминания о мужчинах различных профессий, носивших имя Gmryh («Йахо творец/опекаемый Йахо», от gmḡ- «завершать, совершать, иметь попечение»)¹⁴. В древнееврейской ономастике Gmryh – имя, которое давали младенцам представители древнейших иудейских жреческих родов. На юге Египта мужчины с такими именами несли гарнизонную службу, являлись работниками хозяйственных ведомств. Все они были ревностными поклонниками Йахо, а сын одного из них входил в совет религиозной общины Йахо.

1. 'ḥy'b сын Gmryh (C 2; 3) являлся работником элевантинского 'wšr' («амбар, зернохранилище»). Он ведал распределением ячменя и чечевицы между членами хозяйственных «сотен». За свой труд, как и его коллега, 'ḥy'b сын

¹⁴ Этимологию см. Documents araméens d'Égypte / Introd., pres. de P. Grelot. P., 1992. P. 471; Kornfeld W. Onomastica Aramaica aus Agypten // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd 333). Wien, 1978. S. 46.

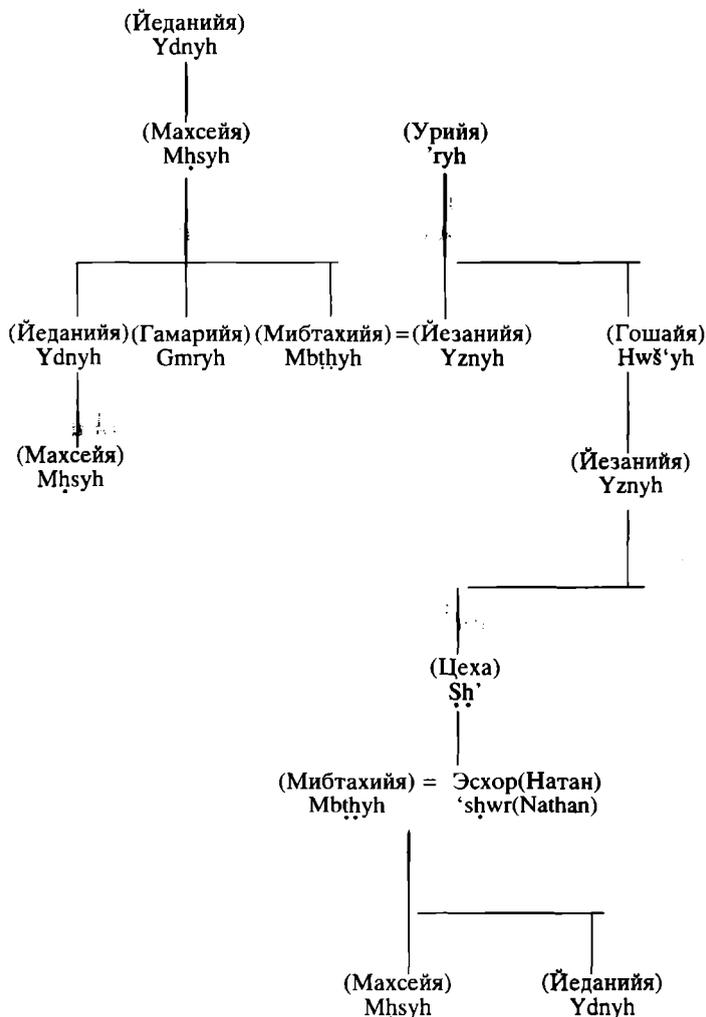

Схема 2. Семейная организация солдата элефантинского подразделения Урии (по: Aramaic Papyri... P. 84)

Gmryh получал жалование (prs) из byt mlk в виде «очищенного серебра» (ksp šṭup) (C 2: 15).

2. Gmryh, сын 'ḥyw. В C 6: 18 (464 г. до н.э.) Gmryh br 'ḥyw упоминается среди свидетелей, которые подтверждали законность земельной сделки. Он же, по всей видимости, взял в долг серебро (C 11 – 479 г. до н.э.), которое обязывался вернуть после получения из 'wšṭ очередной оплаты (букв. «из prṣu»).

3. Gmryh сын Mḥsyh упоминается в арамейских текстах за 460–400 гг. до н.э. (C 8: 29; 9: 18; 22: 2; K 2: 15¹⁵; 4: 23).

Двое мужчин по имени Гамарийя (C 43; 22) имели разные профессии, но, возможно, восходили к одному предку, саисскому наемнику конца VI в. до н.э.

¹⁵ Kraeling E. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953 (repr. 1969) (тексты – К).

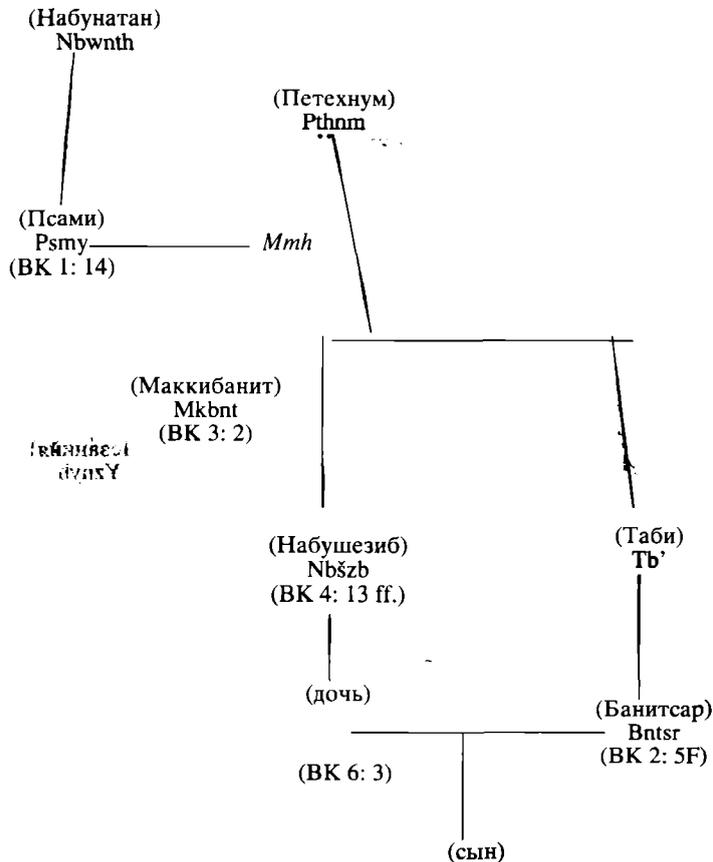

Схема 3. Семья Псами сына Набунатана (по: *Porten. Archives from Elephantine...* P. 266)

У женщины Mšlmt¹⁶ (С 22: 2) был отец, Gmryh br Mšsyh, который состоял в «сотне» Sndn. Членство, пусть и номинальное, в последней к Мешуллет (Mšlmt) перешло после смерти отца. Первенец у Гамарийи умер, поэтому второго ребенка (девочку) он назвал Mšlmt («замененная/восполненная»).

Больше сведений о семье Йедонийи (см. схему 1). Его сын Махсейя был отцом Гамарийи и Мибтахийи. Архив семьи Махсейи датируется 471–410 гг. до н.э.

У Гамарийи было три дочери (Исивери, Миптахийя, Мешуллет) и сын (Йедонийя), принадлежавшие к четвертому поколению родоначальника иудейской семьи Йедонийи. Согласно С 22; 43, Миптахийя и Мешуллет после смерти отца (или отцов) получили небольшое наследство. Старшей досталась часть бывшей оплаты своего отца.

Братом трех названных женщин являлся Йедонийя (Ydnyh), сын Гамарийи¹⁷, представитель «военной» линии члена «иудейского войска». Будучи внуком Махсейи, сына Йедонийи и племянником Мибтахийи, дочери Махсейи, он был избран в конце V в. до н.э. в совет иудейской общины Йахо¹⁸ (С 33: 1). Вероят-

¹⁶ О Mšlmt см. DAE. P. 479; *Kornfeld. Onomastica Aramaica...* S. 60.

¹⁷ В К 7; 44 он упоминается в числе свидетелей при заключении брака дочери храмового служителя Йахо по имени Йахойишма (420 г. до н.э.)

¹⁸ О ней см., например: *Grelot P. La communauté juive d'Éléphantine // CdE. 1970. 45. P. 120–131.*

но, до начала IV в. до н.э. он одновременно продолжал служить в составе гарнизонного подразделения и жить в элевантинской крепости (С 22: 121). Самовольно покинув крепость, он в числе нескольких мужчин и женщин был арестован близ Фив (С 34: 5), но вскоре отпущен (упоминание о нем в К 10: 20 – 402 г. до н.э.).

Таким образом, в последней четверти V в. до н.э. на юге Египта жили и работали в различных военных и хозяйственных структурах по крайней мере потомки четырех Gmryh.

Представители другой большесемейной организации носили имена: 'wryh, 'wry', 'wry¹⁹.

В К 8 (416 г. до н.э.) упоминается 'wryh, сын Mḥsyh, арамей Сиены. Его отцом являлся, по всей видимости, Mḥsyh, сын 'wry (С 22: 65). Представители по мужской линии этой семьи занимались военным ремеслом.

А. Каули с помощью схемы (см. схему 2) попытался связать брачными узлами потомков Махсейи и Урийи. Не исключено, что их предки, саисские переселенцы, и имели кровные связи, но к концу V в. до н.э. это родство носило условный характер и его можно зафиксировать лишь в материале ономастики (в обеих линиях упоминается Mḥsyh).

Миптахий (Mṛṭhyh). В арамейских текстах юга Египта встречаются следующие написания этого имени: Mbṭh-, Mbṭhyh-, Mṛṭh-, Mṛṭhyh-, Mṭhyh-, Mṛṭh-, Mṛṭyḥ. В основе их – теофорный элемент -yh и причастная форма от глагола bṭh-«уповать, надеяться, полагаться»²⁰. Больше всего сведений мы имеем о женщине Мибтахийе/Миптахийе. Жизнь и быт этой женщины и двух ее сыновей (Йедонийи и Махсейи) нашли отражение в юридических документах, датированных 471–420 гг. до н.э.²¹ Дважды она вступала в брак с мужчинами, носившими египетские имена в арамейской передаче: арамей. 'shwṛ (егип. Ns-Hr(-w)), 'Is-Hr(-w) и арамей. Ry' (егип. P3 t3, P1-3)²².

Как мы и предположили, в силу отдаленного родства и тенденции к сохранению в семейных организациях памяти о предках в двух семейных организациях (Махсейи и Гамарийи) женщины носили имя Mṛṭhyh, Mbṭhyh. Ко времени написания С 43 Мибтахийя, дочь Махсейи, уже умерла. Ее дальняя родственница решала свои имущественные дела с сестрой Исивери.

В С 22: 135 упоминается Hgy, сын Mṛṭhyh, глава малой семейной организации. П. Грело²³ и Б. Портен²⁴ допускают, что именем Mṛṭhyh, Mbṭhyh могли назвать и мальчика, особенно когда речь шла о первенце²⁵.

Не только в демотических, но и в арамейских документах²⁶ у египтян или детей от смешанных браков часто упоминается не только имя отца, но и матери. Не вызывает сомнения тот факт, что женщина-иудейка, возглавляя свою малую семью и входя в совет общины Йахо, имела все основания считать себя

¹⁹ Об 'wryh: DAE. P. 495–496; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 39.

²⁰ DAE. P. 479; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 57.

²¹ Тексты: Jews of Elephantine... P. 3–31.

²² DAE. P. 470, 485; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 77, 89; G. Vittmann – P3-iwiw («собака») (Vittmann G. Zu den ägyptischen Entprechungen aramäisch überlieferter personennamen // Orientalia. 1989. 58(2). S. 219.

²³ DAE. P. 479.

²⁴ Jews of Elephantine... P. 137.

²⁵ Например: В. Корнфельд переводит Mṛṭh как «Erstgeburt» (Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 59).

²⁶ Aimé-Giron N. Fragments de papyrus araméens provenant de Memphis // JA. 11th series. 1921. 18. P. 56–64; Cowley. Aramaic papyri... P. 317.

частью «иудейского войска». Это право она передавала по наследству своим детям вне зависимости от их пола и конфессиональной принадлежности их отца. По прошествию определенного времени два сына Мибтахийи сменили египетские имена на иудейские (С 20: 3). Поэтому не исключено, что Hgy (С 22) также был рожден в смешанном браке и на нужды (приобретение необходимого имущества для его убранства) храма иудейского Иахо²⁷ передал определенную сумму денег.

В конце V в. до н.э. на юге Египта проживали и другие женщины со сходными с Mbṯyh именами, а именно: Mṯḥ brt Tṣty (С 22: 83), Mṯḥ brt Ṣplyh (С 22: 106), Mṯḥ brt Ṣlm (С 22: 88). Но мы не располагаем сведениями, что эти главы малых семейных организаций имели родственные отношения с упомянутыми выше Mṯṯyh и Mbṯyh.

Исивери ('swry). Как считают исследователи²⁸, арамейское 'swry соответствует егип. 3st-wrt («Исида Великая/Владычица»). Другой арамейский аналог древнеегипетского 3s.t-wr.t, 'Is.t-wr.t, Is.t-t3-ntr.t (греч. Ἰσοῦρις) встречается в арамейских текстах из района Северного Саккара как онома 'syt'/'syt (егип. 'Is.t-t3-'3.t) (ANS 56: 2, 4).

В конце VI – начале V в. до н.э. в районе Фив (в Луксоре) существовала небольшая колония арамеоязычного населения, члены которой были связаны семейными узами с аналогичным этносом в районе Асуана (Сиены)²⁹.

Именно из Луксора происходит семья, одна из представительниц которой носила имя 'swry (БК 7: 2).

По мнению ученых³⁰, в середине VI в. до н.э. в Дельте, Мемфисе, Фивах и в ряде других районов Египта проживали компактные группы населения, первоначальным местожительством которых являлся район Харрана (Верхняя Месопотамия). Материалы ономастики (теофорные элементы sn-, -byt'³¹) свидетельствуют о присутствии среди жителей юга Египта почитателей вавилонских богов и обычаев. Больше всего источники засвидетельствовали поклонников вавилонского бога Луны Сина, в ассирийских источниках представленного в образе рогатого быка³². В правление вавилонского царя Набонида (556–539 гг. до н.э.) в районе Харрана процветал культ Сина, который нашел почитателей среди ранее плененных в Восточном Средиземноморье и переселенных в Верхнюю Месопотамию больших этнических групп. В отличие от более позднего, иудейского контингента, «сирийцы» (арамеи) довольно быст-

²⁷ О нем см. *Grelot P. La reconstruction du temple juif d'Éléphantine // Orientalia. 1967. 36. P. 173–177.*

²⁸ *DAE. P. 475; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 77; Segal J. Aramaic Texts from North Saqqara, with Some Fragments in Phoenician. L., 1983 (тексты – ANS). P. 80. Not. 2, 4; Vittmann. Zu den ägyptischen Entprechungen... S. 14.*

²⁹ В районе Большого Гермополя в одном из подземных помещений древнеегипетского храма Тота были найдены семь арамейских текстов, датируемых концом VI – началом V в. до н.э. В настоящее время документы хранятся в музее Падуи. Это частная переписка. Письма написаны в Мемфисе и были посланы на юг. Адресаты проживали в Луксоре и Асуане. Датировку и издание их см. *Bresciani E., Kamil M. Le lettere aramaiche di Hermopoli // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze Morale. Memorie. Ser. VIII. 1966. 12. P. 357–428 (тексты – БК); Naveh. The Development... P. 16; Milik J.T. Les papyrus araméens d'Hermopolis et les cultes syro-phéniciens en Egypte perse // Biblica. 1967. 48. P. 546–622; DAE. P. 144–168; Jews of Elephantine... P. 151–165.*

³⁰ *Porten. Archives from Éléphantine... P. 202. Not. 7; Witkowski W. The Origin of the Jewish Colony at Elephantine // Or. Sues. 1978–1979. 27–28. P. 34–41; DAE. P. 43 ff.*

³¹ *Aimé-Giron N. Textes araméens d'Égypte. Cairo, 1931 (тексты – АГ). P. 113–117; Silverman M.H. Aramean Name-Types in the Elephantine Documents // JAOS. 1969. 89. P. 709.*

³² *Leick G. A Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology. L., 1998 (с. 1991). P. 152–153.*

ро приспособились к египетским условиям, переняв местные обычаи и верования. Доказательством этого служит анализ материала арамейской ономастики из Большого (Западного) Гермополя, надписи на саркофагах.

Культ Исиды (егип. 3st / 'Is.t, арам. 'swry) пользовался у них большим уважением. Начиная с эпохи позднего Египта, на территории от Абидоса до границ Куша этот культ получил широкое распространение среди различных групп населения³³.

Материалы генеалогии семьи Набунатана (Nbwntn)³⁴, опирающиеся на тексты из Большого Гермополя³⁵ (см. схему 3), позволяют датировать время появления данного арамеоязычного контингента на юге Египта³⁶ саисской эпохой.

Набунатан назвал своего первенца Psmu³⁷. Сын последнего, Mkbnt³⁸, временно проживал в районе Мемфиса. Сохранилось несколько писем, написанных им своим родственникам на юг Египта. В этой большой семейной организации, как видно на схеме № 3, почитали не только ближневосточный религиозный пантеон (Набу, Банит/Иштар³⁹), но и египетского Пта.

Обращаясь с соответствующим посланием к своей сестре R'yh, один из авторов пишет: «brkky lPth zy yhzny 'ryk bšlm» («Да благословит Пта тебя, который показывает мне твое лицо в благополучии» (BK 1: 4). Аналогичное приветствие содержится и в послании жителя Сиены, считавшего, что мир и благополучие зависят от Хнума, владыки Элефантины. «Brkky lYhh wlHn[m]» – «Да благословят тебя Йахо и Хну[m]», – читаем мы в одном остраконе, изданном А. Дюпон-Зоммером⁴⁰.

Эти два послания объединяет то, что, продолжая почитать родных богов, потомки саисских переселенцев прекрасно сознавали зависимость их благополучия от местного божественного владыки. В Мемфисе таковым являлся Пта, на юге – Хнум. В обществе, в котором принцип многобожия являлся доминирующим, подобное отношение к господствующим на данной территории богам, не шло в противоречие с их мировоззрениями.

Женщина 'swry, которая задолго до упоминаемой в С 43 'swry проживала на юге Египта в Асуане, не принадлежала к семейной организации Набунатана. В этом отношении BK 7 следует рассматривать как послание представителя другой семьи. Родственники 'mu (Аммайи)⁴¹ проживали не в Асуане, а в Луксоре. Лишь в силу служебной необходимости Mkbnt, его брат Nbwšh и 'mu ока-

³³ Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 63–65, 118–121, 309–313. См. также специальные работы: Bergman J. Ich bin Isis. Studien zum Memphitischen Hintergrund der Griechischen Isisaretalogien. Uppsala, 1968; Dunand F. Le culte d'Isis dans le bassin orientale de la Méditerranée. V. 1–3. Leiden, 1973; Heyod Sh.K. The Cult of Isis among Women in the Greco-Roman World. Leiden, 1975; Le Corsu F. Isis. Mythe et Mysterès. P., 1977; Witt R.E. Isis in the Ancient World. L., 1997.

³⁴ Nbwntn от арамейского теофорного элемента Nbw- + ntn глагола. «давать, отдавать».

³⁵ BK 1: 7.

³⁶ Porten. Archives from Elephantine... P. 266.

³⁷ См. др.-греч. Ψάμις/Ψάμις, дем. Smy.t / P3-n-smy.t («принадлежащий пустыне») (DAE. P. 487; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 91. Это мнение не поддержал Г. Виттманн (Vittmann. Zu den ägyptischen Entsprechungen... S. 220).

³⁸ Исследователи не видят какого-либо египетского аналога этому арамейскому имени (Bnt – имя бога) (DAE. P. 477; Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 58).

³⁹ DAE. P. 467; Leick. A Dictionary... P. 96–100.

⁴⁰ Dupont-Sommer A. Le syncrétisme religieux des juifs d'Éléphantine d'après un ostracon araméen inédit // RHR. 1945. 130. P. 17–28.

⁴¹ П. Грело считает, что указанное имя (ср. др.-греч. Ἀμμάιος) могло иметь как аккадские корни (ср. Ам-та-а-а – «человек Амма»), так и египетские ('Imy, 'Imi, 'I3m) (DAE. P. 463). Корнфельд данное имя поместил в разряд «Lallname» (Kornfeld. Onomastica Aramaica... S. 137).

зались в Мемфисе. По просьбе трех адресатов кто-то из числа их коллег возвращался на юг и в районе Великого Гермополя спрятал в подземной галерее погребения священных ибисов (Ibieion) в глиняном сосуде семь посланий⁴².

В ахеменидскую эпоху потомки семейной организации 'ту продолжали жить на юге Египта. Поэтому не исключено, что Гамарийя взял в жены не египтянку, а представительницу этого арамеоязычного этноса. По настоянию жены дочка была названа именем представительницы ее кровной семьи. Из-за отсутствия необходимой информации трудно сказать оказывала ли жена Гамарийи соответствующие почести египетской богине Исиде, покровительницы этой арамеоязычной организации.

Родственная связь Миптахийи и Исивери в рассматриваемом С 43 прослеживается через общий патроним (Gmryh), существительное 'hth («ее сестра») и через такое понятие, как hmnh (ст. 2).

С 43 – юридический документ, поэтому при его составлении должны были учитываться всевозможные нюансы, появление которых объяснялось совместным проживанием (или ведением) общих дел сестрами-наследницами. Нам кажется, что не стоит ограничивать связь этих женщин только родственными отношениями, на чем настаивают А. Каули, В. Хинц, П. Грело, ибо речь идет об улаживании спорного имущественного вопроса.

Иранское происхождение hmnh бесспорно. Проблема лишь в определении и переводе отдельных составляющих этого термина. Первую часть обычно связывают с префиксом ham- («с/вместе с») или наречием hama- («один и тот же, одинаковый, равный»).

П. Грело предлагает рассматривать два варианта возможной трактовки и перевода hmnh. 1. «Soeur jumelle» («двойняшка/сестра-близнец»). 2. Производное от hamatā- «de même mère/soeur utérine»⁴³. В свою очередь А. Каули⁴⁴ и авторы Словаря западносемитских надписей⁴⁵ переводят его как «partner?/partenaire?». Так что же доминировало во взаимоотношениях этих двух сестер: имущественные интересы или родственные чувства?

На родственную связь этих двух лиц указывает В. Хинц. При этом он ссылается на происхождение арамейского термина hmnh от иранских составляющих, передающих общность родства по матери (hamātar) и отцу (hamāritar)⁴⁶.

Для правильного понимания сущности рассматриваемого арамейского термина необходимо обратиться к двум жалобам (С 27: 4; 30: 5), в которых встречается термин hmwnt, который И.Н. Винников переводит как «вместе, сообща»⁴⁷. В данных жалобах указанный термин передает характер совместных действий египетских жрецов Хнума и иранских военачальников, отдавших распоряжение о разрушении храма Йахо на о-ве Элефантина. В С 43: 2 кровнородственная связь передается с помощью существительного с местоименным суф. 3 л. ед. ч. 'hth («своей сестрой»): но в данном случае необходимо было акцентировать внимание на правовой проблеме, так как они сообща вели все свои дела.

⁴² Fitzmyer J.A. Some Notes on Aramaic Epistolography // JBL. 1974. 93. P. 209.

⁴³ DAE. P. 89 e.

⁴⁴ Cowley. Aramaic Papyri... P. 145.

⁴⁵ Jean Ch.-F., Hofstijzer J. Dictionnaire des Inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1965. P. 66.

⁴⁶ Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 136; Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 123–124.

⁴⁷ Винников И.Н. Словарь арамейских надписей (Приложение к «Палестинскому сборнику» 1958–1965. Вып. 3–13) // ПС. Вып. 7. 1962. С. 199.

Таким образом, в С 43 и С 27, 30 используются сходные арамейские термины, имеющие иранскую основу. Они обозначали лиц, совместно ведущих свои дела, но не родственные отношения. Деловые отношения между сестрами определялись фразой: «lqlb sbwl [zy yhbty ly]» («в соответствии с содержанием, [которое ты (Исивери) предоставляла мне]» – С 43: 4).

Древнееврейский/арамейский глагол *sābal/sbl* «носить, таскать, содержать, кормить», ср. акк. *zabālu*) и его производные в библейских произведениях использовались для констатации факта переноски тяжести (физическая работа) и выполнения моральных обязательств (Исх. 9: 3; Быт. 49: 15; I Цар. 11: 28; Пс. 4: 11; 81: 7). В более позднее время существительное *sbwl* служило для обозначения «носильщика, возчика», т.е. лица, постоянно терпящего бремя, ярмо физических нагрузок⁴⁸. В целом же можно говорить о случаях выполнения моральных обязательств и материальной помощи одновременно, обусловленных родственными отношениями (ср., например, Ис. 46: 4). Под этим понимались предоставление крова, пищи, всесторонняя забота младших о старших. Родители занимались воспитанием детей, подготовкой дочерей к последующей семейной жизни. Мужья обязаны были в различных судебных органах отстаивать честь своих жен и семейные имущественные интересы. В К 5: 11–12 приводится основополагающая формула такого морального и материального обязательства: «'nhn yplhkn zy ysbl br wbrh l'why // bhuyk» – «мы будем служить тебе подобно тому, как содержит сын и дочь своего отца // при жизни (букв. "в течение твоей жизни")». Такое обязательство брала вольноотпущенница по отношению к бывшему господину. По своей природе данная формула имеет морально-материальный аспект, затрагивая отношения отцов и детей, старших и младших, господ и бывших их рабов.

В ряде случаев такие лица выплачивали соответствующую компенсацию или оказывали материальную помощь. Например, храмовый служитель Йахо передал дочери недвижимость (К 9: 17) в качестве дара (*brhmt*). В случае с Исивери *sbwl* скорее носил элемент морального долга, который оценивался в 6 сиклей, и *ptp'* носил краткосрочный характер. В целом же *sbwl* использовался в случаях, когда необходимо было констатировать как материальную, так и моральную поддержку одного лица другому. Сын или дочь обязаны были оказывать своим престарелым родителем двоякую помощь (материальную и моральную). В других случаях можно более конкретно трактовать рассматриваемый термин.

В С 43 речь идет о договоренности между сестрами, и *sbwl* уместнее перевести как «содержание» (материальная помощь), а не как «поддержка» («support») ⁴⁹. Аналогичным образом следует переводить и причастную форму мн. ч. породы Pa'el *msbln* в ВК 1:5. В данном письме солдат Маккибанит, взявший с собой в Мемфис мальчика по имени Hrwz, передал его на попечение двум женщинам: *Trpmt* и *'htsn*. Это типичная форма содержания, а не «supporting» (Б. Портен⁵⁰). То же относится и к употреблению *msbln* в арамейской версии «Повести о Премудром Ахикаре» (Ан. 48, 72). Произведение было найдено в

⁴⁸ Gesenius W. Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 12. Aufl. Lpz., 1895. S. 526 f.; DISO. P. 189 ff.; Lexicon linguae aramaicae Veteris Testamenti. Documentis Antiquis Illustratum / Ed. Er. Vogt. Roma, 1971. P. 117; Holladay W.L. A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden, 1971. P. 252; Винников. Словарь арамейских надписей // ПС. Вып. 11. 1964. С. 26.

⁴⁹ Jews of Elephantine... P. 61.

⁵⁰ Ibid. P. 153.

развалинах элевантинской крепости⁵¹. В указанных отрывках анализируется ситуация, когда в дом берется чужеземец на правах младшего члена семейной организации, которого необходимо было кормить и обслуживать⁵². Доминирование оказания материальной помощи налицо.

В библейских произведениях существительное *sbl* подразумевало выполнение материальных и моральных обязательств. Это в дальнейшем было закреплено в повседневной жизни и правовой практике I тыс. до н.э. В силу этого мы не считаем возможным, как это делает ряд исследователей⁵³, переводить араам. *sbwl* как «пища, питание», «subsistance». Указанный араамейский термин лучше переводить как «содержание», ибо налицо выполнение моральных и материальных обязательств. Арамеоязычное население юга Египта для передачи на письме понятия «питание, пища» использовало араамейский аналог (*mkl/m'kl* – С 24: 35; 49: 4; 61: 9) древнееврейского *ma'ākāl* (мн. ч. *mi'ākālōt*)⁵⁴. Начиная с книги Бытия (6: 21), где встречается сочетание *mikol ma'ākāl* («из всякой пищи»), вплоть до первых веков нашей эры (данные Талмуда)⁵⁵ сохранялась преемственность в применении араамейского *mkl/m'kl*.

Не испытывая больше необходимости в помощи со стороны Исивери, Миптахийя после произнесения соответствующей юридической клаузулы: «*ḡḥ*ḳt mḥk[y] mḥ uwm' znh w 'd 'lm» («я [отка]зываюсь от те[бя] с этого дня и навеки» – С 43: 4), фактически констатировала отказ от совместного проживания и ведения сообща всех дел. После смерти родителей сестры должны были создавать свои малые семейные организации. Каждая из них теперь сама должна была заботиться о себе. Старшая сестра в результате раздела имущества получила большую долю.

В соответствии с С 43: 5–6 Миптахийя отказывалась как сама, так и от лица своих будущих детей от каких-либо претензий в отношении переданных ранее Исивери денег и *ḥḥ'*. За попытку предъявить иск по поводу 6 сиклей серебра виновный должен был подвергнуться штрафу в размере 2 карша серебра (20 сиклей)⁵⁶. Эти 6 сиклей следует рассматривать в качестве денежного вспомоществования, которое получала Мибтахийя, правопреемница своего отца солдата. В период нахождения Миптахийи под опекой (или на содержании) сестры ее *ḥḥ'* находился в распоряжении у Исивери. «*[p' 'utu ḥḥ' ly mn byt mlk' 'nh Mḥ]ḥyḥ zy hwh bydky yhbḥy ly wḡyb lbby // [bgw]*» [«Также имеется *ḥḥ'* мне из Дома царя (сокровищницы), я Мип]тахийя, который был в твоём распоряжении. Ты передала его мне, и мое сердце удовлетворено // [в отношении этого]» (стк. 7–8).

В нашем распоряжении нет сведений, которые указывали бы на то, что женщины из семей «иудейского войска» выполняли в военной крепости какую-то работу, входившую в компетенцию гарнизонного *dgl'*. Из анализа С 43 можно заключить, что в данном случае право на получение солдатского довольствия, а вернее части его, перешло к старшей дочери. Если бы речь шла о

⁵¹ Текст: *Aramaic Papyri...* P. 204–248.

⁵² П. Грело рассматриваемую причастную форму переводит как «en retour de l'entretien» (DAE. P. 90).

⁵³ DISO. P. 189–190; Винников. Словарь араамейских надписей // ПС. Вып. 11. С. 216. --

⁵⁴ *Gesenius. Hebräisches...* S. 393; *Holladay. A Concise Hebrew...* P. 180.

⁵⁵ *Dalman G.H. Aramäisch-neuhebräisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch. Göttingen, 1967 (reed. 1938). S. 222.*

⁵⁶ 1 карша = 10 сиклей. Применительно к отдельно рассматриваемой территории вес сикля мог колебаться. На юге Египта он, например, составлял 8.76 г. Подробнее о сикле: *Porten. Archives from Elephantine...* P. 66 f.; *Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri...* P. 39; *Naster P. Karsha et sheqel dans les documents araméens d'Éléphantine // RB. 1970. 116. P. 31–35.*

другом источнике получения женщиной серебра⁵⁷ и ртр⁵⁸, вряд ли бы столь тщательно анализировались условия временного владения и распоряжения ими.

В начале V в. до н.э. пенсией (вспомоществованием) в виде *mnpt'* надеялись женщины, оставшиеся без кормильцев. Иначе складывалась ситуация с солдатской оплатой, так как необходимо было для ее получения выполнять какую-либо работу, связанную с вхождением в состав гарнизонного *dgl'*. Как было видно на примере С 43, членство в военном подразделении, статус которого вырабатывался не египетскими чиновниками, а ахеменидской администрацией, носило персонафицированный характер. Требовалось составление специального документа, согласно которому часть оплаты могла передаваться близким родственникам умершего солдата.

Вопрос о получении женщиной статуса члена *dgl'* сложен. Об этом, например, может свидетельствовать анализ С 43: 1–2. Фразу: «[Mṣṣyḥ brt Qmṣyḥ yḥwdy] // zy Yb byrt' ldglh '[rmyt]» ряд исследователей⁵⁹ понимают так, будто бы в ней прямое свидетельство принадлежности не Гамарийи, а Миптахийи к военному *dgl'*.

Существительное с местоименным суффиксом -h (*dglnh*) может переводиться двойко: «его/ее *dgl'*».

Во всех известных нам случаях (например, С 5: 2; 6: 3–4; 9: 2; К 3: 2), когда в качестве контрагента выступает солдат гарнизона, дается его характеристика: 1) имя и патроним; 2) этникон; 3) место службы; 4) название воинского подразделения.

В К 3, где продавцом недвижимости выступают муж и жена каспийцы, соответствующую фразу нельзя понимать двойко. «Nšn w'bl brt Štbr kspyh zy Swn ldgl Nmsw» («женщина Убил, дочь Шатибара, каспийца Сиены подразделения Нимазу» – К 3: 2). К гарнизонному *dgl'* причисляется не женщина, а мужчина, муж Убил.

Проблема лишь в том, что, согласно С 43, отца Миптахийи уже не было в живых, а в К 3 муж и жена живы и выступают продавцами семейной собственности.

Анализируя С 43, мы не можем согласиться с утверждением Б. Портена, что данный документ появился в результате отказа Миптахийи в пользу сестры Исивери 6 сиклей серебра и ртр⁶⁰. Появление С 43 было связано с необходимостью юридического закрепления ранее принятого сестрами устного решения о временном получении Исиверой продовольственного пайка, а также единовременной передаче ей Миптахией 6 сиклей серебра. Именно так следует понимать фразу: «[w'd 'lm ḡḡt mnky mn ks]p' znh wptp' zy hwh ly mn byt mlk'» «[С этого дня навеки по отношению к тебе я отказываюсь от серебра этого и ртр', который был мне из Дома царя» – С 43: 8.

Таким образом, можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. В связи с существовавшим в V в. до н.э. положением свободная женщина, (дочь/жена солдата местного гарнизона) и после смерти домовладыки продолжала сохранять свой правовой статус. Мы не располагаем сведениями, что слой зависимого населения в эпоху позднего Египта пополнялся за счет выходцев из этой категории населения. В период Нового царства чужеземцы в

⁵⁷ По всей видимости, речь шла о денежной части солдатской оплаты, которая обозначалась с помощью термина *prs* (Briant P. Histoire de l'empire perse de Cyrus à Alexandre. V. 1. Leiden. 1996. P. 429, 465).

⁵⁸ Ртр' обычно исследователями рассматривается как натуральная часть оплаты, включавшую продовольствие и деньги (Briant. Op. cit. P. 429, 465, 472–473).

⁵⁹ Cowley. Aramaic Papyri... P. 145: «according to her company an Aramean», а также Винников. Словарь арамейских надписей // ПС. Вып. 4. 1964. С. 232; DISO. P. 5; П. Грело: «Miptaḥyah fille de Gamaryah juive d'Éléphantine la-forteresse, de la compagnie» (DAE. P. 89).

⁶⁰ Porten. Archives from Elephantine... P. 271–272.

Египте чаще всего рассматривались как объекты права и составляли значительную часть зависимого и полузависимого населения.

2. На протяжении всего V в. до н.э. на юге Египта вырабатывались правила, согласно которым одинокая женщина из числа «иудейского войска» получала поддержку из различных источников (семейной организации, официальных органов местной администрации). Это позволяло незамужней женщине вести самостоятельно свои дела и возглавлять свою малую семейную организацию. Естественно, это сопровождалось и ее участием в делах данной общины.

3. Приводимые нами выше материалы позволяют в общих чертах проследить механизм помощи этой категории населения на протяжении длительного времени.

К началу V в. до н.э. в рассматриваемой среде действовало положение, согласно которому все члены «иудейского войска» и аналогичных арамеоязычных групп объединялись в профессиональные «сотни». Если женщина не выполняла определенных профессиональных обязанностей в хозяйственном ведомстве, она лишалась привычного для нее жалования отца или мужа в виде продуктов питания и серебра. Вне зависимости от того, шла ли речь об одной или двух женщинах, сироты могли хлопотать о выделении им своеобразного пенсионного (вспомоществования) в виде части натурального (pṭr') и денежного довольствия (pṭs) отца или мужа. Изменения в семейном положении, естественно, приводили к утрате права на получение такого пособия. В ряде случаев одинокие женщины могли надеяться на вспомоществование (пособие), обозначаемого термином (mṭt'). Со временем ахеменидская администрация ввела некоторые новшества в правила оказания помощи сиротам умерших солдат. Земельное пожалование, входившее в оплату труда служилого человека, могло быть изъято у семьи умершего лишь в случае невозможности данными лицами (женами, детьми) его обрабатывать или сдавать в аренду с уплатой соответствующих налогов.

В С 43 анализируется ситуация, когда после смерти солдата остались дочери, которые попеременно продолжали получать часть жалования, включая и серебро, своего отца, члена гарнизонного dgl'. При этом, естественно, принимался во внимание принцип старшинства. Из этого документа нельзя заключить, какие функции в dgl' выполняла Миптахийя, дочь Гамарийи. Вместе с тем после достижения соответствующего возраста ее сын мог претендовать на получение работы отца или деда в гарнизонном dgl'. Миптахийя в приведенном документе рассматривает pṭr' как предмет своей частной собственности, отождествляя его с собой (букв. «'nh // Mṭṭḥyh» – «Я, // Миптахийя» – С 43: 6–7). Исивери получала за сестру временно pṭr', но и для этого потребовалось по прошествии определенного срока составить юридический документ, который предохранял от возможных исков со стороны наследников ее сестры.

4. Процесс закрепления за одинокими женщинами служилых пожалований или других видов оплаты шел параллельно с определением физических лиц, которые в случае необходимости могли оспаривать предмет отчуждения. По поводу пенсионного (вспомоществования) иски могли быть предъявлены представителями большой и малой семейных организаций, а также коллегами умершего солдата. Для обозначения первой в арамейских документах используется термин ḡuq (ḡḡ- «отступить, отречься, быть далеким»; форма страдательного причастия ед. ч. ḡuq/мн. ч. ḡuqn)⁶¹.

⁶¹ Винников. Словарь арамейских надписей // ПС. Вып. 13. 1965. С. 239; Sokoloff M.A. Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period. Ramat Gan, 1992. P. 520.

Отец и мать, брат и сестра, сын и дочь составляли основу близких родственников (ср. араме. *qrub* гл. *qrb* – «приближаться, быть близким»)⁶². Согласно С 43: 5, эта группа лиц (близкие и дальние родственники) могла предъявить иск лишь по поводу серебра (6 сиклей), но не *ptp'*.

Как известно, оплата в виде серебра или продовольствия поступала и распределялась централизованно на месте по отдельным «сотням» и подразделениям. Члены данных объединений выступали как бы в качестве коллективных владельцев определенного количества серебра, выраженного в весовом эквиваленте, или ассортимента продуктов, составлявших натуральный вид оплаты. Для обозначения этих возможных истцов в документах закрепились два иранских термина: *hngyt* и *hnbg*⁶³.

Арамейское *hngyt*⁶⁴ (иран. *hangaiθa*), по всей видимости, использовалось для отнесения определенных лиц к сходному этносу. Арамейское *hnbg*⁶⁵ (иран. *han-bāga*) чаще всего обозначало состояние в одном профессиональном коллективе (хозяйственной «сотне», гарнизонном подразделении).

Проблема вступления в наследование имущества умершего различными лицами (родственниками и сослуживцами) требует специального исследования, ибо каждое конкретное лицо могло претендовать на определенную часть. Дело в том, что при жизни служилый человек мог участвовать в совместном владении имуществом (например, землей). Поскольку в результате перераспределения на месте *ptp'* могли пострадать интересы коллег, список лиц, способных предъявить иск, расширялся.

5. Традиционное почитание в Египте женского начала, равноправие, забота о семейном достоянии – все это способствовало тому, что женщина не чувствовала себя ущемленной в правах даже тогда, когда оставалась без опеки родителей или в случае развода. Она сама возглавляла свою малую семейную организацию, выполняла все необходимые обязанности. Одиноким женщины наравне с мужчинами несли бремя ответственности перед обществом и своими наследниками.

STATUS OF UNMARRIED WOMAN IN LATE EGYPT ACCORDING TO ARAMEAN TEXTS OF THE 5th CENTURE BC FROM TSHETRES DISTRICT

A.N. Temerev

The history of the «Jewish military colony» in Southern Egypt is attested in documents from family archives for the whole of the 5th century BC. In the late 6th century BC it included some dozens of families. According to C22 in the early 4th century BC it consisted of 150 small family organizations. For certain reasons about a dozen of such organizations were headed by women. According to the then existing norms, after the death of a husband, the widow was supported by the community (either military or civil). In the early 5th century BC this support consisted in a pension granted to the woman. If she got married or died, the pension (*mnt'*) was withdrawn, and it could not be inherited. By the end of the 5th century BC in case of the father's death the eldest unmarried woman had the right to receive warrior's salary in silver or in kind (*ptp'*). C43 shows that women without husbands would find a way to hand such salary down to their children. Irrespective of their sex or status, all the members of the colony were free people.

⁶² Винников. Словарь арамейских надписей // ПС. Вып. 13. 1965. С. 235; Sokoloff. Dictionary... P. 502.

⁶³ Связь указанных иранских терминов с префиксом *ham-* («с», «вместе с») и прилагательным *hama-* («подобный, одинаковый, тот же самый») очевидна, что отмечают все без исключения исследователи.

⁶⁴ Porten. Archives from Elephantine... P. 216: иран. *ham-gaiθa* («partner»); DISO. P. 67: «partenaire»; Hinz. Op. cit. S. 116: «partner»; Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri... P. 184: «kinsman».

⁶⁵ Porten. Archives from Elephantine... P. 216: «companion»; Hinz. Op. cit. S. 115: «Genosse»; Kraeling. The Brooklyn Aramaic Papyri... P. 184: «having a comon share».

О. Л. Левинская

О МУЛАХ И «ПОЛУОСЛАХ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЭПОСЕ

...на муловый воз легкокатный
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли воловозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
(Илиада. XXIV. 275–278)

Читая Гомера, легко заметить, что в мире героев «Илиады» и «Одиссеи» мулы были очень нужным существом. Иногда переводчики используют менее употребительный синоним *меск*, но в любом случае речь идет о животном, которое в греческом тексте именуется ἡμίονος (букв. «полуосел») и традиционно понимается как *мул*, т.е. гибрид кобылицы и осла.

О прочном положении мулов/месков в эпическом мире свидетельствуют и тексты Гесиода: хотя мулы упомянуты там всего дважды («Труды и дни», 607 и 816), но оба раза – в формульном сочетании βουσι καὶ ἡμίονοισι, и в обоих случаях речь идет о мулах, тянущих плуг. Тот факт, что животные, именуемые ἡμίονοι появляются в составе формульного сочетания, свидетельствует, на мой взгляд, о принадлежности этих «персонажей» к древнейшим слоям эпоса.

Эпические контексты складываются в ясную и непротиворечивую картину:

1. Мулы – важная составляющая хозяйственной жизни и греков, и троянцев. Их знают и на Пелопоннесе (Элида, Спарта – Од. IV. 636; XV. 85), и в островной Греции (Итака – Од. XXI. 23).

2. Их используют как тягловую силу, запрягая в повозку (колесницу), но только не боевую (Ил. XVII. 742; XXIV. 150, 179, 277, 324; Од. VI. 37, 73, 82, 88, 111; VII. 2, 6) и в плуг (X. 351; Од. VIII. 124; Гесиод. Тр. 607, 816).

3. Мулы ценятся высоко и считаются дорогим подарком (Ил. XXIII. 260, 656; XXIV. 277; Од. XV. 85).

4. При этом они не являются вполне домашним животным – их нужно приучать к ярму (Од. IV. 636).

В эту прозрачную картину не вписывается только один факт: *ослы*, без которых разведение мулов невозможно (мулы, как известно, бесплодны и не дают потомства), в эпическом мире практически полностью отсутствуют. У Гомера осел появляется единственный раз, когда упорство и медлительность Аякса сравниваются с поведением этого животного (Ил. XI. 558), а у Гесиода ослы не упоминаются вовсе, и это, похоже, не случайность, а вполне адекватное отражение объективной ситуации.

Дело в том, что ослы полностью отсутствуют как в мифологии, так и в иконографии архаической эпохи. Первые известные нам изображения этих животных в греческой традиции относятся к VI в. до н.э., и поэтому есть основания думать, что ослы появились в греческом мире поздно и для архаической эпохи были еще животными скорее редкими и экзотическими, чем известными и распространенными. Но если в гомеровско-гесиодовском мире осел – такая редкость, то откуда там обилие мулов?

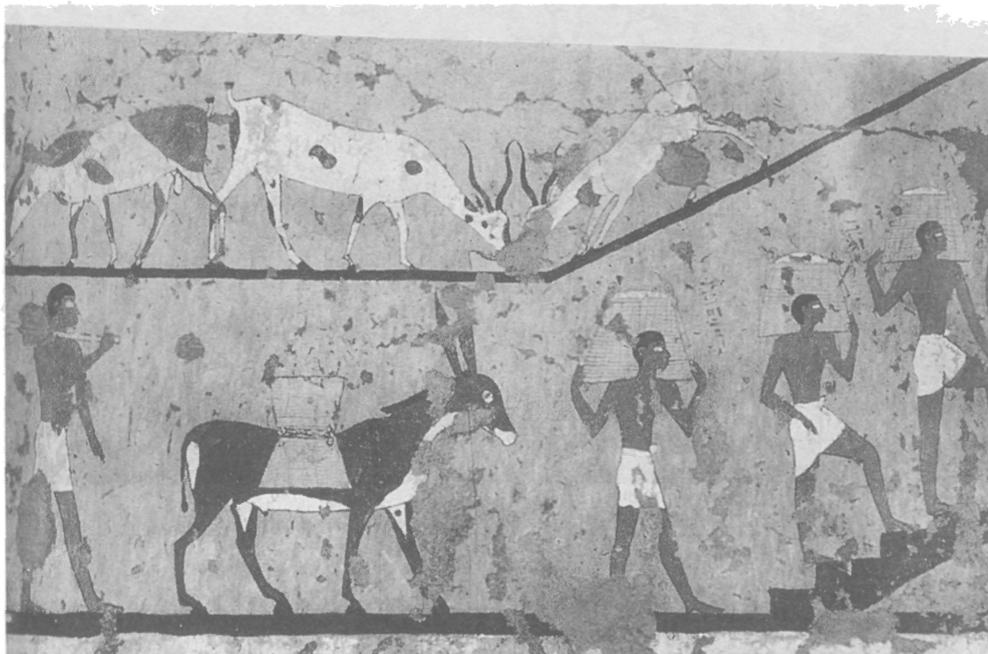

Рис. 1. Ослы с поклажей. Настенная роспись (Гебелейн). Ок. 2120 г. до н.э.

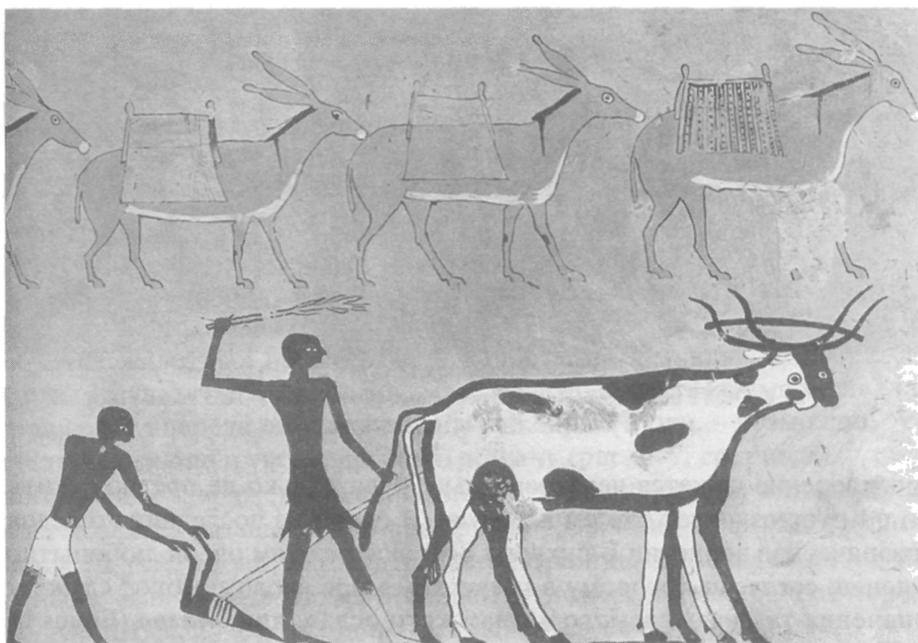

Рис. 2. Караван нагруженных ослов. Настенная роспись (Фивы). Ок. 2050 г. до н.э.

Рис. 3. Осел с поклажей. Настенная роспись (Фивы). 1448–1422 гг. до н.э.

Рис. 4. Осел с поклажей. Настенная роспись (Фивы). 1248–1235 гг. до н.э.

Противоречие кажется неразрешимым, если только не предположить, что слово ἡμίονος означает совсем не «мул». В одном из последних исследований по исторической зоологии Ближнего Востока находим очень любопытное утверждение, согласно которому в греческом мире слово ἡμίονος служило для обозначения так называемого «азиатского осла», или *онагра* (*Equus hemionus*)¹. *Онагры* и *ослы* – животные хоть и родственные, но разные, составляю-

¹ A History of the Animal World in Ancient Near East / Ed. B.J. Collins. Leiden (Brill), 2002. P. 17.

Рис. 5. Палестинский торговец с нагруженным ослом. Настенная роспись (Бени-Хассан). Ок. 1890 г. до н.э.

щие два независимых вида в роде лошадей. Оба эти вида занимали совершенно самостоятельное место не только в классификации лошадиных, но и в графическом пространстве. Более того, даже использовали их совершенно по-разному.

Родина ослов – Северная Африка, а одомашнены они были не позднее IV тыс. до н.э. в Египте, Сирии, Палестине и Иордании. Использовали их исключительно как *вьючных* животных (рис. 1–5).

А онагры обитали в Азии, на обширной территории от Монголии до Индии, включая Центральную Азию. В число этих территорий входило и Междуречье, где онагры, как свидетельствуют специалисты по археологии Междуречья, водились еще сравнительно недавно – в XIX в.

До некоторых пор онагров считали неприручаемым животным, но при раскопках в Уре был найден так называемый «Штандарт» – две панели с инкрустациями из перламутра и лазурита (фон) со сценами военной и мирной жизни (ок. 2500 г. до н.э.). На «военной» панели изображены четырехколесные возки, запряженные животными, похожими отчасти на лошадей, отчасти ослов. Этим животных отождествили с онаграми; правильность вывода подтвердили результаты остеологических исследований. На «мирной» панели онагров гонят впереди себя тяжело нагруженные люди, – возможно, это бедители, уносящие и увозящие свою добычу (рис. 6–7; ср. рис. 8).

Изображения запряженных в повозки онагров и сцены их отлова распространены на мозаике, украшающей ларец эпохи I династии Ура (рис. 9). Следовательно, в III тыс. до н.э. в Междуречье онагров использовали как *тяжелых* животных и если не разводили в домашних условиях, то, по крайней мере, приручали. Со II тыс. до н.э. их стали постепенно заменять лошадьми.

Совершенно очевидно, что роль онагров в цивилизации Междуречья полностью совпадает с ролью ἵππων, как она представлена Гомером и Гес

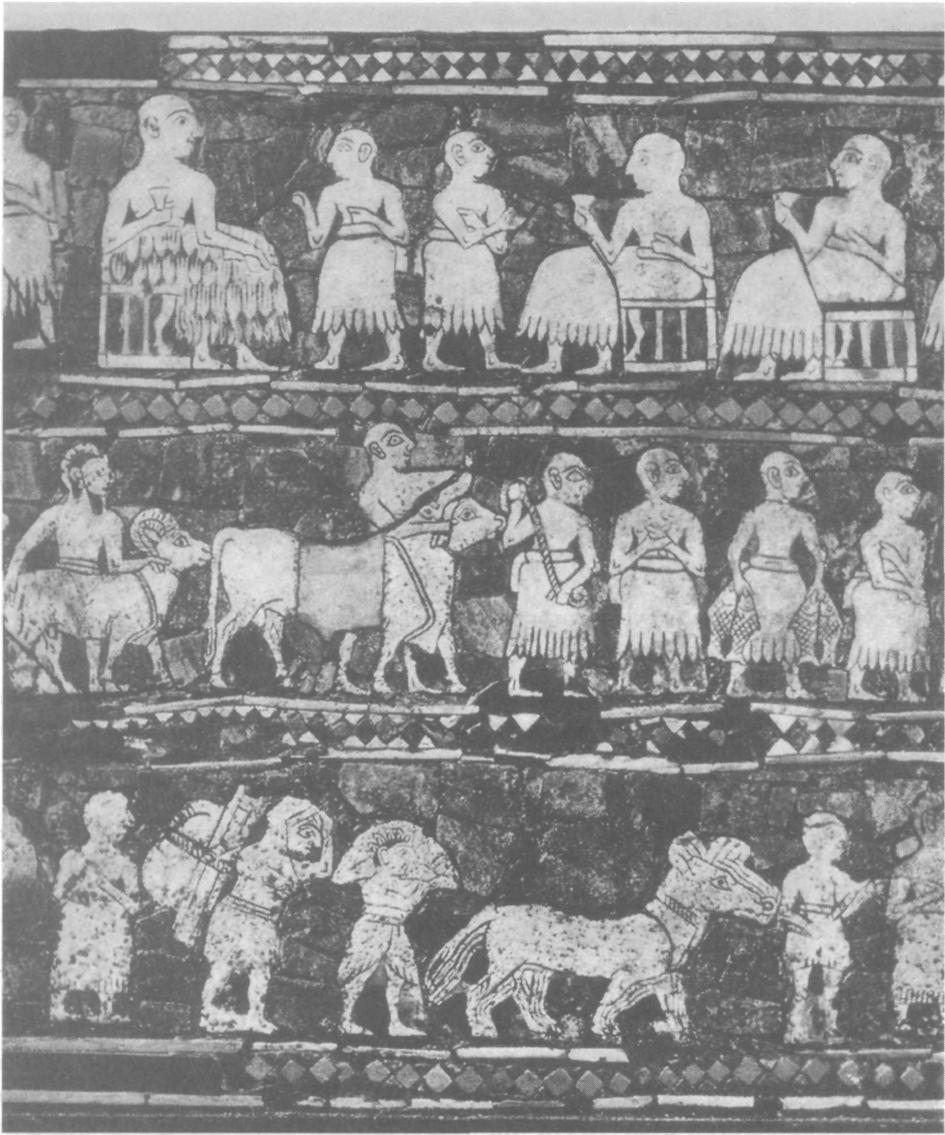

Рис. 6. «Штандарт» из Ура. Сцены мира

дом. Что же заставляет нас думать, что гомеровские и гесиодовские ἵππιονοι – это мулы? Ведь само слово не содержит никаких специальных указаний на то, что под «полуослом» следует понимать именно *гибрид* осла и кобылицы. Следовательно, ничто не мешает нам предположить, что «полуослами» у Гомера и Гесиода называются животные, которые были похожи на ослов, но не полностью, а лишь отчасти – именно так и выглядели онагры.

Такое толкование снимает противоречие, о котором уже было сказано (между обилием мулов и практически полным отсутствием ослов в эпическом мире), но одновременно ставит нас перед новой проблемой: если гомеровско-

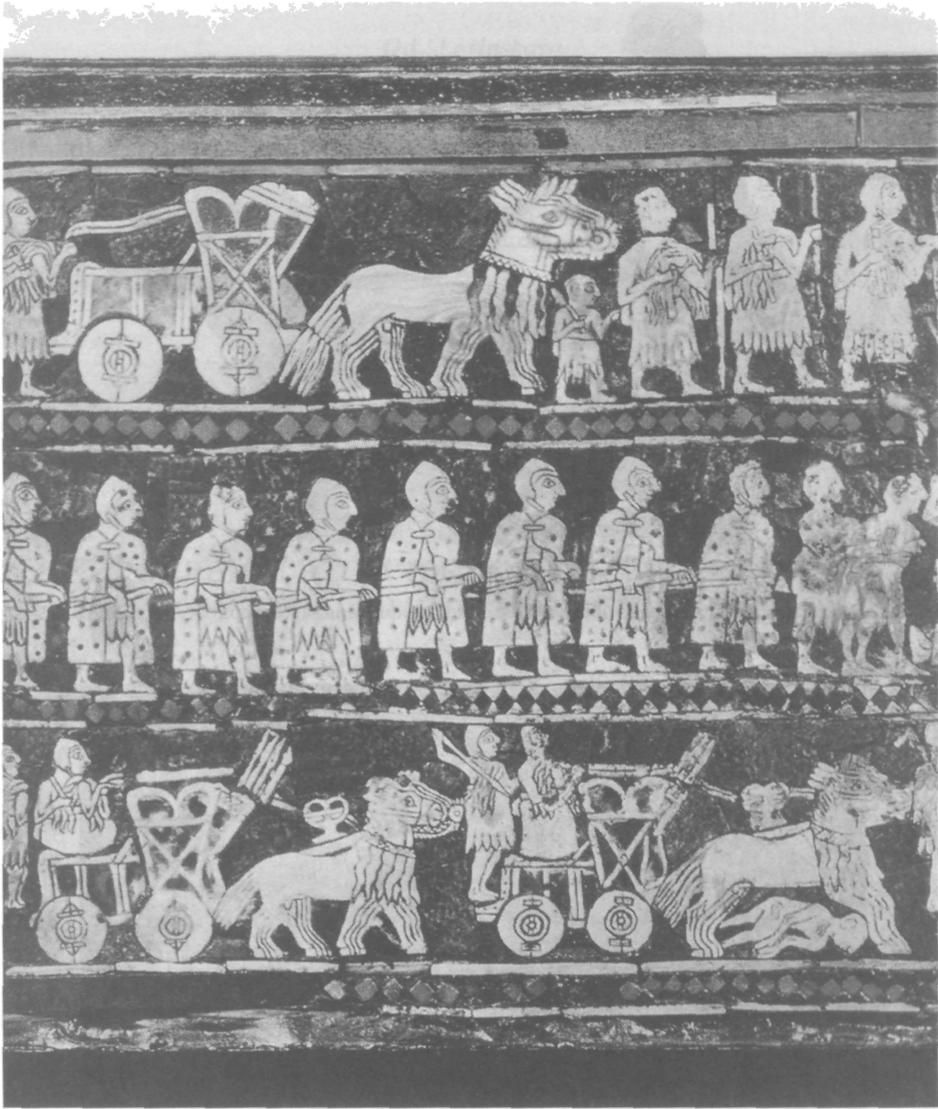

Рис. 7. «Штандарт» из Ура. Сцены войны

гесиодовские ἡμίονοι – это онагры, то какую реальность отражает в данном случае эпический текст – историческую или художественную?

В первом случае новая страница может быть вписана в зооархеологию, потому что об обитании азиатских онагров в греческом ареале не известно ничего. Во втором случае мы получаем еще один заманчивый повод поразмыслить о связях античного мира с Междуречьем и о путях проникновения древневосточных художественных образов в греческий эпос.

Рис. 8. Миниатюрная группа из меди: боевая колесница, запряженная четверкой онагров (Телль-Аграб). Начало III тыс. до н.э.

Рис. 9. Рельефная табличка из Хафадже. Первая половина III тыс. до н.э.

O.L. Levinskaya

It is absolutely evident that in the world of Greek archaic epos mules (Gr. ἤμιονοι) are very important creatures, widely spread and used in different spheres of life. At the same time in this very world there are no asses, which are absolutely necessary for breeding mules. This paradox can be explained rather simply, but the explanation leads far away from Greece, to Mesopotamia and shows how closely these two areas were connected, even in the system of epic images.

© 2004 г.

В. Е. Максименко

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИЖНЕДОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Проблема определения этнической структуры населения в зонах наибольшего взаимодействия древних племен всегда сложна. Противоречивый характер сведений античных авторов, неопределенность в интерпретации археологических источников и отсутствие комплексного подхода в анализе всех доступных видов источников порождают у ученых гипотезы, зачастую прямо противоположные друг другу. При этом наибольшие разногласия наблюдаются у тех исследователей, которые за основу анализа взяли один вид источников – письменный или археологический – и значение его явно преувеличивают.

Трудности определения этноса на Нижнем Дону в эпоху раннего железного века состоят в том, что эта территория являлась своеобразной контактной зоной, местом столкновения племенных объединений, различных по этническим признакам и хозяйственному укладу. Поэтому материальная и духовная культура населения этого региона всегда носила смешанный характер.

До недавнего времени в интерпретации археологических памятников кочевого населения эпохи раннего железного века преобладал «глобальный» подход. Исследователи полагали, что на территории Подонья в определенные периоды раннего железного века существовала единая археологическая культура, без особых локальных различий, и население считали либо «скифским» (до II в. до н.э.), либо меотским (в дельте Дона), либо савроматским или сарматским.

Накопленный к настоящему времени материал рисует более сложную картину. Видимо, не следует искать «чистые» варианты археологических культур и искусственно их подгонять под территориальные границы, определяемые древними авторами. Не следует подгонять и этнические термины под археологические культуры, поскольку именно это обстоятельство со временем приводит к невообразимой путанице в попытках сопоставления этноса и археологических культур.

В настоящее время назрела необходимость выделения узколокальных вариантов археологических культур по регионам с учетом их временных характеристик, на основе объединения памятников по принципу их наибольшей концентрации. Такие «группы» в большей степени будут соответствовать реальным границам родовых и племенных владений кочевников, хотя, конечно, не следует забывать, что эти границы никогда не были постоянными и зависели от многих причин социального, демографического или политического характера. Целесообразно, на наш взгляд, искать и фиксировать «центры» владений кочевников. Таковыми могут быть сконцентрированные в отдельных районах могильники, которые, как известно, находились под защитой рода и племени и, как правило, не могли быть расположены на границах с чужими владениями.

Нельзя не отметить тот факт, что на характер выводов особо влияет отсутствие четкого понятийного аппарата и единых критериев оценки применительно к этносоциальной структуре кочевнического общества региона эпохи раннего железного века. Зачастую один и тот же термин используется для разных понятий, что вносит еще большую путаницу в выводы.

Так, например, понятие «савроматы» как этноним неадекватно понятию «савроматы» как носители савроматской археологической культуры. Однако в нашей литературе этноним «савроматы» зачастую употребляется именно там, где уместно говорить о племенах – носителях савроматской археологической культуры (например для памятников Южного Приуралья и Заволжья), а где античная традиция конкретно размещает савроматов (Низовья Дона), можно говорить о «скифской» культуре. Это же, в свою очередь, приводит к тому, что население этого региона считается и носителем «скифского» этноса.

Поставив своей целью исследование этнических и миграционных процессов в среде кочевнического населения Подонья, мы должны ясно осознавать, что выводы, базирующиеся на современном состоянии источниковой базы, далеки от совершенства и несомненно будут со временем уточняться или даже пересматриваться. Но, думается, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении не только источники, но и новые приемы их обработки позволяют внести коррективы в существующие в науке мнения.

Прежде всего, следует отказаться от глобального подхода к анализу археологических данных и не рассматривать их как принадлежность единого археологического комплекса в пределах всего Донского региона даже в узко хронологический период истории. Анализ археологического материала показал, что при кажущемся единообразии памятников в определенные периоды локальные (по группам памятников) различия весьма заметны. Это явно порождает желание выяснить причины этих различий.

Используя метод узко локального подхода в изучении археологических объектов, конечно, не следует отказываться и от общего анализа, поскольку именно он дает возможность выявления резких, коренных изменений в пределах всего региона и определения периодов истории по совокупности анализа источников. Периодизация, разработанная на основе археологических памятников и подкрепленная данными письменных источников, несомненно, более точна, нежели чисто «археологическая» или «историческая». Однако, определяя тот или иной этноним, мы можем использовать только письменный источник, естественно, с определенной долей критического анализа.

Свою точку зрения на этнический состав нижнедонского и среднедонского региона я высказывал неоднократно¹, поэтому позволю лишь кратко изложить свои взгляды, без расширенной аргументации.

Придерживаясь точки зрения о савроматской (VI–III вв. до н.э.) этнической принадлежности кочевого населения донского Правобережья, я далек от мысли абсолютизировать этот взгляд, так как изучено слишком мало археологических комплексов в нижнем течении бассейна Северского Донца и Дона, в северных районах Ростовской области. Поэтому пока главным источником являются письменные свидетельства античных авторов, трактуемые также весьма неоднозначно.

Одно из немногих этнических названий кочевых племен, которых античные авторы размещали на территории степного Подонья, – это «савроматы». Впервые они упоминаются в той части труда Геродота, в которой он рассказывает о походе Дария I против скифов. В столкновении персов и скифов савроматы выступают как самые верные их союзники. В составе отряда под предводительством Скопасиса савроматы вели патрулирование северного побережья Меотиды (Herod. IV. 120). Описывая местоположение соседних со скифами племен, втянутых в скифо-персидский конфликт, Геродот не только четко фиксирует границы владений савроматов, но и обстоятельно передает версию, правда, весьма легендарную, о происхождении савроматов.

Согласно Геродоту, амазонки, потерпев поражение в битве с греками у реки Термодонт в Каппадокии (местности, где в свое время обосновались киммерийцы), не по своей воле приплыли на кораблях к побережью Меотиды (т.е. Азовского моря), где жили скифы. Некоторое время спустя они вступили в связь со скифскими юношами. Это произошло на северном побережье Меотиды, у местечка Кремны, неподалеку от реки Танаис (Herod. IV. 110). После заключения браков, не желая оставаться в пределах скифских владений, молодые семьи прародителей савроматов удалились. Далее Геродот (IV. 116) сообщает: «Переправившись через Танаис, они шли к востоку три дня спустя от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу. Пришедши в местность, которую занимают и теперь, они поселились там. Отсюда савроматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду». Кроме того, Геродот (IV. 117) пишет о том, что савроматы говорят на скифском языке, но издревле испорченном, так как амазонки не вполне его усвоили. С легендой Геродота о появлении амазонок у Меотиды перекликаются в какой-то мере сообщения Диодора Сицилийского (II. 43) о покорении земель до Танаиса и за ним предводительницами амазонок. Еще в большей степени с геродотовой версией совпадает миф в изложении Диодора (IV. 26) о том, как после поражения в Аттике «...оставшиеся в живых амазонки, не пожелавшие возвратиться на родину, удалились вместе со скифами в Скифию и поселились вместе с ними».

Возможно, что в легендах о происхождении савроматов нашли отражение реальные события, связанные с формированием нового союза родственных племен: кочевников, живших уже на территории Подонья–Приазовья, и части кочевников, вернувшихся из переднеазиатских походов. Не исключено,

¹ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; *он же*. Сарматы на Дону (Археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998; *он же*. Население междуречья Дона и Северного Донца в V–III вв. до н.э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 181–185.

что образование этого союза было не единовременным. Ранний этап этого события нашел отражение в легенде у Геродота и в мифе у Диодора об амазонках, переселившихся в Скифию. Более поздний этап – возвращение части кочевников из переднеазиатских походов – в сообщении Диодора (II. 45, 46) о переселении из Мидии части кочевников, поселившихся у Танаиса и назвавших себя савроматами. По Геродоту (IV. 21), владения савроматов простирались на 15 дней пути от угла Меотийского озера.

В труде современника Геродота, псевдо-Гиппократа прямо указывается, что «...в Европе (т.е. к западу от Дона, поскольку Танаис считался границей Европы и Азии. – *В.М.*) есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его савроматы» (Ps.-Нурросг. 24). Подобная локализация савроматов согласуется с легендой Геродота о происхождении савроматов от скифов и амазонок на землях западнее Дона.

Очень часто античные авторы, говоря о населении Подонья и Восточного Приазовья, называют его собирательным термином «меоты». Впервые он употреблен Геродотом и его современником Геллаником Митиленским, который сообщает, что «...когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их – меоты – «скифы» (Hell. fr. 92). У Геродота о «меотах» говорится в той части его «Истории» (IV. 123), где сообщается о походе Дария против скифов и перечисляются реки, протекающие через их земли: «...четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою». Здесь под меотами автор явно подразумевает скифов и савроматов, живших около Меотиды и участвовавших в совместной борьбе против войск Дария. Очевидно, в данном случае этот термин не этнический, а географический. Не исключено, что название народа и территории произошло от названия Азовского моря – Меотиды, упоминаемого в источниках значительно раньше соответствующего этнонима. Так, у Эсхила (526–456 гг. до н.э.) говорится: «В ближайших местностях Священной Азии... многолюдные племена скифов, обитающих на краю земли вокруг Меотийского озера» (Prom. 327–440).

Античные авторы VI–V вв. до н.э., размещая на северном и восточном побережье Меотиды скифские и родственные им племена, всегда подчеркивают их сходство. Трудно поверить, что на территории, где греки довольно часто соприкасались с местным населением, сходство наблюдалось бы только в быту и в способе ведения хозяйства. Вероятно, родство языка также определяло это сходство.

Там, где Гелланик помещал скифские племена меотов (меоты-скифы), Гекатей Милетский (VI в. до н.э.) ранее помещал племена иксибатов (Hecat. 166), сопоставляемых с иксоматами и язаматами более поздних авторов (Эфор, Деметрий из Каллатиса, псевдо-Арриан), локализовавших их неподалеку от Танаиса на восточном берегу Меотиды.

Начиная с Эфора (IV в. до н.э.), иксибатов-язаматов помещают на побережье Азовского моря, неподалеку от Танаиса. Эти сведения псевдо-Скимна (III–II вв. до н.э.) со ссылкой на Эфора, Деметрия из Каллатиса позже были повторены псевдо-Аррианом (V в. н.э.). Псевдо-Скимн сообщает следующее: «На Танаисе, который служит границу Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 200 стадий. За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов» (Ps.-Scymn. 874–885). В районе левобережья Танаиса помещают язаматов и более поздние авторы. Помпоний Мела

(I в. н.э.), сведения которого восходят, возможно, к более раннему времени, пишет, что ближе всего к устью реки живут иксиматы (Mela. I. 19, 114). Птолемей (II в. н.э.) помещает их также в нижнем течении Танаиса, но в глубине степи (Ptol. V. 8, 16).

С некоторой долей вероятности можно утверждать, что уже во времена Эфора (IV в. до н.э.), а может быть и несколько ранее, в V в. до н.э., племя язаматов, переселившись с Кубани, заселило район Подонья и вошло в савроматский союз. Термин «меоты», который употребляет Деметрий, следует признать географическим. То, что термин «меоты» появился как термин собирательный для различных племен Восточного Приазовья, убедительно подтверждает и боспорская эпиграфика.

При перечислении племен, попавших в зависимость при боспорских царях Левконе I и Перисаде I, всегда встречается выражение «καὶ τοῖσιν πάντων», т.е. «всех меотов» (КБН. 8, 10, 11, 25). Оно свидетельствует о том, что меоты – это не единая этническая общность, как, например, синды, а совокупность отдельных племен, вероятно, и этнически неоднородных. В свое время М.И. Ростовцев убедительно доказал, что название «меоты» и «савроматы» в античных источниках классического времени (или в более поздних сочинениях, опирающихся на ранние источники) выступают как понятия близкие и частично перекрывающие друг друга².

Скорее всего, «савроматы» классического периода и эпохи раннего эллинизма – это этнический термин, а «меоты» – географический, употреблявшийся по отношению к населению, проживающему на восточном побережье Меотиды. Следует признать, что на территории Прикубанья в состав «меотских» входили и неираноязычные племена (т.е. не родственные скифам и савроматам), происхождение которых восходит к северокавказским народам эпохи бронзы и которые составляли основу оседлого земледельческого населения Прикубанья.

Итак, согласно античной традиции, к V в. до н.э. в степях Подонья сформировался союз племен под общим названием «савроматы». В том, что савроматы – это группа родственных по языку и культуре племен, связанных между собой политическим союзом, – исследователи единодушны³. Однако долгое время археологи относили к савроматам только памятники Задонья, считая, что памятники Правобережья оставлены скифами. Это явно противоречит античной традиции и археологическим данным.

Формирование савроматского союза происходило постепенно. Наиболее ранний этап этого процесса, как уже отмечалось, нашел отражение в легенде у Геродота о происхождении савроматов от скифов и амазонок. Если признать, что мифические амазонки – это реально существовавшие киммерийцы, походы которых на прародину, т.е. в Северное Причерноморье из Малой Азии, видимо, и нашли отражение в многочисленных сообщениях античных авторов о появлении амазонок у Меотиды и Танаиса, то это обретает реальный смысл. В таком случае легенда позволяет говорить о том, что древнейшей областью (центром) обитания савроматов первоначально были и правобережные районы Дона. В нашей исторической литературе принято считать со ссылкой на Геродота, что границей между скифами и савроматами был Дон (Танаис). Но если внимательно вчитаться в текст Геродота, то он нигде

² Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 110–112.

³ Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. 1971. № 177. С. 129 сл.

об этом не говорит. А псевдо-Гиппократ, современник Геродота, прямо указывает на европейскую часть (т.е. на земли западнее Танаиса) как на основную область обитания савроматов.

О том, что земли западнее Дона были в свое время савроматскими, свидетельствует не только легенда Геродота о происхождении савроматов, но и сообщение о том, что Дарий I во время походов против скифов прошел землю савроматов и вышел к их северным соседям будинам (Herod. IV. 122, 123). А ведь путь Дария пролегал только по европейской части земель кочевников⁴. По Геродоту (IV. 20), владения скифов лишь частично достигают Танаиса, а отделяет царских скифов от савроматов озеро Меотида (IV. 57), и они (т.е. савроматы. – *В.М.*) занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера (т.е. Таганрогского залива. – *В.М.*) на 15 дней пути (Herod. IV. 21). Если принять во внимание, что Геродот мог отождествлять Северский Донец с Танаисом, а это вполне допустимо⁵, то, таким образом, согласно письменной традиции (Геродот, Псевдо-Гиппократ), еще в VI – начале V в. до н.э. и правобережные и левобережные степи Подонья должны были принадлежать савроматам.

Подобная локализация савроматов позволяет считать памятники VI – начала V в. до н.э. на всей степной территории Нижнего Дона (Константиновский курган, погребение из Хапровского кургана, погребение у хут. Краснодарского, некоторые погребения из Ростовских курганов, курганов Койсугского могильника и у хут. Высочино на р. Маныч и на р. Сал и др.) принадлежащими савроматам. Эти памятники хотя и имеют свои специфические черты, сближающие их со скифскими, тем не менее (по К.Ф. Смирнову) имеют и сходство с памятниками савроматской археологической культуры.

Из-за малого количества материала особых локальных различий в памятниках VI и начала V в. до н.э. в степной зоне Подонья проследить пока не удастся. Однако исследованные памятники позволяют говорить о сходных элементах в культуре всего населения, что соответствует исторической традиции, фиксирующей единство савроматского союза племен на Дону в VI–V вв. до н.э. Здесь, на мой взгляд, уместно коснуться еще одной версии, сохранившейся у Диодора Сицилийского (II. 43), о появлении савроматов у р. Танаис, а точнее о появлении группы кочевников, возвратившихся из переднеазиатских походов и назвавших себя савроматами. То обстоятельство, что эта группа называла себя савроматами, т.е. приняла их имя, позволяет говорить о том, что пришельцы влились в уже существовавшее объединение под таким племенным названием.

По Диодору, савроматы поселились «у Танаиса», без конкретного уточнения, – на правом или левом его берегу. Принимая во внимание последовательность описания Диодором географических зон от азиатской части до европейской (с юга на север через Кавказ), можно предположить, что он имел в виду савроматов южнее Дона, т.е. на левобережье. Скорее всего, савроматы Диодора – это кочевники, занявшие обширный район степей междуречья Дона и Нижней Волги. Именно здесь по археологическим памятникам четко фиксируется «внезапное» появление новых элементов в материальной культуре в VI в. до н.э.

⁴ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 173, карта.

⁵ Там же. С. 50.

В V в. до н.э. в низовьях Дона поселяется «меотийское» племя язаматов, которое, вероятно, также вошло в савроматский союз. С язаматами, на мой взгляд, можно увязать археологические памятники дельты Дона (Елизаветовское поселение, курганы и т.д.) и прилегающих районов – на правом берегу до низовьев Северского Донца, а на левобережье до реки Маныч.

В IV в. до н.э. в античных источниках появляются новые этнонимы для обозначения населения степного Подонья – «сирматы». Среди большинства исследователей распространено мнение, что впервые этноним «сирматы» употреблен в перипле псевдо-Скилака (около 338 г. до н.э.) в описании Европы, где он сообщает, что «...сирматы народ и река Танаис (составляют) границу Азии и Европы» (Ps.-Scylax. 68). Далее автор упоминает в описании Азии савроматов и выделяет их в особый народ: «От реки Танаиса начинается Азия и ее первый народ на Понте савроматы» (ibid. 70).

Сирматы упоминаются также в «Землеописании» Эвдокса. Он пишет, что «...вблизи Танаиса живут сирматы» (Eudox. fr. I. 1). Обычно труд Эвдокса относят к III в. до н.э., считая, что он написан Эвдоксом Родосским⁶. Но если признать правильной точку зрения М.И. Ростовцева и Д.А. Мачинского о том, что этот труд принадлежал Эвдоксу Книдскому, писавшему около 370–365 гг. до н.э.⁷, то можно говорить о сирматах, впервые упоминающихся в начале IV в. до н.э., а появиться у Танаиса они могли и ранее.

Относительно появления сирматов и их родства с савроматами нет единого мнения. Одни исследователи полагают, что сирматы – это одна из групп восточного савроматского объединения, которая переправилась на правый берег Дона и была первой волной последовавшего затем широкого наступления ираноязычных племен из районов Поволжья, известных в античных источниках более позднего периода под названием сарматы⁸. Другие считают, что сирматы не родственны савроматам, а являются представителями угрофинского населения междуречья Дона и Северского Донца⁹. Большинство же ученых придерживается мнения, что сирматы – это первая волна савроматов, появившихся на правом берегу Дона в IV в. до н.э.¹⁰

Такое утверждение требует уточнения, поскольку явно противоречит данным письменных источников, сообщающих, на мой взгляд, о савроматах, живших на этой территории в период до появления сирматов. Это противоречие легко снимается, если внести уточнение в понятие «савроматы», которым оперируют археологи. Если говорить о савроматах как носителях определенного этнонима и определенной группы кочевников, территория которых охватывает и районы правобережья Дона, то появление савроматов на «савроматской земле» абсурдно. Но если предположить, что новое население (сирматы) со специфическими чертами савроматской археологической культуры Заволжья и Приуралья пришло на правобережье Дона, то становится понятно возникновение этого нового этнонима.

⁶ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 273; Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 102; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 194.

⁷ Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 44.

⁸ Смирнов. Савроматы. С. 196.

⁹ Либеров П.Д. Савроматы ли сирматы? // МИА. 1969. № 151. С. 37.

¹⁰ Смирнов. О начале проникновения сарматов... С. 192; Мошкова М.Г. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 209.

Начиная с III в. до н.э. вместо названия «сирматы» в античных источниках встречается термин «сарматы» и «Сарматия» (для обозначения тех мест, где ранее упоминались савроматы и сирматы). Псевдо-Скимн, цитируя Дементия из Каллатиса, сведения которого относятся к III в. до н.э., помещает на Танаисе сарматов (Ps.-Scymn. 874–875). Однако, если принять точку зрения Д.А. Мачинского, которая весьма убедительна, то появление термина «Сарматия» следует отнести еще к IV в. до н.э. Этот термин употребляет и Теофраст (372–287 гг. до н.э.) в отрывке «О водах», где пишет, что «...животное таранд водится в Скифии или Сарматии» (Theophr. fr. 172), а также в трудах Гераклида Понтийского, сведения которого повторяет автор III в. до н.э. Антигон Каристский (Antigon Kar. 167) со ссылкой на Каллимаха (310–235 гг. до н.э.).

Позднее античные авторы – Исигон Никейский, Сотион (I в. до н.э.) – повторяют это сообщение, заменяя название «Сарматия» названием «земля савроматов» (Isig. Nic. XIV; Sotion. 22), так как с конца II в. до н.э. и позднее в некоторых случаях этнонимы «сарматы» и «савроматы» становятся синонимами.

Объяснить, почему название «сирматы» изменилось на название «сарматы», весьма затруднительно. Скорее всего, «сирматы» – это искаженное греками произношение общеплеменного названия сарматов (народа «сайрима» Авесты) – народа, прародина которого находилась в степях Заволжья и Южного Приуралья. Возможно, одной из западных групп этого народа во времена Геродота и до него являлись исседоны, названные им (IV. 16) в качестве ближайших восточных соседей савроматов и тех немногих дальних племен, о которых у греков имелись кое-какие сведения.

Не исключено, что под влиянием определенных процессов исторического развития кочевого общества часть восточных соседей савроматов вынуждена была передвинуться на новые земли из Заволжья в степи западнее Дона. Д.А. Мачинским подмечен интересный факт: появление первых сведений о сарматах-сирматах совпадает по времени с прекращением притока оригинальных сведений об исседонах¹¹.

Как бы то ни было, не позднее IV в. до н.э. термины «Сарматия» и «сарматы» становятся столь же распространенными, как и «савроматы», но только применительно к территории и населению европейской части, т.е. к землям западнее Дона. Античные авторы IV–III вв. до н.э. ни разу не отождествляли сарматов и савроматов, наоборот, они даже отличали их от «женовладеемых савроматов» (Псевдо-Скимн, Псевдо-Скилак). Слияние этих этнонимов происходит только во II в. до н.э.

По нашему мнению, в «сирматах» Псевдо-Скилака и Эвдокса следует видеть сарматов – носителей нового этнонима. Но эти сарматы не являлись носителями прохоровской археологической культуры, традиционно считающейся «чисто» сарматской, а их культура более близка савроматской, точнее, ее донскому (правобережному) варианту, в котором в сильной степени отразились и скифские элементы. Более «скифский», нежели «савроматский», облик культуры населения этого региона (савроматов, позднее сирматов-сарматов) предопределил те сомнения, которые привели к интерпретации памятников этого региона как принадлежавших скифам. Как мы могли убедиться, это явно противоречит античной традиции, размещающей на этой территории пер-

¹¹ Мачинский. О времени... С. 54.

воначально савроматов (Геродот), а затем – сирматов-сарматов (Псевдо-Скимн и др.).

В археологии Дона имя сирматов-сарматов – носителей савроматской археологической культуры можно связать с группой памятников, обнаруженных в междуречье Дона и Северского Донца (Шолоховский курган, курганы V–III вв. Сладковского могильника, Карнауховский курган, курган № 1 нижнедонского могильника «Частые курганы»¹² и курган № 3 из того же могильника, – правда, материалы его раскопок 2001 г. еще не опубликованы).

Традиционная интерпретация донских правобережных комплексов как части скифских имеет давнюю историю и начинается с того момента, когда локальные варианты «скифской культуры» не прослеживались в малом количестве археологического материала, а Дон в этом отношении долгое время оставался наименее изученным. С момента активного накопления археологических данных правобережная зона и Средний Дон попали в зону «скифских» памятников, тем более что с выделением савроматской археологической культуры центр формирования которой был отнесен в Поволжье и Приуралье, река Дон стала границей между двумя культурами. Это разграничение между скифскими и савроматскими памятниками на Дону привело к явному несоответствию с письменной античной традицией, которая, как уже отмечалось, земли савроматам отводила западнее Дона.

Сторонники «скифской принадлежности» нижнедонских памятников VI–IV вв. до н.э. упускают из виду одно важное обстоятельство – особенность региона, который находился на стыке различных этнических массивов, что породило смешанный характер культуры живущего здесь населения. К тому же, как свидетельствуют античные авторы, савроматы – это объединение скифов и амазонок (Herod. IV. 20): «...одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями» (ср. Mela. I. 115) и т.д.

Отстаивая мнение об исконности савроматских земель между Доном и Северским Донцом (восточная граница владений геродотовских савроматов, вероятно, проходила по Волге), я считаю вполне допустимым усиление и обособление этой части савроматов за счет притока нового ираноязычного населения из-за Волги (сирматов-сарматов). Именно оно дало название новому объединению, которое послужило ядром для создания европейской Сарматии.

Археологическими доказательствами смены культур в V–IV вв. до н.э. на Дону мы пока не располагаем. Но резкое количественное увеличение памятников этого времени хорошо заметно. Это лишь подтверждает факт «мирного» проникновения нового, близкого по культуре и языку населения. Характер нижнедонских памятников IV–III вв. до н.э. позволяет говорить о сходстве (в широком смысле) со скифской и савроматской археологическими культурами. Значит ли это, что мы должны отказаться от их этнической интерпретации? Вероятно, нет.

Современный уровень археологических исследований позволяет выделить локальные варианты в «общих» археологических культурах – как в скифской, так и в савроматской. Причем, не в пределах огромных зон проживания союзов племен или отдельного племени, а в пределах более мелких подразделе-

¹² Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В. Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2000 году // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001. С. 220–225.

ний (фратрий, родов), имевших в зоне «своих владений» более ярко выраженные особенности быта, культурных традиций, заупокойного культа и т.д. Те локальные различия, которые археологи выделяют в пределах небольших территорий, в большей степени отражают иерархию племен и родо-племенные особенности. В момент образования политических союзов племен и формирования примитивного «государственного» аппарата, как это было, например, у скифов, материальная культура и даже духовная (правда, в меньшей степени) быстро нивелируется даже в разноэтничной среде. Отсюда и кажущееся на первый взгляд сходство памятников на обширной территории степной зоны, где границы между кочевниками постепенно менялись, а процесс интеграции происходил постоянно. В силу географической специфики региона и исторических условий нижнедонские памятники скифской эпохи являются собой яркий пример синтеза двух культур – скифской и савроматской. Причем влияние культур было прямо пропорционально прочности связей между смежными регионами.

Если говорить о начальных этапах продвижения савроматов и сарматов в Скифию, то следует иметь в виду продвижение к Днепру именно донских, правобережных савроматов и сирматов-сарматов – носителей савроматской археологической культуры (точнее, ее донского варианта).

Наиболее ранний момент появления савроматов в Скифии еще в конце VI в. до н.э. засвидетельствован в сообщении Геродота (IV. 120) об участии савроматского отряда в борьбе скифов с персами во время похода царя Дария I в Скифию. Период дружественных отношений между скифами и савроматами продолжался достаточно долго до IV в. до н.э., пока Скифская держава была в силе. В это время мирное проникновение савроматов в Скифию вполне допустимо, как, впрочем, и скифов в среду савроматов. Это могли быть браки, совместное участие в военных походах и т.д.

Образование европейской Сарматии и усиление ее за счет притока новой волны кочевников из восточных районов нарушили соотношение сил. Этому способствовали и внутренние социальные процессы в савромато-сарматском обществе, активизирующие действия, направленные на подчинение новых территорий. Особенно явно это проявилось после развала державы Атея в конце IV в. до н.э. Именно с этого момента начинается постепенное установление политического господства сирматов-сарматов, сопровождающееся, видимо, военными экспедициями в скифские земли. Этим следует объяснить усиление оборонительных сооружений на скифских городищах Поднепровья¹³. Однако это не означает реального, повсеместного присутствия сирматов-сарматов на покоренной территории.

Вытеснение скифов из Северного Причерноморья началось позднее, когда на исторической арене сформировался новый мощный племенной союз, главенствующее место в котором занимали «сарматы» – носители прохоровской археологической культуры. Резкая смена на левобережье Нижнего Дона во II в. до н.э. савроматской археологической культуры¹⁴ на прохоровскую свидетельствует о том, что в означенное время эта территория была уже занята

¹³ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днестре // МИА. 1958. № 64. С. 235–236; Абрамова М.П. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Дона // МИА. 1962. № 115. С. 275–276, 282.

¹⁴ Максименко. Савроматы... С. 57.

новым населением. Естественно предположить, что борьба за завоевание этих земель началась еще в конце IV – начале III в. до н.э. К этому времени относится запустение городищ античного времени в дельте Дона¹⁵. Не ранее конца III в. до н.э. начались опустошительные набеги сарматов (прохоровцев) из районов Донского левобережья в Скифию, может быть, с согласия и при участии европейских потомков Геродотовых савроматов и сирматов-сарматов. Полное вытеснение скифов из Поднепровья могло произойти не ранее середины II в. до н.э., что подтверждается и наличием новых, не скифских могильников конца II–I в. до н.э., которые могли образоваться только при условии полного контроля определенной группы населения над этой территорией.

Следует учитывать тот факт, что ко II в. до н.э. этноним «сарматы» становится собирательным, так же как этноним «скифы». И говоря о сарматах II–I вв. до н.э. (т.е. времени появления прохоровской археологической культуры к западу от Дона), не следует забывать, что к носителю «первоэтнонима» (сирматы) они не имеют прямого отношения. Этноним «сарматы» используется лишь в греко-римской традиции как термин обобщающий. Сами же «сарматские» племена имеют конкретные племенные названия, что особенно прослеживается в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

PROBLEMS OF ETHNICAL INTERPRETATION OF THE LOW DON MONUMENTS OF THE SCYTHIAN EPOCH

V.Ye. Maksimenko

It is always difficult to define the ethnical structure of the population in the areas of active contacts between ancient tribes.

The problem of identifying the ethnos of the Low Don area in the Early Iron Age lies in the fact that in this territory tribal unions of different ethnical characteristics and economical structure were constantly coming in contact with each other. For this reason material and spiritual culture of the population of this region was always heterogeneous.

Because of the geographical specifics of the region and the historical conditions the Low Don monuments display a synthesis of Scythian and Sauromatian cultures. The influence of each of the cultures was directly proportional to the strength of the links connecting two neighbouring regions.

The author maintains that the Low Don monuments of the Scythian period were of Sauromatian origin and draws parallels between the monuments of the Middle Don area and those found between the Don and the Severny Donets.

The Sirmatians of the ancient written tradition should be identified as the first wave of Sarmatians, the bearers of the Sauromatian culture (according to K.F. Smirnov's terminology), who had moved to the right bank of the Don by the 4th c. BC.

By the 2nd c. BC the ethnonym «Sarmatians» in ancient tradition had become a collective (general) term and begun to be applied to the bearers of the Prokhorovka archaeological culture, who forced their predecessors, the Scythians, out of the North Black Sea coast steppes.

¹⁵ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 63.

С. Р. Тохтасьев

БОСПОР И СИНДИКА В ЭПОХУ ЛЕВКОНА I*

(Обзор новых эпиграфических публикаций)

I. ВОТИВ ЛЕВКОНА ИЗ ЛАБРИСА

«Вестник древней истории» начал публиковать исследования Ю.Г. Виноградова *ex schedis*. В № 3 за 2002 год вышла статья «Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (*Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса*)». Она подготовлена к печати Ф.В. Шеловым-Коведяевым по рукописи, которую Ю.Г. Виноградов передал ему для ознакомления и дальнейшего обсуждения, по его словам, в 1999 г. По мнению издателя, «статья имеет практически законченный вид» (с. 3, прим.*), с чем трудно согласиться¹. Симптоматично, что аналитическая часть обрывается в рукописи вступительными фразами раздела «Реконструкция военно-политической ситуации»², а ведь как раз здесь и должен был анализироваться рассказ Полиэна о событиях в Синдике, предшествующих тем, что нашли отражение в эпиграмме Левкона; явно не доработан раздел «Антропонимия, топонимия, фразеология»; отказываясь от своей предварительной версии прочтения эпиграммы Левкона в *Bulletin épigraphique* (1996. 306) и *SEG* (XLIII. 515), Ю.Г. Виноградов ссылался в этой связи на нашу эпистолярную дискуссию (1996–1997 гг.) и, таким образом, не знал на тот момент о моей статье, вышедшей в 1998 г.³ Издатель несет ответственность также за опечатки и более серьезные огрехи, которые

* Статья подготовлена в рамках проекта «Письменные источники по этнокультурному взаимодействию в западной части евразийских статей и Причерноморье в древности» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

¹ Напротив, не вызывает сомнений утверждение Ф.В. Шелова-Коведяева (там же), что подготовка им рукописи к печати «не потребовала особых усилий».

² Ф.В. Шелов-Коведяев дописал его сам (с. 19–22), представив как «изложение наших с ним обсуждений поднятых в публикации (т.е. публикуемой рукописи. – С.Т.) проблем», но изложение ведется от первого лица и вообще очень субъективно; достаточно сказать, что автор открывает его неуместной полемикой с Н.А. Фроловой о том, кто первым написал о синдской принадлежности синдских монет (он отстаивает свой приоритет).

³ *Тохтасьев С.Р.* К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Nyurboreus*. 1998. 4/2. С. 286–301 (*SEG*. XLVIII. 1027). Статья написана в ожидании всестороннего исследования эпиграммы, которое готовилось Ю.Г. Виноградовым (но, как видим, так и не было им завершено); поэтому я сосредоточился тогда преимущественно на стк. 3 и 5, ключевых для правильного понимания всего текста (ср. Там же. С. 287 и *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // *Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. I. СПб., 2001. С. 75. Прим. 10: «В ряде случаев Ю.Г. Виноградов предлагал существенно отличные от моих восстановления и интерпретации надписи; все же в ходе переписки мне удалось исреубедить его; он выражал лишь некоторые сомнения в собственном же восстановлении стк. 1 (см. ниже) и, пожалуй, излишне горячо одобрил мое – *exempli gratia* – восстановление стк. 7. Ю.Г. Виноградов подготавливал масштабную статью о надписи Левкона для петербургского журнала "Nyurboreus". Смерть похитила его в самый разгар работы». Как я недавно узнал от А.Ю. Виноградова, относящиеся к теме материалы были взяты Юрием Германовичем в его последнюю рабочую поездку в Германию).

трудно представить себе в тексте, подготовленном самим Ю.Г. Виноградовым⁴.

Важнейшим недостатком публикации является отсутствие фотографии надписи, которая у Ю.Г. Виноградова имелась (см. с. 4). Стараниями А.Ю. Виноградова и С.Э. Андреевой она была обнаружена в бумагах Юрия Германовича и вместе с прочими его материалами, относящимися к эпиграмме Левкона, любезно передана ими в мое распоряжение (рис. 1, вклейка).

После опубликования результатов автопсии надписи⁵, которая в частности подтвердила установленные Ю.Г. Виноградовым по фотографии чтения всех поврежденных и неповрежденных, но тоже ошибочно прочитанных первоиздателем букв, я не предполагал в дальнейшем возвращаться к ней, но, как оказалось, преждевременно. Хотя Ю.Г. Виноградов принял мои чтения ключевых мест надписи, ряд разногласий в интерпретации сохранился или даже возник заново; некоторые неучтенные прежде обстоятельства позволили найти надежные основания для реконструкции стк. 2. Кроме того, теперь в одном комплексе с эпиграммой необходимо обсудить новонайденную надпись эпохи Левкона из Нимфея (ей посвящена вторая часть нашего обзора, далее – II)⁶.

Перед нами, к сожалению, лишь предварительный вариант статьи, еще далекий от завершения, поэтому я старался быть как можно более внимательным и корректным при разборе сочинения моего покойного друга, не забывая в то же время, что взялся писать критический обзор.

Одновременно с этой публикацией Ю.Г. Виноградова появилась статья А.Дж. Грезма о происхождении династии Спартокидов, в приложении к которой он подвергает ревизии его чтение эпиграммы в Bull. ép. и SEG и приходит практически к тому же тексту и его пониманию, что и я⁷. Как и Ф.В. Шелову-Коведяеву, обе мои статьи остались ему неизвестны.

Прежде всего, приведу текст надписи в том облике, в котором он, на мой взгляд, может считаться теперь надежно установленным:

Εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο τὸδ' ἀγαλμα]
Φοίβωι Ἀπόλλωνι στῆσε τῶι ἐν Λ[αβρυί],
τῆσδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶμ, Β[οσπόρο ἄρχων]
Θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξελ[άσας]
5 Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞινδῶν⁸ παῖδ' Ἐκ[αταίο]

⁴ Ср., например, Λ[αβρούτι], βαδιλέως (с. 5), Ὀκταμάσάδες (с. 11), βαδιλεύς (с. 11, прим. 24), ο[ικτιήης] (с. 14), Λευκοφρυός, λάβρυς вместо Λάβρυς, τῆς δὲ вместо τῆσδε (с. 17), μεδέουσα вместо μεδέουση (с. 18), Ἀλατουρίας (с. 18, прим. 51); точек под греческими буквами, обозначающих их поврежденность, нет нигде; текст примечания 36 выпал, а тот, что есть, дан не к тому месту; автором статьи «К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского» (с. 3, прим. 1) является Ю.А. Виноградов.

⁵ *Тохтасьев*. Еще раз о синдских монетах... С. 67–69 (результаты колляции почему-то не учтены в SEG. XLVIII; в дополнение к статье в «Hyperboreus» здесь изложены и некоторые дальнейшие исторические выводы и предположения). Должен отметить, что текст этой статьи напечатан с грубейшими искажениями; так, обозначенные подстрочными точками поврежденные буквы в тексте эпиграммы Левкона заменены на курсивные (корректурой я, конечно, не получал).

⁶ Изданное Ю.Г. Виноградовым в той же работе граффито из Гермонассы (с. 15 сл.; к сожалению, и на этот раз без фотографии или прорисовки), содержащее еще одно свидетельство имени Октамасад (Ὀκταμασάδεος, gen.), будет рассмотрено в другом месте.

⁷ *Graham A.J. Thasos and the Bosporan Kingdom // Ancient East and West. 2002. 1/1. P. 87–100.* В отличие от этого «Appendix» (р. 95–99), сама статья совершенно разочаровывает; ее содержание сводится сплошь к догадкам, основанным друг на друге. Ср. р. 87 (Abstract): «The suggestion is made that there may have been people from Thasos in the origins of the Spartokid dynasty».

⁸ К окситонезе Σινδοί (как в Ἰνδοί) см. *Тохтасьев*. К чтению и интерпретации... С. 297 сл.; он же. Еще раз о синдских монетах... С. 73. Прим. 3.

Рис. 1. Эпиграмма Левкона I из Лабриса (Семибратнее городище)

Рис. 3. Надпись КБН 6а

τοῦ Σινδῶμ βασιλέως, ὅς πατέρα ο[- - -]
ἐγβάλλων ἀρχῆ[ς], εἰς τήνδε πόλιν κ[- - -].

Coll. Tokht. a.D. 2000 musei urbis Anapae

1. suppl. Vin. || 2. Λ[αβρυ-?] i.e. Λ[αβρυί] vel Λ[αβρυτι] (Blav.) vel sim.] Tokht. Λ[αβρυί] Graham || 3. suppl. Tokht. || 4. suppl. Vin. || 5. 'Οκταμασάδεα γῆς Tokht. | 'Εκ[αταίο] Vin. || 6. ο[ικτήιης?] Vin., an ο[ικτήιον]? || 7. κ[ατέκλεισεν?] Vin. SEG κ[ατέθρεξεν e.g.] Tokht., Vin. VDI.

1. Ю.Г. Виноградов высказал (с. 8) некоторые сомнения в прежнем своем восстановлении (в Bull. ép. и SEG), не исключая и τόδε δῶρον, обоснованное (судя по материалу SEG) значительно меньшим числом примеров, а также εἰκόνα τήνδε, которое, однако, предполагает невозможную элизию Σατύρ'.

2. После подробного разбора Ю.Г. Виноградов (с. 8 сл.) отверг дополнение Т.В. Блаватской в editio princeps (ἐν Λ[αβρυτί])⁹ и собственное (ἐνλ[ογίμωι]), а также другие возможные решения, предполагающие в качестве ultima refugia, что поврежденной буквой перед обломом могла быть М, ножки которой в нашей надписи расставлены столь же широко, как у Λ (ἐν Μ[αίταις])?¹⁰, или даже Π (что уже полностью исключено, ср. ниже о результатах колляции). Сам по себе, пожалуй, не вызывает категорических возражений предложенный Ю.Г. Виноградовым альтернативный вариант реконструкции, исходящий из того же ἐλλ-όγμος (с. 9, с той же оговоркой об отсутствии ассимиляции и, видимо, поэтому без какой-либо уверенности) – τῶι ἐνλ[ογίμω] τῆσδε πόλεως μεδέοντι, «владыке этого прославленного города»; как, надеюсь, будет видно из дальнейшего, и эту конъектуру стоило бы принимать в расчет разве что за неимением лучшего. В итоге проблема оставлена им без решения. Поэтому Ф.В. Шелов-Коведяев счел допустимым поместить прямо в текст Ю.Г. Виноградова собственное восстановление: ἐν [Ἄσῆτι?] (корректнее было бы Ἄ[σῆτι]), мотивируя это тем, что тот «отнесся к реконструкции с осторожным интересом» (с. 13, прим.**), и даже не отметив свое авторство в критическом аппарате (будем надеяться, это не введет в заблуждение зарубежных коллег, не владеющих русским языком). Соответственно оригинальный перевод приобрел такой вид: «... Аполлону, владеющему в (Азии) этим городом лабритов». Я думаю, что память подводит Ф.В. Шелова-Коведяева, к такой конъектуре Ю.Г. Виноградов вряд ли мог проявить интерес – достаточно сказать, что после ἐν должно стоять слово, начинающееся на согласный, благодаря чему только и мог тут образоваться долгий слог¹¹.

⁹ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 37.

¹⁰ Опуская прочие возражения против этой совершенно неправдоподобной реконструкции, отметим, что на Боспоре синды вовсе не рассматривались в качестве части меотов, как у некоторых эллинистических писателей (подробнее см. II). Предположение о некоей поэтической вольности выглядело бы тем произвольнее, что речь идет о заполнении лакуны.

¹¹ Ср. то же самое в (не самой удачной) формулировке Ю.Г. Виноградова: «Альфа здесь, в любом случае, должна быть элиминирована как не создающая позицию для краткого эпсилона предлога» (с. 8, прим. 12). Ф.В. Шелов-Коведяев (с. 13, прим.**), не знакомый со стиховедческим термином «создавать позицию» (т.е. когда группа согласных продлевает предшествующий слог, содержащий краткий гласный), так переиначил его в связи со своим Ἄσῆτι: «Проблема в том, что краткое α в его дебюте, если следовать правилам высокого стиля [!], не создает необходимой долготы в предшествующей ему позиции». В противоречии с собственными словами (насколько в них вообще отыскивается какой-то смысл) Ф.В. Шелов-Коведяев пишет буквально следующее: «... прочие версии, разобранные выше Ю.Г. Виноградовым с отрицательным результатом, не оставляют другого выхода, как считать пропавшей уточняющую локализацию, начинающуюся на гласный звук». «... и великие поэты Элады порой позволяли себе некоторые вольности в обращении с метром». Таким образом, толкуя о поэтических «вольностях», этот ученый приписыва-

Между тем осмотр камня в Анапском музее подтвердил наблюдения Т.В. Блаватской: от поврежденной буквы, стоящей вслед за EN, сохранилась нижняя часть наклонной левой гаспы (отчетливо видна и на фотографии!), которая, как отмечено выше, может принадлежать только Λ (или – на крайний случай – Μ). Остается лишь смириться с тем, что смушало Ю.Г. Виноградова больше всего, – с отсутствием ассимиляции $\acute{\epsilon}\nu(-) + \lambda- > \acute{\epsilon}\lambda\lambda-$. В целом орфография надписи в этом отношении последовательна (Λαβρυτῶν Β[οσπόρο, Σινδῶν βασιλέως, ἐγβᾶλλον, πόλις κ[ι]), но имеется и исключение (его указал сам Ю.Г. Виноградов, с. 9) – ἔΞινδῶν παῖδ(α), особенно наглядное благодаря контрасту с Σινδῶν βασιλέως в следующей строке; едва ли в этом случае сыграло роль то, что ἔΞινδῶν и παῖδ(α) разделены цезурой: трудно поверить, что высекшая текст, резчик декламировал про себя стихи, иначе оказалось бы невозможным такое написание, как πατέρα ο[- -] – οοχ (см. ниже, к стк. 6) с не отраженной на письме элизией¹², которое благополучно соседствует с παῖδ' 'Εκ[αταίο].

Во всяком случае исходить надо из засвидетельствованного чтения, его объяснение – совсем другая проблема. Впрочем, как кажется, это ENΛ[представляло бы собой известную проблему (но ни в коей мере не камень преткновения) разве что при восстановлении $\acute{\epsilon}\nu\lambda[ογίμωι]$ (которое и так неудовлетворительно¹³) или другого композита с префиксом $\acute{\epsilon}\nu-$ (но подходящих слов в засвидетельствованной апеллативной лексике все равно не находится). Если же речь шла о предлоге $\acute{\epsilon}\nu$, в особенности при имени собственном, сохранение этимологической орфографии в принципе более вероятно (чтобы отраженная на письме гемината не затемняла его форму¹⁴), и по-видимому, не столь уж важно, что ENΛ[в отличие от ἔΞινδῶν παῖδ(α) представляет собою, по терминологии Пауля Мааса, словесный блок. Фактически подтвержденное de visu чтение ENΛ[заставляет отнестись к гипотезе Т.В. Блаватской с большим вниманием.

Как уже отмечалось¹⁵, к восстановлению здесь топонима едва ли не с необходимостью подводит сама конструкция 'Απόλλωνι τῶι $\acute{\epsilon}\nu\dots$ (из ближайших аналогий достаточно назвать известную надпись на серебряной чаше V в. из

ет автору эпиграммы грубейшую ошибку, а в элементарных законах греческой просодии и метрики усматривает лишь «правила высокого стиля». В заключение Ф.В. Шелов-Коведяев заявляет: «Уважая законы жанра, я помечаю свою конъектуру вопросом, хотя гиперакрибия мне самому всегда казалась мертвенной». Здесь уместно привести слова П.В. Никитина из письма барону В.Р. Розену 1894 г. (Рукописное наследие русских византистов. СПб., 1999. С. 141): «"Акрибия" – госпожа капризная и, особенно для русского человека, ехидная. Мне случилось как-то читать статью, в которой автор, величая эту пресловутую "акрибию", как раз именно на этом греческом слове неправильно ставил ударение». Прочие доводы Ф.В. Шелова-Коведяева, изложенные тем же чудовищным стилем, сводятся к фразам вроде: «... понятно торжество по поводу актуализации мощного фактора идеологического обеспечения успешной реализации проекта – утверждения в благодарности за победу культа верховного покровителя северопонтийских [sic], в частности боспорских, апойков – Аполлона в ипостаси грозного и могущественного неотвратимости возмездия Феба – тираном, само имя которого...» и т.д. Идею Ф.В. Шелова-Коведяева не спасет и произвольное допущение, что $\acute{\epsilon}\nu$ следует читать с продлением, т.е. как $\acute{\epsilon}\nu\acute{\nu}$.

¹² Примеры из надписей см. *Тохтасьев*. К чтению и интерпретации... С. 299. Прим. 34.

¹³ Ср. Там же. С. 288; *Graham*. Op. cit. P. 96 («unattractive»).

¹⁴ Правда, в случае с ἔΞινδῶν автор (или резчик) надписи в похожей ситуации (внешнее сандхи) трансформировал почти до неузнаваемости написание как раз имени собственного; Ю.Г. Виноградов, взвешивая возможность чтения в стк. 2 ENM[, ссылаясь также на $\acute{\epsilon}\mu$ Μαῖταις в прозаической эпитафии КБН 180 (около середины IV в. до н.э.: сперва было высечено ΕΜΑΤΑΙΣ, вторая, очень маленькая, *μῶ* приписана сверху между Ε и Μ).

¹⁵ *Тохтасьев*. К чтению и интерпретации... С. 288.

Фасиса: Ἀπόλλωνος Ἠγεμόνος τῶμ Φάσι¹⁶). Коль скоро предполагаемый топоним начинался с буквы Λ-, а Аполлон тут же назван «владыкой сего города лабритян», то казалось бы, остается лишь извлечь название города из этникона Λαβρυτῶν. Однако Ю.Г. Виноградов и в письмах, и в статье (с. 6, 8) решительно настаивал на том, что (Ἀπόλλωνι) τῶι ἐν Λαβρυτῆι – пусть даже более оправданное Λαβρυῖ – рядом с τῆσδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶν выглядит абсолютно неуместной тавтологией. Мне его возражения не показались вескими, и в статье 1998 г. (с. 288 сл.) я привел примеры из поэтов (начиная с Гомера), доказывающие, что эта «тавтология», которую корректнее называть плеоназмом, сама по себе вполне допустима; сейчас я могу указать еще более близкие и несомненные аналогии – П 233 sq.:

Ζεῦ ἄνα Δωδωναίε Πελασγικὲ τηλόθι ναῖων
Δωδώνης μεδέων δυσχειμέρων κτλ.,

зачины XVII гомеровского гимна (Гермесу):

Ἑρμῆν αἰίδω Κυλλήνιον Ἀρχειφόντην
Κυλλήνης μεδέοντα καὶ Ἀρκαδίης πολυμήλου

и «Теогонии» Гесиода:

Μουσάων Ἑλικωνιάδων ἀρχώμεθ' αἰείδειν,
αἴθ' Ἑλικῶνος ἔχουσιν ὄρος μέγα τε ζᾰθεόν τε.

Опираясь на эти и подобные образцы, автор эпиграммы следовал и более общему обыкновению заполнять стих эпитетами божества, к которому обращено посвящение, что, как следует из приведенных примеров, также имеет корни в эпосе (ср. уже в древнейшей вотивной эпиграмме конца VIII в. из Беотии SEG 326: Γεκαβόλοι ἀργυροτόξοι... τὸ δὲ Φοῖβε δίδοι κтл.; ср. также № 274, 373 и др. – особенно часто в ранних аттических посвящениях).

Ю.Г. Виноградов (с. 6, 8) ссылаясь, однако, еще и на то, что в противоположность Λαβρυτῶν (υ– –), в эвентуальных Λαβρυτῆι (или -ωι и т.п.) или Λαβρυῖ второй слог должен быть кратким. Если восстанавливать Λ[αβρυῖ] (а Ю.Г. Виноградов считал, что город назывался Λαβρυς), это возражение¹⁷ попросту ошибочно: в дативах имен на -υς/-υος корневой -υ- является кратким, но при образовании от них производных, в том числе этниконов с суффиксом -τᾱ-, предшествующий гласный основы получает продление; идентифицировав этот суффикс в этниконе Λαβρυτῶν¹⁸, получаем искомую топонимическую форму – *Λαβρυς. Ясно, что синдское название города было адаптировано в греческом под влиянием лидийского (Plut. Aet. Gr. 45, 302a) слова λάβρυς «топор», конечно, известного милетским и теосским колонистам Боспора¹⁹;

¹⁶ Думберг К.Е. Раскопка курганов на Зубовском хуторе // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 99 (LSAG² 373. 72; о несостоятельных попытках подвергнуть сомнению подлинность надписи см. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 97. Anm. 48). Т.В. Блаватская (Ук. соч. С. 37) и А. Грезм (Op. cit. P. 96) ссылаются на позднюю (123 г. н.э.) боспорскую надпись КБН 975: Ἀπόλλωνι τῶι ἐν Διοκλέοις Ἀτελεῖ.

¹⁷ Ср. Тохтасьев. К чтению и интерпретации... С. 294 (после верного замечания о продлении корневого гласного при присоединении суфф. -τᾱ-!; вывод: надо больше и чаще читать поэтов).

¹⁸ Регулярной ионийской формой в таком случае должно быть *Λαβρυτέων, которое могло скандироваться в стихе с синизесой, подобно πόλεως υ– и βασιλέως υυ– в стк. 6 нашей эпиграммы; однако наряду со свидетельствами вроде Торетέων или ἄγωνοθητέων в новой надписи из Нимфея (ниже, II), в боспорских надписях с первой половины IV в. до н.э. встречаются уже и примеры контракции εω > ω (может быть, под аттическим влиянием); обзор данных с Боспора, а также из родственной Ольвии см. Тохтасьев. Еще раз о синдских монетах... С. 73 сл. Прим. 4.

¹⁹ Тохтасьев. К чтению и интерпретации... С. 292. Плутарх упоминает это слово (ἀλαξ, судя по LSJ и электронному TIG) ради истолкования эпитета Зевса Лабрандского (Λαβρανδέυς), т.е. почитавшегося в карийском городе Лабра(у)нды, где он изображался с топором в руках.

очевидно, поэтому А. Грезм²⁰ без лишних слов восстанавливает Λ[αβρυῖ]. Таким образом, не существует серьезных препятствий для реконструкции в стк. 2 названия города в форме Λ[αβρυῖ]²¹.

2/3. Отказ от восстановления Т.В. Блаватской в стк. 2 стал для Ю.Г. Виноградова поводом отвергнуть и ее вывод о существовании в городе храма Аполлона: перед сражением с Октамасадом Левкон «принес обет воздвигнуть победный монумент, но не локальному Аполлону Лабритскому, а верховному богу-покровителю всех боспорян – Аполлону Врачу» (с. 18). И далее: «В итоге этой победы, когда власть местных синдских царей была окончательно упразднена и Синдика прочно вошла в состав Боспорской державы, в покоренных землях синдоров – включая и Лабрис, скорее всего, и распространился культ Аполлона...» (с. 19).

Все это крайне странно. Насколько я вижу, Синдика вовсе не представлена в надписи владением Боспора (пока Левкон – только архонт «Боспора и Феодосии»), царь синдоров Гекатей – умершим или отрешенным от власти, а воевал Левкон с Октамасадом, имея целью (пусть даже предлогом) вернуть царю Гекатею законную власть. Едва ли со дня сражения с Октамасадом до установки победного монумента прошло достаточно времени для распространения культа Аполлона в Синдике или даже в одном Лабрисе. Не думаю, вопреки Ю.Г. Виноградову, что обстоятельства находки (камень обнаружен за пределами городища в куче других камней, собранных трактором с пашни) исключают вероятность того, что в городе (пусть даже за пределами его стен) находилось святилище Аполлона или, вполне возможно, туземного божества, отождествленного греками со своим Аполлоном. По-моему, даже если бы восстановление эпитета Аполлона τῶι ἐν Λ[αβρυῖ] – «тому, что в Лабрисе», вызывало сомнения, одной фразы τῆσδε πόλεωσ μεδέοντι Λαβρυτῶν достаточно, чтобы опровергнуть эти утверждения²².

Ю.Г. Виноградов пишет (с. 19) о специально мотивированном здесь обозначении Аполлона эпитетом Феб – это «победоносный сребролукий бог, карающий преступления» (Октамасад представлен в надписи как безусловный преступник). По логике вещей, именно «владыка города лабритян», отеческий Аполлон «что в Лабрисе», а не боспорский Аполлон Ἰητήρ, должен быть божеством, покаравшим преступного сына, поднявшего руку на отца и покусившегося на его власть. Впрочем, и в посвящении Фебу изваяния покойного Ан-

²⁰ *Graham*. Op. cit. P. 96.

²¹ В принципе контраргумент Ю.Г. Виноградова не является непреодолимым даже для *Λαβρυτῆ или другой формы с основной Λαβρυτ-, если допустить, что -τ- восходит к этимону с кратким -й- и лишь совпало в этниконе Λαβρυτοι с греческим формантом (*Тохтасьев*. К чтению и интерпретации... С. 292 сл., наряду с реконструкцией *Λαβρυς, что не отмечено в SEG. XLVIII. 1027). Помещение рядом друг с другом различных форм одного и того же слова или однокоренных слов с более или менее произвольным чередованием количества слога, встречается у поэтов в качестве особого художественного приема, ср., например, у Сапфо (fr. 1. 26, 27 Lobel-Page): τέλεσσα (—), и τέλεσσον (—), и – ближе по времени к нашей эпиграмме – у Антимаха из Колофона (fr. 23 Gentili-Prato), по-видимому, в соседних стихах: Πύδην (—) и Πύδητος (—), еще и с изменением типа склонения! Ср. также *Leonid. Tarent. LXII. 10 Page* (AP. VII. 726): ἡ καλὰ καὶ καλῶσ с гомер. κἄλῶσ. Тем не менее, учитывая все вышесказанное, от этой гипотезы, излишне усложняющей проблему, следует отказаться, несмотря на вполне вероятную словообразовательную параллель Μαίητις/Μαίωτις «Азовское море» – μαίωτις «меот(ийский)» (название рыбы), Μαίται/Μαίωται, Μαίωτις «меотиянка», этникон (о Тиргатао, *Polyaen. VIII. 55*). То же относится к другой возможности – понимать πόλεωσ... Λαβρυτῶν как gen. arpos. (ср., например, Ἀβδηρῶν... πόλις, *Anacr. Epigr. I Page = AP. VII. 226*; более пространная цитата приведена ниже).

²² Ср. *Graham*. Op. cit. P. 98: «... Аполлон Феб (уже) был богом-покровителем (guardian deity) Лабриса ко времени, когда синды стали частью Боспорского царства».

тистасия его сыном (КБН 113; см. прим. 25), на которое в этой связи указывает Ю.Г. Виноградов, и в десятках других метрических надписей VI–IV вв. до н.э., собранных Хансеном в обоих томах «*Carmina epigraphica Graeca*» (древнейшее свидетельство – беотийская эпитафия № 326 – приведено выше), и в текстах, сохранных рукописной традицией, этот поэтический (гомеровский) эпитет, нередко замещающий само имя божества (как уже в А 443, Е 443 и др.), не имеет никакой спецификации²³.

3/4. Ю.Г. Виноградов принял мое восстановление конца стк. 3, однако счел необходимым уточнить его интерпретацию, сославшись (как и прежде, когда в письмах ко мне он отстаивал чтение Β[οσπόρο ἐχθροῦς] Θεοδοσίης τε... ἐξελ[άσας]), на «значительную – даже для стихов – оторванность титула Левкона... от его имени..., требовавшую к тому же копулятивного причастия типа ἐών». «Это затруднение, – пишет он далее, – преодолеть просто, трактуя ἄρχων не как его субстантивированный элемент²⁴ – ὁ ἄρχων, но как деепричастный оборот "правя Боспором и Феодосией"» (с. 11, прим. 24)²⁵.

Не понимаю, чем хуже деепричастие «будучи архонтом», и зачем нужно причастие ἐών или другая копула при ἄρχων, которое и само формально остается причастием при любой трактовке²⁶. Однако самое главное заключа-

²³ То же касается догадок Т.В. Блаватской (Ук. соч. С. 41. Прим. 20), которая, правильно отмечая поэтический характер эпитета, тут же пишет о «защитных функциях» Аполлона («Можно предполагать, что и в Лабрите бог-лучник считался защитником крепости»).

²⁴ Очевидно, описка или опечатка вместо «вариант», хотя это выражение звучит не слишком удачно.

²⁵ Однако на с. 11 и 18 Ю.Г. Виноградов пишет об *архонте* Боспора и Феодосии и об обычном для надписей титуле Левкона в нашей эпитафии. Возможно, он подразумевал трансформацию титула в выражение более общего плана в согласии с требованиями жанра подобно КБН 113: εἰκόνα Φοιβῶνι στῆσε... Φανόμαχος... / Παρισάδεος ἄρχοντος ὅσην χθόνα τέρμονες ἄκρ[οι] / Ταύρων Καυκάσιος τε ἐντός ἔχουσιν ὅροι (однако в переводе надписи Ю.Г. Виноградовым (с. 19) находим «архонт»); gen. abs. Παρισάδεος ἄρχοντος в темпоральном значении и само слово ἄρχων содержит несомненную аллюзию на стандартную формулу боспорских надписей – ἄρχοντος τοῦ δεινός κτλ., а обозначение границ владений Перисада – вся земля от Кавказа до горной Таврики, является парафразом для ἄρχοντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης (ср. *Strabo*. VII. 4. 3: Феодосия – «граница земли боспорян и тавров») и последующего βασιλεύοντος Σινδῶν καὶ Τορετῶν κтл.; вместе с тем контекст заставляет понимать ἄρχων как «правитель». Ср. еще *Sitomid*. Epigr. VI Page (*Herod*. VII. 228): Σπάρτης ἡγεμόνας (т.е. оба царя Спарты); несколько дальше – КБН 958: ... κείναξιῶν (i.e. Ἀχαιῶν) σκῆπτρ' ἐπέχοντος ὄλα, ο Κοτίсе I; как видно из *Strabo*. XI. 2. 13, перед нами поэтический парафраз термина σκῆπτροῦχοι: Страбон сообщает, что ахейцы, а также зиги и гениохи «управляются так называемыми скиптродержцами», над которыми стоят цари. Употребленное в надписи выражение обозначает, собственно говоря, то, что Котис стал еще и царем понтийских ахейцев, управление которыми или сохранилось за местными скептухами, или перешло от них непосредственно к нему (его чиновникам).

²⁶ Обсуждение слова ἄρχων боспорских надписей, вновь инициированное в 1980 г. с правильных позиций Ю.Г. Виноградовым и приведшее его к надежным результатам (*Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeerküste im 5. Jh. v. Chr. // Chiron*. 1980. Bd 10. S. 85–90 = *idem*. Pontische Studien. S. 118–123 (далее ссылки даются по этому последнему изданию); *Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция*. Т. I. М., 1983. С. 410–413), было доведено Ф.В. Шеловым-Коведяевым (*История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР*. 1984 г. М., 1985. С. 89) до абсурда (впрочем, еще более нелепую теорию выдвинул В.П. Яйленко – Ольвия и Боспор в эллинистический период // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 292). В своих построениях этот исследователь основывался на неверных посылах. Ведь если боспорское ἄρχων не может быть (как показал Ю.Г. Виноградов) возведено непосредственно к названию полисной магистратуры (так уже *Кудрявцев О.В.* Рец. на: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М. – Л., 1949 // *ВДИ*. 1949. № 4. С. 160 сл.), а в титулатуре Спартокидов ἄρχοντος координировано с причастием βασιλεύοντος, из этого никак не вытекает, что его надо интерпретировать и переводить буквально, т.е. простым апеллятивом «правящий», или расплывчатым «правитель», на чем настаивает Ф.В. Шелов-Коведяев. Исходить следует из того, что фраза ἄρχοντος... καὶ βασιλεύοντος надписей является датировочной формулой

ется в том, что при толковании Ю.Г. Виноградова образуется придаточное предложение, лишенное сказуемого: ἄρχων ... ἐξελάσας Ὀκταμασάδεα. Перевод создает, однако, иллюзию полного благополучия: «(Правя) Боспором и Феодосией, он, одолев в битве, изгнал из земли синдов Октамасада...». Источник недоразумения обнаруживается в прим. 16 на с. 10: на самом деле перевод исходит не из восстановления ἐξελάσας] – «изгнав», а из ἐξέλ[ασε(v)] – «изгнал»; Ю.Г. Виноградов упомянул здесь эту безаугментную эпическую форму как метрически возможную замену ἐξελάσας]. Правда, тут же справедливо указал на «известные синтаксические» (лучше сказать – едва ли преодолимые стилистические) проблемы в случае принятия ее в текст. Приняв все-таки ἐξελάσας], Ю.Г. Виноградов сопроводил его знаком вопроса, словно припомнив эту альтернативу, на самом деле мнимую и способную лишь разрушить всю композицию стихотворения (ср. ниже, к стк. 6/7).

Внимательный анализ этих колебаний и противоречий, лишь отчасти объяснимых характером опубликованной рукописи, возвращает нас к их конеч-

в виде причастной конструкции *genetivus absolutus* с темпоральным значением, в рамках которой термин βασιλεύς неизбежно должен был выступать в виде причастия деноминативного глагола: в сущности это выражение является синонимичным ἐπ' ἄρχοντος... καὶ βασιλέως; ср. КБН 75: ὑπὲρ ἄρχοντος καὶ βασιλέως Πατρ[ι]σάδου (IV), и такие формулы, как обычные в афинских декретах ἐπὶ... ἄρχοντος, или – с таким же, как в боспорских надписях *gen. abs.* – Σιμωνίδα ἄρχοντος... ἀνέθεαν в посвящении акрэфиан в Птоийн (LSAG. P. 60, 93, 402. Pl. 8, 13), с одной стороны, а с другой, βασιλεύοντος Μιθραδάτου в декрете из Фанагории (Vinoǵradov Ju.G., Wörrle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. Bd 22. S. 160. Z. 1), или βασιλεύοντος] Πτολεμαίου (Langer M.-T. Corpus des ordonnances des Ptolémées. Bruxelles, 1980. P. 14. № 9). Точно так же за ἀστυνομοῦντος, ἀστυνομῶν керамических клейм Синопы и Херсонеса стоит ἀστυνόμος, за πρυτανεύοντος в милетской надписи LSAG. P. 414. Pl. 64. 34 – πρύτανις, а за ἱερωμένως или ἱερωσάμενος боспорских (и не только) посвящений – ἱερεὺς и т.д., и т.д. В этой связи поучительно, что в ряде аттических декретов (особенно в ранних) о полномочиях архонта сообщается даже при помощи финитной формы глагола ἄρχω, причастием которого является ἄρχων, например: Ἀριστίων ἔρχε (IG. I3. 80. 6) – «архонтом (афинянин) был Аристий» (а не «афинянами» правил Аристий»); и Акерат, сын Фрасиерида, в последней четверти VI в. «был архонтом фасосцев и паросцев – один у тех и других» (Θασίοισιν καὶ Π[α]ρίοις ἤρχσεν μόνως ἐν ἀνφοτέροις, SEG 416, с лит.); аналогично – ἐβασιλεύον Ἄγις Παυσανίας в датировочной формуле спартанской надписи с Делоса LSAG. P. 198. Pl. 38, 62. Слово ἄρχων в применении к представителю государственной власти, причем в официальном контексте, а в нашем случае еще и в паре с βασιλεύς, заключенном в причастии βασιλεύων, по самой природе языка автоматически специализируется в качестве термина. Ergo: в конечном счете за ἄρχοντος и βασιλεύοντος стоят βασιλεύς и соответственно субстантивированное ἄρχων. Ясно, что на самом деле мы имеем дело с вопросом перевода, а не интерпретации. Буквальный перевод – «правлящий», не годится, это причастие не употребляется в русском языке субстантивированно как термин (в отличие, например, от слова «управляющий» – банком, усадьбой и т.д.). «Правитель» звучит недостаточно терминологично, но удобно как общее обозначение, когда надо передать одним словом основное содержание обоих понятий – ἄρχων и βασιλεύς. Древняя славянская калька с ἄρχων – *начальник*, помимо прочего ассоциируется с совсем другими реалиями. Обычное в научной литературе «архонт» нехорошо лишь тем, что вызывает нежелательные ассоциации с полисной магистратурой ἄρχων: боспорский и, скажем, афинский *архонты* имеют друг с другом мало общего. С другой стороны, звание ἄρχων, пришедшее при Александре из Фер на смену древнему τοῦρος и тоже не связанное происхождением с полисной магистратурой, носил глава Фессалийского союза (IG. II³. 116; Staatsverträge des Altertums / Hrsg. von H. Bengtson; Aufl. II. Bd 2. München, 1975. № 293), а еще раньше – Дионисий Старший: ὁ Σικελίας ἄρχων в афинских декретах IG. II³. 18. 6; 103. 19; 105. 7; Staatsverträge... № 280. Это возвращает нас к интерпретации термина: речь идет, собственно, о 'предводителе (прежде всего, военном) сицилийского эллинизма'. Скепсис Ю.Г. Виноградова (Die historische Entwicklung... S. 122; Полис в Северном Причерноморье. С. 412) относительно предположения, что термин ἄρχων мог быть воспринят Левконом из Сицилии (Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929. S. 109 f. – non vidi), не представляется мне обоснованным. «Архонт Боспора и Феодосии» это 'предводитель эллинов боспорских полисов и Феодосии' (ср. ниже, об эпиграмме Павсания, сына Клеомброта, и прим. 28), первоначально, по-видимому, глава симмахии, экстраординарная должность, из которой, согласно концепции Ю.Г. Виноградова, выросла боспорская тиранния. Как видим, наиболее подходящим остается перевод «архонт».

ной причине: утверждению о чрезмерной (даже для поэзии) оторванности имени Левкона от его титула в стк. 3–4. В статье в «Hypereboeus» (с. 290–292) я подробно обосновал тезис, что речь идет о гиперbate, фигуре речи, весьма характерной для эпиграмматического жанра вообще, и собрал в подтверждение богатый материал из авторов и метрических надписей. Чтобы дать читателю понять, о чем речь, и наконец, закрыть вопрос, добавлю к своим примерам эпigramму VI в. до н.э. с Делоса SEG 425 (восстановление Хансена):

Μικκία[δης τόδ' ἄγα]λμα καλὸν π[οίησε καὶ υἱός]

Ἄρχερμος[ς] σο[φ]ίεισιν Ηκηβο[λωι ἰοχεαίρηι]

[h]οι Χίοι, Μέλαγρος πατροῖον ἄσ[τυ νέμοντες],

строки Анакреонта, Epigr. I (34 sq.) Page (AP. VII. 226):

Ἄβδηρων προθανόντα τὸν αἰνοβίην Ἀγάθωνα

πᾶσ' ἐπὶ πυρκαϊῆς ἦδ' ἐβόησε πόλις,

симонидовские эпigramмы № XV Page:

τόνδε ποθ' Ἑλληνας Νίκης κράτει, ἔργω Ἄρεος,

εὐτόλμω ψυχῆς λήματι πειθόμενοι,

Πέρσας ἐξελάσαντες ἐλευθέρα Ἑλλάδι κοινόν

ἰδρῦσαντο Διὸς βωμὸν Ἐλευθερίου²⁷

и XXXIX на огромном бронзовом кратере, установленном спартамцами при входе в Понт (больше был только отлитый из наконечников стрел котел скифского царя Арианта: Herod. IV. 81):

μνᾶμ' ἀρετᾶς ἀνέθηκε Ποσειδάωνι ἄνακτι

Παυσανίας, ἄρχων Ἑλλάδος εὐρυχώρου

Πόντου ἐπ' Εὐξείνου, Λακεδαιμόνιος γένος, υἱός

Κλεομβρότου, ἀρχαίας Ἡρακλέος γενεᾶς.

Здесь, подобно SEG 425, сразу два переплетающихся друг с другом гипербата: μνᾶμ(α)... ἀνέθηκε – Πόντου ἐπ' Εὐξείνου и Παυσανίας – Λακεδαιμόνιος γένος κтл. («Памятник доблести посвятил Посейдону владыке / Павсаний, вождь Эллады²⁸ обширной, / при Понте Эвксинском, лакедемонянин родом, сын / Клеомброта, (из) старинного рода Геракла»). Аналогичное, но еще более изощренное построение имеет афинское посвящение 470-х–460-х годов до н.э. SEG 272:

[Πα]ρθένοι Ἐκφάντο με πατὲρ' ἀνέθεκε καὶ υἱός

ἐνθάδ' ἈθENAΐει μνῆμα πόνον Ἄρεος

Ἐγέλοχος κтл.,

(Гегелох – сын Экфанта, имя которого унаследовал внук); этот порядок слов, конечно, является неестественным и перевод «слово в слово» здесь не получится. Структурно близко стоит другая афинская эпigramма конца VI в. SEG 197:

[Π]ότν' ἈθENAΐα, σοὶ Τιμοκράτες ἀνέθεκε[v]

υἱός Ἀρισταίχμο, παῖ Διὸς αἰγίόχο

«О госпожа Афина, тебе Тимократ посвятил (сие), сын Аристэхма, о дитя Зевса эгидоносца!» См. также ниже, прим. 37.

²⁷ Первый пентаметр, имеющийся в AP. VI. 50, но отсутствующий у Plut. De malign. Hdt. 42, 873 B и V. Arist. XIX. 7, Виламовиц (Wilamowitz-Moellendorff U. von. Sappho und Simonides. B., 1913. S. 197 f.), а за ним и издатели исключают из текста.

²⁸ ἄρχων Ἑλλάδος, т.е. «предводитель/стоящий во главе (ἀρχή) объединенных воинских сил Эллады», ср. в другой симонидовской эпigramме (№ XVII Page) от имени того же Павсания в память победы при Платеях: Ἑλλήνων ἀρχαγός,

Из боспорских надписей приведем эпитафию КБН 1113 (= SEG 739)²⁹, судя по шрифту, времени Левкона:

Κληθευρη, φθίμενός (leg.-όν) σε χυτή κατά γαῖα κέκευθεν³⁰,
ἔγγονον Καβαθαξέω ὀκτωκαιδεκέτην³¹.

Любопытны и прозаические посвящения: Μήστωρ Ἴπποσθένεος ὑπὲρ τοῦ πατρὸς ἀνέθηκε Ἄπολλωνι ἀγωνοθετήσας ἄρχοντος Παιρισάδεος κτλ. (КБН 1039); Λεύκων Παιρισάδου ἀνέθηκε τὸν ἀνδριάντα Ἄπολλωνι [Ἰ]ητρώ[ι] ἰηρησάμενος ἄρχοντος Παιρισάδεος κтл. (№ 25); то же – № 1043, 1042. 3–4. Здесь гипербат нарочито приближает причастия, относящиеся к посвятителю, к причастию ἄρχοντος датировочной формулы; в № 25 к этому добавляется еще и тройной гомеотелевт, возможно, не случайный; ср. также в новой надписи из Нимфея (ниже, II). Особый тип представляет граффито на чернолаковом килике из Пантикапея: Τιβης Δὲ Πατρ[ώ]ωι καὶ Ιητ[ρ]ωι³².

Скромные изыски подобного рода, нередко встречающиеся в частных прозаических надписях VI–IV вв. до н.э., в эпоху расцвета греческой литературы, с полным основанием определяют как простейшее средство украсить их сухой, по природе стиль поэтическими тропами³³, особенно желательными в текстах, носивших сакральный характер. В этой связи весьма показательно граффито V в. до н.э. с о-ва Левка: Γλαῦκός με ἀνέθηκεν Ἀχιλλῆι Λευκῆ(ς) (vel -ῆ = ῆι?) μεδέοντι παῖ[ε]ς Ποσιδέη – «Главк меня посвятил Ахиллу, владыке Левки, сын Посидея»³⁴; помимо гипербата³⁵, здесь имеется поэтическое по происхождению медеών, причем (если только Главк не пропустил *сигму* в Λευκῆς под влиянием Ἀχιλλῆι) с редким дативным управлением, которое, судя по словарям, известно только у поэтов (начиная с Пиндара, Ol. VII. 87/8; Рае. VI. 124)³⁶. Влиянием таких поэтических образцов, как SEG 425, 272 и эпиграмма Павсания, следует объяснять переплетающиеся гипербаты в другой прозаической надписи: Ἀριστ[ο]μέν[ε]ς ἀν[έ]θεκε εἰς Ἀλεξία τῆι Δάματρι τῆι Χθονίαι Νερμιονεύς – «Аристомен посвятил, сын Алексия, Деметре Хтони, гермионец» (LSAG. P. 406. Pl. 33. 9). А эпитафия жены Аристокла, сына Телефана, Гекатеи, дочери Дионида из Эрифр (I. Erythrai 321), уже цитированная мной в статье 1998 г. (с. 291), должна стать просто хрестоматийной: Ἀριστοκλέος γυναικός τῷ Τηλεφάνεος Ἐκαταίης τῆς Δεονῦδος.

Продолжая наблюдения над поэтической техникой нашей эпиграммы, обратим внимание на то, что фраза τῆσδε πόλεως μεδέοντι λαβρυτῶν в качестве

²⁹ К тексту см. *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII // *Hyperboreus*. 2000. 6/1. С. 138 сл., с фотографией (рис. 2).

³⁰ Аналогично – SEG 69 (ср. 76). Аллюзии на Z 464, Ξ 114, где, однако, порядок слов «нормальный»; для эпоса и ранней гексаметрической поэзии вообще сложно построенные гипербаты не характерны; к редким примерам относится h. Bacch. (VII) 6–8, где ἀνδρες... ληίσται... Τυρσηνοὶ искусно рассредоточены по трем стихам.

³¹ Ср. еще первый дистих в поздней метрической эпитафии КБН 139 (об этой надписи см. *Gavrilov A.K.* *Kleine Todesrätsel aus Bosphoros* // *Hyperboreus*. 1999. 5/1. S. 91 ff.).

³² AA. 1907. S. 139.

³³ *Schwyzler Ed., Debrunner A.* *Griechische Grammatik*. Bd II. München, 1950. S. 697; насколько мне известно, материал пока практически не изучен. В Хаверс (*Havers W.* *Zur 'Spaltung' des Genetivus im Griechischen* // *IF*. 1922. 31. S. 237 f.) показал, что гипербат не является исключительной принадлежностью поэтического языка, но несомненное влияние последнего на прозу в этом отношении осталось за пределами его рассмотрения; его примеры, вообще ограниченные «Spaltung» генетива, сводятся к примитивным случаям вроде Δημητρίου καταδῶ ψυχὴν (*Wuensch.* Def. tab. 51. 1) или τὰ δὲ δέρματα λαμβάνειν τῶν ἱερῶν τοὺς τὰ κριτὰ παρέχοντας (SGDI 5315. 29).

³⁴ *Dubois L.* *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève, 1996. № 48 b.

³⁵ Аналогично – в граффито VI в. до н.э. из Навкратиса: Φάνης με ἀνέθηκε τῷ Ἀπολλωνί τῷ Μιλλησίωι ὁ Γλαῦρος, *Bernand A.* *Le Delta Égyptien d'après les textes grecques*. I. Le Caire. 1970. P. 661. № 179.

³⁶ См. *Тохтасьев С.Р.* Рец.: *Dubois*. Op. cit. // *Hyperboreus*. 1999. 5/1. С. 185.

экспликация эпитета τῶι ἐν Ἀ[αβρυῖ] образует парентезу³⁷, благодаря чему облегчается связь начальной фразы стихотворения – εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο – с ее завершением в стк. 3/4: Β[οσπόρο ἄρχων] / Θεοδοσίης τε, после чего автор переходит к изложению сути обета, во исполнение которого Левкон поставил Аполлону статую. Все члены обширного периода от εὐξάμενος до βασιλέως увязаны со стоящим в его центре сказуемым στήσε, образуя обычную для эпиграмматического жанра композицию. В остальном же, не считая присущей поэзии «анастрофы» γῆς ἔΞινδῶν, стиль эпиграммы напоминает скорее переложенный в стихи прозаический текст (ср. к стк. 5/6)³⁸.

5. μάχη καὶ κράτει ἐξελά[σας] Ὀκταμασάδεα: ср. Νίκης κράτει, ἔργῳ Ἄρηος /... Πέρσας ἐξελάσαντες в привлекавшейся выше (к стк. 3/4) по другому поводу XV симонидовской эпиграмме.

Ὀκταμασάδεα γῆς ἔΞινδῶν. Приняв мое членение текста (вместо неприемлимого Ὀκταμασάδε, ἄγης ἔΞινδῶν – как начало предложения), Ю.Г. Виноградов пространно пишет об этой якобы уникальной во всей греческой эпиграфике форме аккузатива (с. 10 сл.). Действительно, в известных на сегодняшний день ионийских надписях аккузативы на -εα от антропонимических *s-основ³⁹, насколько мне известно, не встречаются, что, однако, легко объяс-

³⁷ Ср. гипербат и соответственно еще более обширную парентезу в эпитафии из Мегар около 480–470 гг. (SEG. XLV. 421): [αἰ]αἰ ἐγὼ, Πόλλις Ἄσπιχο φίλος ἠιδὸς – ὁ κακὸς ἐὼν ἀπέθ-νασκον ἠυλο στίκτασιν (ср. Πέρσαι) – ἐγὼν ἔ.

³⁸ Ср. суждение Виламовица о немногих дошедших до нас строках элегика Эвена, старшего современника Левкона: «Mancher der Verse dieses Euenos ist nichts als zufällig der Messung nach Hexameter bildende Prosa» (*Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd II. V., 1893. S. 404. Anm. 2*). Правда, в отличие от Эвена, наш поэт был связан необходимостью версифицировать целый рассказ об исторических событиях, переполненный именами собственными; следовало бы признать, что он справился с задачей вполне успешно, если бы не отсутствие финального пентаметра, а вместе с ним и ясно обозначенного конца всей истории.

³⁹ В ионийской эпиграфике Причерноморья встречаются и другие примеры перехода первоначальных -ᾱ-основ в *s-основы, преимущественно для негреческих имен, см. *Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: III–IV // Hyperboreus. 1994. 1/1. С. 158–161*, и далее: то же Ὀκταμασάδης в вариантном фонетическом облике второго компонента – Ὀκταμασάδεος gen. (др.-иран. *Uxta(ta)ma-šāta-/šyāta-?) в граффито из Гермонассы (см. выше, прим. 6; у Геродота, IV. 80, изменяется как -ᾱ-основа), родственное Πατρισάδεος, -ους (КБН 10, 11 и др.), -αδαίακεος (КБН 154, *vidi*, см. *Тохтасьев С.Р. Остракон с поселения ольвийской хоры Козырка XII // Hyperboreus. 2002. 8/1. С. 84. Прим. 60*), Ασπασίθαρεος (КБН 211, ср. *Ασπασίθαρεω* на клеймах Синопы: *Цехмистренко В.И. // СА. 1960. № 3. С. 60*), Ατακεος (КБН 914, Нимфей), Ατακους (Ольвия, Syll.³ 1260 = *Dubois. Inscriptions... d'Olbia. № 25*), Φανισαλους (хора Ольвии, см. *Vinogradov. Pontische Studien. S. 159*; происхождение имени неясно, но во всяком случае оно не греческое, и, конечно, не «греко-варварское», как полагал Ю.Г. Виноградов); Δάμεος в табличке дикаста IV в. из Синопы (*Robert L. Etudes anatoliennes. P., 1937. P. 296 suiv.*), ср. правильное Δαμέω, *Milet I/III. V., 1914. № 123. 13* (стефанефор 304/3 г.); Μάνεω и Μάνουω на керамических клеймах Синопы (*Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 205*). В эпитафии IV в. из Порфмия находим негреческое имя Αραμαθευ (*Кастанаян Е.Г. Надгробная надпись из Порфмия // ВДИ. 1987. № 3. С. 85 сл.*) этот, кажется, единственный в Северном Причерноморье пример кантаминированной формы генетива, общей для основ на -ᾱ- и *s- (-ευ/-εο ← -εος + -εω, см. *Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1959. S. 269 f.*: в восточноионийском был известен прежде только в Смирне), отражает ту же тенденцию к гетероклизии антропонимических основ на -ᾱ- в ионийском. Опираясь на эти факты можно – пусть и частично – раскрыть, наконец, загадку легенд монет, приписываемых Феодосии; ΘΕΟΔΕΩ и ΘΕΟΔΕΟΣ (последнюю форму дал недавно опубликованный новый штамп: *Шонов И.В. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV в. до Р.Х. // Боспорские исследования. II. Симферополь, 2002. С. 327, 332, Рис. 1, б*) никак не могут быть сокращениями Θεοδοσίη(ς) или Θεοδοσιέων, но легко объясняются как генетивы имени Θεοδῆς, краткой формы к Θεοδόσιος, Θεόδωτος или Θεόδωρος, омонимичного с атт. Θεουδῆς < *Θεο-δῆης (ср. гомер. θεουδῆς, *Bechtel HP 130*): Θεοδέω, Θεόδεος, ᾱ- и *s-основы соответственно. Загадкой остается, однако, кем был этот Θεοδῆς (может быть, героизированный основатель и эпоним Феодосии, который изобразен на этих монетах и полное имя которого было Θεοδόσιος или Θεόδωτος?).

нимо не только незначительным вообще числом памятников на «чистой» Ἰός, но и невысокой частотностью аккузатива, так как среди них преобладают votивные надписи и эпитафии, в которых естественным образом доминируют номинативы и генетивы. А как только – с IV в. до н.э. – количество надписей существенно возрастает, мы застаем в них уже контрагированное -η (например, [ἐς Βο]ρυσσθῆνη, IOSPE. I². 24, Ольвия, 340–330 гг.⁴⁰), которое сплошь и рядом вытесняется аттическим -ην. Однако в нашем случае все это не имеет отношения к делу, поскольку автор эпиграммы должен был ориентироваться на гомеровские формы Διομήδεα, Εὐπείθεα, Πολυδεύκεα и т.д.⁴¹

5/6. Нагромождение генетивов разного рода в одной синтагме (нередкое явление и в теперешнем плохом русском языке; пример см. выше, прим. 11, под конец) в целом не характерно для поэтического синтаксиса⁴², но иногда к этому вынуждает контекст или воля заказчика, как в нашем случае. Серию генетивов находим и в завершающих стихах цитированной выше эпиграммы Павсания (Simonid. XXXIX Page: Λακεδαιμόνιος γένος, υἱός / Κλεομβρότου, ἀρχαίας Ἴρακλέος γυνεᾶς), но она не создает ощущения шероховатости или вялости (чего и не могло быть у Симонида или в приписанном ему стихотворении): напротив, просторечный элемент вместе с бессоюзием (ср. ниже, прим. 66) доставляет здесь стиху требуемую лаконичную суровость (τραχύτης), которая особенно хороша именно в финальном пентаметре. В безыскусной эпитафии из Марафона SEG 72 начала V в.: σῆμα τόδ' εἰμὶ Κρίτῳ Τελέφῳ Ἀφι[δναίῳ], вторая половина стиха составила как бы сама собой.

6. ο[ἰκῆϊης] (или ο[ἰκείης]⁴³) – «своей (собственной) и т.п.» Теперь, когда чтение *ομικрон* подтвердилось *de visu*, восстановление Ю.Г. Виноградовым этого слова представляется гораздо более правдоподобным, если не безупречным. Я уже высказывал догадку (правда, на недостаточных основаниях)⁴⁴, что стоящее после πατέρα слово может быть определением к нему, а не к ἀρχῆς; конечно, в восстановлении Ю.Г. Виноградова порядок слов вполне изящен, но не исключено здесь все же и ο[ἰκῆϊου] – «своего (собственного/родного) отца» = гомер. φίλος (например, в N 644: ὁ ῥα πατρὶ φίλῳ ἔλετο πτολεμῖζων; аналогично в E 502, 504), по-видимому, тоже вполне изысканное благодаря эмфазе («отца родного!»). Оба варианта восстановления могут быть подкреплены примерами: αὔξων οἰκείων προγόνων ἀρετὰς κτλ. (SEG 795. 22); [ἀνέθηκεν Ἀθηναίῳ] / [γαίας] οἰκέας ἔρνος ἀπαρξάμενος] (ibid. 756); ὡς ποτε δυσπολέμοις Γαλάταις θοὸν Ἄρεα μείξας / ἤλασας οἰκείων πολλὸν ὑπερθεὺς ὄρων (IG. XII/4. 1105. 5 sq.; SEG XXXVIII. 776); ср. также: οἰκείαις δ' ἐν χερσὶ τέκνων ἀλόχου τε ἀ[ρίστης?] / [ε]ὐξυνέτου Μοίρα[ς] εὔστοχος κτλ. SEG 586. 6); ὅς...

⁴⁰ Карышковский П.О., Виноградов Ю.Г. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость монетных металлов на Понте в IV в. до н.э. // ВДИ. 1976. № 4. С. 25 (Vinogradov. Pontische Studien. S. 255 f.).

⁴¹ А. Грезм (Op. cit. P. 97), не вникнув в подробности, толкует о «регулярном неконтрагированном ионийском окончании третьего склонения аккузативов основ на -ς [sic]».

⁴² Ср. Kühner R., Gerth B. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Bd I. Aufl. 3. Nachdr. Leverkusen, 1955. S. 337. Anm. 4; Schwyzer, Debrunner. Op. cit. S. 135 f. Особый случай – N 4–6 с серией из десяти gen. pl. (этнонимы и их эпитеты, все гомеотелевты), создающих зримый образ того, как Зевс последовательно переводит взгляд с земли «конных фракийцев» на «рукопашных мисийцев» и т.д., ср. The Iliad: A Commentary / Ed. G.S. Kirk. V. IV: Books 13–16 / Ed. R. Janko. Camb., 1992. P. 43.

⁴³ Тохтасьев. К чтению и интерпретации... С. 299.

⁴⁴ Там же. С. 299.

κατέδειξεν... / οἰκείω τε βίω καὶ μεθόδοισι λόγων κτλ. (Aristot., fr. 2. 4–5 Gentili – Prato = 3 Plezia⁴⁵).

6–7. πατέρα... / ἐκβάλλων ἀρχῆς. Ю.Г. Виноградов (с учетом οἰκῆτης): «лишая отца (родовой) державы»; аналогично – с. 12, со ссылкой на Polyb. XXII. 18. 3: (Περσεύς) ἐξέβαλεῖ ἐκ τῆς ἰδίας ἀρχῆς – «изгнал... из собственной державы» (фракийского царя Абруполиса). Мой перевод: «лишая отца [– – –] власти»; А. Грэм (op. cit.): «after expelling his father from his ancestral rule». Емкое выражение имеет слишком общий характер, чтобы сделать однозначный выбор, но в главном смысл его ясен. Можно перевести и так: «сгоняя (свергая) отца с... престола». Явственный параллелизм фраз Λεύκων ... στήσε... ἐξελ[άσας] Ὀκταμασάδεα γῆς ἐβινδῶν и ὅς πατέρα οἰκῆτης? ... ἐκβάλλων ἀρχῆς... κ[ατέθρεξεν?], при том, что в некоторых контекстах ἐκβάλλω и ἐξελαύνω имеют близкие значения, обусловлен композицией (лишь оба сказуемых занимают разные места) и поэтому едва ли может служить вполне определенным указанием на то, что Гекатей был именно изгнан из Синдики⁴⁶. Но у Полиена (VIII. 55) Гекатей уже точно предстает «лишенным власти» – ἐκπεσόντα τῆς ἀρχῆς (ср. наше *свергать власть к.-л.*), а не «изгнанным из своей державы» (Ю.Г. Виноградов).

– κ[ατέθρεξεν?]: ср. гомер. ἐπιθρέξαντος (N 409), итератив θρέξασκον (Σ 599, 602). Восстановление было предложено мной *exempli gratia*, но так или иначе, здесь должна стоять финитная форма какого-то глагола движения в аористе с префиксом κατα- и ничего лучшего подыскать не удастся. К интранзитивному κατατρέχω Ю.Г. Виноградов удачно привел fr. 76 R.³ Аристотеля (правда, с неточными ссылкой и цитатой): εἰς δὲ (sc. χωρίον) καταδραμόντας ληστὰς; добавим еще Xen. Cug. VI. 3. 9: καταδραμόντες εἰς τὸ πεδίον. А. Грэм (тоже условно) принимает прежнюю конъектуру Ю.Г. Виноградова κ[ατέκλεισεν?].

В завершение нашего обзора полезно еще раз дать перевод эпиграммы; он включает в себя и чтения, помещенные в критическом аппарате:

«Исполнив обет⁴⁷, Левкон, сын Сатира, поставил [вот это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе], – владыке сего города лабритян, – [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти⁴⁸, в сей город во[рвался]»⁴⁹.

⁴⁵ Джентили и Прато приводят к этой строке Аристотеля замечание Виламовица (*Wilamowitz-Moellendorff U. von Platon. Bd I. B., 1920. S. 708*): «Possessiv des dritten Person».

⁴⁶ В заметках Ю.Г. Виноградова на полях *editio princeps* нашей эпиграммы читаем: «... Гекатей был скинут с трона сыном». И в другом месте: «Налицо явный параллелизм, повторяющийся рефреном: 1) сначала Левкон подчеркивает, что он изгнал (ἐξελ[άσας]) своих врагов (тогда Юрий Германович еще читал Β[ιοσφόρο] ἐχθροῦς)... ἐξελ[άσας]. – С.Т.), 2) в конце сообщается, что сын Гекатея изгнал (ἐκβάλλων) своего отца».

⁴⁷ А не «принесши обет», по Ю.Г. Виноградову.

⁴⁸ Или: «лишая отца [родного] власти».

⁴⁹ Или: «на[пал] на этот вот город». Едва ли удачен, учитывая общеисторический контекст, перевод Ю.Г. Виноградова: «(совершил набег) на сей город»; и уже совсем неудачен парафраз (явно под влиянием приведенной им параллели из Аристотеля для непереходного употребления *κατατρέχω*, см. выше) «совершил разбойничий набег на город лабритов» (с. 13). Давая обет Аполлону, Левкон, конечно, рассчитывал на его помощь именно в решающей битве с Октамасадом.

II. ПОСВЯЩЕНИЕ ТЕОПРОПИДА ИЗ НИМФЕЯ

Следующая по важности новая надпись эпохи Левкона недавно опубликована О.Ю. Соколовой, сперва только в переводе в «Древностях Боспора»⁵⁰, а затем совместно с Н.А. Павличенко в петербургском журнале «Hyperboreus»⁵¹. Эта последняя публикация (ниже я везде ссылаюсь прямо на ее страницы) сопровождается подробнейшим описанием условий находки, сделанной в ходе раскопок Нимфея, архитектурным анализом памятника и всего строительного комплекса, большим количеством иллюстративного материала, всесторонними комментариями и даже экскурсом о Горгиппе⁵². Еще раньше поблизости был обнаружен фрагмент монументального посвящения также времени Левкона: [– – – Τορετέων καὶ Δανδ]αρίων καὶ Ψησσῶ[v]⁵³. О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко (с. 100 сл., прим. 8) сообщают о найденном недавно обломке того же камня с недостававшей последней буквой слова Ψησσῶν; исследовательницы предполагают, что плита «является частью еще одного архитрава, который принадлежал тому же строительному сооружению... или другому аналогичному комплексу» (согласно Е.В. Власовой, это часть алтаря).

Надпись высечена на фасадной балке архитрава, перекрывавшей парадный вход – εἴσοδος (по предположению издателей, здесь – синоним для πρόπυλον), который вел к какому-то общественному зданию или сооружению – святилищу или театру (О.Ю. Соколова надеется прояснить вопрос в ходе дальнейших раскопок).

К счастью, хотя камень разбит на две части, сама надпись сохранилась практически без повреждений (рис. 2)⁵⁴:

Θεοπροπίδης Μεγακλέος τὴν εἴσοδον ἀνέθηκεν Διονύσωι
ἀγωνοθετέων Λέοκωνος ἀρχοντος Βοσπόρο καὶ Θεοδοσίης
καὶ τῆς Συνδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησσῶν⁵⁵.

«Теопропид, сын Мегакла, посвятил этот вход Дионису, будучи агонотетом, при Левконе, архонте Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов».

В этом обзоре нас будет занимать только историческая информация, которую заключает в себе новый вариант титула Левкона.

Итак, Левкон назван здесь архонтом не только Боспора и Феодосии, но и тех варварских народов, по отношению к которым он в других известных нам надписях, за исключением КБН ба, именуется царем. Всякому специалисту по истории Боспора немедленно придет на память только что упомянутая надпись, в которой Левкон именуется архонтом Боспора, Феодосии и синдов (или

⁵⁰ Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея (Предварительное сообщение) // *Древности Боспора*. 4. М., 2001. С. 368–376.

⁵¹ Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. 8/1. С. 99–121.

⁵² К сожалению, авторам осталась неизвестна важная статья Хайнца Хайнена: *Heinen H. Statues de Païrsadès I et de ses fils érigées sur proposition de Démosthène (Dinarque, Contre Démosthène 43) // Le IVe siècle av. J.-C. Approches historiographiques*. Nancy, 1996. P. 357–368, с литературой.

⁵³ Власова Е.В. Фрагмент посвятельной надписи из Нимфея // *Hyperboreus*. 1994/1995. 1/2. С. 135 сл. (SEG XLV 996).

⁵⁴ Благодарю О.Ю. Соколову за любезно предоставленную фотографию.

⁵⁵ NB!: при форматировании текста слова καὶ Ψησσῶν на с. 101 ошибочно перенеслись в следующую, четвертую по счету строку, которой на камне вообще нет (то же самое, только с καὶ Θετέων, произошло в тексте моей статьи о надписи КБН 1015 – *Тохмасьев С.Р.* Вотив царицы Комосарии // *Петербургский археологический вестник*. 1994. 8. С. 80).

Рис. 2. Вотив Теопронида из Нимфея

Синдики, см. ниже), с одной стороны, и царем торетов, дандариев и псессов, с другой; имя синдов в стк. 5 пришлось на утраченную часть камня и восстановлено В.В. Шкорпилом в editio princeps⁵⁶:

[ή (?) δείνα - -].αίου τὸμ βωμὸν
[ἀνέθηκεν Ἀρ]τέμι Ἐφεσεῖη νν
[ἱερωμένη (?) ἀρχο]ντ[ο]ς Λεύκωνος
[Βοσπόρου καὶ Θε]οδοσίης νν
[καὶ Σινδῶν κ]αὶ βασιλεύ[ο]ντος
[Τορετέων Δανδ]αρίων Ψησσῶν.

Именно такое сопоставление делают О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко⁵⁷. Исследовательницы выражают согласие с выводом Ф.В. Шелова-Коведяева о первоначально особом положении синдов в составе Боспорского государства⁵⁸, который был сделан им, вслед за В.В. Шкорпилом, на основании надписи КБН 6а⁵⁹, а также предлагают реконструировать в ее 5-й строке не καὶ Σινδῶν, но – по аналогии с фразеологией новой надписи – καὶ Σινδικῆς. На наклейке между с. 112 и 113 рядом с фотографией КБН 6а напечатан, однако, несколько иной текст: ... καὶ Θεο]δοσίης [καὶ] | [τῆς Σινδικῆς κ]αὶ βασιλεύοντος κτλ. По-видимому, чутье и опыт филолога в какой-то момент подсказали Н.А. Павличенко, ответственной за эпиграфическую часть публикации, что перед Σινδικῆς по меньшей мере весьма желателен артикль – формально Σινδικῆς является притяжательным прилагательным (scil. χώρη, γῆ); столь же вероятно, впрочем, что это τῆς внедрилось в реконструкцию под влиянием τῆς при Σινδικῆς в надписи Теопронида. Во всяком случае, как

⁵⁶ Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. 63. С. 109. Его восстановление поддержал и Ю.Г. Виноградов (осторожно в Die historische Entwicklung... S. 120; Поллис в Северном Причерноморье. С. 411, и вполне уверенно – в рукописных заметках по поводу первоиздания эпиграммы Левкона).

⁵⁷ Ср. Тохтасьев С.Р. Эпиграфические заметки // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова (Херсонесский сборник, XI). Севастополь, 2001. С. 157. № 2, с колыщией этой надписи, хранящейся в Керченском музее (инв. № КЛ-1032), и ее фотографией; в стк. 1 я видел]γαίου или]ταίου, а не [Νυμ]φαίου, как в КБН. Вместо ἱερωμένη можно восстанавливать εὐξάμενη, ср. № 1015, 1043 и др. Должен с сожалением отметить, что текст этой статьи опубликован в таком виде, что я просто вынужден напечатать ее еще раз в другом месте (ACSS. 2004. 9).

⁵⁸ Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 130; 134: «Левкон... еще не считается верховным царем синдов, как для других подвластных племен»; он «только "управляет" областью, которая имеет свою собственную систему власти во главе с легитимным владыкой [sic!]».

⁵⁹ Тем временем, сам Ф.В. Шелов-Коведяев (в приложении к рассмотренной выше (I) статье Ю.Г. Виноградова), ознакомившись с нимфейской надписью по предварительному сообщению в «Древностях Боспора», обнаружил в ней подтверждение своего толкования ἀρχων и от этого своего вывода отказался, вернувшись к традиционной точке зрения: стабильное помещение синдов (сперва – «всей Синдики») в начале списка племен, подвластных правителям Боспора, «надо... рассматривать лишь как отражение хронологического порядка присоединения этих племен к Боспору, а не их специального положения среди подданных Спартокидов» (с. 21).

прекрасно видно и на фотографии (рис. 3, вклейка)⁶⁰, никакого καὶ после Θεο]δοσίης не было (vacat!), а [καὶ τῆς Συνδικτῆς κ]αὶ в лагуну явно не вмещается (ее объем рассчитывается с опорой на бесспорные дополнения [Βοσπόρο(υ) καὶ Θε]οδοσίης в стк. 4 и [Τορετέων Δανδ]αρίων в стк. 6). Важно отметить, что стк. 5, в отличие от стк. 1, 2 и 4, заполнена текстом до предела (см. рис. 3), так что по числу букв [καὶ Συνδικτῆς κ]αὶ заслуживает, в сравнении с [καὶ Συνδῶν κ]αὶ, решительного предпочтения. Поэтому можно было бы предположить эллипс артикля ради краткости в составе перечня⁶¹, а учитывая характер памятника, можно говорить и о грамматическом и стилистическом единстве с однородными понятиями⁶² Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης (в надписях доримского времени они всегда выступают без артикля⁶³) в порядке лаконичной торжественности. При названиях стран, как правило, имеющих в греческом адъективную природу, артикль нередко отсутствует как раз в перечнях, особенно часто, когда речь идет не просто о каких-то областях и странах, а именно о политических образованиях, конкретно сатрапиях (Хер. Суг. VIII. 6. 7; Ап. III. 5. 15), иногда и не в составе списков (Herod. V. 52. 3; Хер. Суг. VI. 2. 22)⁶⁴; особенно интересно для нас место в «Анабасисе» I. 9. 7: σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας τῆς μεγάλης καὶ Καππαδοκίης (Φρυγία и Καππαδοκία – исконные прилагательные, как и Κιλικία, ниже), а также Herod. IX. 107. 3: Ξειναγόρης Κιλικίης πάσης ἤρξε δόντος βασιλέος. Однако, судя по материалам Калленберга, название страны на -ικός без артикля засвидетельствовано в ранней греческой литературе, кажется, лишь один раз – Herod. III. 93. 1 (список фороса, доставляемого Дарию из сатрапий): ἀπὸ Πακτυϊκῆς δὲ καὶ Ἀρμενίων κτλ.⁶⁵

Далее, обратим внимание на то, что фраза, содержащая титулатуру Левкона, четко делится на два колона, в первом из которых названия владений Левкона перечисляются через καὶ, второй же, с перечнем этнонимов, напротив, характеризуется бессоюзием⁶⁶:

ἄρχοντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης [- -] καὶ

⁶⁰ Весь иллюстративный материал для альбома к КБН, подготовленного в 1989–1999 г. И.А. Левинской и мной на основе материалов, собранных издателями КБН, передан нами на хранение в архив СПб Института истории РАН и составит основу иллюстративного приложения готовящегося нами и А.П. Кулаковой нового издания КБН (IOSPE. II³).

⁶¹ Ср. Schwyzer, Debrunner. Griechische Grammatik. S. 24. Z. 4: «Breviloquenz» «in der... Prosa von Listen, Rechnungen u.ä.».

⁶² Ср. Kühner, Gerth. Op. cit. I. S. 604 f.

⁶³ Kocewalow A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini (Eus Suppl. 12). Leopoli, 1935. P. 59 (для Βόσπορος), также с примерами из Херсонеса и Ольвии.

⁶⁴ Материал см. Kallenberg H. Der Artikel bei Namen von Ländern, Städten und Meeren in der griechischen Prosa // Philologus. 1890. 49 (N.F. 3). S. 515–547.

⁶⁵ В своем издании Геродота Х. Розен произвольно меняет Πακτυϊκῆς на Πακτυίης, хотя такой топоним неизвестен, а рукописи дают или Πακτυϊκῆς, или (DRSV) Πακτυκίης, где буквы просто переставлены местами. Почти так же (Πακτυίης) Розен «исправляет» и в IV. 44. 2 (Πακτυϊκῆς АВСТР; -ΙΚΗΣ подтверждает и Πλατυϊκης Μ), но сохраняет в III. 102. 1 (при фактическом консенсусе рукописей).

⁶⁶ Ср. Kühner, Gerth. Op. cit. II. S. 341 f.: асиндетон в списках, состоящих из однородных понятий; ср. выше I (к стк. 3/4), о симонидовской эпиграмме XXXIX Page (Λακεδαιμόνιος γένος, υἱός / Κλεομβρότου, ἀρχαίας Ἴρακλέος γενεᾶς); редкое в гексаметрах бессоюзие встречаем в приведенных там же (к стк. 2) аккламациях «Илиады» (II 233 sq.) и гомеровского гимна Гермесу (XVII. 1 sq.: Ἐρμῆν αἰείδω Κυλλήνιον Ἀργεῖφόντην / Κυλλήνης μεδέοντα καὶ Ἀρκαδῆς πολυμήλου / ἀγγέλον ἄθανάτων ἐριούνιον κτλ.); в элегии также Simonid. Ep. XXXIV Page (AP. VI. 214): φημί Γέλων Ἰέρωνα Πολύζηλον Θρασύβυλον, / παῖδας Δεινομένεως.

βασιλεύοντος Τορετέων Δανδαρίων Ψησῶν⁶⁷.

Похожий способ расчленения длинных списков находим у Ксенофонта, Суг. I. 1. 4:

Κύρος... κατεστρέψατο δὲ Σύρους Ἀσσυρίουσ Ἀραβίουσ Καλπαδόκαс... ἤρξε δὲ Βακτριῶν καὶ Ἰνδῶν καὶ Κιλικῶν κτλ.

Дополнительно Ксенофонт использует различие падежного управления καταστρέφω и ἄρχω, в результате получаются две серии ὁμοίωπτα. В нашем случае дело тоже могло не ограничиваться одним противопоставлением ἀσύνδετον – πολυσύνδετον: ожидалось бы, что этнонимам во второй части титулатуры будут противопоставлены в первой одни топонимы. Эти наблюдения, как кажется, тоже могли бы подкрепить восстановление Σινδικῆς.

Все же нельзя не признать, что при восстановлении утраченного текста изложенные соображения доказывают лишь возможность такой конъектуры; с другой стороны, по-видимому, ничто не мешает заполнить лауну так: [τε καὶ Σινδῶν κ]αί; ср. σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας у Ксенофонта (выше); несколько дальше – КБН 40 (в титулатуре Аспурга): βασιλεύοντα Βοσπόρου... καὶ Τορετέων Ψησῶν τε καὶ Ταυαῖτων, ὑποτάξαντα Σκύθασ καὶ Ταύρουσ (еще и с экспрессивным бессоюзием между предложениями).

Казалось бы, теперь остался один шаг до заключения, что эпиграмма Левкона, затем нимфейская надпись, далее – КБН 6а и, наконец, такие надписи, как КБН 6, 8, 1037, 1038, последовательно документируют различные этапы инкорпорирования племен Нижнего Прикубанья в состав Боспорского государства. Но этого вывода нет. Подводя итоги исследования (с. 120), О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко все так же сосредоточены на КБН 6а: «Выделение Синдики (или синдов, по восстановлению В.В. Шкорпила) из остальных варварских племен может быть связано с особенностями политической организации Синдики в тот период и какими-то событиями ее внутренней истории. Так, нам остаются неизвестными последующий статус и судьба Гекатея и Тиргатао». (Какое отношение к делу имеет Тиргатао, осталось мне непонятным.) И только когда они переходят к позднейшим свидетельствам времени Левкона, где уже и синды находятся под царской властью, положение несколько проясняется: «Этот последний вариант титулатуры появляется, очевидно, после окончательного подчинения Синдики верховной власти Левкона I, когда он перенял у местных династов титул царя синдов и других варварских племен» (там же). Но о надписи Теопротида опять же – ни слова.

⁶⁷ Тот же стилистический прием встречаем в позднейших надписях времени Левкона, где синды перечислены уже в списке прочих племен: КБН 6 и 8 (о последней см. ниже, заключение). Ср. далее асиндетон в КБН 75: Πατρισάδου Καμασαρυς Αργούτου (генетивы зависят от ὑπέρ), в зачине присяги херсонеситов (IOSPE. I². 401): ὀμνῶ δια γὰν Ἄλιον Παρθένου [θ]εοῦσ Ὀλυμπίουσ καὶ Ὀλυμπίασ, в аналогичной клятве в тексте декрета из Тегеи IV в. Syll.³ 306. 57 sq., в спартанской надписи, гарантирующей асилию делосцам (около 403–399 гг.) со списком должностных лиц Спарты (цари и эфоры) и Делоса (LSAG. P. 198. Pl. 38. 62; ср. выше, прим. 26), в аттическом декрете в честь Спартока II и братьев Syll.³ 206: Σπартόκω Πατρισάδῃ Ἀπολλωνίω, Λεύκωνοσ παισί, в контрасте с *Dinarch.* in *Dem.* 43, где экспрессия достигается прямо противоположным способом: στῆσαι Πατρισάδην καὶ Σάτυρον καὶ Γόρυπλον, τοὺσ ἐκ τοῦ Πόντου τυράννουσ ('и того, и другого, и третьего!'), ср. *Plat. Euthyphr.* 7d: καὶ ἐγὼ καὶ σὺ καὶ οἱ ἄλλοι ἄνθρωποι πάντεσ. В КБН 1037, 1038, а также в обоих вновь найденных нимфейских надписях, в титулатуре Левкона при помощи καὶ перечислены и топонимы (Боспор и Феодосия), и этнонимы. В списке девяти аргосских демиургов первой половины VI в. имена тоже перечислены через καὶ (LSAG. P. 156 f. Pl. 26. 7); в сакральном тексте из святилища Афины в Микенах начала V в. (*Ibid.* P. 172. Pl. 31. 2) таким же образом приведены имена неких ἱκέται.

Конечно, когда, мы имеем дело со столь фрагментарным материалом, осторожность в заключениях становится необходимым условием их надежности. Но осторожность О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко скорее сродни робости. И вот читателю приходится самостоятельно формулировать их выводы, представленные едва ли не в виде намеков, приблизительно так: термин «архонт (всей) Синдики» должен означать, по-видимому, сюзеренитет Левкона над Синдикой при номинальном сохранении в ней традиционных институтов власти; то же должно относиться к торетам, дандариям и псессам под началом Левкона в надписи Теопротида.

О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко приложили немало усилий для интерпретации выражения (ἄρχων) τῆς Σινδικῆς πόλεως. Они обращают внимание (с. 112 сл.) на свидетельства древних авторов, которые локализуют синдиев на азиатской стороне пролива и далее к юго-востоку вплоть до Синдской Гавани (resp. Горгииппии), или пишут, как Пс.-Скилак (72) и Страбон (XI. 2. 10), что этот и некоторые другие греческие города находятся в Синдикее⁶⁸, или даже различают «области Боспора в Азии» и Синдику (Strabo. XI. 2. 1: πρὸς δὲ τῇ θαλάττῃ τοῦ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἔστι καὶ ἡ Σινδική; ср. VII. 4. 6, об уплате фороса Митридату: ...σὺν τοῖς Ἀσιανοῖς χωρίοις τοῖς περὶ τὴν Σινδικήν). О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко заключают: «Это, возможно, была первая часть "всей Синдики", территория еще прежде вошедшая в состав Боспорского царства. Под другой частью "всей Синдики", по-видимому, можно понимать владения синдского царя Гекатея» (с. 113).

Гипотеза О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко не дает ответа на вопрос: если «Синдика» или «синды», «страна синдиев» в привлеченных ими литературных источниках обозначает старые владения Спартокидов на азиатской стороне пролива с коренным синдским населением, то как тогда понимать Σινδοί в фразе βασιλεύοντος Σινδῶν надписей (и тем более Σινδική в КБН 6а, если восстановление здесь топонима правильно)? Кроме того, она содержит в себе внутреннее противоречие: ведь греческие полисы на исторической территории Синдики, несомненно, были частью того самого «Боспора», архонтом которого, наряду со «всей Синдикой», назван в надписи Теопротида Левкон, причем положение это зафиксировано двумя надписями, опубликованными еще «при Левконе, архонте Боспора и Феодосии», которые найдены в Гермонассе и на ее хоре (обе упоминаются О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко)⁶⁹. В относящейся к тому же периоду эпиграмме из Лабриса Левкон, «архонт Боспора и Феодосии», приходит с войском на подмогу Гекатею, «царю синдиев», и «изгоняет» из «земли синдиев» его мятежного сына Октамасада. Нет ни малейшего повода думать, что существование, так сказать, «внутренней Синдики», принадлежавшей Левкону, по какой-то неизвестной нам причине не получило отражения во всех упомянутых надписях. Сообщение Страбона (XI. 2. 7) о курга-

⁶⁸ Ю.Г. Виноградов (в рассмотренной выше, I, статье, с. 17) напрасно доверился Л.И. Грацианской (в нескладном переложении Е.М. Алексеевой – Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 37 сл.), лишь по недоразумению отрицающей аутентичность фразы Strabo. XI. 2. 10 ἔστι δὲ καὶ Γοργυλλία ἐν τῇ Σινδικῇ (подробный анализ этого места см. Тохмасьев С.Р. Σινδικά // Таманская старина 4. СПб., 2002. С. 10–17; 27 сл. Прим. 12). Вероятно, из ее идеи исходил Ю.Г. Виноградов, утверждая (Bull. ép. 1996. 306; SEG. XLIII. 515), что Лабрис не был столицей Синдики; как видно из архивных заметок для будущей статьи об эпиграмме Левкона, он основывался здесь и на своем восстановлении κ[ατέκλεισεν] в ее стк. 7 (от которого, однако, позже отказался): «в столицу (если ею был Λάβρυς) низвергнутого царя не ссылают».

⁶⁹ Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. № 1. С. 61–68; КБН 1111, Цукурлиман (к юго-востоку от Гермонассы).

не Сатира на мысе неподалеку от Патрея⁷⁰ доказывает, что северной частью современного Таманского полуострова, которая, согласно Пс.-Скилаку, вошла в страну синдов, владел еще Сатир; согласно Эсхину (in Ctesiph. 171), он полновластно распоряжался и Кепами, отдав их в качестве дара (δωρεάν) Ги-лону, деду Демосфена⁷¹. Едва ли стоит сомневаться, что ко времени сооруже-ния εἰσοδῶν Теопропида, утратила самостоятельность и Фанагория⁷².

В этих обстоятельствах ничего не доказывают и ссылки на авторов, тем бо-лее, когда они не сопровождаются должным анализом. Между прочим, но и неспроста О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко (вслед за Т.В. Блаватской) упо-минают (с. 113) место у Полиена (VIII. 55), где сказано, что Тиргатао разоряла как «Синдику Гекатея», так и «владения Сатира», очевидно, в Азии (τοῦ Βοσπόρου (μέρη) τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν, пользуясь фразеологией Страбона, см. выше). На самом деле никаких оснований для прямолинейного вывода (пусть даже в виде намека) о существовании еще какой-то другой Синдики нет, анти-теза у Полиена реализована обычными риторическими средствами его време-ни:

(Τιργαταῶ)... τὴν Ἑκαταίου Σινδικτὴν κατέτρεχε καὶ
Σατύρου τὴν ἀρχὴν ἐλυμαίνετο

(равенство колонов и ὁμοιοπλάτωα внутри них⁷³, изящно разреженные раз-личной постановкой артикля). Владения Гекатея противопоставляются владе-ниям Сатира, не более того⁷⁴.

Сообщения, что какие-то греческие города находятся «в Синдике» или «в Скифии» и т.п., в целом следует рассматривать как чисто географические указания, не ориентирующиеся специально на политические границы (хотя известное смещение географической и политической карт в некоторых кон-текстах было, конечно, неизбежным, а владение тем или иным полисом зем-лями и за пределами городских стен подразумевалось само собою). Так, Ге-родот говорит (I. 142), что Милет, Миунт и Приена лежат в Карию, а Эфес, Колофон, Теос и другие – в Лидии; у Пс.-Скилака (68) греческие города Ни-коний и Офиусса, Феодосия, Пантикапей и другие находятся в земле скифов, Херсонес – в земле тавров⁷⁵. Равным образом нельзя воспринимать букваль-но слова Пс.-Арриана (10 r 16 Diller), что «от Гермонассы до Синдской Гава-ни обитает некий народ меотов, называемый синдами, от которых получила

⁷⁰ Аналогичным образом курган (μνήμα) Акерата, сына Фрасиерида, архонта паросцев и фасосцев (см. прим. 26), был воздвигнут «у оконечности гавани [Фасоса], служа спасением кораблям и мореплавателям» (SEG 162), т.е. ориентиром, отчетливо видимым с моря (σκολιά, σκολή).

⁷¹ Латышев В.В. Повτικά. СПб., 1909. С. 76; Gajdukevič V.F. Bosporanische Reich. В., 1971. S. 220 f. Ср. Тохтасьев. Еще раз о синдских монетах... С. 75 сл. Прим. 14.

⁷² Ср. Горлов Ю.В. К истории Фанагории IV в. до н.э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 135 слл.

⁷³ Ср., в частности, удачные дефиниции Анаксимена, Ars rhet. (26–28) περὶ... ἀντιθέτων καὶ παρισώσεων καὶ ὁμοιοτήτων (26), а также Quint. IX. 3. 78.

⁷⁴ Фраза τὴν Ἑκαταίου Σινδικτὴν напоминает выражения типа ἐν Βραγχίδησι τῆσι Μιλή-σιων (Herod. I. 92. 2; разновидность хорографического генетива, также имеющего посессив-ную природу), но сконструирована, конечно, ad hoc по образцу Σατύρου τὴν ἀρχὴν.

⁷⁵ Слова метрических эпитафий вроде [γῆ] Σκυθία περιβάσα Ἑκαταίων τόνδε κέκε[υ]θ[ε] (КБН 117 (= SEG 737, III в. до н.э., иноземец), тем более ὁ παῖτρα Σκυθίας πόλις Ὀλβία (IOSPE. I². 226, Ольвия, II в. до н.э.), не намного ближе к реальности, чем обозначение Боспора как «киммерийской земли» в эпитафии иноземца, так и не добравшегося до Пантикапея (Болтуно-ва А.И. Надгробная эпитаграмма Диндиана // Studii clasice. 1973. XV. С. 122–130 = SEG. XXVI. 849, II в. н.э.; ст. 3/4: ἀμφὶ δὲ γῶλον Κιμμερίην – конечно, парафраз Βοσπορος Κιμμέριος).

имя Синдика»⁷⁶: и при Спартокидах, и позже эти города вместе с их полисными территориями были, конечно, составными частями «Боспора», их названия использовались географами просто как удобные ориентиры.

Наши источники относятся к разным эпохам и, поскольку это сплошь компиляции, нередко объединяют хронологически разнородные данные. Если у Пс.-Скилака в стране синдов, пределы которой достигают Меотиды, находятся Фанагория, Кепы, Синдская Гавань и Πάτους⁷⁷, то по данным Страбона (XI. 2. 1), Синдика, в отличие от областей меотов, лежит πρὸς... τῆ θάλαττῃ – «у моря» (т.е. Понта), и согласно § 10, обращена к югу и юго-востоку от русла реки Антикит (Гипанис), впадавшего в Корокондамитиду; в Синдике находятся Гермонасса, Апатур, Горгиппия и Аборака (фактически то же говорит Пс.-Арриан, см. выше), тогда как Фанагория и Кепы расположены за ее пределами⁷⁸. Сведения Страбона в XI. 2. 1 и 10 (за вычетом слов о Горгиппии и Абораке⁷⁹), по всей видимости, почерпнутые из Γεωγραφοῦμεναῖ Артемидора из Эфеса, могут частично восходить к еще более раннему источнику (Эфору), в конечном счете – спартокидовского времени.

Совершенно ясно, что у Страбона речь идет о Синдике как составной части государства, обозначенной в титулатуре Спартокидов как Σινδοί и отделенной административной границей от «областей Боспора в Азии» (составной части Βόσπορος в титулатуре Спартокидов)⁸⁰. То же подразумевает сообщение Пс.-Арриана, помещающего синдов там, где не было никаких греческих городов. Из слов Страбона в VII. 4. 6 (ср. выше) видно, что это положение сохранялось и при Митридате, а судя по другим его сообщениям и эпиграфическим данным, по-видимому, и много позже⁸¹. Территориально

⁷⁶ О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко (с. 112) ошибочно переводят фразу παροικουσι Μαιωτῶν τινες Σινδοί λεγόμενοι ἔθνος – «Меотиду населяет некое племя, называющееся синдами»; и под Σινδική, вопреки их переводу, скорее всего, здесь подразумевается (если только сам составитель перипла вообще вдумывался в то, о чем пишет) не страна, а город Синдика, т.е. Синдская Гавань, ср. 10 r 11 sq.: ... εἰς Σινδικτὴν ἤτοι Σινδικὸν λιμένα: первое название взято из перипла Арриана, второе – из Мениппа, как указывает к этому месту в своем издании Обри Диллер (Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952).

⁷⁷ Судя по всему, искаженное Πατραεῦς, см. Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Проблемы античного источниковедения. Л., 1986. С. 72 слл.

⁷⁸ На «некоем подобии острова, который омывается этим озером [т.е. Корокондамитидой], Меотидой и рекой» (§ 9); ср. Тохтасьев. Σινδικά. С. 25 сл. Прим. 4.

⁷⁹ Там же. С. 15 сл.; ср. ниже, прим. 81, к Strabo. XI. 2. 11.

⁸⁰ Ср. Там же. С. 17 (не исключено, что правильное говорить о царской резиденции в Горгиппии, возможно, служившей одновременно и резиденцией наместника Синдики, а не только города и всей округи).

⁸¹ В XI. 2. 11 Страбон, используя другой, более близкий по времени источник (Гипсикрат из Амиса – см. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 141 слл.), пишет, что аспургиане живут между Фанагорией и Горгиппией, т.е. по меньшей мере частично занимают примерно ту же территорию, что Синдика, согласно XI. 2. 10. В XII. 3. 29, упоминая те же события (гибель царя Полемона в войне с аспургианами), он не слишком определенно говорит, что они живут «около Синдики» (περὶ τὴν Σινδικτὴν). Судя по всему, под Синдикой и здесь подразумевается та же административная единица, что при Спартокидах, а не чисто историческое понятие. Во всяком случае, в надписях римского времени встречается титул ἐπὶ τῶν Ἀσπουρῶτων (КБН 36. А. 16/17; 1246. 5/6; 1248), а в надписях времени Аспурга (39, 40; см. ниже) последний именуется в частности царем Боспора, Феодосии, синдов и ряда других племен, аспургиане же не упомянуты. Очевидно, административно они входили составной частью в «Боспор»; ср. титулы того же типа ὁ ἐπὶ τῆς Γορῦλλεῖας (обзор свидетельств см. Смирнова Н.В. Наместники Горгиппии // Древности Боспора. 4. С. 350–363), ἐπὶ τῆς Νήσου (КБН 40, 497 и др.) и ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας (1130; 36 А. 15; 64. 5) в надписях римского времени. И Горгиппия, и Остров (ср. Тохтасьев. Σινδικά. С. 26. Прим.4), и Феодосия были частями «Боспора», при том, что полисы обладали автономией, как видно хотя бы из писем («рескриптов», как назвала их Т.В. Блаватская in ed. pr.) Аспурга πρὸς τὴν τῶν Γορῦλλεῶν

эта Синдика должна была в целом соответствовать границам царства Гекатея: в самом деле, а как еще, если не *Σινδική*, должны были называться его земли, отошедшие к государству Спартокидов? Однако у Пс.-Скилака, автора середины IV в. до н.э., но передающего и более древние данные (чуть ли не того же времени, что у Гекатея Милетского)⁸², отражена такая этнополитическая ситуация, когда Синдика простиралась от Меотиды до Понта; аналогичными сведениями, относящимися ко времени существования Синдского царства⁸³, по-видимому, располагали Геродот (IV. 28: зимой скифы отправляются через замерзший Боспор в поход на синдов) и Гелланик (FGrHist 4 F 69: «Если переплыть Боспор, будут синды»). При нынешнем состоянии источников расхождения между Пс.-Скилаком и Страбоном могут объясняться по-разному; скорее всего, Гекатей (или его предшественник) на каких-то условиях уступил еще Сатиру (или даже раньше) часть своих земель, практически безлюдных ко времени поселения на них греков.

Итак, гипотезу О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко нельзя признать убедительной. Как представляется, к правильному решению подводит элементарное сопоставление титулатуры Левкона в посвящении Теопротида и в позднейших надписях, в первую очередь – в КБН 6а (независимо от того, как конкретно восстанавливать стк. 5). В ее структуре элементу τῆς Σινδικῆς πόσεως соответствует Σινδῶν (resp. Σινδικῆς); отсюда следует, что Левкон, «архонт Боспора и Феодосии», заполучив владения Гекатея, «царя синдов» (как в надписи из Лабриса), стал дополнительно титуловаться «архонтом всей Синдики», затем «архонтом синдов» (или «Синдики» – КБН 6а), наконец, «царем синдов». Следовательно в плане содержания ἡ Σινδική πόσις и Σινδοί должны значить одно и то же. Я вполне готов допустить, что в выражении «вся Синдика» нашли отражение какие-то неизвестные нам сейчас обстоятельства вхождения Синдики в состав Боспора⁸⁴. Однако не вызывает

πόλις (см. их новое издание с рядом существенных поправок, принадлежащих в частности Ю.Г. Виноградову: *Heinen H. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos // ZPE. 1999. 124. S. 133 ff.*; первое письмо см. также *idem. Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // Hyperboreus. 1998. 4/2. S. 341*), из более поздних надписей КБН 1118 («народ горгиппийцев»), № 979, 983 («народ агриппийцев», т.е. фанагорийцев), 982 («совет и народ [агриппийцев]») и 1051 (где вместе с В.П. Яйленко следует читать *Ἀλεξάρθω λοχαγῶν Ἀγριππίων Κασσαρέων ἄρχοντες* – «Александр, лохагу агриппийцев – архонты кесарийцев»). Можно предположить, что непосредственно синды управлялись «начальником синдов», ср. *ἄρχων Ταναεῖτων*, магистратура в Танаисе (КБН 1242. 7 и др.), с одной стороны, и *βασιλευῶν... Σινδῶν καὶ... Ταναεῖτων* в титулатуре Аспурга, с другой.

⁸² См. с литературой *Fabre P. La date de la rédaction du Périples de Scylax // LEC. 1965. 33. P. 353–366* (окончательная «редакция» между 361 и 357 гг. до н.э.).

⁸³ Судя по данным нумизматики (см. ниже, прим. 136), Синдское царство существовало по меньшей мере с конца VI в. до н.э.

⁸⁴ Например, можно было бы предположить, что перешедшее под власть Боспора царство Гекатея было сперва поделено между Левконом и его братом Горгиппом, получившим какую-то часть Синдики, прилегавшей к Синдской Гавани, и сам город, переименованный (скорее всего, после его смерти) в Горгиппию; а объединенная теперь под властью одного Левкона страна стала именоваться в титулатуре «всей Синдикой» (ср. *Herod. III. 39. 2: (Πολυκράτης)... τὸν μὲν (i.e. Παντάγῳστον)... ἀλοκτεῖνας τὸν δὲ νεώτερον Συλοσῶντα ἐξέλασας ἔσχε πᾶσαν Σάμον*; выше Геродот рассказывает, что сперва власть над Самосом была поделена между тремя братьями-тираннами). Нечто подобное, похоже, предполагал Гайдукевич (*Gajdukevič. Op. cit. S. 228 f. Anm. 197*). О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко, комментируя слова Полиена о том, что после смерти Сатира Горгипп, «унаследовавший (его) власть», замирил Тиргатао, пишут: «Это место обычно [sic?] понимают как прямое указание на то, что Горгипп получил наследственную власть над Синдикой и еще шире, над азиатском Боспором, от своего отца Сатира» (с. 115); аналогично – на с. 116; только на с. 119 выясняется, что они имеют в виду: Горгипп, вероятно, «унаследовал власть над принадлежавшей Сатиру частью Синдики»; ср. *Блаватская. Посвящение Левкона. С. 45 сл.*

сомнений главное: географически и политически речь идет о той же самой стране, которая прежде управлялась Гекатеем и которая в позднейших надписях обозначается как Σινδοί, ведь под «синдами» могут разумеаться только населявшие Синдику варвары.

Πᾶσα при Σινδικῇ занимает предикативную позицию, т.е., согласно общему правилу, лишь дополнительно подчеркивает слово, уже определенное артиклем⁸⁵. Предикативно πᾶς употреблялось в греческом вообще более часто и это естественным образом легко превращало его в стилистическое средство (впрочем, как будет видно из дальнейшего, такую же функцию иногда приобретает и атрибутивное πᾶς⁸⁶: эта функция слова заложена в самой его семантике). Поэтому вполне возможно, что и наше ἡ Σινδικῇ πᾶσα является экспрессивным усилением обычного понятия Σινδικῇ при помощи эпитета πᾶσα. Подчеркнуто торжественный характер фразы ἄρχοντος... τῆς Σινδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησῶν передает значительность, быть может, даже новизну события – приобретение государством новых обширных территорий, первой из которых стала *целая Синдика*. Более того, речь шла о событии вообще исключительном: боспорское эллинство в лице своего архонта стало править окрестными варварскими народами. Поставленное в один ряд с другими топонимами – Βόσπορος и Θεοδοσίη, выражение ἡ Σινδικῇ πᾶσα, собственно – тот же топоним, приобретает дополнительную эмоциональную нагрузку благодаря контрасту с этнонимами – Τορέται, Δανδαριοί, Ψησοί. В самом деле, Левкону удалось присоединить к своим владениям не какую-нибудь племенную территорию, но страну, обладавшую своей государственностью. Тореты же, дандарии и псессы, очевидно, считались (да и являлись) гораздо более примитивными, чем синды, так что их достаточно было перечислить просто по именам. В словах τῆς Σινδικῆς πάσης явственно слышна поэтическая дикция. Вне зависимости от того, скрываются за этим выражением какие-то обстоятельства присоединения Синдики к Боспору или нет, мы имеем дело с очередным примером украшения скучного прозаического текста, о чем говорилось выше (гипербат, см. I; асиндетон *gerp.* полисиндетон, имеющие одну и ту же функцию, в перечнях).

Многочисленные примеры всякого рода плеонастических (экспрессивных, эмфатических и подобных) πᾶς, ἅπας, σύμπας, а также ὅλος и близкого ὅσος при существительном (в том числе при именах собственных) встречаются уже у Гомера (например, πολλῆσιν νῆσοισι καὶ ἴσθμῳ Ἄργεϊ παντὶ ἀνάσσειν, В 108)⁸⁷ и у позднейших поэтов. Так, «Каталог женщин» (fr. 23a M.-W.) сообщает, что герой Тимандр правил «всей Тегеей» – πάσης Τεγέης; хор в «Персах» Эсхила (730) сокрушается: Σούσων μὲν ἄστῳ πᾶν κενανδρίαν στένει⁸⁸.

Не столько под поэтическим влиянием, сколько потому, что корни такого словоупотребления восходят к обыденной речи (так обстоит дело едва ли не

⁸⁵ Ср. Kühner, Gerth. Op. cit. I. S. 633: «Ἡ πόλις πᾶσα (oder πᾶσα ἡ πόλις) ἠρέθη wird von den Griechen so aufgefasst: die Stadt war eingenommen, und zwar ganz, oder ganz (gänzlich) war die Stadt angenommen».

⁸⁶ Поучительно место Aristoph. Av. 445 sq. (приведено у Кюнера–Герта): ὄμνυμι' ἐπὶ τοῦτοισι πᾶσι νικᾶν τοῖς κριταῖς / καὶ τοῖς θεαταῖς πᾶσιν.

⁸⁷ Ср. также καὶ ἐλίσσετο πάντας Ἀχαιοῦς (Α 15); συμπάντων Δαναῶν (90), и ἀριστήρεξ Παναχαιῶν / εὐδὸν παννύχιοι (Κ 1 sq.) наряду с σὺν ἀριστήρεσσιν Ἀχαιῶν (Α 227); Πανέλληνας καὶ Ἀχαιοῦς (Β 530) и Ἕλληνας καὶ Ἀχαιοί (684).

⁸⁸ Или: «Весь город оплакивает безлюдие Суз»?

во всех известных языках мира), это $\pi\acute{\alpha}\varsigma$ было востребовано риторикой⁸⁹, историографией и другими прозаическими жанрами⁹⁰. Наиболее интересные для нас контексты находим в I-й книге Геродота (хроника перехода владычества над «всей Азией выше реки Галиса» из рук в руки), 103. 2: $\text{Κυαξάρης... τὴν Ἄλυος ποταμοῦ ἄνω Ἀσίην πᾶσαν συστήσας ἑαυτῷ}$; 104. 2: $\text{οἱ δὲ Σκύθαι τὴν Ἀσίην πᾶσαν ἐπέσχον}$; 106. 1: $\text{...ἦρχον τῆς Ἀσίας οἱ Σκύθαι}$; в гл. 130 эта «Азия» тоже выступает то с эпитетом «вся», то без него: $\text{Μῆδοι... ἄρξαντες τῆς ἄνω Ἄλυος ποταμοῦ Ἀσίας κτλ.}$; $\text{Κῦρος... ἦρχον τῆς... Ἀσίας}$; $\text{Κῦρος... οὕτω πάσης τῆς Ἀσίας ἦρξε}$. Определяющим для Ἀσίη здесь является и соответственно эллиптируется громоздкое ἄνω Ἄλυος ποταμοῦ , πᾶσα же, будучи украшением, напротив, лишь прибавляется, очевидно для того, чтобы подчеркнуть разнородность стран, объединенных (ср. συστήσας в 103. 2) впервые Кираксаром (вполне ясно это выражено у Эсхила, *Pers.* 762 sq., с помощью антитезы: $\text{Ζεὺς ἠδὲ τιμὴν Ζεὺς ἄναξ τήνδ' ὤπασεν / ἐν' ἄνδρα πάσης Ἀσίδος μηλοτρόφου / ταγεῖν}$); когда Геродот вкратце излагает эти же события в IV. 1. 2, он начинает с уже усеченной формулы τῆς ἄνω Ἀσίας , затем толкует об Ἀσίη, но πᾶσα отсутствует все три раза. В чистом виде экспрессивное πᾶς выступает, по-видимому, в IX. 107. 3 (ср. выше, к КБН ба): $\text{καὶ διὰ τοῦτο τὸ ἔργον Ξειναγόρης Κιλικίης πάσης ἦρξε δόντος βασιλέος}$ (этот Ксенагор получил целую сатрапию за экстраординарные заслуги перед Ксерксом⁹¹), и I. 96. 2: $\text{Δηϊόκης... ἀνά πᾶσαν τὴν Μηδικὴν ἐποίηε ἐπιστάμενος, ὅτι... (πᾶσαν подчеркивает важность распоряжения Дейока)}$.

По мере нарастания в греческом литературном языке кризисных явлений растет и частотность употребления плеонастического πᾶς и т.д. (эту тенденцию, как мы увидим, отражают и надписи). Насквозь риторизированная позднеантичная и ранневизантийская литература уже просто наводнена гиперболами вроде (ἐκκλησίαις) $\text{ταῖς κατὰ... τὴν... Εὐρώπην πᾶσαν, Σκυθίαν ἑκατέραν καὶ ταῖς κατὰ τὸ Ἰλλυρικὸν ἀπάσαις}$ (*Gelas. Cyzic. Conc. Nic. II. 27. PG. LXXXV. Col. 1309*) или $\text{τὰ χωρία ζῦμπαντα τὰ τε Θρακῶν καὶ Ἰλλυριῶν... ἐληίζοντο}$ (*Procop. B. VII. 38. 7*)⁹².

⁸⁹ *Gorg.* fr. 11 DK: τὴν πᾶσαν Ἑλλάδα в окружении простого Ἑλλάς; аналогично – *Hyperid. Epitaph. Col. II. 22* (πᾶσαν τὴν Ἑλλάδα), V. 6 (τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν), XIII. 33 ($\text{τῆς Ἑλλάδος ἀπάσης}$) и т.д.

⁹⁰ *Kleist J.A. On the Intensive Force of πᾶς in Ancient Greek // Proceed. Class. Assoc. Middle West and South (Chicago). 1925. P. 48–55 (non vidi); Thesleff H. Studies on the Intensification in Early and Classical Greek. Helsingfors, 1954. P. 135–139* (в целом поверхностно; рассматривается лишь πᾶς-intensivum при аппеллативах). Фраза Ксенофонта ($\text{εἰ} \text{ ὑπὸ τῆς Ἑλλάδος πάσης ἀξιοῖς ἐπ' ἀρετῇ θαυμάζεσθαι, τὴν Ἑλλάδα πειρατέον εὐ ποιεῖν}$ (*Mem. II. 1. 28*, в числе примеров Кюнера – Герта) является *sui generis* инструктивной: πᾶσα может стоять и при Ἑλλάς во втором члене периода, или только в нем, но может вообще отсутствовать во всем предложении безо всякого ущерба для смысла. Риторическую функцию πᾶς (подчеркнутую суперлативами) ярко демонстрирует и *Herod. IV. 91* (надпись Дария, установленная на берегу реки Теар во Фракии): «Истоки реки Теар доставляют воду, самую лучшую и самую прекрасную из всех рек. И к ним... прибыл муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей – Дарий... царь персов и всего материка» – πάσης τῆς ἡπείρου (пер. И.А. Шишовой); под «материком» имеется ввиду Азия; ср. IV. 118. 1 (аналогично еще о Кире – I. 178. 1: $\text{Κῦρος... τὰ πάντα τῆς ἡπείρου ὑποχείρια ἐποίησατο, Ἀσσυρίοισι ἐπετίθετο}$).

⁹¹ Пример небесспорный, так как уже Геродоту известна Киликия ἡ ὀρεινὴ (II. 34) – то же, что ἡ ἄνω, τραχεῖα, Aspera позднейших источников, противоположность ἡ πεδιάς, ἡ ἰδίως; в то же время должна подразумеваться именно сатрапия, согласно Геродоту, при Дарии административно единая (в списке дани: $\text{ἀλό δὲ Κιλικῶν... III. 90. 3}$). В Бехистунской надписи Киликия не упомянута; возможно, она входила тогда в состав Каппадокии или еще сохраняла самостоятельность.

⁹² См. также *Procop. B. VII. 38. 19; Euagr. Hist. eccl. VI. 10 Bidez-Parmentier; Eunap. in Exc. legg. gent. P. 597. 4 de Boor; Acta Apost. apocr. II. 2. P. 16. 24*.

Перейдем к данным прозаических надписей. В спартокидовской титулатуре $\pi\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ в занимающей нас функции встречается еще раз в приложении к этнониму «меоты». В надписи КБН 1015 времени Перисада I находим $[\Sigma\nu]\delta\acute{\omega}\nu$ καὶ Μαϊτῶν π[αντων] καὶ Θατέων⁹³, но в другой, того же времени, этого πάντων нет – $\Sigma\nu\delta\acute{\omega}\nu$ Μαϊτῶν [Θ]ατέων Δόσχων (972). Кто были эти меоты? Страбон (XI. 2. 11; ср. 2. 4), излагающий взгляды эллинистических ученых, причисляет к меотам синдов, дандариев, торетов, досков, тарпетов, аспургин и неизвестных из надписей архехов, обидиакинов и ситтакенов с примечательной ремаркой: «и многих других»; у Полиена (VIII. 55) и Деметрия из Скепсиса (FGrHist 85 F 1) к меотам отнесены и язаматы, которых Эфор (70 F 160) считал савроматским народом⁹⁴. Относительно меотской принадлежности синдов также имелись разногласия, суммированные Стефаном Византийским, s.v. $\Sigma\nu\delta\acute{\omega}\iota$: ἔνιοι δὲ καὶ τὸ $\Sigma\nu\delta\acute{\iota}\kappa\acute{\omicron}\nu$ γένος φασὶν εἶναι τῶν Μαϊωτῶν ἀπόσπασμα; отделяет их от меотов Гелланик (FGrHist 4 F 69)⁹⁵ и Пс.-Скилак (ibid.), но, подобно Страбону, рассматривает как часть меотов Пс.-Скимн, 899 (= F 18 Marcotte, ср. Ps.-Apt. 10 r 16 Diller⁹⁶). Очевидно, писатели исходили из понимания термина «меоты» как общего наименования любых племен, живущих у Меотиды, преимущественно по ее юго-восточному побережью (ср. Ps.-Scyl. 72; Strabo. XI. 2. 4); но из слов Страбона (XI. 2. 11) об «азиатских меотах» (цитату см. ниже) можно заключить, что меотами называли и некие племена, обитавшие по ее европейскому побережью⁹⁷. Отсюда с полной определенностью видно, что этноним производили от названия Меотиды⁹⁸. Того же рода Καυκάσιοι у Страбона, XI. 2. 16 ex.: в Диоскуриаду стекается ради торговли множество «живущих выше» и соседних с ней варваров; «большинство их – сарматы, но все они – кавказцы». Однако в боспорских надписях перечисленные Страбоном в качестве меотов синды, тореты, фатеи, доски (Δόσχοι в КБН 972) и тарпеты (также в КБН 39 и 40 времени Аспурга, вместе с псессами и танаитами) противопоставлены «(всем) меотам» (№ 10, 11, 25, 971, 972, 1015, 1039, 1040). πάντων при Μαϊτῶν в титулатуре боспорских правителей определенно указывает на то, что это наименование употребляется хотя и не так широко, как у писателей, но тоже для некоей совокупности мелких племен, очевидно, не заслуживавших упоминания под отдельными именами («все меотские племена, какие ни есть», «все варварские племена, которые именуются меотскими»). Вместе с

⁹³ «Все меоты» – еще в двух надписях времени Перисада II – КБН 25 и (восстановлено) SEG. XXXIV. 755 (ed. рг.: Белова Н. С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о lapidарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 2. С. 78 слл., с некоторыми, как кажется, напрасными сомнениями в своем восстановлении – с. 80, прим. 5).

⁹⁴ Мнения последних двух авторов известны по ссылкам Пс.-Скимна: 878–880 Diller = F 16 Marcotte (Les géographes grecs. I. Introduction générale. Pseudo-Scymnos: Circuit de la terre. Texte établi et traduit par D. Marcotte. P., 2000).

⁹⁵ «Выше» синдов – Μαϊῶται Σκυθαί: впрочем, если понимать это выражение буквально, оно должно означать «меотийские скифы», «скифы, живущие у Меотиды»; ср. Тохтасьев. $\Sigma\nu\delta\acute{\iota}\kappa\acute{\omicron}$. С. 19 сл., и далее Xen. Hell. I. 3. 2: τοὺς Βιθυνοὺς Θράκας, откуда ἡ Βιθυνίς Θράκη, ibid. III. 2. 2 (лишь внешне сходно Θρηίκες οἱ θυνοὶ τε καὶ Βιθυνοὶ, Herod. I. 28); Herod. I. 146. 1: Δωριέες Ἐπιδάυριοι; Aeschin. in Ctesiph. 113, 123: οἱ Λοκροὶ οἱ Ἀμφισσεῖς (в других местах – просто Ἀμφισσεῖς) и т.п. (ср. Kühner. Gerth. Op. cit. I. S. 601. Anm. 1). Не является ли это место Гелланика первым свидетельством расширительного употребления этнонима «скифы»?

⁹⁶ Тохтасьев. К чтению и интерпретации... С. 298; цитата приведена выше.

⁹⁷ Тохтасьев. $\Sigma\nu\delta\acute{\iota}\kappa\acute{\omicron}$. С. 19. Ср. Xen. Mem. II. 1. 10: ...ἐν δὲ τῇ Εὐρώπῃ Σκυθαί μὲν ἄρχουσι, Μαϊῶται δὲ ἄρχονται. Из контекста с полной определенностью вытекает, что в Европе обитали как скифы, так и сами меоты.

⁹⁸ Тохтасьев. К чтению и интерпретации... С. 292 сл. (некоторые, напротив производили название Меотиды от этнонима); см. также ниже, к Strabo. XI. 2. 11 и прим. 142.

тем трудно представить себе, что Μαῖτῶν πάντων в КБН 1015 и других реально означает нечто иное, нежели простое Μαῖτῶν в № 972.

Вполне отчетливо экспрессивная функция πᾶς проявляется в сходном контексте у Страбона (ibid.): «Из совокупности всех азиатских меотов (τῶν τε συμπάντων Μαιωτῶν τῶν Ἀσιανῶν) одни подчинялись владельцам (ἐχόντων) танаисского эмпория⁹⁹, другие – боспорцам», причем варвары то и дело устраивали восстания. Немного ниже Страбон говорит, что «правители Боспора часто владели и землями вплоть до (реки) Танаиса». Очевидно, что слово συμπάντων для смысла всей фразы Страбона не имеет никакого значения; в качестве плеоназма оно подчеркивает genetivus partitivus и вносит в речь разнообразие в виду τῶν Μαιωτῶν δ' εἰς ἑν αὐτοῖ τε Σινδοί κτλ. несколькими строками выше и тоже в начале предложения. Однако помимо общего объекта описания Μαῖτῶν πάντων надписей и τῶν συμπάντων Μαιωτῶν Страбона объединяет лишь единство стилистических средств.

В приложении к названию страны πᾶς, вообще характерное для категоричного языка декретов¹⁰⁰, употребляется в боспорских проксениях времени Левкона и Перисада I, гарантирующих беспощинность «всех имуществ (товаров) на всем Боспоре» – πάντων χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρῳ¹⁰¹. Интерпретация этого выражения проблематична. Не раз высказывалось мнение, что фраза ἐν παντὶ Βοσπόρῳ говорит о том, что действие проксенических декретов распространялось на всю территорию государства и, таким образом, о существовании «общевоспорского гражданства»¹⁰². Но как в таком случае объяснить выделение Феодосии (да и варварских племен) в титулатуре Левкона и Перисада, зафиксированной вотивными надписями? На первый взгляд, учитывая официальный характер словоупотребления декретов, под выражением «весь Боспор» должен разумеаться тот же Βόσπορος, архонтами которого названы Левкон и Перисад в вотивных надписях¹⁰³; Феодосия же могла получить право давать проксении и т.д. самостоятельно, а варварские территории государства, управлявшиеся Левконом, а позже Перисадом в качестве царей, возможно, еще не имели тогда гаваней, через которые проксен мог бы «вливать и выплывать и во время войны, и во время мира без конфискации и (особого) договора», как говорится в этих документах. Однако Демосфен (adv. Lept. 33) свидетельствует expressis verbis, что Левкон, наладивший широкую торговлю хлебом через Феодосию, даровал афинянам ателию «и там» (т.е. вдобавок к остальным городам) – κάναταῦθ' ἔδωκε τὴν ἀτέλειαν ἡμῖν; ср. также § 31, ни-

⁹⁹ До включения Танаиса в Боспорское государство он обладал демократическим устройством, как свидетельствует декрет конца III – первой половины II в. до н.э. из Танаиса, изданный от имени «народа» при должностном лице [– – –]δορε (Vinogradov Ju.G. // Eurasia antiqua. 1995. I. S. 216).

¹⁰⁰ Ср. КБН Add. 4: проксения и проч. предоставляется αὐ[τῶ]ι καὶ ἐκγόνοις καὶ π[ᾶ]σι τοῖς τούτ[ου] (в противоположность № 1: αὐτοῖς καὶ θεράποισι]ν τοῖς τούτων); в фанагорийском декрете времени Митридата (Vinogradov, Wörle. Die Söldner von Phanagoreia. S. 160), стк. 4–5, читаем: πελοικέναςί πάν τὸ δίκαιον καὶ ἐν τοῖς λοιποῖς πᾶσι φιλικῶς καὶ εὐνώως ἐσχηκέναι κτλ.; 9–11: καὶ ἀνεισφοροὶ πάντων καὶ ἀλε[ι]τούρητοι παντὸς πράγματος πλὴν λα[ν]δή[μ]ου στρατείας κтл.

¹⁰¹ Яйленко В.П. Вторая фанагорийская проксения // Древности Боспора. 4. М., 2001. С. 483, 474; КБН 1.

¹⁰² См. с литературой Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 4. С. 161, 168.

¹⁰³ Так – вслед за Н.С. Беловой (см. ниже) – Васильев А.Н. Боспорские надписи как исторический источник (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н.э.) // Вспомогательные исторические дисциплины. XVII. Л., 1985. С. 293.

же, и Strabo. VII. 4. 6: через Феодосию Левкон отправил афинянам несметное количество зерна. Отсюда следует, что внешнеторговая деятельность Феодосии полностью контролировалась Левконом, заново оборудовавшим здесь «эмпорий», торговый порт (κατασκευάσας ἐμπόριον Θεοδοσίαν, Dem. Adv. Lept. 33), который, как и прочие, очевидно, стал его собственностью¹⁰⁴. Правда, Ф.В. Шелов-Коведяев усматривает в этих словах прямое свидетельство того, что в ранних декретах Левкона Феодосия упоминалась отдельно от πᾶς Βόσπορος, подкрепляя тем самым свою реконструкцию фанагорийской проксении¹⁰⁵; по мысли исследователя, в дальнейшем имя Феодосии исчезает из их текстов «по мере усиления контроля над городом со стороны центральной администрации и углубления его интеграции в общегосударственную систему»¹⁰⁶. Но, во-первых, фанагорийский декрет, найденный в 1976 г., едва ли может быть отнесен ко времени Левкона I, во всяком случае, к раннему периоду его правления (первой половине IV в.), на что в целом справедливо указывает В.П. Яйленко¹⁰⁷ (однако более близкие палеографические параллели предоставляет скорее не КБН I времени Перисада, а № 2 и 4, а также декрет № 2, изданный Ф.В. Шеловым-Коведяевым¹⁰⁸, все – того же времени, согласно издателям). Во-вторых, восстановление имени Феодосии только по двум конечным буквам некоего слова, причем в сильно фрагментированном тексте и при отсутствии прямых аналогий, заведомо не может считаться сколько-нибудь надежным, тем более, что В.П. Яйленко предложил правдоподобную реконструкцию стк. 2: [ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ], которую Ф.В. Шелов-Коведяев не анализирует¹⁰⁹. В-третьих, получается, что в документах одного и того же рода πᾶς Βόσπορος сперва противопоставлялось Θεοδοσίῃ, а затем включило ее в себя: не ведет ли это к абсурдному предположению, что Левкон в какой-то момент издал κήρυγμα, согласно которому под выражением «весь Боспор», в отличие от декретов предшествующего времени, следовало отныне понимать и Феодосию? Наконец, слова Демосфена (§ 33) о Феодосии: ἐμπόριον Θεοδοσίαν, ὃ φασιν οἱ πλεοντες οὐδ' ὅτιοῦν χεῖρον εἶναι τοῦ Βοσπόρου, ἔδωκε τὴν ἀτέλειαν, не обязательно предполагают отсылку к тексту боспорского декрета, как можно было бы (вместе с Ф.В. Шеловым-Коведяевым) заключить из фразы ἔδωκε τὴν ἀτέλειαν; равным образом она может подразумевать сообщения купцов и торговых агентов, посещавших Феодосию – ср. ὃ φασιν οἱ πλεοντες – и получавших

¹⁰⁴ Ср. Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 71 сл., со ссылкой на неопубликованную диссертацию Н.С. Беловой (см. прим. 111).

¹⁰⁵ В декрете из Фанагории (Яйленко В.П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 219 сл.), где Ю.Г. Виноградов предположительно восстанавливал [... ἔδοσαν... ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ἐν παντί Βοσπόρῳ [καὶ ἐν Σινδίκῃ] κτλ. (без артикля перед Σινδίκῃ!), Ф.В. Шелов-Коведяев предложил формально более оправданное [καὶ ἐν Θεοδοσίῃ] (см. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 59 сл. Прим. 18; Bull. ép. 1990, 597; SEG. XL. 638 и ниже).

¹⁰⁶ Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 70.

¹⁰⁷ Яйленко. К проксенической деятельности... С. 220; он же. Вторая фанагорийская проксения. С. 480. Возражения Ф.В. Шелова-Коведяева (Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. Новые декреты... С. 70) не могут быть приняты.

¹⁰⁸ Шелов-Коведяев. Новые боспорские декреты. С. 64 слл.; фотография между с. 48 и 49, рис. 2.

¹⁰⁹ Яйленко. Вторая фанагорийская проксения. С. 479–484; несмотря на контраргументы В.П. Яйленко, Ф.В. Шелов-Коведяев включает свое восстановление в «окончательную, на сегодня, реконструкцию фанагорийской проксении 1976 г.»: Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. Новые декреты... С. 70.

огромные барыши благодаря той самой ἀτέλεια (и Βόσπορος для 'Пантикапея' принадлежит обиходному словоупотреблению афинян того времени, см. ниже); о том, что Левкон, «хозяин Понта» (см. ниже), ἀτέλειαν δεδωκέναι (τοῖς ἄγουσιν [sc. σῆτον] Ἀθήναζε), Демосфен сообщает и в § 31, где о прямом влиянии фразеологии боспорских декретов говорить явно не приходится.

Во всяком случае, во всех прочих декретах, где соответствующие строки читаются или же восстанавливаются вполне определенно, имени Феодосии рядом с πᾶς Βόσπορος нет. Таким образом, значение термина «весь Боспор» в этих декретах и «Боспор» в votивных надписях не совпадало. Принимая во внимание и недостаточную развитость греческой политической терминологии, это не должно удивлять: обе категории надписей различались еще и тем, что в посвященных надписях боспорцев выписывалась вся громоздкая титулатура правителей, тогда как иноземцев к этому не обязывали (см. ниже), а в декретах Левкон и Перисад («и сыновья») выступали как частные лица. Полития и прочие права, получаемые иноземцами из рук тираннов, были надполисными институтами Боспорского государства, возникшими, надо думать, исключительно на почве монополизации Спартокидами внешнеторговой деятельности¹¹⁰. Как известно, на Боспоре одновременно продолжало существовать и традиционное полисное гражданство, ср. хотя бы этниконы «кепит», КБН 188, «феодосиец», № 231; аркадяне называют «пантикапейцем» самого Левкона, № 37.

Терминология проксенических декретов ориентирована специально на иноземцев, поэтому крайне сомнительно, что эпитет πᾶς придан в них Βόσπορος ради отличия от простого Βόσπορος в употреблении, представленном в формуляре votивных надписей, где он противопоставлен Θεοδοσίῃ и именам варварских племен. Я думаю, что правильное решение найдено Н.С. Беловой (правда, не без ошибочных аргументов): πᾶς подчеркивает отличие Βόσπορος как названия государства от Βόσπορος как наименования Пантикапея, которое было в ходу за пределами Боспора, особенно в Афинах¹¹¹.

В декрете из Линда конца V – начала IV в. до н.э. Syll.³ 110 находим похожее выражение: [– –]αν... πρόξενον [ῥ]μ]εν Ῥο[δ]ίων πάντων¹¹²; «все родосцы» – это все синойкизированные города острова Родос (Линд, Камир, Иалис) и равным образом каждый их житель – гражданин полиса Родос. Между двумя формулировками имеется различие: πᾶς Βόσπορος было официальным наименованием всего государства Спартокидов только в политических и экономических сношениях с другими государствами, конечно, не только в проксениях; как видно из Dem. Adv. Lept. 23, термином Βόσπορος именовали его и иностранные государства: Λεύκωνα τὸν ἄρχοντα Βοσπόρου καὶ τοὺς

¹¹⁰ Ф.В. Шелов-Коведяев (*Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. Новые декреты...* С. 72) отмечает, что до середины IV в. ателия была «основной и наиболее исковой привилегией на Боспоре, как и в остальном греческом мире» (со ссылкой на статью Ф. Гшницера «Proxenos» в RE. Suppl. XIII. Sp. 712 ff.).

¹¹¹ Белова Н.С. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н.э. Дис... канд. ист. наук. М. – Л., 1954. С. 39, 124 сл. (цит. по Васильев. Ук. соч. С. 293 сл.); в сущности πᾶς Βόσπορος значит то же, что Βόσπορος votивных надписей; судя по пересказу Васильева, свидетельства Dem. adv. Lept. 33 и 31 Н.С. Белова при решении вопроса не учитывает (что странно); при этом исследовательница полагала, что это второе название Пантикапея иногда употреблялось и на Боспоре. А.Н. Васильев справедливо отмечает ошибочность этой последней гипотезы, однако его собственное предположение (Там же. С. 294) мне непонятно: «... слово "весь" потребовалось для того, чтобы отличить сложившуюся к концу [sic?] IV в. до н.э. общность боспорских городов от прежнего "Боспора", о котором говорилось в посвященных надписях». Но оба выражения употребляются в надписях одного и того же времени!

¹¹² К тексту и датировке см. Bresson A. La cité marchande. Bordeaux, 2000. P. 28 suiv.

παῖδας αὐτοῦ¹¹³. Здесь мы сталкиваемся с ярким проявлением полисного мировоззрения: для афинян «Боспор» был полисом, состоявшим из самого города Боспор (Пантикапей) и принадлежавших ему территорий со всем, что на них находилось (другими полисами, деревнями и т.д.)¹¹⁴. Поэтому, за редкими исключениями (как Dem. Adv. Lept. 33, где порт Феодосии сравнивается с портом «Боспора») термин употреблялся как в отношении города, так и всего государства безразлично, следуя в этом самому слову πόλις, составившему (не считая специализированных географических контекстов) единое и нерасчленимое понятие¹¹⁵.

У аттических писателей, прежде всего – у ораторов, синонимом πᾶς Βόσπορος, противопоставленного Βόσπορος ‘Пантикапей’, как известно, служило Πόντος¹¹⁶; ср. Dem. Adv. Lept. 31, о хлебе, доставляемом из Понта: «... Левкон, будучи хозяином (κύριον) его (т.е. Понта) предоставил ателию везущим его в Афины»¹¹⁷; как говорилось выше, эти слова ясно показывают, что Левкон контролировал торговлю хлебом из всех торговых гаваней («эмпориев») своего государства. В более позднее время это Πόντος засвидетельствовано и в языке документов, правда, не имеющих дипломатического характера: Ἐλάρ[τ]οκος (Π) ἐκ τοῦ Πόντου, IG. II². 1486. 7¹¹⁸.

¹¹³ Судя по всему, здесь Демосфен действительно держит в уме фразеологию документов: показательно не только ἄρχοντα Βοσπόρου, но и καὶ τοὺς παῖδας – как в боспорских проксениях КБН 1. 2. 5, в надписи из Митилены Syll.³ 212 – копии декрета Левкона, проксении кромниту из Пантикапея (Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. Новые декреты... С. 58 слл. № 1), в двух декретах времени Евмела и сына Левкона II: Там же. С. 60 сл., 72); вероятно, Демосфен перелагает формулировку псефизм, «касающихся Левкона», которые зачитывал суду раб-секретарь (§ 35 ex.); ср. Schaefer A. Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosphoros // RhM. 1878. 33. S. 427; Vinogradov. Die historische Entwicklung... S. 118 f.; Виноградов. Полис в Северном Причерноморье. С. 410.

¹¹⁴ Ср. способ выражения Страбона (XI. 2. 8), сообщающего о боспорском городке Акра (или Акры), крайнем на юге пункте по побережью Керченского пролива: κόμιον τῆς Παντικαπαι(έ)ων (coni. Latyshev, SC; an -ι(τ)ῶν?) γῆς ὄντα “Акραι (или “Акра), ср. Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Новые посвященные граффити из Мирмекия // Hyperboreus. 1998. 4/1. С. 28 сл.

¹¹⁵ Примечательно в этой связи место Ps.-Dem. с. Photm. 36: κήρυγμα γὰρ ποιησαμένου Παρισάδου ἐν Βοσπόρῳ, ἐὰν τις βούληται Ἀθήναζε εἰς τὸ Ἀττικὸν ἐμπόριον σιτηγεῖν, ἀτελῆ τὸν σῖτον ἐξάγειν, ἐπιδημῶν ἐν τῷ Βοσπόρῳ ὁ Λάμπρις κτλ. Казалось бы, оба раза под Βόσπορος подразумевается Пантикапей, но можно ли сомневаться, что в декрете Перисада стояло: ἀτέλεια ἐν παντὶ Βοσπόρῳ?; автор речи, однако, не заботится о точности выражений, поскольку каждому слушателю было понятно без лишних слов: речь идет, собственно, об атели на всей территории, находящейся во владении «Боспора», стольного города Перисада, а Лампид обосновался именно в Пантикапее.

¹¹⁶ Это выражение, отражающее представление о Боспоре как важнейшем (κατ’ ἐξοχήν) греческом государстве на берегах Понта Эвксинского, восходит, по-видимому, ко времени Сатира (ср. Lys. pro Mantith. 5: ὡς Σάτιρον τὸν ἐν τῷ Πόντῳ). Отметим, что в обоих случаях наименование государства образовано путем метонимии от имени водного пространства, омывающего его земли. Ближайшей аналогией может являться Воруσθένης в качестве названия колонии на острове Березань, если верна этимология из др.-иран. (скиф.) *varustāna- (*va^hrustāna-) «широкое место» (см. с литературой Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I: Die Iranier in Südrußland. Lpz., 1923. S. 65 f.) и, таким образом, название перенесено не с реки, а с наименования Днепр-Бугского лимана (лишь вторично распространявшегося и на Днепр).

¹¹⁷ κύριον ὄντα τὸν Λεύκωνα αὐτοῦ относится, конечно, не к σῖτον (Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 53; Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 88: «Демосфен... называет Левкона господином... боспорского хлеба»), а к τὸν τόπον τοῦτον, sc. Πόντος, как, разумеется, правильно переведено Н.П. Цветковым в «Scythica et Caucasia» Латышева; ср. Vinogradov. Die historische Entwicklung... S. 119. Anm. 113; Виноградов. Полис в Северном Причерноморье. С. 410. Прим. 204.

¹¹⁸ Ср. Lewis D.M. The Last Inventories of the Treasurers of Athena // Comptes et inventaires dans la cité grecque. Actes du colloque... en l’honneur de Jacques Tréheux. Neuchâtel – Genève, 1988, оcoб. P. 303, 307.

Итак, πᾶς Βόσπορος в декретах идентично Βόσπορος в широком смысле термина (как у Dem. Adv. Lept. 23 и более отчетливо у авторов римского времени), а также Πόντος аттических источников; эпитет πᾶς лишь подчеркивает то, что речь идет не об одном Пантикапее, но о всей территории, подвластной ему в лице Левкона или Перисада. Появление πᾶς при Βόσπορος стимулировано юридическим характером текстов: оно подхватывает аналогичное πάντων при χρημάτων; понимать всю фразу надо так: ателия «всех (какие ни есть) имуществ во всех (без исключения) городах (торговых гаванях) Боспорского государства».

Пышная архаизирующая титулатура Аспурга в КБН 39 и 40 содержит наряду с унаследованным от Митридата βασιλέα μέγαν политически важные аллюзии на титулатуру Спартокидов: βασιλεύοντα παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης (ионийская форма!) καὶ Σινδῶν καὶ Μαίτων κтл. (текст надписи № 40). А.Н. Васильев¹¹⁹ находит, что под «всем Боспором» в титулатуре Аспурга разумеется нечто иное, нежели в спартокидовских проксениях, а именно совокупность его европейской и азиатской частей¹²⁰. Я предпочел бы сформулировать эту в целом верную мысль следующим образом: сама расчлененность территории Боспорского царства стимулировала использование выражения πᾶς Βόσπορος, непосредственным (но чисто вербальным) источником которого, однако, послужило ἐν παντί Βοσπόρῳ старинных декретов. Но могут ли быть при этом сомнения, что и одно Βόσπορος обозначало то же самое?

Рескупорид III назван царем τοῦ σύνπαντο[ς Βοσπόρου καὶ] Ταυροσκυθῶ[ν] в № 1008, в № 56 – τοῦ [σύμπαντος Βο(ο)σ]πόρου καὶ τῶν πέριξ ἔθνῶν, и так же, но без τοῦ σύμπαντος, в № 54. В надписи на постаменте статуи Веспасиана № 1047 император, помимо прочих титулов, именуется κ[ύριον] τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου. Примерно то же самое выражено в № 48 словами τὸ[ν] εὐεργέ[την Βοσ]ποριανῶν π[όλεως] на постаменте статуи Адриана (?) с несколько меньшим сервиллизмом¹²¹.

В отличие от титулатуры Аспурга, в этих надписях терминами «Боспор» и «государство (πόλις) боспорян», «все боспоряне» обозначено уже действительно все Боспорское царство, включавшее в себя и собственно Боспор, и Феодосию, и Танаис (ср. выше), и исторические территории варварских племен¹²². В совсем другом контексте, но в том же смысле говорит обо «всех бо-

¹¹⁹ Васильев. Ук. соч. С. 293.

¹²⁰ И, добавлю, Танаис (Эмпорий, ср. Alex. Polyh. FGrHist 273 F 134 и Bosi F. // Atti della Accad. Lincei. 381. Rend. Cl. di sc. mor., stor. e filol. 39/2–4. 1984 [1985]. P. 96, вслед за А. Коцеваловым), управлявшийся со стороны царской администрации специальным легатом – πρεσβευτής (КБН 1239 и др.; πρεσβεύσας, 1243. 4/5; более картинно – в 1237. 13 sq.: ἐκπε[μ]φθεις ὑπὸ τοῦ βασιλέω[ς] εἰς τὸ Ἐμπόριον; ошибочно об этом: Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 262). Прямое свидетельство включения Танаиса – вопреки географии – в понятие «(весь) Боспор» находим в декрете из Танаиса, изданном от имени πρέδροι βουλῆς [Ταναειτῶν τῶν] κατὰ Βόσ[π]ορον (Vinogradov Ju.G. // Eurasia antiqua. 1995. 1. S. 222 f., время Савромата I; может быть, следует восстанавливать (Ἰ)εμπορ(ε)ιτῶν).

¹²¹ Ср., впрочем, δεσπότην τῆς οἰκουμένης в стк. 2/3; в том же духе, не отставая от своих подданных, царица Динамия именуется императора Августа «правителем всей земли и всего моря» – (π)άσης γῆς καὶ [πάσης] θαλάσσης ἀρχ[ον]τα, КБН 1046; совет и народ Гиераполия во Фригии объявляет Траяна «владыкой земли, моря и всего человечества» – γῆς καὶ θαλάσσης καὶ παντὸς ἔθνους ἀνθρώπων (Harper R.P. // Anatolian Studies. 1968. XVIII. P. 98).

¹²² Народы, недавно завоеванные или поставленные в вассальную зависимость, обозначаются отдельно и особым образом: царь τῶν πέριξ ἔθνῶν (№ 54, 56, если не обе категории варваров), Ταυροσκυθῶ[ν] (№ 1008); ὑποτάξας Σκύθας καὶ Ταύρους (№ 39, 40); πολ[ε]μῆσας δὲ καὶ Στραχοὺς καὶ Σκύθας καὶ τὴν Ταυρικὴν ὑπόσπονδον λα(β)ῶν, № 1237 (ср. Schwyzler, Debrunner. Op. cit. S. 110: «Totaler Akk[usativ]», 'devincere').

спорных» автор эпитафии Аристора, доблестно «защищавшего стены отечества»: ἐνὶ μνήμῃ [πάντων Β]οσπορέων ἕσσε[εα]ι ἄϊδιος (№ 133)¹²³; в «боспорской земле» (γῆ Βοσπορίς) лежит Фарнак, синопеец по происхождению, переселившийся на Боспор (№ 129); обе надписи найдены в Керчи, но подразумевается, безусловно, не Пантикапей, а все Боспорское царство (его граждане, гесп. его территория). Как видим, в надписях римского времени (не считая аспурговских) выражения «Боспор» (вместе с парафразами) и «весь Боспор» (πᾶς и его эмфатическое расширение σὺμπλας) являются синонимами.

В упомянутой выше (прим. 25) эпитафии царя Котиса I (КБН 958) он назван «владеющим всеми (сколько их есть) скипетрами» понтийских ахейцев (κείναχίων σκῆπτρ' ἐλέχοντος ὄλα) – прекрасная параллель к Μαίτων πάντων в титулатуре Перисада.

Декрет из Дионисополя около 48 г. до н.э. в честь Акорниона IG Bulg I² 13. 21 sqq. упоминает среди прочих его заслуг, что он ἐπιτελεῖ ὑπὲρ... τοῦ βασιλέως Βυρεβίστα πρώτου καὶ μεγίστου γεγρονότος τῶν ἐπὶ Θράκης βασιλέων καὶ πᾶσα[ν τὴν πέρ]αν τοῦ ποταμοῦ (i.e. Ἰστρου) καὶ τὴν ἐπὶ τάδε κατείσχη[κότος] κτλ.

Любое целое по природе вещей состоит из суммы каких-то слагаемых. Геродот, говоря о «всей Азии выше Галиса» в первый раз (I. 103. 2), ясно дает понять, что речь идет о самых разных странах и народах этой области, объединенных в одно государство мидянами: «Киаксар – это человек, соединивший под своей рукой (συστήσας ἑαυτῷ) всю Азию выше реки Галис». Βόσπορος как наименование всего государства Левкона и Перисада в проксениях или Родос после синойкизма состояли из суммы городов, каждый из которых обладал сельской округой с усадьбами и деревнями; полис Тегея, владевший горной долиной в бассейне реки Алфей, еще в VI в. до н.э., когда был написан «Каталог женщин», представлял собой политическое объединение нескольких деревень. На языковом уровне, преимущественно в контекстах, требующих эмфатических выражений, это реализуется в виде формул «весь Боспор», «все родосцы», «вся Тегея» и т.п. Аналогично обстояло дело с Синдикой времени Гекатея и Левкона: здесь тоже были крупные поселения и целые города вроде Лабриса и Абораки, а сверх того значительная часть земель разделялась на владения царя и местной знати (так, вероятно, было и на спартокидовском Боспоре еще до присоединения варварских областей¹²⁴). Все это, суммированное словом πᾶσα, досталось теперь Левкону в качестве верховного правителя Синдики.

Посвятительные надписи на монументальных постаментах статуй во времена Левкона I и Перисада I содержат датировочную формулу, составлен-

¹²³ Ср. строки Анакреонта (Erigl. I Page), привлекавшиеся выше (I, к стк. 3/4) в качестве хорошего примера гипербата: Ἀρδῆρων προθανόντα τὸν αἰνοβίην Ἀγάθωνα / πᾶσ' ἐπὶ πυρκαϊῆς ἦδ' ἐβόησε πόλις; аналогично – Simonid. Erigl. LXXVII Page (AP. VII. 302): ... φίλοι καὶ πόλις ἦδε ὕ ὄλη; это топон, широко использовавшийся в эпитафиях ради гиперболизации; см. также SEG 643. 4, 686. 3; КБН 120 (Λυσίμαχον μῦθοι[σι] προσήνεα πᾶσι πολιταῖς / καὶ ξ(ε)ίνοις... [ῶ] ἐπὶ πᾶς ἐλευθιόν ἐπεστενάχησε θανόντ[ι]), IOSPE. I². 482 (τὸν ἀμεμφέα πᾶσι πολιταῖς, Херсонес) и Доватур А. И. Материалы для индекса к GVI (Peek) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 213, рубрика «Всем желанный, всеми оплаканный» (выделена в частности эпитафия GVI 1911, где о покойном скорбит уже Ἑλλάς ἅπλασα).

¹²⁴ Ср. Rostowzew M. [I.]. Skythien und der Bosphorus. Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwantes. Übers. und hrsg. von H. Heinen (Historia Einzelschriften 83). Stuttgart, 1993. S. 74, 85 f. (но у Isocr. Трар. 3 на самом деле говорится об управлении Сопеем землями, принадлежащими самому Сатиру, ср. комментарий Ю. Г. Виноградова. Ibid. S. 137. Anm. 5).

ную из имени правителя и его титулов в *genetivus absolutus*, которая обычно занимает больше половины всего объема текста (для времени Левкона см. КБН 1111; ВДИ. 1967. № 1. С. 61 слл.; после присоединения варваров: надпись Теопротида, КБН 6а; *Hyperboreus*. 1994/1995. 1/2. С. 135 слл. = SEG XLV 996; КБН 6, 7¹²⁵, 1037, 1038, 8)¹²⁶; в посвящениях же иноземцев такой формулы нет¹²⁷. В согласии с этим отсутствует она и в боспорских проксенических декретах. Совершенно ясно, что смысл ее на самом деле заключался вовсе не в потребности датировать приношения богам, хотя прецеденты в эллинском мире известны¹²⁸. Этот факт может быть объяснен только существованием официального и, очевидно, обязательного формуляра для текстов, выставляемых гражданами Боспора¹²⁹ в публичных местах, особенно в святилищах божеств, имевших государственный культ (перед нами – яркая иллюстрация того, как далеко на Боспоре зашел характерный для греческой тираннии вообще контроль за всеми формами общественной жизни¹³⁰). Более того, титулатуру боспорских правителей подвергали соответствующей модификации, как только приобретались новые земли¹³¹ или – что самое примечательное, – даже когда

¹²⁵ К тексту см. *Тохтасьев*. Эпиграфические заметки. С. 157 сл.

¹²⁶ После Перисада I датировочная формула кроме двух посвящений времени Перисада II (КБН 25; *Белова*. Новая надпись из Гермонассы... С. 78 слл. = SEG. XXXIV. 755) выступает в «урезанном» виде (№ 18, 19, 21, 23, 24, 26, 974, 1036, 1043, 1044), а иногда вообще отсутствует: № 13 (см. *Белова Н.С.* Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. № 2. С. 67. Прим. 10), 14, 15 и 973, которые датируются самым концом IV или началом III в. до н.э. Отметим однако, что текст № 15 состоит из одного имени божества с его эпитетом («Дионису Арею»); о № 973 см. с литературой *Финогенова С.И.*, *Тохтасьев С.Р.* Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Hyperboreus*. 2003. 9/1. С. 88: либо посвящение иноземца Гераклу, либо (как В. Амелинг) эпитафия гераклеота.

¹²⁷ Ср. *Финогенова*, *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 86 слл. ('Hρακλείδας 'Hρακλεώτας 'Αφροδίτη, время Левкона); КБН 17 и 22, IV в. до н.э. Скорее всего, иностранцем (приезжиком с Южного Понта) или (судя по варварскому имени и отсутствию патронимика) метеком или подобным сделано посвящение № 16: Μανίς 'Hρακλεΐ.

¹²⁸ Ср., например, ἐρασισταὶ διὰ Φιλίῳ ἀνέθεσαν ἐπ' Ἡγησίῳ ἀρχοντος, IG. II³. 2935 (324/3 г. до н.э.) или упоминавшуюся выше (прим. 26) надпись из Птойона: Σιζονίδα ἀρχοντος τῷ ἑρότι τῷ Πτοίῳ 'Ακρίφιδι ἀνέθεσαν. Однако здесь есть принципиальное различие (не говоря уже о том, что первое посвящение сделано от имени ἐρανος, а второе – от полиса Акрэфии): боспорский архонт, в отличие от афинского и акрэфийского, не был эпонимным магистратом (вопреки Ростовцеву – *Rostowzew*. Op. cit. S. 83; ср. комментарий Ю.Г. Виноградова. Ibid. S. 140. Ann. 15.3), так что сходство оказывается лишь внешним.

¹²⁹ Загадочным представляется факт отсутствия подобных монументальных посвящений от имени самих правящих Спартокидов, за исключением эпиграммы Левкона из Лабриса, при том, что посвящений от имени их ближайших родственников известно довольно много.

¹³⁰ Конечно, находились люди, которые охотно следовали этой линии внутренней политики Спартокидов и без указаний сверху; показательна надпись КБН 113 (ср. прим. 25): заказчик сам пожелал, чтобы эпитафия, высеченная на постаменте изваяния его отца, включала поэтический парафраз этой же формулы, датирующей установку надгробного(!) памятника. Беспремерный сервиллизм засвидетельствован в граффито на чернолаковом блюде из Мирмекия времени Спартока III (*Гайдукевич В.Ф.* Вотив Герей из Мирмекия // *Культура античного мира*. М., 1966. С. 70 слл.): 'Hραός ἀνέθηκεν ἀρχοντος Σλαρδόκου; вотивный объект, вовсе не предназначенный для публичного выставления, снабжен тем не менее «датировкой» по правителю (ср. КБН 18). А прогос: вторую надпись надо читать так: οὐχ ΗΡΟΦΑΝΗΝΤΟΣ, ἀλλ(λ)' 'Hραίου (ср. *Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 77); ΗΡΟΦΑΝΗΝΤΟΣ написано под 'Hροφάνης (имя прежнего владельца блюда); вероятно, Герей начал писать это имя, как и свое, в номинативе (ΗΡΟΦΑΝΗ) вместо генетива, потом, сбившись, продолжил выписывать опять же номинатив родственного имени 'Hροφάντος.

¹³¹ В надписи КБН 25 слова καὶ Θαιτέων в титулатуре Перисада I, отделенные от предыдущих βασιλεύοντος Σινδῶν καὶ Μαϊτῶν λάντων пустым пространством в 2–3 буквы (см. text. maiusc. в IOSPE. II. 15 и Add. P. 291), вполне вероятно, добавлены позже; но можно ли расценивать это как указание на то, что объявление о завоевании фатеев пришло прямо в момент высечения надписи? К сожалению, надпись давно утрачена и нет возможности проверить, не связано ли vacat с дефектом лицевой поверхности камня.

они утрачивались; а теперь мы знаем, что при Левконе в титулатуре фиксировались еще и новшества административного характера, а именно изменение статуса вошедших в государство племенных общин. В этой особенности титулатуры Спартокидов предстают в гармонии азиатская напыщенность и греческий рационализм¹³². Таким образом, не должно вызывать сомнений, что представленные в надписях, в том числе в посвящении Теопротида и в КБН 6а, разновидности титулатуры Левкона вполне адекватно воспроизводят официально провозглашенные формулировки государственной канцелярии (κτῆρῶν)¹³³.

Вывод о некоем особом статусе синдов в начальный период их подчинения Боспору основывался на том, что в КБН 6а синды, в отличие от торетов, дандариев и псесов, по выражению В.В. Шкорпила, «поставлены на одну доску с Боспором и Феодосией»¹³⁴, тогда как в позднейших надписях они возглавляют список этих же племен, управлявшихся уже Левконом-царем. Очевидно, что это означает изменение, а именно понижение их политического статуса («окончательное подчинение Синдики» в формулировке О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко). В общем случае это означает юридическое разграничение полномочий архонта и полномочий царя и соответственно различие политического положения разных общин в государстве. Если управлявшиеся архонтом, очевидно, обладали всей суммой гражданских прав, насколько они были сохранены тираннами, то под царской властью, по всей видимости, находилось ограниченное в правах население.

Историческое значение новой нимфейской надписи состоит в том, что в ней с полной определенностью засвидетельствован поразительный факт политического равноправия объединенных в одно государство греческих полисов и варварских племен. Только благодаря ей подтвердилась аутентичность свидетельства КБН 6а, вызывавшего прежде (и у меня тоже) большие сомнения, о синдах, управлявшихся Левконом-архонтом, а в результате в новом освещении предстают перед нами данные более поздних надписей эпохи Левкона.

* * *

Пора подвести итоги. Надписи дают теперь в целом довольно связную картину последних дней Синдского царства, превращения его в боспорскую провинцию, а также вхождения в состав Боспора соседних с Синдикой племенных образований, менее развитых в общественном и политическом отношении.

Согласно эпиграмме из Лабриса, Левкон выступил в защиту законной власти синдского царя Гекатея, давнего вассала Боспора, когда против того восстал собственный сын. С точки зрения грамматики выражение ἐγβάλλων ἀρχῆς может означать, что Октамасад действительно уже захватил власть, но также и одну только попытку узурпации («... пытаюсь отнять у отца власть»). Последнее понимание кажется более предпочтительным, так как весь процесс свержения

¹³² Ср. *Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 161 сл., где высказывается предположение об ахеменидском влиянии на генезис титулатуры Спартокидов. Впрочем, аналогичные модификации титулатуры были нормой уже в Ассирии (а древнеперсидская титулатура восходит – через мидийскую – именно к ассирийской).

¹³³ См. об этом (в связи с титулатурой Спартокидов в III в.) основательные суждения Н.С. Беловой (Новая надпись из Гермонассы... С. 81).

¹³⁴ *Шкорпил.* Ук. соч. С. 109.

Гекатея сводится в эпиграмме к нападению Октамасада на Лабрис (быть может, и к захвату города), завершившемуся разгромом его армией Левкона с последующим вытеснением («изгнанием») за пределы Синдики.

Гекатей вновь сумел вернуть (или удержать) власть, но она стала еще более эфемерной, чем прежде (если это было вообще возможно: уже Сатир женил его на своей дочери, «приказав – ἰατρῶσας – убить прежнюю» жену, Тиргатао, Polyaeu. VIII. 55). Один Левкон мог спасти его от внешнего врага или в случае повторной попытки узурпации со стороны Октамасада, бежавшего за пределы Синдики. Сам Левкон тем временем, наверное, размышлял о наиболее удобном способе прибрать Синдику к рукам окончательно, т.е. de iure. Можно предположить, что с дальним расчетом на такой исход всего предприятия он и пришел в Синдику. Как конкретно власть над Синдикой перешла (или переходила) к Левкону, мы не знаем, но какую-то роль в этом должно было сыграть то, что его сестра была замужем за Гекатеем, а его брат, Горгипп, по-видимому, тоже породнился с династией Гекатея (отсюда у него дочь с варварским именем Комосария)¹³⁵.

О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко в крайне осторожной форме высказали предположение, что в полной мере Синдика стала владением Боспора лишь с переходом ее в юрисдикцию Левкона-царя (с. 120; цитату см. выше), и в такой общей форме это, несомненно, правильно; ведь и греческие полисы, находясь под властью Левкона-архонта, обладали определенной автономией. Однако, как кажется, даже при нынешнем состоянии источников мы располагаем некоторыми данными, позволяющими продвинуться несколько дальше.

Легенда синдских монет первого периода правления Гекатея и его предшественников – ΣΙΝΔΩΝ¹³⁶ удостоверяет, что чеканка осуществлялась от име-

¹³⁵ *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на Юге России. Пр., 1918. С. 125; *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // *Historia*. 1955. IV. S. 440; *Tohtasjev [Tokhtas'ev] S.R.* Zur Herkunft der bosporianischen Spartokiden // *Pulpudeva*. 5. 1983 [1986]. S. 117. Anm. 21; *Тохтасьев.* Вотив царицы Комосарии. С. 82. Ср. *Он же.* Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 179 сл. Прим. 4 (*Tohtasjev [Tokhtas'ev] S.R.* Thrakische Personennamen am kimmerischen Bosphoros // *Pulpudeva*. 1993 [1996]. 6. S. 178. Anm. 3).

¹³⁶ К абсолютной хронологии синдских монет см. теперь: *Фролова Н.А.* Корпус монет синдов // ВДИ. 2002. № 3. С. 73 (= ACSS. 2002. 8. P. 211–235): «Первая половина – последняя четверть V в. до н.э.»; С. 79: они «... выпускались... до конца V в. до н.э. Их выпуск начался с первой половины V в. до н.э., а может быть, и ранее» (ср. С. 84, резюме: «The only place of their mint can only be Pantiaraeum, since the VI c. BC»); С. 83: «Начало чеканки синдских монет следует датировать... началом первой половины V в. до н.э.». И далее: «... можно считать, что эмиссии этих монет... продолжались до конца V в. до н.э.»; здесь же ниже: «... начало чеканки... [можно отнести] к первым десятилетиям V в. до н.э. и предположить, что эмиссия... продолжалась и во второй половине V в. до н.э.». Результаты исследования Н.А. Фроловой в комбинации с прочими сведениями об истории Боспора и Синдики в VI–IV вв. позволяют прийти к следующим выводам: чеканка синдских монет началась, по-видимому, в конце VI в. или на рубеже VI/V вв. с мелких и мельчайших номиналов, причем использовался монетный двор Пантикапея (там же. С. 79); это говорит о стабильно дружественных отношениях Синдики и Пантикапея, а затем и объединенных вокруг него других городов Боспора на протяжении более столетия; таким образом, нашла подтверждение гипотеза В.П. Толстикова (К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 38 сл.) о союзе синдов и боспорских греков в первые десятилетия V в. до н.э. Прекращение синдской чеканки в конце V в. (или на рубеже V и IV вв.) следует напрямую связывать с политическим кризисом, охватившим тогда Синдику, как он описан Полюеном, VIII. 55 (см. с литературой *Тохтасьев.* Еще раз о синдских монетах... С. 68 сл.). В дополнение к труду Н.А. Фроловой необходимо указать на статьи: *Stolba V.F.* ΣΑΜΜΑΣ. Zur Prägung eines bosporianischen Tyrannen // *Stephanos nomismatikos.* FS Edith Schönert-Geiss. B., 1998. S. 601–611 и более подробно: *Stolba В.Ф.* Проблемы нумизматики Нимфея. С. 13–42; автор приводит ценные сведения о составе Эльтигенского клада 1908 г., включавшего серебряные монеты синдов, Пантикапея, а также монеты с легендой ΣΑ, ΣΑΜ, ΣΑΜΜΑ, которые он убедительно определяет как нимфейские.

ни народа синдов¹³⁷. Фактически речь идет, конечно, о племенной верхушке, которая, стало быть, существенно ограничивала царскую власть, а во времена Сатира, как подсказывает контекст Полиена (VIII. 55: τοῦτον τὸν Ἐκατοῖον ἐκλεσόντα τῆς ἀρχῆς...), даже свергла Гекатея с престола¹³⁸; и мятеж Октама-сада едва ли оказался бы возможным без деятельной поддержки какой-то части этой аристократии. Несомненно, с местными *басилеями* Левкону приходилось считаться больше, чем с марионеточным царьком. По всей видимости, именно этими обстоятельствами следует объяснять то, что синды, судя по надписи Теопротида и КБН ба, первоначально управлялись Левконом в качестве архонта. Можно предположить, что Синдика перешла под верховную власть Боспора *по договору* (σπονδή), который предусматривал упразднение царской власти, причем полномочия ее были, надо думать, к обоюдной выгоде поделены между племенной знатью и Левконом, получавшим титул и прерогативы «архонта (всей) Синдики», вероятно определявшиеся как *primus inter pares*¹³⁹.

На сходных условиях в состав Боспорского государства должны были войти прочие варвары, перечисленные в надписи Теопротида. Не исключено, что хотя бы некоторые из них были присоединены пусть и по принуждению, но после продолжительного и ожесточенного сопротивления, уступив силе лишь в обмен на соглашение об известной автономии, т.е. в качестве ὑπόσπονδοι, а не δорίκτητοι, как это, по-видимому, случилось прежде с Феодосией.

Правда, уже вскоре¹⁴⁰ сама жизнь убедила Левкона, что управлять варварами так же, как греческими полисами не удастся (если, конечно, он поначалу и питал иллюзии на этот счет). Этот переломный момент обозначен надписью КБН ба: Синдика все еще продолжает управляться Левконом в качестве архонта, а тореты, дандарии и псессы – им же, но в неизвестной прежде ипостаси – βασιλεύς; царская власть была возрождена; однако в отношении как термина βασιλεύς, так и самого института вряд ли стоит говорить о настоящем континуитете (кем же, как не царем, мог быть и как иначе должен был именоваться правитель варварского народа, коль скоро эксперимент с архонтством не удался?¹⁴¹).

Наконец, в надписях КБН 6, 8, 1037, 1038 мы застаем в ведении царской администрации и самих синдов. Торжественное ἡ Σινδικτῆ πᾶσα и даже звучащее попроще Σινδικτῆ (если все же правильно восстановление в КБН ба топонима) заменяют на лишенное всякого пафоса Σινδοί, уравнивавшее синдов

¹³⁷ Предпринимавшиеся время от времени попытки опровергнуть факт принадлежности монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ синдам, самоочевидный с точки зрения языка, вызваны элементарной лингвистической безграмотностью (подробнее см. *Тохтасев*. Еще раз о синдских монетах... С. 63–66; 75. Прим. 13). Сама по себе необходимость отстаивать бесспорность такого рода фактов (ср. также выше, прим. 11, 26) свидетельствует о тяжком недуге, достигшем нашу науку, которая чем дальше, тем больше переходит в руки профессиональных дилетантов.

¹³⁸ *Gajdukevič*. Op. cit. S. 71; *Тохтасев*. Еще раз о синдских монетах... С. 67 сл. Ср. выше, прим. 25, о системе власти у понтийских ахейцев, зигов и гениохов (цари, в подчинении которых стоят «скиптродержцы», осуществляющие непосредственную власть на местах).

¹³⁹ Таким образом, поспешным оказалось предположение, что Левкон унаследовал титул «царя» вместе с его полномочиями чуть ли не прямо от Гекатея (*Тохтасев*. Еще раз о синдских монетах... С. 68), а затем точно так же от правителей торетов, дандариев и псессов (аналогичное предположение высказали О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко, цитату см. выше).

¹⁴⁰ О кратковременности либеральной политики Левкона по отношению к синдам и прочим варварам говорит уже то, что на сегодняшний день известно всего две надписи, фиксирующие эту ситуацию в ее развитии.

¹⁴¹ Ср. *Латышев*. Повтiкi. С. 84: «Когда же они (Спартокиды. – С.Т.) покорили варварские народы, то стали называться βασιλεῖς их, потому что и раньше эти варвары управлялись царями (как, например,] синды Гекатеем и пр.) и, быть может, совершенно не знали имени архонта».

с прочими варварами даже на уровне канцелярского словоупотребления. Так завершается история племенной квазидемократии при Левконе, а вместе с тем и процесс образования Боспорского территориального государства.

Некоторые исследователи (писавшие, впрочем, еще до обнаружения надписи Теопротида) полагали, что варварские племена, присоединенные к Боспору Левконом и его наследниками, продолжали непосредственно управляться своими царьками, которые превратились в вассалов Боспора¹⁴². В подтверждение Гайдукевич мог сослаться только на Диодора (XX. 22), который в описании гражданской войны на Боспоре после смерти Перисада I упоминает царя якобы фатеев, носившего звучное древнеиранское имя Арифарн (*Aryafarnah- «обладающий арийским фарном»), как союзника Евмела; фатеи же, покоренные Перисадом I¹⁴³ (или еще в семилетнее правление Спартока II), впоследствии фигурируют и в титулатуре Перисада II (№ 25 и SEG. XXXIV. 755, ср. выше, прим. 93, 126). Во-первых, Θατέων является лишь эмендацией Августа Бёка (SIG. II. P. 102) для рукописного Θρακῶν (искажение под влиянием Θραῖκες, стоящего выше, где говорится о фракийских наемниках Сатира, брата Евмела), причем исторически по крайней мере столь же вероятно, а палеографически, несомненно, предпочтительнее исправление Σιρακῶν¹⁴⁴. Во-вторых, даже если принять конъектуру Бёка, ничто не мешает предположить, что на какой-то период фатеи могли обрести независимость, возродив свою царскую власть (кончина Перисада I и последовавшая вскоре смута оказались бы тут самым подходящим моментом), а впоследствии – при Перисаде II или раньше – вновь утратить ее; как известно, в IV–III вв. до н.э. варварские племена, покоренные Боспором, то и дело отпадали от него (см. ниже).

¹⁴² Ростовцев. Эллинизация и иранство... С. 91 сл. (предположительно и только о синдах); более пространно – в черновиках 2-го тома «Скифии и Боспора» (ВДИ. 1989. № 2. С. 191; *Rostowzew*. Op. cit. S. 79; ранее синды и другие племена Прикубанья подчинялись скифским царям, которые, как впоследствии Спартокиды, являлись лишь верховными правителями; как можно догадаться, Ростовцев имел в виду слова Сократа у *Xen.* Mem. II. 1. 10, о меотах, подчиненных скифам; см., однако, выше, прим. 98); *Gajdukevič*. Op. cit. S. 71 (наоборот – о прочих прикубанских племенах кроме синдов); ср. S. 85 f. Anm. 67. Близко Ф.В. Шелов-Коведяев (выше, прим. 58) и, по-видимому, О.Ю. Соколова с Н.А. Павличенко.

¹⁴³ КБН 9 (правильный текст надписи установлен Н.С. Беловой – К надписи IOSPE II 8 // СА. 1968. № 3. С. 43–53) 972, 1015.

¹⁴⁴ См. подробнее с литературой *Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48. К ошибочному написанию Θ вместо Σ (и наоборот) в унциальном письме см. материал в кн.: *Wutz F.* Die Transkriptionen von der Septuaginta bis zu Hieronymus. I. Stuttgart, 1925. S. 21. Имеется еще одно косвенное подтверждение исправления Σιρακῶν. «Выше Армении [здесь – к западу от нее], поблизости от гураиев и мидян», – пишет Страбон (XI. 14. 14), – обитают «звероподобные люди», называемые Σαρατάραι, т.е. κεφαλότομοι («головорезы»), калыка с соответствующего др.-иран. слова (*Lagarde P.A. de.* Gesammelte Abhandlungen. Lpz., 1866. S. 281); это племя *фракийцев*: φασι δὲ καὶ Θρακῶν τινὰς... Σαρατάρας. Страна, о которой говорит Страбон, соответствует Σιρακῶν Πτολεμαία (Geogr. V. 12. 9: «у горы Париадр»; также называлась страна сираков на Северном Кавказе: *Strabo*. XI. 5. 2) и области Σιρακ армянских источников. Между тем по данным Плиния (NH. VI. 16), соседями Σεγасί, живущих к северу от Кавказских гор, являются Serphalotomi. Сопоставление всех этих данных (за вычетом места Птолемея) привело Н. Адонца (Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. С. 424 сл., прим. 3) к блестящей догадке: часть сираков переселилась некогда за Кавказ, достигнув границ Мидии. Получается, что, как и в занимающем нас месте Диодора, Θρακῶν Страбона должно быть искажением из Σιρακῶν (по какому-то недоразумению Адонц не говорит об этом expressis verbis). Поразительно, что никто, кроме Адонца не подметил в сообщении о пребывании фракийцев на границе Армении и Мидии нечто совершенно несообразное (курьезные попытки обнаружить следы фракийцев в этом регионе уже в клинописных источниках II тыс. до н.э. не заслуживают обсуждения; несостоятельна и гипотеза В. Томашека о переселении в Закавказье фракийского племени тревов, см. *Tokhtas' ev S.R.* Zum Volksnamen «Tretren» // Actes [du] 2e Symposium international des études thraciennes 'Thrace ancienne'. Komotini, 1997. S. 109–113).

То, что фраза Страбона (XI. 2. 10): «В Синдике находится также Горгиппия, (царская) столица синдов» (ἔστι δὲ καὶ Горγυλλία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ {δὲ} βασιλειῶν τῶν Σινδῶν), не может служить основанием для догадок о сохранении в эпоху Спартокидов своей царской власти у синдов, показано в другом месте¹⁴⁵.

Едва ли мы ошибемся, предположив, что понижение статуса варварских племен стало прямым следствием их мятежей против центральной власти, после подавления которых они лишались первоначальных прав. Согласно Страбону (XI. 2. 11), то одни, то другие подчиненные Боспору меотские племена временами отпадали от него (τοῦτε δ' ἀφίσταντο ἄλλοτ' ἄλλοι¹⁴⁶). Это подтверждается надписями: в титулатуре Перисада I, сына и преемника Левкона, уже нет имени псессов, а дандарии упомянуты, кажется, только в одной надписи его времени (КБН 1014; может быть, и в 1042). Присоединенные к Боспору Левконом тореты фигурируют в титулатуре Перисада I в № 1014 и 1042, однако в № 972 отсутствуют. Как видно из № 25, во времена Перисада II Боспору уже не подчинялись досхи, покоренные, очевидно, при Перисаде I (№ 972). А надпись № 8 дает основания считать, что попытки отложиться от Боспора предпринимались варварами уже при Левконе. В ее 3-й строке А.И. Болтунова восстановила καὶ βασιλεύοντος Σινδῶν[υ καὶ Μαϊτῶν πάντων] (принято в КБН), но аналогии такому формуляру имеются только в надписях времени Перисада I (причем явно не первых годов его правления); поэтому В.П. Яйленко предложил восстанавливать Торетέων Δαυδαρίων¹⁴⁷. Во всяком случае ясно, что здесь отсутствовало одно из трех племенных названий, которые обычно перечисляются в титулатуре Левкона после Σινδῶν; с учетом максимального объема лакуны и обычного порядка перечисления этнонимов, а также с ориентацией на титулатуру Перисада I в КБН 1014 (Σινδῶν καὶ Торетῶν καὶ Δαυδαρίων), наиболее вероятно, что, по-видимому, в последние годы правления Левкона из-под его власти удалось вырваться псессам.

Благодаря новым эпиграфическим памятникам из Лабриса и Нимфея становится лучше, чем прежде, понятным, почему традиция, сохраненная Элианом (VH. VI. 13) именуется правителей домитридатовского Боспора Левконидами, отодвинув в тень Спартока, настоящего основателя династии, почему Левкон стал персонажем парафольклорной словесности, из которой черпал материал для своих 'Στρατηγήματα' Полиен, а один из столпов Древней Стои, Хрисипп, даже причислил Левкона к царям, достойным того, чтобы при их дворе жили истинные мудрецы¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Тохтаев. Σινδικά. С. 10–17.

¹⁴⁶ Ф. Лассер (*Strabon. Géographie. T. VIII (Livre XI) / Texte établi et traduit par F. Lasserre. P., 1975*) безо всяких оснований и какой-либо необходимости изменяет рукописное *τοῦτε*, принятое во всех изданиях Страбона, на *τότε* «тогда», т.е., согласно его комментарию, якобы «при Арханактидах и первых Спартокидах».

¹⁴⁷ Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. № 18.

¹⁴⁸ SVF. II, fr. 691, 692 coll.; *Dio Chrys. II. 77* (cp. *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. I. B., 1931. S. 112*).

THE BOSPORUS AND SINDICE UNDER LEUCON I (A Survey of New Epigraphical Publications)

S.R. Tokhtas'ev

I. The author returns to the analysis (see *Hyperboreus*. 1998. 4/2. P. 286–301; cf. SEG. XLVIII. 1027) of an epigram of the Bosporan tyrant Leucon I from the Semibratneye site (Labrys) on the occasion of Yu.G. Vinogradov's posthumous publication (VDI. 2002. № 3). Although Yu.G. Vinogradov accepted the most important of the author's readings, some of the interpretations suggested by him were erroneous, as the author strives to prove (see also A.J. Graham's observation above in I, n. 7). An awkward conjecture of F.V. Shelov-Kovedyayev, who edited Vinogradov's article, in the 2nd line is rejected. The inscription is analysed from the point of view of its language and style. As a historical source, the epigram is discussed in the second part of the article together with a new inscription from Nymphaeum.

II. As early as the end of the 5th c. BC (or even earlier) Bosporan tyrant Satyr I made Sindice Bosporus' vassal (Polyaen. VIII. 55). The Labrys epigram tells us about Leucon I, «archont of the Bosporus and Theodosia» helping Hecataeus, king of Sindoi, dethroned by his own son, obviously in order to take possession of Sindice *de jure*. A new votive inscription from Nymphaeum published by O.Yu. Sokolova and N.A. Pavlichenko (*Hyperboreus*. 2002. 8/1. P. 99–121) sheds new light on the further history of the forming of the Bosporan state in the 1st half of the 4th century BC. Leucon is called here «archont of the Bosporus, Theodosia, all Sindice, Toretai, Dandarioi, Psssoi» (the author believes that the epithet «all» (πάσα), is applied to Sindice for a greater expressiveness and implies in fact the land which belonged to Hecataeus). The author supposes that the neighbouring barbarians were annexed by a treaty (as ὑπόσπονδοι), and the power of their own kings was abolished, this fact explaining why Greek poleis and the barbarians were politically equal. No doubt, Leucon soon had to be disappointed in the possibility of governing barbarians in the same way as Greeks. According to the inscription CIRB 6a Sindoi were still under Leucon's rule as archont (1.5 leg. [τε καὶ Σινδῶν κ]αί?), but for the rest of the barbarians he was a king. However, in the later inscriptions CIRB 6, 8, 1037, 1038 the standard formula appears: «Leucon, archont of the Bosporus and Theodosia, king of Sindoi, Toretai, etc.» The change in the political status of the barbarians was undoubtedly connected with their efforts to get free from the power of the Bosporus. The Greek cities of the Bosporus and Theodosia preserved their formal autonomy and citizenship, but the barbarians were turned into dependent population.

© 2004 г.

А. В. Короленков

СУЛЛА В СОЧИНЕНИЯХ САЛЛЮСТИЯ

В сочинениях Саллюстия перед нами проходит целая галерея образов: Катилина и Семпрония, Катон и Цезарь, Югурта и Бокх, Метелл и Марий. Но лишь один из них играет важную роль во всех трех трудах писателя – «Заговоре Катилины», «Югуртинской войне» и «Истории». Это Луций Корнелий Сулла. Его образ – один из самых противоречивых в произведениях историографа. Благоклонная характеристика будущего диктатора в «Югуртинской войне» совмещается с беспощадной критикой в остальных сочинениях.

Исследователи не раз обращались к этой проблеме. К. Бюхнер¹ и К. Вретска² проанализировали образ Суллы на материале *Bellum Jugurthinum*, показав те подчас весьма тонкие приемы, с помощью которых Саллюстий добивается на данном примере реализации своих художественных замыслов (в соответствии с ними, в частности, роль Суллы в событиях преувеличена). В. Шур рассмотрел вопрос об использовании мемуаров диктатора в «Югуртинской войне»³. Р. Сайм сделал немало интересных замечаний о Сулле в трудах Саллюстия и влияния его деятельности на творчество писателя⁴. Краткая, но интересная характеристика Суллы на основе анализа обеих монографий Саллюстия дана в работе А.Б. Егорова. Он указал, что Саллюстий солидаризовывался с добрыми намерениями диктатора, но осуждал результаты его деятельности⁵. М.Б. Даулинг проанализировала изображение Суллы в трудах историка с точки зрения понятия *clementia*⁶.

В этих и других работах прослежены многие особенности образа Суллы, его противоречивость, признание Саллюстием как добрых, так и дурных черт в характере диктатора, но возможности анализа, как мы надеемся показать, еще не исчерпаны. Без ответа, в сущности, остался важнейший вопрос: что, по мнению историка, превратило Суллу из положительного героя в отрицательного? Да и вообще целостное рассмотрение образа Суллы на протяжении *всех* трудов Саллюстия, насколько нам известно, до сих пор в историографии не проводилось. Оно и является предметом предлагаемой работы.

Деяния молодого Суллы описываются, как известно, в «Югуртинской войне». Он возникает на сцене уже в конце книги, причем его появление обставлено особым образом: «Тем временем квестор Луций Сулла прибыл в лагерь с многочисленной конницей, набранной в Лации и среди союзников, для чего он и был оставлен в Риме» (95. 1; пер. В.О. Горенштейна). «Об этом важном обстоятельстве⁷, – отмечает К. Бюхнер, – сообщается не тогда, когда шла речь о погрузке (армии) Мария и его приготовлениях [...] – там оно нарушило бы единую цепь фактов, касавшихся Мария, – но переносится сюда, где только и оказывается полезно для композиции, увязываясь с прибытием, а само прибытие приобретает совсем иной вес»⁸. Это наблюдение немецкого ученого хотелось бы дополнить. Дело, по-видимому, не только в нарушении линии повествования о Марии. Упоминание в тот момент о поручении Сулле набрать конницу было бы обычным, «техническим» фактом среди многих и отчасти превращало бы в таковой и сообщение о его прибытии в Африку (набрал – прибыл). Саллюстий же собирает все воедино и затем дает развернутую характеристику Суллы, прерывающую рассказ о войне на целых две главы. Все это делает его появление с кавалерией в Нумидии своего рода этапным, важнейшим для изложения событием, чем-то вроде прибытия Филоктета под Трою с луком Геракла.

Строго говоря, в характеристике будущего диктатора нет нужды в связи с его скромной ролью в цепи событий⁹. Однако, как объясняет Саллюстий, в

¹ Büchner K. Der Aufbau von Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wiesbaden, 1953. S. 58–63.

² Vretska K. Studien zu Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wien, 1955. S. 129–134.

³ Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 126–139.

⁴ Syme R. Sallust. Los Angeles etc., 1964. P. 372.

⁵ Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С. 120.

⁶ Dowling M.B. The Clemency of Sulla // *Historia*. 2000. 49. P. 313–316.

⁷ Оставление в Италии для набора конницы.

⁸ Büchner. Op. cit. S. 59.

⁹ Vretska. Op. cit. S. 130.

других местах (*alio loco*) о деяниях Суллы он говорить не намерен и потому рассмотрит его характер и образ жизни (*natura cultuque*) здесь. К тому же Луций Сизенна, наиболее подробно писавший о сулланской эпохе, в своих суждениях о диктаторе не был вполне беспристрастен (*parum mihi libero ore locutus videtur*) (95. 2). Необходим, таким образом, более объективный подход.

Что же считает нужным сообщить Саллюстий *de natura cultuque* персонажа? Сулла знатен, *gentis nobilis patriciae* (хотя и принадлежит к почти утратившей вес фамилии), блестяще образован (*litteris Graecis et Latinis iuxta atque doctissimi eruditus*). Весьма колоритны свойства его характера: он жаден до наслаждений, но еще больше до славы (*cupidus voluptatum, set gloriae cupidior*), на досуге он предаётся роскоши и удовольствиям, но они не отвлекают его от дел (*otio luxuriose esse, tamen ab negotiis numquam voluptas remorata*), он красноречив (*facundus*), хитер (*callidus*), легко заводит друзей (*amicitia facilis*), при необходимости умеет притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*), щедр, особенно на деньги (*multarum rerum ac maxime pecuniae largitor*). Отмечается, однако, и его небезупречность в семейной жизни (*nisi quod de uxore potuit honestius consuli*). «Никогда удача его не превосходила усердие, и многие не могли решить, более он храбр или счастлив (*numquam super industriam fortuna fuit, multique dubitavere, fortior an felicior esset*)». До победы в гражданской войне Сулла был счастливейшим из смертных¹⁰, но «что до его последующих поступков, то сам не знаю, – пишет Саллюстий, – стыдно или же тягостно будет мне о них говорить» (95. 3–4).

Затем Саллюстий указывает, что Сулла, прежде неопытный и несведущий в военном деле (*rudis antea et ignarus belli*), быстро постигает его (*sollertissimus omnium... factus est*). Он общителен, охотно заговаривает даже с солдатами, многим оказывает услуги, нередко по собственному почину (*per se ipse dare beneficia*)¹¹, чужие же принимает неохотно и быстро находит случай отблагодарить за них, стремясь лишь, чтобы как можно больше людей были ему обязаны. Сулла усерден в несении службы, причем, лишенный дурного честолюбия (*prava ambitio*), не задевает в разговорах доброго имени Мария и других командиров. Всем этим¹² «...он быстро приобрел величайшее расположение Мария и солдат» (гл. 96).

Эта характеристика чрезвычайно любопытна. Не раз уже отмечался явный контраст между Марием и Суллой: первый – выходец из простой семьи, второй – отпрыск аристократического рода; один с юных лет осваивал воинское искусство и презирал наслаждения, другой вел в молодости распутный образ жизни; Марий не отвлекался в юности на занятия изящной словесностью, Сулла – ее блестящий знаток¹³. Последний не страдает от *ambitio*, которая мучит его командующего (см. 64. 5). То, что квестор не порочит в разговорах военачальников, явно перекликается с противоположным поведением Мария, публично злословившего о Метелле (64. 5)¹⁴.

Что касается различия в происхождении, то оно, строго говоря, ничего не значит. Хотя Саллюстий и возлагал главную ответственность за кризис в го-

¹⁰ Ср.: «Имя Счастливого... Сулла заслужил бы в полной мере, если бы вместе с победой [в гражданской войне] закончилась и его жизнь» (*Vell. Pat. II. 27. 5*; пер. А.И. Немировского).

¹¹ Ср. с характеристикой Цезаря: *Caesar beneficiis ac munificentia magnus habebatur* (*Cat. 54. 2*).

¹² М.Б. Даулинг усматривает в этом описании среди прочих достоинств Суллы и *clementia* (Ор. cit. P. 314), что, однако, кажется нам весьма вольной трактовкой текста.

¹³ См. *Vretska. Op. cit. S. 133*.

¹⁴ *Büchner. Op. cit. S. 59, 63; Vretska. Op. cit. S. 133*.

сударстве на нобилитет, он не считал, по-видимому, недостатком родовитость саму по себе. Ведь среди нобилей были не только ненавистные ему Катилина или Опимий, но и вполне достойные Метелл, Цезарь, Катон¹⁵. К тому же знатность военачальника всегда относилась к числу его достоинств¹⁶, о чем Саллюстий прекрасно известно (73. 4). Нелегко сказать, как смотрел писатель на различие между Марием и Суллой в уровне образованности. Историкограф с явным одобрением пишет о том, что homo novus из Арпина тратил время на воинские труды, а не занятия греческим красноречием (63. 1). Но вытекает ли отсюда, что образованность ставится в упрек Сулле, как иногда считается¹⁷? Думается, ход мысли Саллюстия таков. Марий ставится в пример тем развращенным современникам, для которых знание греческой и латинской литературы заменяет virtus. Но само по себе это знание, как и родовитость, не является пороком, если не отвлекает от служения res publica. Сулле образование не помешало стать отличным воином. К. Вретска тонко замечает, что пример Суллы опровергает рассуждения Мария с его узким кругозором о превосходстве в военном деле опыта над знаниями (85. 12–13)¹⁸.

Особого внимания заслуживает тезис о воздержности Мария и любви к наслаждениям Суллы. Марий более традиционен, ибо свободен от склонности к роскоши и удовольствиям в принципе, как герои древности – Гай Фабриций или Курий Дентат. Зато Сулла, хотя и подвержен им, умеет совладать с ними, если того требует дело. А.Б. Егоров верно отмечает, что его «образ не совсем соответствует шкале ценностей автора»¹⁹ – важнейшее достоинство Суллы не в том, что он свободен от недостатков, а в том, что не дает им взять над собою верх. Никого другого Саллюстий такой чертой не наделяет²⁰. Тому же Марию это не под силу – не в состоянии обуздать гнев (ira) и страстное желание (cupido) стать консулом, он начинает вести себя недостойно по отношению к Метеллу (64. 5).

«Как и Марий, Сулла – любимец фортуны», – пишет Э. Тиффу²¹. Однако сходство здесь носит лишь самый общий характер. Саллюстий только один раз говорит о fortuna Суллы, зато дважды – о его felicitas. «Сулла именуется felix, и речь идет не о благосклонности fortuna – в этом случае было бы fortunatus, – но богов, чьи дары более надежны, чем дары капризной богини случая. Саллюстий же отвергает божественное влияние: для него успехи – результат industria, личной активности»²². Так и в отношении Суллы указывается, что его fortuna никогда не превосходила industria (Iug. 95. 4), которая, как отмечает Э. Тиффу, соразмерна fortuna и felicitas квестора²³. Нужно так-

¹⁵ См. Paananen U. Sallust's Politico-Social Terminology. Its Use and Biographical Significance. Helsinki, 1972. P. 88.

¹⁶ См. Махлаюк А.В. Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 75–90.

¹⁷ См. Никишин В.О. «Варварство» и «цивилизация» в понимании Саллюстия // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира. Вып. III. М., 2000. С. 83–84.

¹⁸ Vretska. Op. cit. S. 133.

¹⁹ Егоров. Ук. соч. С. 120.

²⁰ Ср. характеристику Л. Пизона у Веллея Патеркула: «В его характере были смешаны энергия (vigor) и изнеженность (lenitas), и едва ли можно найти другого, кто бы больше любил праздность (otium) и столь же легко переходил к деятельности (negotium), кто бы больше, чем он, заботился о делах, не делая ничего напоказ» (II. 98. 3; пер. А.И. Немировского).

²¹ Tiffou E. Essai sur la pensée morale de Salluste à la lumière de ses prologues. Montreal – Paris, 1973. P. 455.

²² Vretska. Op. cit. S. 132.

²³ Tiffou. Op. cit. P. 456.

же отметить, что Марий ни разу не называется *felix*. Наконец, ему удача помогает исправлять допущенные им ошибки (94. 7), чего с Суллой не случается²⁴. Любопытно отметить, что прибытие квестора в Африку произошло, видимо, раньше, чем то изображает Саллюстий, т.е. до штурма Марием Мулукки²⁵. Эта хронологическая вольность позволяет писателю сделать сопоставление: Марий, чьи промахи (безуспешная поначалу осада Мулукки) исправляет *fortuna*, и Сулла, чья удачливость никогда не превосходит *industria*. Тот же мотив находит развитие в дальнейшем изложении (см. ниже).

Сулле присущи хитрость, ловкость (*callidus*)²⁶ и при необходимости – умение притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*) (95. 3), что несвойственно Марию. Эти черты иллюстрируются в рассказе о переговорах с Бокхом, закончившихся выдачей римлянам Югурты, когда Бокх и Сулла договариваются, как притвориться (*ad simulandum*), что они готовы заключить мир с Югуртой (111. 4). Думается, однако, что указание на *calliditas* и *simulatio* будущего диктатора обращено и к более поздним событиям – достаточно вспомнить слова Гнея Папирия Карбона о том, что он сражается со львом и лисицей, живущими в душе Суллы, но больше терпит от лисицы (Plut. Sulla. 28. 3).

Но все же между двумя полководцами немало и черт сходства. Оба прекрасные воины, охваченные стремлением к славе (Iug. 63. 2: *gloriae avidus* – Марий; 95. 3: *cupidus gloriae* – Сулла). И тот, и другой лишены *avaritia*, зато им присущи *animus ingens* и *industria* (Iug. 63. 2; 95. 3). Причем Сулла принадлежит к фамилии, почти утратившей влияние из-за бездеятельности предков (*maiorum ignavia* – 95. 3), тогда как сам он обладает противоположным качеством, т.е. *industria*. Здесь эта антитеза, характерная для Саллюстия (4. 3–4; 85. 1), выглядит весьма неожиданно: обычно писатель ставит предков в пример потомкам, здесь же происходит все наоборот.

Схожи полководцы и кое в чем ином. Кажется, еще не обращалось внимания на тот важный факт, что ни один из них, несмотря на все свои достоинства, не обладает *virtus*²⁷. В отношении Мария этот термин, правда, упоминается несколько раз. Но в одном случае ее приписывают арпинату агитирующие за него мятежные магистраты (*seditiosi magistratus* – 73. 5), в другом – он сам (85. 4), а в третьем – молва (92. 2). О Сулле ничего подобного вообще не говорится, речь идет то о *fortitudo*, то об *industria*, причем первая соперничает с *felicitas*, вторая – с *fortuna* (95. 4), само собой напрашивается сочетание *virtus* – *fortuna*²⁸, но слово *virtus* так и не произносится. В то же время носителем *virtus* является их главный противник – Югурта, правда, лишь до тех пор, пока он служит римлянам (6. 2; 8. 1; 9. 2). Неоднократно говорится о *virtus* простых воинов, как римских (52. 2, 6; 87. 3; 97. 5; 106. 3), так и нумидийских (58. 3; 62. 1). Почему же Саллюстий так строг к обоим римским полководцам? Неужели их нельзя считать доблестными воинами? Ответ, по-видимому, достаточно прост. За Югуртой, римскими солдатами и нумидийцами признается *virtus* в своем исходном, военном значении²⁹. Марию же и Сулле – людям, от которых в той или

²⁴ Büchner K. Sallust. Heidelberg, 1960. S. 307.

²⁵ Idem. Der Aufbau... S. 71; Syme. Op. cit. P. 148.

²⁶ По мнению К. Вретска, – скрытность (Op. cit. S. 131).

²⁷ К. Бюхнер, правда, оговаривается, что Марий у Саллюстия обладает *virtus* не в полной мере (Der Aufbau... S. 45).

²⁸ Как, например, у Веллея Патеркула (см. Christ K. Velleius und Tiberius // Historia. 2001. 50. S. 181, 183).

²⁹ Так, Цезарь постоянно пишет о *virtus* галлов и германцев (BG. I. 1. 4; 13. 4; II. 8. 1–2; 24. 4; III. 21. 1; VI. 24. 1; VII. 59. 5).

иной мере зависит судьба римского народа, вероятно, предъявляется счет с более строгой точки зрения, рассматривающей *virtus* как комплекс добродетелей *vir bonus*. Здесь Марий и Сулла оказываются в куда более уязвимом положении. Над ними тяготеет их будущее, ужасы гражданской войны, в которые они ввергли государство³⁰. «Если Югурта – внешний враг, и для него стремление нанести урон римлянам естественно»³¹, то другой подход к римским полководцам, чей долг – защищать отечество, а не ввергать его в пучину междоусобиц. Характерно, как именно осуждает Саллюстий обоих военачальников. О Марии он пишет: «Впоследствии его погубило честолюбие (*postea ambitione graeseps datus est*)» (63. 6). Утверждение, на первый взгляд, странное – ведь Марий умер, достигнув седьмого консульства и отомстив своим врагам, что отмечалось еще позднеантичными авторами (*Auct. de vir. ill.* 67. 6). Но противоречие это лишь кажущееся, ибо Марий своими злодеяниями погубил себя нравственно. А как говорил Платон, чье влияние на Саллюстия общеизвестно, «человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но особенно несчастлив, если уходит от возмездия» (*Gorg.* 472 e; пер. С.П. Маркиша).

А вот что пишет Саллюстий о Сулле: «Что же касается его дальнейших действий, то я сам не знаю, стыдно или же тягостно (*pudeat an pigeat magis*) будет мне о них говорить» (*Iug.* 95. 4). Это, бесспорно, куда более суровый отзыв, чем сдержанное замечание о Марии. Таким образом, оценка строится по контрасту: чем сильнее похвалы «раннему» Сулле, тем беспощаднее критика его позднейших поступков. Отметим, что и последнего писатель также считал счастливейшим до победы в гражданской войне (*loc. cit.*), т.е. до того момента, когда он стал творить беззакония – исходя, очевидно, из того же платоновского постулата.

Вернемся к событиям, описываемым в «Югуртинской войне». Саллюстий довольно подробно останавливается на участии Суллы в боевых действиях и особенно на его роли в выдаче Бокхом Югурты. Как уже давно замечено, у Диодора, Веллея Патеркула, Флора Сулла выполняет лишь «орудийную» функцию в деле захвата Югурты – Бокх просто передает ему нумидийского царя, сам квестор никаких дипломатических способностей не проявляет и опасности не подвергается. У Диона Кассия Сулла вообще не упоминается. Саллюстий же (и отчасти Плутарх) подробно описывает его поездки и переговоры с мавретанским правителем и, в свою очередь, умалчивает о мавретанском посольстве к Марию, который заявил, что не встретится с Бокхом, пока тот не выдаст Югурту (см. *Dio Cass.* XXVI. 89. 6). В. Шур склонен объяснять это влиянием мемуаров Суллы³², но следует помнить, что Саллюстий был волен в выборе источников. Правильнее, видимо, сказать, что писатель использовал воспоминания диктатора, потому что содержащийся в них материал соответствовал его художественному замыслу. Саллюстий также игнорирует то обстоятельство, что соглашение о выдаче Югурты римлянам было, по-видимому, заключено еще до прибытия квестора³³, – видимо, писателю важно показать роль Суллы и главное – качества, которые он при этом проявляет.

³⁰ См. *Büchner. Der Aufbau...* S. 59, 62; *Syme. Op. cit.* P. 176.

³¹ *Егоров. Ук. соч.* С. 122.

³² *Schur. Op. cit.* S. 129–130.

³³ *Büchner. Der Aufbau...* S. 71; *Tiffou. Op. cit.* P. 458.

Особенно показательно поведение Суллы при переговорах с Бокхом. При этом Саллюстий подчеркивает, что последний все никак не мог решить, «кого кому предать: Югурту римлянам или Сулле» Югурте (108. 3). Тем не менее квестор дважды приезжает к мавру и с достоинством ведет себя, требуя выдачи нумидийского царя.

Исключительно интересна речь Суллы к Бокху (102. 5–11), которую он произносит как более красноречивый, чем его коллега по посольству Авл Манлий, превосходящий его по возрасту (*Sulla, cuius facundiae, non aetati a Manlio concessum* – 102. 4). Оратор именует Бокха «выдающимся мужем (*talis vir*)» и «наилучшим из людей (*optimus omnium*)». Вполне в духе римской внешнеполитической концепции Сулла заявляет, будто Рим предпочитает искать себе друзей, а не рабов, что безопаснее править подчиняющимися добровольно, а не по принуждению (*tutiusque rati volentibus quam coactis imperitare*). Бокху выгодна дружба с Римом, ибо последний далеко и причинить вреда ему не может, зато услуги окажет такие, словно находится рядом. То, что царю пришлось испытать на себе силу Рима, а теперь и его милость (под нею подразумеваются переговоры), было, видимо, угодно Фортуне, и пока она благосклонна, надо продолжать начатое и идти навстречу желаниям римлян. «Запомни хорошенько: еще никто никогда не превосходил римского народа своими благодеяниями, а насколько он силен на войне, ты знаешь сам (*bello quid valeat, tute scis*)», – говорит Сулла в заключение.

Эта речь – блестящий образец «*facundia* умелого дипломата, который за словами скрывает свои истинные убеждения»³⁴. Его похвалы царю трудно воспринимать всерьез, если вспомнить весьма скептический отзыв Саллюстия о Бокхе (см. 88. 6). То же касается и рассуждений о благодеяниях римлян³⁵, ибо Адгербал погиб, так и не получив от них помощи. Сулла «строит золотой мост царю тем, что его вину (войну с римлянами. – А.К.)... приписывает фортуне, и завершает угрозой – *bello quid valeat, tute scis!*»³⁶. Под конец Сулла словно срывает маску со своих велезначительных рассуждений, давая понять, каков его *ultima ratio*, если царь не хочет внять доводам разума.

Бокх (его ответ дан с помощью косвенной речи), оправдывается, говорит о готовности отправить послов в Рим. Но... тотчас меняет свое решение по совету друзей, подкупленных Югуртой. Иначе говоря, об успехе Суллы говорить не приходится. Тем временем римляне осаждают одну из крепостей Югурты, и Бокх предпочитает отправить послов к Марию, а затем, если тот позволит, и в Рим. По дороге послов грабят гетулы, и лишь после этого они прибывают в римский лагерь, где Мария в тот момент замещает Сулла. Он обходится с ними милостиво, хотя они, «вероломные враги (*vani hostes*)», заслуживают кары. «Варвары пришли к выводу, что слухи об алчности римлян неверны и что Сулла, столь добрый к ним, их друг» (103. 2–7). Таким образом, он проявляет благоразумную мягкость³⁷, и именно его вскоре просит Бокх прислать для новых переговоров, на сей раз уже о выдаче Югурты. Но отметим и другое: от-

³⁴ *Vretska*. Op. cit. S. 78.

³⁵ Между тем они вполне в духе внешнеполитической концепции римлян и самого Саллюстия (см. *Cat.* 6. 5; 9. 5; *Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell im *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993. S. 66–67, 99, 102–103).

³⁶ *Vretska*. Op. cit. S. 78.

³⁷ См. *Короленков А.В.* Саллюстий и гуманность: несколько замечаний // *Studia historica*. Вып. II. М., 2002. С. 121.

куда мог знать Сулла о вероломстве мавров? Ведь оно осталось, так сказать, на теоретическом уровне и не воплотилось в конкретные действия. Имело ли оно место вообще? Вероятно, нет, но признать – это значит «развенчать» действия квестора: какая доблесть в том, что он милостиво обошелся с послами, с которыми по-иному обходиться и не принято? Не исключено к тому же влияние рассказа Полибия о Сципионе Старшем, который отпустил карфагенских послов, хотя сами карфагеняне устроили нападение (правда, неудачное) на римское посольство (XV. 4. 5–12). Сходство не только ситуативное, но и географическое – в обоих случаях действие происходит в Северной Африке.

Итак, вскоре Сулла вновь отправляется к Бокху. По пути он внезапно оказывается в опасной близости от лагеря Югурты. Квестор и его спутники уверены, что их предал сын царя Волукс, едущий с ними, но Сулла не убивает его и даже принимает совет царевича, как проехать через лагерь Югурты. Это помогает римлянам уйти невредимыми (106–107). Как видим, Сулла попадает в опасное положение не по своей вине³⁸ и при этом проявляет выдержку и рассудительность. Эпизод как бы иллюстрирует мысль о том, что судьба помогает лучшим (*fortuna meliores sequitur*) (Hist. I. 77. 21; ср.: Jug. 1. 5)³⁹.

И вот Сулла вновь встречается с Бокхом. И опять царь колеблется: «Пристрастие (*lubido*) настраивало его против нас, опасения (*metus*) – в нашу пользу» (108. 3). Он произносит перед римлянином речь, полную риторических прикрас. Бокх называет себя величайшим из известных ему царей, словно соглашаясь с лестью Суллы (102. 5), и говорит, что помогал многим – кому по их просьбе (*orantibus*), кому по собственному почину (*ultro egomet*), сам же ни в чьей помощи не нуждался. Теперь же он сам благодарен частному лицу (*privato homini*), т.е. Сулле⁴⁰, чего никогда не ожидал, но не хочет уступить ему в щедрости (*munificentia*), что для царя больший позор, чем уступить в сражении. Поэтому Бокх готов выполнить любое пожелание Суллы. Что же касается главного, то он вступил в войну с римлянами только для защиты своих владений и готов перестать поддерживать Югурту и не претендовать на ту часть Нумидии, которую ему обещал ее царь. Впрочем, если у Суллы есть какие-либо иные просьбы, достойные Бокха, он также исполнит их (гл. 110).

Ответ Суллы, переданный в форме косвенной речи, краток и деловит. Если Бокх хочет доказать свою лояльность римлянам, то должен совершить нечто выгодное им, а не ему, конкретно же – выдать Югурту. Тогда он получит ту часть Нумидии, которую ему обещал Югурта (и от которой только что сам готов был отказаться) (111. 1).

Получается чрезвычайно интересная перекличка с первыми переговорами Суллы и Бокха (102. 5–15), прежде не отмечавшаяся в литературе: тогда речь, полную риторических ухищрений, произносил римлянин, ответ же, переданный в косвенной форме и содержащий лишь деловую информацию, давал мавр, теперь же (110–111. 1), как следует из изложенного, они меняются местами. То есть стилистическими средствами демонстрируется своего рода равновеликость обоих персонажей. Усматривается она и в другом: Бокх говорит о себе, что многим помогал как по их просьбе, так и по своему почину, и не может допустить, чтобы кто-то превзошел его щедростью. Но ведь примерно то же самое, хотя и другими словами, сказано и о Сулле (95. 3; 96. 2). Да и в

³⁸ В отличие от Мариа, склонного к необдуманным действиям (92. 2; 94. 7).

³⁹ См. об этом мотиве: *Büchner*. Sallust. S. 308.

⁴⁰ Сулла только что спас его сына, которого другие римляне готовы были убить.

притворстве мавр и римлянин не уступают друг другу, о чем говорят их речи, свидетельствующие о красноречии, а не об искренности ораторов.

Неудивительно, что результаты увещаний Суллы оказываются, по сути, равны нулю. После первых переговоров Бокх готов направить послов к Марию, затем меняет решение и вновь возвращается к прежнему. Аналогичная ситуация и во втором случае: царь, выслушав ответ Суллы, поначалу отказывается, ссылаясь на узы родства и союз с Югуртой, но затем уступает. Но уже в 113. 1 Бокх вновь меняет свое решение, обещая Югурте выдать Суллу⁴¹. Он сулит каждому из них, что чего они желают, и оба, римлянин и нумидиец, уверены в успехе (113. 2)⁴². Накануне решающего дня царь вновь мучим сомнениями, собирает друзей для совета, сразу же их отпускает и наедине с собой в тиши ночи долго размышляет, как все-таки поступить. Наконец он принимает решение в пользу Суллы, и на следующий день Югурта становится пленником римлян (113. 3–6). Как видим, Саллюстий прямо-таки назойливо подчеркивает непостоянство мавра. Ненадежный, едва ли не поминутно меняющий планы Бокх – олицетворение *fortuna*, с которой и состязается Сулла и которой не уступает его *industria*. *Fortuna meliores sequitur*.

Таков Сулла в «Югуртинской войне». Несомненно, здесь он выступает как положительный персонаж. Но тем разительнее перемена, которую мы наблюдаем в других произведениях Саллюстия, причем эту перемену он осознавал с самого начала, ибо «Заговор Катилины» был написан раньше «Югуртинской войны».

Обратимся к тексту этих сочинений. Историограф пишет, что именно «...после единовластия (*dominatio*) Луция Суллы (Катилину) охватила жажда власти над государством (*lubido maxuma... rei publicae capiundae*)» (Cat. 5. 6). «Когда Луций Сулла, силою оружия захватив власть в государстве, после хорошего начала закончил дурно (*postquam... bonis initiis malos eventus habuit*), все начали хватать, тащить... Победители не знали ни меры, ни сдержанности (*neque modum, neque modestiam victores habere*), совершали против граждан отвратительные и жестокие преступления. К тому же Луций Сулла, дабы сохранить верность войска, во главе которого он стоял в Азии, вопреки обычаю предков содержал его в роскоши и чересчур вольно (*luxuriose nimisque liberaliter*)... Суровые воины, живя в праздности (*in otio*), быстро развратились. Там впервые войско римского народа привыкло предаваться любви, пьянствовать, восторгаться статуями, картинами, чеканными сосудами, похищать их... грабить святилища, осквернять все посвященное и не посвященное богам. Таким образом, эти солдаты, одержав победу, ничего не оставили побежденным. Ибо удачи ослабляют дух даже мудрых. Как люди с испорченными нравами могли остаться умеренными после победы (*ne illi congruptis moribus victoriae temperarent*)?» (11. 4–8).

Как видим, против Суллы выдвигается целый ряд тяжелых обвинений. Ведь правитель, по мысли Платона, чьи идеи так охотно заимствовал римский историк, обязан заботиться прежде всего о добрых нравах граждан (Plato. *Gorg.* 515a – 522e). А «...для Саллюстия сулланский период означал время моральной деградации, если вообще не резкой перемены к худшему»⁴³. Падение нравов началось раньше (Iug. 41. 1–3), но эпоха Суллы выводит его на качественно новый уровень. В чем это проявилось? Прежде всего в том, что была утрачена

⁴¹ По остроумному замечанию К. Вретска, что Сулле Бокх *promittit*, Югурте – *promisit*, и презенс в первом случае звучит куда коварнее, чем перфект во втором (Op. cit. S. 82).

⁴² Поэтому вряд ли прав В. Шур, когда пишет, что «римлянин до последнего момента опасается за исход своего предприятия» (Op. cit. S. 133).

⁴³ *Paananen*. Op. cit. P. 68; *Schur*. Op. cit. S. 77.

мера. Прежде пороки развивались постепенно (*paulatim*) (10. 6), теперь же была утрачена мера (*neque modum neque modestiam*), все стали «хватать» (*garere*), «тащить» (*trahere*), т.е. действовать нагло и открыто, чего раньше все-таки не было. Причем это имеет как внутри-, так и внешнеполитический аспект – если раньше побежденных лишали лишь права поступать несправедливо (*iniuriam facere*) (12. 5), то теперь им не оставлено ничего (*nihil*) (11. 7)⁴⁴.

Осуждается, хотя и не столь подчеркнуто, и образ действий Суллы, который захватил власть в государстве оружием (*armis recepta re publica*) и установил единовластие (*dominatio*)⁴⁵, – обвинение также весьма тяжкое, предъявляемое наряду с обвинениями в *tyrannis* и *regnum*⁴⁶. Правда, Сулла поначалу действовал хорошо, но результаты оказались дурными (11. 4). В речи Цезаря это положение конкретизируется: «Когда на нашей памяти Сулла после своей победы приказал удавить Дамасиппа и других подобных ему людей, возвысившихся на несчастьях отечества, кто не восхвалял его поступка? Все говорили, что преступные и властолюбивые люди (*homines scelesti et factiosi*) ... казнены заслуженно. Но именно это и было началом большого бедствия (*magnae initium cladis*): стоило кому-нибудь пожелать» чужого имущества, «как он старался, чтобы владелец оказался среди проскрибированных. И вот тех, кого обрадовала смерть Дамасиппа, вскоре начали хватать, и казни прекратились только после того, как Сулла щедро наградил своих сторонников» (51. 32–34). Диктатор, таким образом, проявляет жестокость по отношению к согражданам лишь ради того, чтобы насытить алчность своих сторонников. Давно уже подмечено, что Саллюстий, говоря о проскрипциях Суллы, явно намекал на еще более кровавый террор триумвиров⁴⁷. Таковы были последствия примера, поданного Суллой. Им вдохновляется и злодей Катилина, стремящийся захватить власть в государстве (5. 6). Впрочем, не он один – «многие вспоминали победу Суллы, видя, как одни рядовые солдаты (*gregarii milites*) стали сенаторами, другие – столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечет из победы такую же выгоду» (37. 6). Да и «большинство солдат Суллы (*plerique Sullani milites*), прожив свое имущество и вспоминая грабежи и былые победы, жаждали гражданской войны» (16. 4). В то же время к Катилине готовы примкнуть и те, кто «при господстве Суллы (*Sullae dominatione*) лишился земель и всего своего состояния (*agros bonaque omnia*)» (28. 4). Вместе оказываются палачи и жертвы, только одни хотят нажить новые богатства, а другие – вернуть утерянное, *res publica* же оказывается в порочном круге непрерывной смуты.

Что касается «Истории», то здесь Саллюстий предваряет изложение событий 78–67 годов до н.э. (основное содержание труда) рассказом о предшествующих годах, в том числе и гражданской войне. Таким образом, если в *Bellum Iugurthinum* (95. 2) историк утверждает, что в других местах не собирается писать о Сулле (*alio loco de Sullae rebus dicturi sumus*), то здесь он отступает от этих слов⁴⁸. В конце пролога к *Historiae*, видимо, содержалась характеристика диктатора⁴⁹. К таковой обычно относят фрагменты I. 58–61⁵⁰. Наиболее вероятно это в отношении I. 58 и 61, ибо I. 59–60 слишком некон-

⁴⁴ См. также *Heldmann*. Op. cit. S. 114–115.

⁴⁵ А не занял «положение *princeps*'а», как пишет А.Б. Егоров (Ук. соч. С. 120).

⁴⁶ *Earl D.* The Moral and Political Tradition of Rome. London – Southampton, 1967. P. 59.

⁴⁷ См., например: *Pöschl V.* Grundwerte römischer Staatsgesinnung in den Geschichtswerke des Sallust. B., 1940. S. 83. Anm. 3.

⁴⁸ *Syme*. Op. cit. P. 179–182.

⁴⁹ *Tiffou*. Op. cit. P. 493.

⁵⁰ *Syme*. Op. cit. P. 180. Not. 6.

кретны и могут быть отнесены к самым разным лицам. Текст же I. 58 и 61 таков: «Вообще стыдно говорить о стольких позорных качествах такого выдающегося мужа (*mox tanta flagitia in tali viro pudet dicere*)» (ср. *Iug.* 95. 4); Сулла, «...вводя для сограждан законы о браке и умеренности, сам предавался сластолюбию и распутству (*ἔρῶν καὶ μοιχεύων*)» (I. 61 = *Plut. Sulla.* 41. 5; пер. В.М. Смирин; ср. *Plut. Sulla.* 2. 2–4)⁵¹. В других репликах говорится о *dominatio Sullae* (I. 31, 57). Народный трибун Лициний Макр сравнивает прежние времена, когда плебеи с помощью сецессий успешно отстаивали свои права, с нынешними, когда Сулла вверг их в рабство (*saevitium*), а также отмечал, что надежды на прекращении бедствий (*malum*) со смертью диктатора не оправдались – появился еще более жестокий Катул (*longe saevior Catulus*) (III. 48. 1, 9). «Таким образом, – замечает по этому поводу М.Б. Даулинг, – жестокость Суллы оказывается мерилем прочих проявлений *saevitia*, из чего видно, что для Саллюстия во время работы над «Историей» Сулла выступает как *exemplum свирепости*»⁵².

Но особенно подробно характеризуется Сулла в речи Лепида (I. 55). Диктатор обвиняется в тирании (*tyrannis*) (§ 1, 7, 22), гнусности (*intestabilior*) (§ 1), жестокости (*crudelitas*) (§ 5), преступлениях (*scelus*) (§ 7, 19). «Он, на человеческой памяти единственный, придумал казни для будущих поколений, которым бесправие (*iniuria*) определено раньше, чем жизнь» (§ 6)⁵³; «Он пал так низко, что считает достославным (*gloriosa*) только то, что безопасно (*tutum*), а все, что обеспечивает ему господство (*dominatio*) – почетным (*honesta*)» (§ 8); «Во власти одного человека законы, правосудие, государственная казна, провинции, цари – словом, право жизни и смерти над гражданами» (§ 13). И последний штрих: Сулла лишь кажется счастливым (*videri felicem*) (§ 20) – знакомый платоновский тезис о том, что не может быть счастлив злодей (см. выше).

Хотя Саллюстий отрицательно относится к Лепиду, чьи действия могут «привести только к возобновлению насилия»⁵⁴, но многое в этих обличениях отражает взгляды писателя⁵⁵. Во многом обвинения в адрес Суллы в речи Лепида сходны с тем, что инкриминируется знати, осуществляющей над народом тираническое господство (*dominatio*) и попирающей его права (см. *Cat.* 20. 7; 23. 6; *Iug.* 31. 20; 41. 7)⁵⁶. Успех Суллы оказывается не победой нобилитета⁵⁷ – напротив, знать сама оказывается в рабстве (*servitium*) у диктатора (*Hist.* I. 55. 2–3), – а сменой хозяина, который оказывается во многом хуже прежнего, недаром Лепид неустанно подчеркивает беспрецедентность злодеяний нового властителя Рима.

Но вот что любопытно и что до сих пор ускользало от внимания исследователей: все это в принципе не противоречит сказанному о Сулле в «Югуртинской войне». Его храбрость, красноречие, общительность, удачливость, умение отказаться от наслаждений в пользу дела под сомнение не ставятся. Упрек в сладострастии (I. 61) перекликается с замечанием о недостойном поведении в семейной жизни (*Iug.* 95. 3). Новое здесь, пожалуй, лишь то, что Сулла уличен в несоответствии своих законов о браке собственному развратному пове-

⁵¹ Видимо, именно эти пороки Суллы, а не его жестокость имелись в виду в I. 58 (*Maurenbrecher V. Commentarii // Sallustii Crispi historiarum reliquiae. Fasc. II. Lipsiae, 1893. P. 28*).

⁵² *Dowling. Op. cit. P. 315*.

⁵³ Речь идет о лишении прав детей проскриптов.

⁵⁴ *Paananen. Op. cit. P. 83*.

⁵⁵ *Егоров. Ук. соч. С. 119*.

⁵⁶ *Earl D. The Political Thought of Sallust. Amsterdam, 1966. P. 106–107*.

⁵⁷ *Paananen. Op. cit. P. 68*.

дению. Вероятно, это был один из тех пассажиров, который дал основания Варрону упрекнуть самого писателя-моралиста в противоречии между его словами и делами⁵⁸.

Каков же итог? Что изменилось, по мнению Саллюстия, в характере Суллы? Ведь он не утратил своих положительных качеств, недаром автор признает его «выдающимся мужем (*vir talis*)». Изменилась цель его действий. Катилина также обладает многими достоинствами, но они направлены на захват власти в государстве⁵⁹. Но если он изображен негодяем с самого начала, то о Сулле этого сказать нельзя (заметим, что в характеристиках обоих персонажей немало общего: оба обладают большой силой духа, красноречием, легко заводят друзей, щедры, умеют притворяться, ср. *Cat.* 5. 1; 14; *Iug.* 95. 3 – 96. 2). Для Катилины попытка захватить власть – лишь закономерный итог его прежней порочной жизни. Что же касается Суллы, то его *cupido dominandi* вырастает из вполне похвального *cupido gloriae*⁶⁰. И когда страсть к господству берет верх, достоинства обращаются в недостатки, ибо направлены на достижение преступной цели. «То, что хорошо у “своих”, плохо у “чужих”»⁶¹. Удачливость и активность помогают ему захватить власть, а щедрость проявляется теперь за счет проскриптов. И поэтому, повторим уже сказанное, чем выше похвала Сулле в начале его деятельности, тем суровее порицание в конце.

SULLA IN SALLUST'S WORKS

A.V. Korolenkov

Sulla is the only character mentioned in all the three works of Sallust. But an integral analysis of Sulla's figure in all these works has not yet been undertaken.

Sulla receives closest attention in *Bellum Iugurthinum*, where he plays a certain role at the final stage of the war. He is given a detailed laudatory characteristic pointing out his *facundia*, *cupiditas gloriae*, *calliditas* and *largitio*. Notably, Sulla is not free of shortcomings, but he is able to overcome them – he is the only one of Sallust's characters to receive such an appraisal. Sallust writes that Sulla's *fortuna* never surpassed his *industria*, but he does not mention his *virtus*, though juxtaposition of *virtus* and *fortuna* would only be natural. This is not accidental: the writer does not acknowledge Marius' *virtus* either, for both these military leaders plunged Rome into civil war.

Sulla's outstanding qualities are revealed during his negotiations with Bocchus, but a closer analysis proves that it was not under the influence of Sulla's diplomatic art that Bocchus took the decision in favour of the Romans. Bocchus is shown constantly hesitant and changeable as *fortuna* herself – and it is with her that Sulla is fighting in Bocchus' person. His success is well deserved, though, which illustrates one of the writer's points: *Fortuna meliores sequitur*.

In *Coniuratio Catilinae* and *Historiae* the dictator is described in purely negative terms: he is not just a tyrant, but the one whose activities accelerate moral degradation of the society. But essentially, his former virtues are never denied. The point is that he was overwhelmed by *cupido dominandi*, and so his virtues served evil purposes. Thus, the more he is praised in *Bellum Iugurthinum*, the more severely he is censured in *Coniuratio Catilinae* and *Historiae*.

⁵⁸ «Гай Саллюстий, автор серьезного и сурового труда, "Истории", в которой мы видим, как он раздает направо и налево цензорские замечания, был застигнут Аннием Милоном за прелюбодеянием, сильно избит плетью и отпущен лишь после того, как откупился деньгами» (*Gell.* XVII. 18; пер. А.В. Короленкова).

⁵⁹ *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 163–164.

⁶⁰ О метаморфозе такого рода см. *Heldmann.* *Op. cit.* S. 38–40.

⁶¹ *Егоров.* Ук. соч. С. 117.

Ю. Б. Циркин

ИСПАНИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ

17 марта 45 г. до н.э. в битве при Мунде Цезарь наголову разгромил помпеянскую армию. После этого сражения вооруженной оппозиции Цезарю реально не существовало. Цезарь настолько осмелел (или, может быть, обнаглел), что отпраздновал триумф за победу над согражданами. Гражданская война отныне считалась полностью законченной. Однако почти ровно через год (без двух дней) Цезарь был убит, и вскоре начался новый тур гражданских войн, который привел Римскую республику к окончательной гибели. Основные события этого тура происходили в центре и на востоке Средиземноморья. Там сражались главные протагонисты этой кровавой войны. На них и на события, с ними связанные, и обращали свое основное внимание древние историки, и этому, естественно, следует и современная историография. События на Западе оставались и остаются в тени, хотя они тоже сыграли свою роль в агонии республики. Это относится и к событиям в Испании. Прежде всего они были связаны с деятельностью Секста Помпея.

В битве при Мунде Секст Помпей не участвовал. Он возглавлял помпеянский гарнизон в Кордубе (Bel. Hisp. 3. 4; Cass. Dio. XLIII. 32. 4). Узнав о поражении и понимая, что защитить город своими небольшими силами даже с помощью горожан он не в состоянии, Секст после неудачной попытки вооружить рабов посоветовал кордубцам самим договариваться с победителем, а сам с небольшим отрядом ушел в горы (Bel. Hisp. 32. 4–5; Cass. Dio. XLIII. 39. 1). В Дальней Испании он не задержался, а предпочел уйти в Ближнюю Испанию¹, где у его отца еще со времени войны с Серторием имелась довольно обширная клиентела². Там он начал собирать свои силы.

Вначале Цезарь не обратил никакого внимания на Секста (App. IV. 83). Действительно, тот был еще довольно молодой человек, главное, почти без военного опыта. Ему было в то время от 21 до 23 лет³. К началу гражданской войны в военную службу он еще не вступал, а находился вместе со своей мачехой Корнелией на Лесбосе, где их навещил отец, и они сопровождали

¹ Точное место убежища Секста Помпея передано разными авторами по-разному. Цицерон (Att. XII. 37. 4), со слов Гирция, говорит о Ближней Испании вообще. Позже Флор (II. 13. 87) также весьма туманно упоминает Кельтиберию. По Диону Кассию (XLV. 10. 1), Секст нашел убежище у лацетанов, а по Страбону (III. 4. 10), – у яцетанов. То, что, по словам Аппиана (IV. 83), он сравнительно скоро занялся морскими разбоями, позволяет говорить скорее о лацетанах, живших на побережье Средиземного моря, чем о яцетанах, обитавших во внутренних районах Пиренейского полуострова. Но в любом случае речь идет о северо-восточной части Испании.

² Определенные связи с семьей Помпеев в этом регионе возникли, возможно, еще раньше. Как известно, отец Помпея Великого Помпей Страбон дал римское гражданство 30 всадникам Сальвитанской турмы за их храбрость во время Союзнической войны (ILS 8888). Мы не знаем, вернулись ли эти люди на родину или предпочли остаться в Италии, но в любом случае этот акт Страбона не мог остаться неизвестным, и его результатом могло быть возникновение определенных связей между жителями долины Ибера и семьей Помпея, если не собственно клиентских, то каких-то чувств привязанности (Roddaz J.-M. *Guertes civiles et romanisation dans la vallée d'Ebre* // REA. 1986. 88. P. 323). Не исключено, что это обстоятельство стало одним из мотивов избрания именно Помпея Великого для борьбы с Серторием.

³ По наиболее вероятному предположению, Секст родился между 68 и 66 гг. до н.э. (Miltner F. *Pompeius*, 32 // RE. Hlbd 43. Sp. 2214).

его в его последнем плавании в Египет. Там Секст и Корнелия стали свидетелями предательского убийства отца и мужа. Египтяне пытались захватить и их корабль, но, пользуясь благоприятным ветром, они сумели уйти от преследования и направиться в Африку. Об участии Секста в африканской кампании ничего определенного не известно; во всяком случае, в первых рядах помпеянцев он не был. После поражения Секст, как и другие выжившие помпеянцы, перебрался в Испанию, где встал под знамена своего старшего брата Гнея (Cass. Dio. XLIII. 30. 4). Гней явно не обольщался насчет военных талантов брата. Он направил его в Кордубу для защиты этого города. С одной стороны, этот город был для помпеянцев очень важен, и тот факт, что его гарнизон возглавлял Секст, гарантировало от его перехода на сторону Цезаря. Но, с другой, это поручение исключало Секста из рядов непосредственно действующей армии. Да и в самой Кордубе гораздо большим авторитетом, видимо, пользовался местный богач Скапула, бывший инициатором и главой антицезаревского восстания, чем младший сын Помпея. Характерно, что Цезарь, направив после Мунды специальный отряд на поиски и убийство Гнея, и не подумал послать подобный отряд в погоню за Секстом. Однако сравнительно скоро он понял, что ошибся. Спустя короткое время молодой Секст сумел проявить себя и как способный военный командир и как политик.

Секст и не подумал просто отсиживаться. Он нашел поддержку на северо-востоке Пиренейского полуострова (Cass. Dio. XLV. 10. 1) и занялся там собиранием всех сил, способных противостоять Цезарю. Поддержка местного населения позволила ему иметь довольно безопасную базу. Из числа аборигенов он набрал какое-то войско и начал вести с ним по существу партизанскую войну против цезарианцев. К нему действительно скоро стали собираться противники Цезаря. Даже из Африки прибыл местный царек Арабион (App. IV. 83), в свое время лишенный трона Цезарем. Секст располагал и довольно значительными средствами, которые позволяли ему даже чеканить собственную монету⁴. Эта чеканка дала Сексту возможность не только платить своим сторонникам, но и, как это было обычно, вести пропаганду.

Главным лозунгом на монетах Секста было *pietas*⁵. Как известно, «благочестие» было одним из базовых понятий в римской системе ценностей⁶. Недаром позже оно наряду с доблестью, милосердием и справедливостью входит в четверку качеств, характеризующих идеального правителя (ср. R. g. 34). В первую очередь благочестие подразумевало исполнение человеком своего долга перед богами, но также и перед умершими предками⁷. Цицерон (De leg. II. 26) даже разделяет понятия долга перед богами и перед родителями: справедливость по отношению к богам – это религия, а по отношению к родителям – благочестие. Уже Гней младший, выбирая «благочестие» своим паролем перед битвой при Мунде (App. II. 104), подчеркивал этим преклонение перед памятью отца. Тот же смысл вкладывал в это понятие и Секст, который к образу отца прибавил и образ погибшего брата. На его монетах появляется фигура Благочестия с пальмовой ветвью в правой руке и скипетром в левой, что подчеркивает победу благочестивого полководца и власть благочестия в ре-

⁴ Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 174; Montenegro Duque A. La conquista de Hispania por Roma // Historia de España Madrid, 1982. T. II, 1. P. 170; Morawiecki L. Political Propaganda in the Coinage of the Late Roman Republic. Wrocław, 1983. P. 62–65.

⁵ Sydenham. Op. cit. P. 174; Morawiecki. Op. cit. P. 64.

⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 9.

⁷ Koch C. Pietas // RE. 1941. Hlbd 39. Sp. 1221.

зультате этой победы. На монетах Секст изображал отца, а лицам двуликого Януса были приданы черты отца и брата⁸. Секст принял также и гордое имя Великий, именую себя Секстом Помпеем Магном, а несколько позже Секстом Магном Пием, подчеркивая свою неразрывную связь с отцом и братом, а иногда даже использовал Магн как граепотен, акцентируя свою личную причастность к величию отца⁹. Именно этому аспекту деятельности и пропаганды Секста уделяют особое внимание исследователи¹⁰.

Однако как раз в I в. до н.э. *pietas* приобретает и более широкое значение: исполнение долга перед родиной¹¹. Цицерон (Рер. VI. 16) говорит, что долг перед отечеством выше долга перед семьей. Впрочем, эти два аспекта *pietas* были тесно связаны друг с другом, ибо, по словам того же Цицерона (De off. III. 90), для государства было важно, чтобы граждане исполняли свой долг перед родителями, даже если те совершали нечестивые поступки. По-видимому, Секст, как ранее и его брат, вкладывали в понятие «благочестие», как семейное, так и политическое содержание. Для них борьба с Цезарем являлась прямым продолжением всей войны, начатой переходом Цезаря через Рубикон в январе 49 г. до н.э. Помпеянцы и их союзники рассматривали этот переход как нечестие, как нарушение гарантированных богами установлений Римской республики (что, впрочем, было недалеко от истины), так что выбор лозунга должен был наглядно противопоставить богобоязненное войско помпеянцев армии клятвопреступника Цезаря.

Наконец, стоит обратить внимание еще на один аспект этого понятия. В трактате «О природе богов» (I. 116) Цицерон после указания на то, что *pietas* есть справедливость по отношению к богам, говорит, что если человек не общался с богом, то и бог не имеет с ним никакого правового отношения (*ius*), т.е., исходя из принципа *do ut des*, бог не может рассчитывать на благочестие человека, если сам ничего этому человеку не дал¹². И выдвигая *pietas* как лозунг борьбы, сыновья Помпея подчеркивали не только свое благочестие, но и поддержку богов. Как известно, в последние десятилетия республики ее видные политические деятели, прежде всего претенденты на власть, утверждали свою особую связь с тем или иным божеством. Особенно широко пользовался этим Цезарь. Возводя свой род непосредственно к Венере, он сделал эту богиню своей главной покровительницей. Род Помпеев не был столь знатен. Он был плебейским, и первый консул Помпей появился только в 141 г. до н.э., да и то ничем особенным себя на этом посту не проявил. И сыновья Помпея противопоставили уверениям Цезаря в особых связях с Венерой свое благочестие, т.е. справедливость по отношению ко всем богам Рима¹³. Это особенно ярко проявилось накануне битвы при Мунде, когда паролем для своей армии

⁸ *Montenegro Duque*. Op. cit. P. 170. Fig. 101, 3–6; *Freyburger M.-L., Roddaz J.-M.* Les problèmes historiques // *Dion Cassius. Histoire Romaine. Livres 48 et 49*. P., 1994. P. LXXVIII.

⁹ *Syme R.* *Imperator Caesar. A Study in Nomenclature* // *Historia*. 1958. Bd VII, 2. P. 174.

¹⁰ *Idem.* *The Roman Revolution*. Oxf., 1939. P. 157; *Freyburger, Roddaz*. Op. cit. P. LXXVI–LXXXI; *Morawiecki*. Op. cit. P. 64.

¹¹ *Koch*. Op. cit. Sp. 1222. Ср. *Абрамзон М.Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 30.

¹² Ср. *Рижский М.И.* Примечания и комментарии // *Цицерон. Философские трактаты*. М., 1985. С. 329. Прим. 193.

¹³ Помпей Великий тоже пытался заручиться покровительством Венеры (*Le Glay M.* *La religion romaine*. P., 1997. P. 38). Но подчеркивание Цезарем особых связей с этой богиней, по-видимому, заставило сыновей Помпея отказаться от Венеры как от особой покровительницы их и их дела.

Цезарь избрал «Венеру», а Гней Помпей младший – «Благочестие» (App. II. 104). И Секст, выдвигая тот же лозунг, рассматривал свою борьбу как прямое продолжение борьбы брата. Для него под Мундой было проиграно сражение, но не вся война, и свои действия он рассматривал как прямое продолжение предшествующей кампании с тем же лозунгом, с тем же провозглашенным уважением к богам и той же уверенностью (по крайней мере для окружающих) в ответной поддержке богами его дела.

Другим символом на его монетах является нос корабля¹⁴. И это не случайно. По словам Аппиана (IV. 83), Секст начал свою борьбу с цезарианцами в Испании с морских разбоев. Эти морские рейды, по-видимому, дали ему своеобразный «начальный капитал», после чего он уже в том же 45 г. до н.э. приступил и к сухопутной войне. Возможно, уже тогда, оставшись единственным вождем помпеянских сил, он был своими сторонниками признан (или сам себя провозгласил) императором¹⁵. Учитывая печальный опыт Мунды и не располагая еще значительными силами, Секст избрал партизанскую войну, и направленный Цезарем в Испанию Г. Каррина ничего не мог с ним поделать. Цезарь заменил Каррина Г. Азинием Поллионом, уже бывшим в Испании и, вероятно, сражавшимся там под знаменами Цезаря при Мунде (App. IV. 83–84; Cass. Dio. XLV. 10. 1–3). Поллион занимал пост претора, но в ранге претория был послан в Испанию, как кажется, еще до окончания своего преторского года. Видимо, ситуация на Пиренейском полуострове показалась диктатору уже довольно серьезной. Сравнительно скоро у Секста собрались довольно значительные силы, и он смог уже перейти к открытым действиям. И в начале 44 г. до н.э. он даже сумел захватить Новый Карфаген. Развивая свое наступление, в марте 44 г. Секст подчинил себе город Барию, находившуюся уже в Дальней Испании. Там его застигло известие об убийстве диктатора (Cic. Att. XVI. 4. 2; Cass. Dio. XLV. 10. 3–4).

Убийство Цезаря и вторжение Секста Помпея в Дальнюю Испанию изменило ситуацию на Пиренейском полуострове. В Дальней Испании была сильная клиентела Цезаря, но бездарное и жестокое управление Квинта Кассия изменило настроение провинциалов, и значительная часть провинции стала антицезаревской (Bel. Alex. 52–59). Это ясно проявилось в 46–45 гг. до н.э. Победа Цезаря при Мунде и последующее кровавое усмирение провинции (чего стоила только его расправа с Гиспалисом), казалось, привели к успокоению. Но появление там Секста, с одной стороны, и известие о гибели Цезаря, с другой, сразу же привели к новому выступлению. К Помпею присоединилось еще шесть легионов из этой провинции. Цицерон (Att. XVI. 4. 2) пишет, что это были легионы, оставленные Помпеем в Дальней Испании. Видимо, речь идет о бывших солдатах помпеянской армии, оставшихся на юге Испании после поражения при Мунде. Теперь они присоединились к Помпею, что изменило ситуацию в его пользу. Цицерон, сообщая об этом, упоминает также о перемене настроения во всей провинции и стечении к Сексту людей со всех сторон. Цицерон неприкрыто радуется этому обстоятельству, так что в данном случае вполне возможно понятное преувеличение оратором реакции провинциалов, но само сообщение едва ли совершенно безосновательно. Можно говорить, что какая-то часть и самих провинциалов активно поддержала Секста. Чекан-

¹⁴ Sydenham. Op. cit. P. 174. № 1943–1045; Montenegro Duque. Op. cit. P. 170. Fig. 6–7.

¹⁵ Syme. Imperator Caesar... P. 180.

ка в Салации, расположенной на побережье океана, монет с именем Секста¹⁶ подтверждает это. Легаты Секста чеканили медные ассы в городах будущей Беттики Урсоне и Белоне и соседнем Миртилисе¹⁷. Это ясно свидетельствует о том, что значительная часть Дальней Испании признала власть Секста Помпея.

Убийство Цезаря имело еще одно следствие. Незадолго до своей гибели Цезарь назначил Лепида, являвшегося его начальником конницы, наместником Нарбонской Галлии и Ближней Испании (App. II. 107; Cass. Dio. XLIII. 51. 8), оставив за Поллионом только Дальнюю Испанию. И Лепид начал собирать войска, которые должны были уйти с ним за Альпы. Но мартовские иды застали Лепида с его воинами в Риме, и он принял активное участие в событиях, последовавших за убийством Цезаря¹⁸. Правда, ничего существенного ему добиться не удалось. Антоний провел закон об уничтожении диктатуры вообще, и это лишило Лепида не только поста начальника конницы, ибо уже и диктатора более не было, но и легальной основы его пребывания в Риме. Получив в качестве утешения сан верховного понтифика, Лепид был вынужден удалиться из Италии. Но он не желал завязнуть в испанских делах. Так практически и не появившись в Испании, он сконцентрировал свои войска в Галлии, ожидая развития событий.

В Испании сложилась патовая ситуация. У Поллиона не было сил справиться с увеличившимся войском Помпея. Лепид считал для себя гораздо важнее следить за событиями в Италии, чтобы в любой подходящий момент иметь возможность в них вмешаться. Секст Помпей тоже не стал форсировать события, а предпочел начать переговоры. Возможно, к этому его толкала оценка своих позиций в Риме. А об этих позициях свидетельствует Цицерон. В публично произнесенных «Филиппиках» он всячески превозносит Секста, называя его подобным своему отцу, которого в свою очередь считает «светом римского народа (Phil. V. 39), славнейшим юношей (Phil. XIII. 8), и выражает радость по поводу того, что государство снова увидит сына Гнея Помпея (Phil. XIII. 9), одновременно обвиняя Антония в недостойном поведении по отношению к Помпею и его имуществу (Phil. V. 39–41; XIII. 9). В письмах господствует иное настроение. Исследователи обратили внимание на то, что в отличие от Брута и других людей, более или менее близких Цицерону, оратор ни разу не называет Секста *poster*¹⁹. Следовательно, в круг Цицерона сын Помпея Великого ни в коей мере не входил. Цицерон одновременно и боится, что Секст «отбросит щит», прескратив всякую борьбу (Att. XV. 29. 1), и страшится, как бы тот не явился с войском в Италию, развязав новую гражданскую войну (Att. XIV. 22. 2; XV. 21. 3; 22). Видимо, военные действия на западной и восточной окраинах республики – в Испании и Сирии – настоящей гражданской войной в Риме не представлялись. Такая настороженность Цицерона по отношению к Сексту была, вероятно, известна и самому младшему Помпею, а выражала она не только личные взгляды и чувства Цицерона, но явно и всего сенатского большинства, лидером которого в тот момент Цицерон являлся.

¹⁶ Ibid. P. 175. Существует мнение, что легенда SAL на этих монетах указывает не на Салацию, а на Сальпензу (Morawiecki. Op. cit. P. 65). В таком случае речь идет не о Лузитании, а о будущей Бетике.

¹⁷ Morawiecki. Op. cit. P. 66.

¹⁸ Литература об этих событиях огромна. Отметим лишь: Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 123–124; Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 6–8.

¹⁹ Freyburger, Roddaz. Op. cit. P. LXXXVIII.

Едва ли мог Секст рассчитывать и на городскую массу. Ее настроение было непостоянным. Память о Помпее Великом не была столь уж глубока. Много позже Секст действительно приобретет популярность у части римского плебса (App. V. 25), но это произойдет в совершенно других условиях. А пока римская толпа была настроена резко процезариански, как показывали все события весны 44 г. до н.э. И в этих условиях сыну Помпея было важно восстановить позиции своей семьи в Риме, чтобы вновь приобрести опору, с которой он мог уже начать свое возвышение. Думал ли при этом Секст о захвате власти в государстве, сказать трудно, ибо никаких положительных свидетельств этому нет, а его практические шаги, казалось, говорили об обратном. Но, с другой стороны, Секст едва ли отличался от людей своего поколения. В этом поколении существовали «белые вороны», у которых еще имелись какие-то политические принципы. Таким был, несомненно, Брут и, может быть, Кассий. Но при всем к ним уважении реального влияния такие люди почти не имели и были обречены на поражение. Основная масса политических деятелей этого поколения, к которой принадлежали такие люди, как Антоний, Лепид и сам Секст Помпей, стремилась только к собственному утверждению. Недаром многие из них сравнительно легко переходили из лагеря в лагерь в зависимости от политической конъюнктуры. Если какие-либо красивые лозунги и выдвигались, то только для привлечения как можно большего числа сторонников. И Секст, будучи плоть от плоти этого поколения, был честолюбив не менее Антония или Лепида. Но для достижения своих целей он, по-видимому, первоочередной считал необходимость возвращения положения своей семьи. И Секст заменил военное наступление дипломатическим.

Летом 44 г. Секст через посредство своего тестя Л. Скрибония Либона обратился с письмом к консулам Антонию и Долабелле с предложением роспуска всех войск и возвращения ему, Сексту, отцовского имущества, прежде всего дома. Копию этого письма через того же Либона он передал Цицерону и его друзьям (Cic. Att. XVI. 4. 1–2). Это свидетельствует о том, что он стремился не только (а может быть, и не столько) к переговорам с Антонием и Долабеллой, которых он иронически называл «консулы или они под каким-нибудь другим именем», намекая на отсутствие реальных выборов, но и к созданию благоприятного общественного мнения. Цицерон охотно пошел навстречу Помпею, тем более что главным приобретателем имущества Помпея был Антоний. По инициативе Цицерона к адресатам были прибавлены преторы, народные трибуны и сенат, чтобы не дать консулам замолчать это письмо и придать ему самую широкую огласку. Этим письмом Секст явно пытался добиться положения лидера или одного из лидеров антицезарианских или, в тех условиях точнее, антиантониевских сил. Конечно, добиться этого он не смог, но замалчивать его позицию было уже невозможно, тем более что Цицерон поддержал его требования в своих выступлениях (Phil. II. 75; XIII. 11–12).

В таких условиях Лепид предпочел пойти на переговоры с Секстом. Сколь долго и как интенсивно они шли, сказать трудно. Но еще 25 октября 44 г. до н.э. Цицерон (Att. XV. 13. 4) писал Аттику, что дела в Испании идут очень хорошо, значит в это время Секст со своими войсками еще находился на Пиренейском полуострове. Но еще до начала нового года Секст уже заключил соглашение с Лепидом, по которому он должен был получить возмещение за конфискованное имущество, а за это покинуть Испанию (Cic. Phil. V. 41; XIII.

9, 12; Vel. Pat. II. 73; Cass. Dio. XLV. 10. 6; XLVIII. 17. 1)²⁰. Это соглашение было ратифицировано сенатом и оформлено как его постановление (App. III. 4; IV. 94). Цицерон (Phil. V. 41) в связи с этим упоминает волю не только сената, но и римского народа. Это может свидетельствовать о подтверждении соглашения и народным собранием (хотя не исключено, что все дело просто в общепринятой формуле). Таким образом, речь шла не о частном соглашении двух военных и политических деятелей, а о решении римского правительства. Своих основных целей Секст не добился, но все же вернул себе определенное легальное положение. Цезарь рассматривал войну 46–45 гг. до н.э. в Дальней Испании как мятеж против государства и, следовательно, сыновей Помпея как мятежников, недостойных его милосердия. Теперь же согласием на возмещение имущества римское правительство отказывалось от прежнего взгляда. Более того, по условиям этого договора Сексту Помпею возвращалось гражданство (Cic. Phil. V. 38–41), которого он был лишен Цезарем. Это было уже важным шагом к достижению цели. Выполняя условия соглашения, Секст еще до наступления 43 г. или в самом начале этого года покинул Испанию и перебрался в Массилию поближе и к Италии, и к Лепиду. Вскоре он официально был назначен сенатом префектом флота и морского побережья (Vel. Pat. II. 73; App. III. 4; Cass. Dio. XLVIII. 17. 1). Это давало ему законное право держать армию и флот, и он забыл о своем прежнем требовании роспуска всех войск.

С Помпеем ушла и часть, по крайней мере, его армии, в том числе и части из туземцев. Позже испанцы сражались под знаменами Секста на Сицилии²¹. Но это не привело к успокоению в самой Испании. Сведений о событиях в Испании после ухода Помпея почти нет, но те скудные известия, которыми мы располагаем, все-таки позволяют сделать какие-то выводы. Вскоре после того как Испания перешла под власть Октавиана, последний был вынужден направить туда шесть легионов под командованием своего друга Кв. Сальвидиена Руфа. Неизвестно, успели ли они принять участие в военных действиях в Испании, так как вскоре были отозваны для войны с Луцием Антонием (App. V. 19; 24; Cass. Dio. XLVIII. 10. 1), но сама посылка столь значительного войска говорит о серьезности положения на Пиренейском полуострове. Уже в 30-е годы в Испании активно действовали полководцы Октавиана, ведя упорные войны. Первым из них был Гн. Домиций Кальвин. Он был направлен в Испанию в 39 г. до н.э. и действовал там до 37 г. Кальвин был опытным политическим и военным деятелем, ранее выступавшим против Цезаря, но затем перешедшим на его сторону и уже его не покидавшим. Он участвовал в битве при Фарсале, в войне против Фарнака, в африканской кампании. При расколе цезарианцев он оказался на стороне Октавиана²². Уже сама посылка такого ис-

²⁰ По Аппиану (III. 4), инициатором соглашения с Секстом был Антоний. Возможно, это утверждение связано с общей проантониевской традицией, которой следует Аппиан: см. *Senatore F. Sesto Pompeo tra Antonio e Octaviano nella tradizione storiografica antica // Athaenaeum*. 1991. 79. 1. P. 103–139. Автор подчеркивает, что в рассказе о переговорах с Секстом александрийский историк не упоминает основное требование последнего о возвращении отцовского имущества, а упоминая о приобретении Антонием собственности Помпея, указывает на законность этого акта; и в рассказе о гибели Секста приводится несколько версий этого события, т.е. фактически обеляется сам Антоний. Ф. Сенаторе считает источником этих пассажей Азияния Поллиона, который, как известно, одно время активно поддерживал Антония и явно не питал особой любви к Лепиду, бывшему его соперником на Пиренейском полуострове.

²¹ Парфенов. Ук. соч. С. 73. Недаром на монетах, чеканенных в Сиракузах, появляется легенда HISPANORUM (Morawiecki. Op. cit. P. 68–69).

²² Münzer. Domitius, 43 // RE. 1903. Hlbd 9. Sp. 1422–1423.

пытанного командира и сторонника говорит о серьезности положения в Испании²³. О такой серьезности говорит и состояние римских войск, которые, по видимому, уже разложились. Когда часть его армии во главе с одним из его помощников попала в засаду, воины просто-напросто бросили своего командира и бежали. Кальвину пришлось прибегнуть к децимации. Эту меру не применяли в римской армии со времени Красса, который таким же образом восстановил дисциплину среди своих воинов во время войны со Спартаксом. Да и во время Красса это было уже чем-то забытым и необычным. После восстания такой жестокой мерой порядка в войсках Кальвин начал наступление на врагов (Cass. Dio. XLVIII. 42. 1–3). Дион Кассий называет этими врагами варваров и конкретно церетанов. Так что речь идет именно о местном населении. Церетаны населяли восточную и центральную части района Пиренеев²⁴, т.е. приблизительно ту же территорию, возле которой первоначально действовал Секст. Однако Кальвин действиями только там не ограничился. Овладение таким важным стратегическим районом, как территория церетанов²⁵, дало ему возможность дальнейших военных операций. Он распространил их и на район Оски²⁶. В свое время Оска была столицей Сертория, и этот район был как бы сердцем серториевской державы. С другой стороны, именно в этом районе и в близлежащей долине Ибера более всего концентрировалась испанская клиентела Помпеев²⁷. И все эти совпадения едва ли были случайными.

Операционной базой Кальвина был, возможно, Эмпорион, использованный римлянами в этом качестве еще во второй Пунической войне и в начале завоевания Испании. И с Кальвином, видимо, связывается преобразование этого города в муниципий, по крайней мере его испанской части²⁸, что можно рассматривать как благодарность эмпоритам за их поддержку в войне. В начале выступления Секста Помпея Эмпорион, как кажется, выступил на его стороне²⁹, но неоднородность этого двойного (или к тому времени даже тройного) города привела к тому, что значительная часть горожан поддержала октавиановского полководца в его войнах с соседними иберами. С Кальвином связано возведение в ранг муниципия и Оски³⁰, которая, видимо, тоже поддержала Кальвина в его военных операциях в этом регионе. И Кальвин со своей стороны стремился привлечь к себе местное население. Об этом говорит не только предоставление муниципального статуса Оске, но и то, что чеканенные им в этом городе монеты воспроизводили стиль кельтиберской чеканки³¹. За свои победы Кальвин получил в 36 г. до н.э. триумф и еще во время пребывания в Испании титул императора (CIL I, p. 461, 478)³². О значении побед Кальвина

²³ Syme. *The Roman Revolution*. P. 227, 332.

²⁴ *Historia de España*. Madrid, 1989. P. 366–368.

²⁵ *Olesti Vila O. La romanización de la Cerdeña // Homenaje a José M. Blázquez*. V. IV. Madrid, 1999. P. 302.

²⁶ *Freyburger, Roddaz*. Op. cit. P. 98.

²⁷ Об этом, в частности, свидетельствует значительная концентрация людей с именем Помпея в этом регионе (*Dyson S.L. The Distribution of Roman Republican Family Names in the Iberian Peninsula // Ancient Society*. 1980/1981. 11/12. P. 288).

²⁸ *Циркин Ю.Б. Римский Эмпорион. Путь к муниципию // Государство, политика и идеология в античном мире*. Л., 1990. С. 124; *Bonneville J.-N. Les patrons du municipe d'Emporion // REA*. 1986. 88. P. 183–186, 193–195.

²⁹ *Bonneville*. Op. cit. P. 195.

³⁰ *Roddaz*. Op. cit. P. 332.

³¹ *Sydenham*. Op. cit. P. 212.

³² *Ibid.*

говорит еще и тот факт, что именно со времени его наместничества стала отсчитываться «испанская эра», которая пережила римское владычество и сохранялась вплоть до арабского завоевания Испании. По-видимому, действия Кальвина принесли этой части Испании мир, и это было высоко оценено³³. Вообще Август считал, что именно с его правления начинается новая эра в Риме³⁴. И то, что он и его преемники сохранили «испанскую эру», говорит об осознании значения побед Кальвина не только испанцами, но и римским правительством.

На смену Кальвину был послан Г. Норбан Флакк. Он, как и Кальвин, уже был известным военным командиром и испытанным сторонником триумвиров. Он активно и успешно сражался против республиканцев в 42 г. до н.э., а во время болезни Октавиана в битве при Филиппах вместо него командовал лагерем. В 38 г. до н.э. Норбан был консулом и затем сменил Кальвина в Испании, получив затем, как и его предшественник, триумф и титул императора³⁵. С ним связано основание колонии Норбы Цезарины³⁶. Этот город был расположен в Дальней Испании на территории будущей Лузитании на старинном важном пути к рудным регионам Северо-Западной Испании³⁷. В связи с этим нужно вспомнить, что лузитаны активно поддерживали помпеяцев даже после поражения последних при Мунде и пытались не дать Цезарю овладеть Гиспалисом, а позже успешно сражались против Дидия и убили его (Bel. Hisp. 35–36, 38, 40). Явно либо для борьбы с лузитанами, либо для предотвращения их выступления зимой 44–43 гг. до н.э. Азиний Поллион расположил свои легионы в Лузитании (Cic. Fam. X. 33. 3). А решившись уйти со своими войсками из провинции, он оправдывался тем, что легионы нужнее провинций, которые затем можно будет легко возвратить (ibid. X. 31. 6). Так что угроза полной потери Дальней Испании в случае ухода оттуда войск Поллиона явно существовала. Отмеченная выше возможная чеканка монет Секста в лузитанской Салации также говорит о поддержке помпеяцев в этом регионе. Поэтому можно думать, что и Норбан сражался в основном с лузитанами, и это тоже можно рассматривать как последние отзвуки войны с помпеяцами, в том числе с Секстом Помпеем. Таким образом, основными районами действий Кальвина и Норбана были северо-восточная часть Ближней Испании и западная часть Дальней, т.е. именно те, в которых отмечена и активность Секста Помпея.

На этом военные действия в Испании не прекратились. После Кальвина и Норбана триумфы и императорские титулы за победы в Испании получали Л. Марций Филипп, Ап. Клавдий Пульхр, Г. Кальвизий Сабин и уже в самом начале 20-х годов Т. Статилий Тавр (о его триумфе неизвестно, но он был императором, что предполагает и триумф³⁸) и С. Аппулей. В триумфальных фастах триумфы всех этих полководцев, как и Кальвина и Норбана, обозначались просто ex Hispania (CIL I, p. 461, 478). О районе действий преемников Норбана до Статилия Тавра ничего сказать нельзя. Тавр же сражался уже против кантабров, астуров и вакцеов (Cass. Dio. LI. 20). По-видимому, с теми же врагами имел дело и Аппулей, и их кампании можно рассматривать как начало той

³³ Cp. Balil A. Riqueza y sociedad en la España Romana // Hispania. 1965. 99. P. 353.

³⁴ Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. 2001. Bd 31. S. 3.

³⁵ Groag. Norbanus, 9a // RE. 1936. Hlbd 33. Sp. 1270–1272.

³⁶ Callejo Cerrano C. La arqueología de Norba Caesarina // AEArc. 1968. V. 41. P. 121; Galsterer H. Untersuchungen zum Römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. B., 1971. S. 23–24.

³⁷ Callejo Cerrano. Op. cit. P. 121, 147.

³⁸ Castillo Garcia C. Prosopographia Baetica. Pamplona, 1965. P. 244.

войны, которую немногим позже повел сам Август, подчиняя Северную и Северо-Западную Испанию.

Суммируя эти скудные известия, можно говорить, что выступление Секста послужило для его местных союзников началом новой войны с римским правительством. Ситуация напоминает движение Сертория, когда две силы – римские эмигранты и туземцы – выступили совместно против тогдашних властей Римской республики, преследуя каждые свои цели. В какой-то степени совпадали и основные районы выступления испанцев под знаменами Сертория в 70-х годах и Секста Помпея в конце 40-х. В отличие от Сертория Секст, как кажется, не стал создавать свое государство (во всяком случае, никаких данных об этом у нас нет), а затем и вовсе покинул страну, по существу бросив своих союзников на произвол судьбы. Но те (по крайней мере значительная их часть) не смирились, а продолжили борьбу, которая приняла столь опасный для Рима характер, что Октавиану пришлось применять чрезвычайные меры. Вполне возможно, что успешные действия Кальвина и Норбана привели к окончательной победе над последними сторонниками Секста в Испании, а их преемники воевали уже против независимых испанских племен. Если отвлечься от событий в Астурии, Кантабрии и Галлеции, т.е. на крайнем севере и северо-западе полуострова, то это было последнее выступление местного населения против Рима. Толчком для него и стало появление Секста Помпея и возобновление им войны с Цезарем.

Вернемся ко второй половине 40-х годов. Добившись удаления Секста Помпея из Испании, Лепид, по-видимому, принял меры для укрепления своего положения в этой стране. Одним из инструментов достижения подобных целей являлась политика дарования прав римского гражданства, и надписи показывают большое количество Эмилиев, сконцентрированных преимущественно в городах восточной части Ближней Испании³⁹ (т.е. там, где действовал и Секст). Другой мерой было основание колоний. Цезарь, как это уже доказано, выводил свои колонии в те города, которые выступали на стороне его противников, отнимая земли у прежних жителей для своих колонистов⁴⁰. Возможно, что по этому пути пошел и Лепид. То, что колония Виктрикс Юлия Лепида была создана Лепидом, не вызывает никаких сомнений⁴¹. Споры возникают при определении времени ее создания. Была высказана мысль, что колония была создана еще во время первого наместничества Лепида в Ближней Испании в 48–47 годах. Основанием для такого предположения являются находки монет этой колонии с именами четырех коллегий дуумвиров и двух коллегий эдилов, что довольно много, в то время как за все время правления Августа, когда колония уже носила другое имя, известно всего лишь шесть пар дуумвиров⁴². Однако это вполне можно объяснить случайностями находок. Мы не знаем точно, в каком году произошло переименование колонии, но скорее всего когда Лепид окончательно впал в немилость, т.е. в 36 г. до н.э. или немногим позже. До этого времени Октавиан не решался полностью рвать с Лепидом, рассчитывая все же на его поддержку в возможной борьбе с Антонием. И когда обстановка в Риме и Италии резко обострилась, Октавиану действительно пришлось именно Лепида оставить для охраны самого Рима (App. V. 29;

³⁹ Dyson. Op. cit. P. 271.

⁴⁰ Vittinghoff F. Römische Kolonisation- und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952. S. 75.

⁴¹ Beltran Lloris M. La colonia Victrix Iulia Lepida Celsa // RSL. 1979. 45. P. 187–190.

⁴² Galsterer. Op. cit. S. 25.

Cass. Dio. XLVIII. 13. 4). Едва ли в таких условиях он мог пойти на столь демонстративный шаг, как переименование лепидовской колонии. Да и нумизматические данные свидетельствуют как будто бы о том, что смена названий произошла в 36–35 гг. до н.э.⁴³ Так что четыре пары дуумвиров за такой срок не так уж и много.

С другой стороны, историческая обстановка скорее позволяет говорить о 43 или 42 г. до н.э. как времени создания колонии, т.е. вскоре после соглашения с Секстом. Во время своего первого наместничества Лепид был слишком связан властью Цезаря и едва ли мог самостоятельно принять такое решение, как основание колонии⁴⁴. Во время же второго наместничества действовать самостоятельно он вполне мог. И в первый, и во второй раз Лепид рассматривал свои действия в Испании как основания для триумфа. Но первый раз это было связано с урегулированием отношений внутри самого цезарианского лагеря, в то время как во втором с изгнанием (как он мог по крайней мере представить это внешнему миру) Помпея из этой страны. Он снова добивался триумфа, но назначены ему были лишь торжественные моления и воздвигнута его статуя (Cic. Phil. III. 23; V. 41; XIII. 9; Fam. X. 27. 1), которая, впрочем, позже была разрушена. Цицерон считал эти почести более чем достаточными, оправдывая отказ в триумфе тем, что это – награда за военные подвиги, а Лепид (и на этом оратор упорно настаивает) добился ухода Секста мирным путем (Phil. XIII. 13. 13). Лепид явно не считал эти доводы основательными и, оставшись в 43 г. после отъезда Антония и Октавиана на Балканы единственным триумвиром и, следовательно, полным хозяином Рима, все же отпраздновал пышный триумф (CIL I, p. 461, 478), заставляя всех участвовать в этом праздновании под угрозой внесения в проскрипционные списки (App. IV. 31). Учитывая, что войну с испанцами, как уже говорилось, и позже вели полководцы Октавиана, возможно, что претензии Лепида на триумф были не так уж необоснованы⁴⁵. Так что гордое название Виктрикс вполне уместно и в этом случае. После гибели Цезаря его преемники продолжали выполнять намеченный им план выведения колоний. Так, «по приказу Г. Цезаря диктатора и по закону Антония» была создана колония Урсон в Дальней Испании (CIL II. 5439. 104). Основание Виктрикс Юлии Лепиды вполне вписывается в этот исторический контекст.

Лепиду, вероятнее всего, принадлежит и создание колонии Илици. Ее официальное название Юлия Илици (или Илицитана) Августа⁴⁶. Как считает Х. Гальштерер, несколько необычное название, в котором слова «Юлия» и «Августа» разделены местным наименованием города «Илици», свидетельствует о прибавлении титула Августа уже после действительного создания колонии, а до этого она именовалась Юлия Илици⁴⁷. Заметим, что уже упомянутая колония в Урсоне называлась Юлия Генетива. Сравнительно недавно на месте древней Илици была найдена надпись на небольшой бронзовой плите, являющаяся частью кадастра этого города. Исследователи, занимавшиеся

⁴³ *Beltran Lloris*. Op. cit. 190. На последних монетах города, еще именуемого Лепидой, изображена фигура Рах, что, по мнению М. Бельтрана Льориса, указывает на примирение Октавиана с Лепидом (*ibid.*). Если это так, что очень вероятно, то это является еще одним доказательством относительно поздней смены названия.

⁴⁴ *Roddaz*. Op. cit. P. 329; исследователь полагает, что если бы Лепид создал колонию при жизни Цезаря, это могло бы рассматриваться как покушение на достоинство диктатора.

⁴⁵ Ср. *Roddaz*. Op. cit. P. 329. Not. 85.

⁴⁶ *Keune*. *Ilici* // RE. 1918. Hlbd III. Sp. 1218; *Galsterer*. Op. cit. S. 26.

⁴⁷ *Galsterer*. Op. cit. S. 26.

этой надписью, датируют ее между 43 и 27 гг. до н.э., а последние изыскания позволили определить, что наиболее вероятно именно первая дата – 43 г. до н.э.⁴⁸ И в таком случае основателем этой колонии также был Лепид. После создания второго триумvirата к владениям Лепида была прибавлена и Дальняя Испания (App. IV. 2; Cass. Dio. XLVI. 55. 4). И то, что колония Илици была создана у границ с этой провинцией, но еще все же в Ближней Испании, позволяет думать, что ее выведение произошло еще до раздела провинций между триумвирами.

Из надписи известны десять человек, получившие земли в новой колонии. Все они римские граждане, так как в их именах упоминаются их трибы. Двое из них происходят из Италии – из Пренесте в Лации и Вибона в Брутии, четверо – из Дальней Испании, один – с Балеарских островов. Сомнения возникают при упоминании еще трех персонажей, которые происходят из Икозия. Известен Икозий в Цезаританской Мавретании (совр. Алжир). Но двумя испанскими учеными, занимавшимися этой надписью, было высказано мнение, что речь идет о другом Икозии⁴⁹. Об этом другом Икозии упоминает Плиний (Ш. 19–20) и располагает его в непосредственной близости от Илици. Учитывая исторические обстоятельства и географическую близость Илици и Икозия, это мнение надо принять. И в таком случае получается, что 80% известных первых колонистов Илици происходят из той же Испании. Конечно, возможно сомнение, есть ли основание распространять данные о десятке колонистов на весь коллектив этой колонии, а тем более на колонистов того времени вообще. Но, кажется, с некоторыми оговорками это все-таки можно сделать.

Возникает вопрос о социальном происхождении колонистов Илици. Существуют две противоположные точки зрения на это. Одни считают колонистов безусловными ветеранами, а точнее бывшими воинами туземного легиона, в свое время набранного Варроном, а другие это решительно отвергают. Доводом в пользу ветеранов являются расчеты, показывающие, что первоначально колонистов должно было быть 600 человек (плюс их семьи), что равняется одной когорте. Однако расчеты эти весьма приблизительны, и существует не менее обоснованное мнение, что владельцев участков было 3000, не считая их семей⁵⁰, и это различие в расчетах уже позволяет сомневаться в их правильности вообще. Известно, что Цезарь выводил свои колонии в города, которые ему сопротивлялись, для чего отнимал землю у их прежних жителей. Колонистами же он делал своих воинов. В принципе по тому же пути пошли и его преемники. Антонием была основана, как было сказано выше, колония Урсон, а судя по монетам, чеканенным в этом городе, Урсон явно поддерживал Секста Помпея⁵¹. Едва ли Лепид собирался изменять этому правилу. Но в таком случае о каких воинах, точнее ветеранах, может идти речь?

Высказывается мнение, что это были ветераны Цезаря, которых Лепид в силу закона Антония вывел в Цельзу⁵². Известно, что в момент убийства Цезаря в Риме действительно находилось больше количество ветеранов, кото-

⁴⁸ Mayer M., *Olesti 0. La sortito de Illici. Del documento epigráfico al pasaje histórico // Dialogues d'histoire ancienne. 2001. T. 27. 1. P. 109–131; Guillaumin J.-J. Note sur le document cadastral remain découvert a la Alcudia (Eiche, province d'Alicante) // Dialogues d'histoire ancienne. 2002. № 28. 1. P. 113–133.*

⁴⁹ Mauer, *Olesti. La sortito de Illici...* P. 113.

⁵⁰ Ibid. P. 114, 129–131.

⁵¹ Morawiecki. Op. cit. P. 66.

⁵² Roddaz. Op. cit. P. 329–330.

рым убитый диктатор обещал земли и которые приняли активное участие в мартовских событиях 44 г. до н.э. (Cic. Att. XIV. 14. 2; App. II. 125, 133). А несколько позже они участвовали в борьбе между Октавианом и Антонием. По аграрному закону Луция Антония большинство их, как кажется, получало земли не в провинциях, а в Италии⁵³. Часть ветеранов могла быть поселена и в Испании, как, например, в Урсоне. Но в Урсон колония была выведена еще в 44 г. до н.э. Однако положение в 43–42 годах уже отличалось от того, что было год назад. Никаких сведений о демобилизации Лепидом хотя бы части своей армии в эти годы нет. Более того, политическая обстановка требовала от него сохранения всех своих сил. Известно, что долгое время Лепид вел двойную игру, не решаясь открыто поддержать Антония в его борьбе с сенатом и Октавианом, но и не собираясь рвать с ним. Так, он направил под Мутину часть своей армии во главе М. Силаном, но дал ей столь противоречивые указания, что Силан присоединился к Антонию (Cass. Dio. XLVI. 38. 5–7; 51. 1). И лишь позже Лепид открыто присоединился к Антонию. В таких условиях лишь сохранение своих войск позволяло Лепиду играть роль в дальнейших событиях и войти в состав второго триумvirата. Так что вывести своих ветеранов в 44–43 гг. до н.э. в испанские колонии Лепид едва ли мог⁵⁴. А когда его коллеги по триумvirату стали готовиться к походу против республиканцев, они забрали у Лепида большую часть его войск, оставив ему всего три легиона (App. IV. 3). И пока на Востоке сохранялись большие силы республиканцев, ни о какой демобилизации армии ни одного из триумvirов не могло быть речи. Значительная часть армии триумvirов была распущена после битвы при Филиппах (App. V. 3), но именно тогда против Лепида было выдвинуто обвинение в сношениях с Секстом, и он был лишен власти в провинциях (App. V. 3; 12; Cass. Dio. XLVIII. 1. 3; Suet. Aug. 13).

Было выдвинуто предположение, что колонистами были воины Туземного легиона⁵⁵. Однако статус Туземного легиона спорен. Существует, на наш взгляд, в высокой степени обоснованное мнение, что его воинами были не римские граждане, жившие в Испании, а не имевшие гражданства испанцы, в чрезвычайных условиях начинавшейся гражданской войны включенные в легион⁵⁶. Речь идет, конечно, о жителях будущей Бетики, о которых Страбон (III. 2. 15) говорит, что они почти обратились в римлян, и это «почти» означает лишь отсутствие у них гражданства⁵⁷. Причисление же названных в надписи колонистов к той или иной трибе ясно говорит об их римском гражданстве. Существует также точка зрения, что Туземный легион состоял из романизованных туземцев⁵⁸, т.е. испанцев, которые все же имели гражданство. Но в любом случае Туземный легион никаких заслуг ни перед Лепидом, ни перед Цезарем не имел, во время Испанской войны он сражался на стороне Гнея Помпея младшего (Bel. Hisp. 20). Никаких намеков на военное прошлое колонистов в самой надписи нет. Поэтому, не высказывая окончательного суждения, можно считать более вероятным, что колонисты ветеранами не были. Это могли быть либо уже получившие гражданство испанцы, либо потомки

⁵³ Машкин. Ук. соч. С. 145.

⁵⁴ Brunt. Italian Manpower. Oxf., 1971. P. 258.

⁵⁵ Mayer, Olesti. La sortito de Illici... P. 115.

⁵⁶ Fear A.T. The Vernacular Legion of Hispania Ulterior // Latomus. 1991. 50. P. 809–821.

⁵⁷ Blazquez J.M. Nuevos estudios sobre la Romanización. Madrid, 1989. P. 11–16.

⁵⁸ Brunt. Op. cit. P. 230–231.

италийских переселенцев во втором, по крайней мере, или (для 20%) в первом поколении.

Следует обратить внимание и на *origo* колонистов, учитывая только происходивших из Испании. По Плинию (III. 20), Икозий был присоединен к Илици. Улия была единственным городом в долине Бетиса, которая твердо оставалась на стороне Цезаря. В других городах шла борьба между двумя «партиями». Даже в Кордубе, бывшей центром антицезарианского движения, существовало какое-то процезаревское меньшинство (Bel. Hisp. 2, 34). В еще большей степени это относится к прибрежным городам⁵⁹, включая явно и Малаку. Все три упомянутых выше жителя Икозия принадлежали к трибе Галерии, а именно к этой трибе причислял Цезарь испанцев, которым он давал гражданство. Поэтому вполне возможно, что речь идет о сторонниках цезарианцев, которые могли бы служить опорой Лепиду в беспокойной стране. Почти все *populi* первых колонистов Илици хорошо известны в Испании (исключение только Г. Ауфистий из Икозия). Четыре из восьми испанцев носили имена, которые особенно широко были распространены в этой стране, – Эмилий, Марий, Валерий и Фабий⁶⁰. Из всех десяти только один имел когномен – Г. Анний Сенека из Икозия. И он имеет полное соответствие в лице Г. Анния Сенеки, думвира города Илуркона в Бетике⁶¹.

Примечательно расположение обеих колоний Лепида. Цельза находилась на берегу Ибера в том месте, где через него проходила важная переправа по каменному мосту (Strabo. III. 4. 10). Эта река являлась важнейшим путем коммуникации с внутренними районами Пиренейского полуострова и в то же время одной из основных осей романизации. Однако именно в этом регионе нашел убежище Секст, и там он сначала действовал; позже поблизости воевал Кальвин. До создания колонии Цельза была местным городом⁶², и наличие в более позднее время среди магистратов колонии (следовательно, и среди жителей) Помпеев⁶³ показывает, что помпеевская клиентела в этом городе существовала. Важно еще одно обстоятельство. Как показывают монетные легенды, когда город именовался Лепидой, местные Помпеи предпочитали не называть свой *popen*, и только уже после переименования колонии стали снова открыто так именоваться⁶⁴. Это явно связано с антипомпеянскими действиями Лепида, которые после его устранения потеряли свою актуальность.

Незадолго до убийства Цезаря и вскоре после этого события главным районом действий Секста являлось пограничье Ближней и Дальней Испании, и там к северу от Нового Карфагена была создана колония Илици, и через нее проходил важный путь, знаменитая *via Herculea* (позже *Augusta*), соединяющая Южную и Восточную Испанию с Италией. На месте колонии и здесь находился туземный город, на развалинах которого был построен римский⁶⁵.

Все это позволяет реконструировать ход событий в Испании накануне и вскоре после смерти Цезаря. Секст, бежав из Кордубы, нашел убежище в северо-восточной части Испании и в скором времени, собрав силы, приступил к

⁵⁹ Достаточно вспомнить об ожесточенной борьбе двух «партий» в Гадесе после прибытия туда раненного Гнея Помпея (Bel. Hisp. 37).

⁶⁰ Balil. Op. cit. P. 363; Dyson. Op. cit. P. 155, 170.

⁶¹ Castillo Garcia. Op. cit. P. 22.

⁶² Beltran Lloris. Op. cit. P. 184–187.

⁶³ Ibid. P. 193; Galsterer. Op. cit. S. 25; Roddaz. Op. cit. P. 327.

⁶⁴ Beltran Lloris. Op. cit. P. 190, 193.

⁶⁵ Gurti i Esparraguera J.M. Revisión del catastro romano; Lanuza i Garriga A.M., Palet i Martíñez J.M. de Illici (Elche) // Pyrene. 1996. № 27. P. 223.

активными действиям. Местное население, среди которого был еще велик авторитет Помпея и имелась его клиентела, поддержало Секста. Впрочем, для него, как и ранее во времена Сертория, эта поддержка вождя римской политической группировки послужила, по-видимому, лишь толчком для собственного выступления, направленного против римлян вообще. Но именно эта широкая поддержка и не давала возможности ни Каррине, ни Поллиону справиться с Секстом. И Лепид, внимание которого к тому же было обращено не столько на Испанию, сколько на Италию, предпочел вести с Секстом переговоры. После ухода Секста Помпея из Испании антиримское движение продолжалось, и не исключено, что каким-то воинским частям Лепида во главе с его легатами пришлось иметь дело с повстанцами, что и стало поводом для триумфа. После Филипп Лепид был лишен власти в Испании, и Октавиан стал посылать туда своих легатов. И первым из них стал тот же Каррина, который недавно неудачно сражался с Секстом. Во время Перузинской войны Луций Антоний пытался натравить на октавиановские войска в Испании мавретанского царя Богуда (Cass. Dio. XLVIII. 45. 1–2), но неудачно, ибо сторонник Октавиана и соперник Богуда Бокх напал на него и лишил его царства (ibid. 45. 2–3)⁶⁶. Позже Октавиан официально даже назначил Луция своим наместником в Испании (App. V. 54), но тот, видимо, там так и не появился; во всяком случае, после этого Л. Антоний просто не упоминается в источниках. Полководцы Октавиана довершили разгром повстанцев. И накануне решающей схватки Октавиана с Антонием Испания по старинному иберскому обычаю принесла ему присягу. Когда Октавиан стал Августом, он завершил завоевание Пиренейского полуострова, но это уже выходит далеко за рамки данной статьи.

SPAIN AFTER CAESAR'S DEATH

Yu.B. Tsirkin

After Pompeians were defeated at Munda, Sextus Pompeius left for Hispania Citerior and recommenced there the war against Caesar's governors. Shortly before Caesar's death, he passed on to open actions and achieved much success. Sensibly estimating his forces, he concluded a treaty with Lepidus and left Spain. However, an essential part of his Spanish adherents kept on fighting, because supporting Sextus meant for them only an occasion for an anti-Roman rebellion. This rebellion was stifled only by Octavianus' commanders. Lepidus, after Sextus left Spain, took measures to consolidate his position in the country and established two colonies – Celsa and Ilici. Founding of the latter colony is evidenced by a recently found inscription.

⁶⁶ Аппиан (V. 26), наоборот, говорит о посылке Луцием Антонием в Испанию Бокха, но он явно ошибается, ибо именно Богуд был верным сторонником Антония и оставался им до самой своей смерти.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2004 г.

АНАТОМИЯ ИЛИАДЫ: НАЧАЛО ДИСКУССИИ

На мою «Анатомию Илиады»¹ появилось три рецензии: две одобрительных и одна разгромная. Мир исследователей древности очень узок, так что с авторами всех трех рецензий я знаком, все они (за исключением одного соавтора последней рецензии) имели текст моих штудий еще до публикации моей книги, но и я получил изложение их взглядов еще до появления их рецензий. Поэтому тут для меня не было неожиданности. Более того, неожиданности не было и в более глубоком смысле. Я знал, с чем я столкнусь, выпуская свой труд. Во-первых, я осознавал спорность некоторых положений своей концепции. Во-вторых, я понимал, что, не будучи античником, я вторгаюсь в мир людей, которые всю жизнь рассуждали о гении Гомера, о стиле Гомера, о единстве его великих поэм, – и вдруг на тебе: является современник, который, возобновляя аналитические идеи позапрошлого века, заявляет, что никакого уникального поэта, автора «Илиады» и «Одиссеи» не было, как и Троянской войны, что поэмы эти суть создания многих авторов на протяжении одного-двух веков, а конечный результат – компиляция. Ясно, что у профессионалов это вызовет отторжение, а с энтузиазмом встретят немногие. Я встречал эту реакцию уже при устных обсуждениях (в нашей стране и за рубежом).

Из одобрительных рецензий для меня была особенно важной первая, поскольку она была написана (еще до публикации всей книги) таким авторитетным историком древнего мира, как И.М. Дьяконов². Этот ученый долго и придирчиво изучал мои рукописи и таблицы. Потом, после появления первой из серии моих статей, предшествовавших книге, опубликовал отклик, в котором написал обо всей серии и об исследовании в целом. Таким образом, его рецензия предваряла книгу. «В ранней юности, – писал И.М. Дьяконов, – я мечтал разобраться в неясностях и противоречиях гомеровского эпоса, ради этого, собственно, и стал историком. Но для понимания Гомера потребовалось рассмотреть некоторые восточные сюжеты, на которых я задержался, как оказалось, на всю жизнь. Так и не привелось сделать открытий, которые бы позволили лучше понять “Илиаду”. Как представляется, Л.С. Клейну это сделать удалось».

Ученый высказал некоторые критические замечания, а в заключение своего отзыва написал: «Л.С. Клейн отнюдь не повторяет ошибок прежних сторонников множественности источников “Илиады”, которые не могли выйти из круга формальных и субъективных построений. Он предлагает объективные, легко проверяемые критерии правильности литературно-критического анализа. Как бы ни относиться к выводам автора, перед нами серьезная и тщательная работа, к которой, с моей точки зрения, историкам необходимо отнестись со всей серьезностью. Можно с ней не соглашаться, но не учитывать ее отныне уже нельзя». Реализуя собственную оценку, И.М. Дьяконов ввел некоторые мои выводы (в частности, об Илионе и Трое как разных городах) в свой учебник.

¹ Клейн Л.С. *Анатомия «Илиады»*. СПб., 1998.

² Дьяконов И.М. Местоположение Трои и хетты (По поводу работы Л.С. Клейна) // *НАА*. 1987. № 2. С. 209–211.

А дальше следовали весьма необычные у И.М. Дьяконова строки о моих результатах: «Опровергнуть его выводы если вообще возможно, то только на основании столь же детального и аргументированного анализа гомеровского текста и правильного понимания характера эпической поэзии. На мой взгляд, работа Л.С. Клейна построена так, что полностью ее опровергнуть будет весьма трудно, да и поправки сколько-нибудь кардинального характера представляются маловероятными». После этого завершающий абзац звучал вполне логично: «Не исключено, что исследования Л.С. Клейна, если их взять во всем объеме, будут означать начало новой эпохи в гомероведении». Конечно, эти ободряющие слова помогают мне перенести любое отторжение.

Вторая ободряющая рецензия – В.А. Коршункова³ – в основном следует оценке И.М. Дьяконова. Третья рецензия, сугубо скептическая, написана В.Л. Цымбурским и В.В. Файером⁴. Она появилась в 2002 г., но, к сожалению, я смог с ней ознакомиться только недавно. На этой рецензии хотелось бы остановиться подробнее, потому что она самая пространная и единственная, опубликованная в головном специализированном журнале. Кроме того, как обычно бывает, именно противники автора поднимают наиболее интересные методологические вопросы, и хотелось бы защитить свои позиции.

Мои критики совершенно справедливо пишут, что в книге встречаются противоречивые высказывания (они любезно предложили список их – с. 184–185 рец.) и что она зря выпущена в авторской редакции: хороший профессиональный редактор помог бы их устранить. Противоречия появились из-за продолжительности времени работы над частями книги, а в авторской редакции книга была выпущена по финансовым причинам: гранта на издание не хватило. Возможно, критики правы и в возражении против принятой мною короткой хронологии Хр. Подцувейта, мало кем признанной. Однако для сути книги эта хронология или отказ от нее мало что меняют. Обратимся к более существенным критическим положениям. Критики предъявили против моей концепции три основных возражения.

1. Прежде всего, они поняли меня так, что я декларировал свою приверженность к фольклористической школе М. Пэрри – А. Лорда в гомероведении, а с позиций этой школы устное народное творчество не знает строго фиксированного авторства, гомеровский эпос создавался импровизаторами из стандартных формул, индивидуальное авторство в нем было просто невозможно. Какое же я имел основание, исходя из этих методологических позиций, выдвигать против идеи одного автора идею нескольких поэтов и оперировать целыми кусками текста, реконструировать вставки и пропуски, как если бы он был письменным?

2. Второе крупное возражение относится к проблеме оригинальности моего вклада. По словам критиков, мой труд, «суммирующий многочисленные публикации прежних лет», дает повод для серьезного недоумения» (с. 179 рец.). С их точки зрения, я «...просто очень поздний гомеровед-аналитик, представитель того подхода, который именно в классической филологии процветал на протяжении XIX и первой трети XX в., но безнадежно захирел к нашим дням...» (с. 180 рец.).

3. Третье возражение критиков касается математических оснований проделанных статистических операций и предъявленных мною таблиц. Критики нашли у меня существенные нарушения правил статистики, которые делают мои заключения несостоятельными, а мои таблицы неубедительными, несмотря на всю их наглядность. Они заметили, что мои «корреляции», строго говоря, вовсе не корреляции, а взаимосвязи.

Рассмотрим эти возражения по порядку.

³ Коршунков В.А. // Новое литературное обозрение. 2001. 51. С. 438–440.

кон

⁴ Цымбурский В.Л., Файер В.В. Рец.: Л.С. Клейн. Анатомия «Илиады». СПб., 1998 // ВДИ. 2002. № 1. С. 179–189. Этой рецензии предшествовала другая, на отдельно напечатанную главу из моей книги: Цымбурский В.Л. «Миры» терминов «Троя» и «Илион» в гомеровском эпосе (по поводу гипотезы Л.С. Клейна) // Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987. С. 168–170.

1. *Фольклористика*. Действительно ли я объявил себя «приверженцем школы М. Пэрри», как мои критики утверждают на с. 179 своей рецензии? Нет, этого нет нигде в моей книге. Я лишь выражал свое восхищение вкладом этой школы и общее признание справедливости ее основных утверждений (вроде бы это признание разделяют со мной и мои критики, что не мешает им придерживаться унитаристских взглядов). Если уж говорить о моих ориентирах в фольклористике, то учился я фольклористике у В.Я. Проппа; это другая научная традиция, которая обращает больше внимания на жизнь и типологию мотивов, на структуру содержания и на связь с этнографией. Пропп учил меня преодолевать иллюзии историчности сюжетов эпоса (особенно это выступает во второй моей книге о гомеровском эпосе – «Бесплотные герои»⁵). В цитированной критиками моей характеристике школы Пэрри я с уважением отмечал ее основополагающую идею, «что Гомеровский эпос по происхождению – фольклор, запись устного творчества народных певцов» (с. 9 моей книги; с. 179 рец.). «По происхождению» – сказано у меня. Критики не поняли точного смысла цитаты. Фольклорное «происхождение» еще не означает чисто фольклорного состояния.

На следующей странице я развивал свою мысль: «У древних греков Гомеровский эпос достиг более высокого развития, школы были более развиты, традиции более разработаны, особенно в результате регулярных общегреческих состязаний. Это был фольклор на грани перехода в литературу» (с. 10). Что я имел в виду под общегреческими поэтическими состязаниями – всем античникам понятно (мусические состязания на Делосе и др.). Я. Буркхардтом и А.И. Зайцевым показаны особая роль состязаний у греков и значение «агонического духа» для исключительного развития разных сфер греческой жизни, в частности эпоса⁶.

Гомеровских аэдов нельзя прямо приравнивать к южнославянским певцам (Авдо Меджедовичу и др.) и по вторым судить о возможностях первых. Дело не только в том, что регулярное участие в состязаниях развивало исключительные способности не только творчества, но и запоминания. Шедевры поэзии заучивались и исполнялись не только как импровизации, но и наизусть. Уже Ригведу, состоящую из тысяч песен, индийские жрецы запоминали наизусть и задолго до введения письменности передавали устно из поколения в поколение в течение многих веков, пока она не была записана. А греческий эпос запоминался лучше, потому что обладал жесткой структурой – гексаметром. Поэтому искусство греческих певцов состояло в том, что они свободно манипулировали не только стандартными мотивами и формулами, похожими на фразеологические обороты (это делали певцы во многих странах), но и целыми многострочными кусками текста.

Это был плавный переход от аэдов к рапсодам. А. Лорд считал, что между народными певцами и грамотными исполнителями была непроходимая грань. Да, здесь качественный скачок. Но в Греции аэды постепенно трансформировались в рапсодов. Возможно, здесь лежит секрет быстрой записи эпоса вскоре после введения письменности. Аэды-рапсоды были готовы к записи. А это делает применимыми к ним аналитические приемы, отточные на изучении литературы.

Рассказы об отсутствии авторства и твердо установленного текста в фольклоре, Цымбурский и Файер возмущаются: «У Клейна все по-другому: его постулируемые “народные певцы” оперируют на зубок затвержденными (видимо опечатка: затверженными. – Л.К.) песенными массивами в тысячи стихов, делают перестановки, вставки и пропуски – и накрепко, слово в слово и стих в стих, как компьютер, запоминают и передают преемникам все, что при этом получается» (с. 180 рец.).

В том-то и дело, что получается не очень ладно, отсюда в «Илиаде» сотни несообразностей – разрывов и противоречий, – которые и позволяют аналитикам выявлять вставки и перестановки.

⁵ Клейн Л.С. Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». СПб., 1994.

⁶ Burkhardt J. Griechische Kulturgeschichte. 2. Aufl. Bd 4. Berlin–Stuttgart, 1902. S. 61–90, 221; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.

Вообще же я подхожу к «Илиаде» не столько как фольклорист и даже не столько как литературовед, сколько как источниковед. «Понимая, что “Илиада” – художественное произведение, я все же изучаю ее не как художественное произведение, а как исторический источник, точнее – как текст, который надо препарировать для использования в качестве исторического источника» (с. 4).

2. *Синонимы и дублиеты.* Действительно ли: «Основной результат работы Л.С. Клейна сводится к попытке вычленивть в этой поэме несколько компонентов, отталкиваясь от того общеизвестного факта, что осаждающее Илион воинство в ней обозначается тремя синонимами... (с. 180 рец.)»? По мнению критиков, Клейн «...полон оптимистической уверенности, что в рамках предложенного им разделения по этнонимическому признаку могут получить оправдание чуть ли не все старые или новые аналитические спекуляции, даже вовсе не связанные с этим разделением по существу», и это второй «просчет его книги» (с. 182–183 рец.). Действительно ли я просто «суммировал» аналитические приемы XIX в. и предложил еще одно (которое по счету?) расчленение «Илиады» и еще одну реконструкцию аналитического толка? Тогда высокая оценка со стороны такого очень требовательного критика, как И.М. Дьяконов, совершенно непонятна.

К сожалению, естественная предвзятость античников, много поработавших в другом ключе, помешала им уловить, в чем истинное новшество моего подхода и в чем суть моей работы с синонимами и дублиетами. Между тем, суть моего подхода излагается во «Введении» к моей книге, в заключительном разделе 5 «Опыт и перспективы». Я пишу там о библейской критике, которая до XVIII в. (Гоббс, Спиноза) пыталась доказать множественность авторов Библии, опираясь на противоречия в ее тексте, – точно так, как поступали аналитики с «Илиадой». С Библией это не имело большого успеха – до Жана Астриюка, который заметил, что в книге Бытия есть параллельные рассказы об одних и тех же событиях и что Бог именуется в них по-разному: в одних – Элохим, в других – Яхве. Это положило начало расчленению книги Бытия на тексты Элохиста и Яхвиста. «В изучении Гомеровского эпоса, – писал я, – этот этап не наступил до сих пор» (с. 16).

Вот я и постарался применить тот же подход к «Илиаде» – благо и параллельные рассказы, и синонимы в ней изобилуют. Не просто обозначения «осаждающего Илион воинства», а и осаждаемого города (Илион и Троя), реки, у которой происходят битвы (Скамандр и Ксанф), одного из главных героев (Парис и Александр), богини (Афина и Афинея) и т.д. Это, конечно, не новый метод вообще, но к «Илиаде» в целом он применен впервые. И в этом смысле мой подход обладает принципиальной новизной. Так что даже если бы он был применен мною плохо, неудачно, неумело, объективные критики могли бы отметить его принципиальную новизну и перспективность, пожелав лучшего применения.

Добавок я ведь не просто указал на наличие таких пар в «Илиаде». Я постарался установить, случайны они или нет. Для этого я, во-первых, проследил, сопровождается ли каждая пара одними и теми же постоянными эпитетами или разными (оказалось, что сугубо разными в каждой паре – это четко видно в моих таблицах, но критики этого не заметили), а во-вторых, я попытался проследить, связаны ли эти пары между собой в единую систему, т.е. если представить каждую пару как двухполюсный магнит, то совпадают ли эти пары своими полюсами в ткани поэмы, – скажем, Илион в тех же кусках поэмы, что и Александр, а Троя – в тех же, что и Парис, и так со всеми парами? Именно такие взаимосвязи и установлены. Вот что нужно анализировать (или опровергать, если хотите).

Но критики предпочли останавливаться порознь на распределении каждой пары синонимов и, рассматривая мой отдельные замечания, раздумывать, какие интерпретации они, мои критики, могли бы предложить этим выхваченным полюбившимся им наблюдениям исходя из их собственного, весьма далекого от моего, понимания «Илиады» («Мы бы интерпретировали результаты Клейна таким образом...»). И заключают: «По нашему мнению, этими результатами, собственно, и определяется истинный

интерес, который книга Клейна должна представлять для гомерововеда». Они упрекают меня в том, что я не пошел по этому пути (то есть не подстроил книгу под их взгляды): «К сожалению, значительная часть книги не способствует тому вполне заслуженному интересу, который могли бы вызвать очерченные результаты автора» (с. 181 рец.).

3. *Математика*. Самый тяжелый удар по моей книге критики приберегли на конец своей рецензии: «Математические выкладки Клейна едва ли можно признать хоть сколько-нибудь убедительными. Автор не просто игнорирует статистические методы, но и нарушает элементарные законы математики под видом «практичности», т.е. для соответствия его гипотезам. Он использует сомнительные способы представления своих результатов, так что противоречащие его гипотезе данные затушеваны и не видны при беглом просмотре. Словом, многочисленные цифры и таблицы в «Анатомии Илиады» рассчитаны на читателя, который не захочет или не сможет в них разобраться» (с. 188 рец.). Действительно ли так? В этом плане критики предъявили мне пять обвинений.

Во-первых, их не устраивает тот факт, что для исходного анализа я избрал традиционное членение «Илиады» на книги (или «песни»), т.е.: «Вместо того, чтобы работать с текстом напрямую и искать, какие границы присутствуют в нем *объективно*, Клейн довольствуется *субъективным* делением, созданным в более позднюю, эллинистическую эпоху... Здесь Клейн напоминает хирурга, который режет тело не по анатомическому атласу, а по контурам татуировки» (с. 186 рец.).

Как раз я режу тело поэмы по «анатомическому атласу», только созданному давно и действительно субъективно. Но поскольку все остальные (в том числе самые современные) членения я считаю столь же субъективными «атласами», какой из них выбирать – для меня безразлично, и уж лучше традиционный. Критики предлагают вместо того «искать, какие границы присутствуют» в тексте на самом деле. Но у меня нет другого способа искать, как через мой анализ, а с чего-то начинать анализ нужно. Получение объективных границ – для меня не начало анализа, а его конец. И я действительно в итоге прихожу к совсем иному членению, но критики об этом забывают.

Они рекомендуют мне существующие в статистике «специальные методы фрагментации протяженного объекта». Если бы я сравнивал абсолютные числа разных кусков текста, это имело бы значение, но так как я сравниваю только индексы (отношения внутри каждого куска), размеры кусков и их неравенство не имеют значения. Рекомендованная фрагментация только затруднила бы античникам пользование моей книгой.

Второе обвинение моих критиков заключается в том, что я произвольно выбрал синонимические пары для прослеживания того, как составляющие их «полюса» распределяются по книгам «Илиады». В «Илиаде» множество синонимов. «Почему же Клейн выбрал именно эти несколько оппозиций? Не потому ли, что они хотя бы отчасти соответствуют его гипотезе?» (с. 187 рец.). Да, а что? «Но в таком случае можно доказать *любое* членение «Илиады»... Мы наугад взяли пару τὸσσος – τόσσος, обработали ее по методу Клейна и убедились в том, что она не подтверждает деление на «данайские и ахейские» книги» (с. 187 рец.). «Любое членение»? А вы попробуйте доказать любое другое, только при этом подтвердите результат совпадением разных пар.

Это обвинение критиков показывает их полное непонимание природы статистики или природы языка. Попытаюсь объяснить. Ведь заведомо ясно, что любые диалектные различия (будь то региональные или персональные) затрагивают только *некоторые* синонимические пары, в остальном язык-то один. Поэтому выбранные наугад синонимы редко дадут попадание в критерий членения. Большею частью окажется, что они ничего «не подтверждают». Найти нужные синонимы – это и удача, и интуиция и много предвзятых попыток. Вы не попали в мишень. Что ж, поищите еще.

Третье математическое обвинение критиков более существенно. Оно заключается в том, что я оперировал не только большими числами, но и малыми, а при малых числах сильно увеличивается риск погрешности. Критики поясняют: «Предположим, например, что в 683-м стихе XI книги *πρότι* стоит по ошибке вместо *πότι* (метрика это

позволяет)». Тогда изменится индекс ρ для этой книги, и вся она переместится в таблице на другое место. Да, переместится и нарушит стройность распределения. Я это учитываю. Более того, считаю, что какие-то скрытые ошибки такого рода скорее всего в результатах налицо. Но это и есть статистика. Стройность результата в ней никогда не бывает полной. Всегда есть такого рода инкорпорированные погрешности. Мы должны учитывать не *каждое* положение *каждой* книги, а общую *тенденцию*. Один известный профессор-античник спрашивал меня: «Почему же у тебя в таблицах нет полного распределения по группам, а все границы расплывчаты и шатки?» Он считал, что это опровергает мое деление...

В *четвертом* обвинении мои критики стоят на более твердой почве. Это касается деления на ноль и представления в таблицах разных бесконечностей. Поясню. Допустим, у нас есть две бесконечных цепи с чередованием белых и черных звеньев, но в одной цепи белое звено повторяется через каждые два звена, а в другой – через каждые сто звеньев. Хотя число белых звеньев будет в каждой цепи бесконечно велико, но эти величины все же разные: одна во много раз больше другой. Я и хотел в индексах сохранить эту разницу. Насчет же деления на ноль я и сам оговорил, что «в математике на ноль делить нельзя».

Согласен, что эта моя позиция математически уязвима, но это обвинение касается (при вычислении индексов) всего нескольких строчек в нескольких таблицах.

Пятое обвинение затрагивает мои увязки («корреляции» или сопряжения). Критики правы в том, что «корреляция», «коррелировать», «коррелируют» у меня – общеобиходное, не строго математическое выражение, что корректнее было бы говорить о *взаимосвязи* (я и говорю в книге также о *сопряженности* – с. 509). А по существу это обвинение, собственно, распадается на два. Во-первых, критики упрекают меня за то, что я не прибегаю к математическому вычислению коэффициента корреляции. Вычислив за меня этот коэффициент (точнее, коэффициент рангов Спирмена) для одного сопряжения (этнонимов с топонимами), они получили плохой результат: 0.32. То есть зависимость оказывается весьма слабой.

Да, я хотел учесть и слабые связи. Ведь в статистике учитываются только связи, в которых риск погрешности не превышает 13%. А в реальном исследовании, выдвигая и доказывая гипотезы, мы учитываем и гораздо более слабые связи. Если вероятность оправдания хотя бы выше, чем пятьдесят на пятьдесят, мы уже говорим: весьма вероятно! Но (!) сознавая, что эти связи слабые, я *не принимал их в расчет* до подтверждения другими данными. До совпадения с другими взаимозависимостями. Согласитесь, что совпадение *нескольких* взаимозависимостей, пусть и *слабых*, для *многих* песен создает *сильную* взаимозависимость, и чем их больше (песен и взаимозависимостей), тем итоговая взаимосвязь сильнее. Это можно выразить и математически, но у меня в период работы над «Анатомией Илиады» (в середине 80-х годов) не было на это времени и сил (у всех исследователей в России тогда компьютеров не было, а у меня и без того математических подсчетов было – уйма). Я считаю, что я свое поле вспахал. Более детальную математическую обработку оставляю другим – теперь, с наличием компьютеров, это не так трудно.

Вместо этого я предпочел графическое выражение результатов. С этим связана вторая часть пятого (последнего) обвинения. Критики возмущаются: «Почему же при визуальном просмотре табл. 17 создается впечатление, что этнонимы и топонимы связаны? Разгадка кроется в штриховке: Клейн выделил в таблице не все, а *только некоторые* “ахейские” и “данайские” песни!» (с. 188 рец.). Совершенно верно, я отметил не все ахейские песни и не все данайские, а только совпадающие в разных столбцах. «Иными словами, – продолжают критики, – “наглядная агитация” Клейна не проясняет, а скрывает реальное положение дел». А вот это уже неверно.

Я вообще *изначально не выделял ахейских и данайских песней* в этой таблице. В таблице представлены два столбца. В каждой песни распределены по возрастанию какого-то одного индекса: в одном столбце – это индекс соотношения топонимов города, в другом – индекс соотношения синонимических этнонимов греков. Оба индекса абсо-

лютно независимы друг от друга. Затем я посмотрел, какие песни размещены в одном конце *обоих* столбцов, а какие в другом конце *обоих* столбцов. Вот их-то я и заштриховал двумя разными видами штриховки. *Оказалось*, что в одном конце собрались «ахейские» песни (не все ахейские), в другом – «данайские» (тоже не все). Сгруппированные по этнонимам, они *автоматически* сгруппировались таким же образом и по топонимам! Считаю, что это показательно. А что не все – так опять же, это природа статистики (сказываются те самые погрешности, о которых так кстати напоминали мои критики, да и характер самого распределения, как обычно в жизни, – несколько расплывчатого).

Здесь я должен принести извинения читателю и критикам. Именно в таблице 17 есть погрешность технического исполнения. В издательстве при переводе моих таблиц из цвета в черно-белую компьютерную графику произошла неприятность: в выделенных клеточках таблицы выпали цифры (нумерация этих песен), а я, будучи чрезвычайно занят в это время, слишком быстро проверил таблицы, не углядел. Виноват. Правда, в тексте (гл. III) эти номера названы, и в тех таблицах (6 и 15), откуда столбцы взяты в таблицу 17 для сопоставления, все тоже названо, так что критики даже не заметили (или не отметили) этой погрешности, но все равно наглядность уменьшилась.

Нужно исправить: в закрытых пунктуацией («ахейских») клеточках левого столбца должны стоять следующие номера песен (книг) сверху вниз: XXIV, I, III, XX, XXII. В правом столбце: XX, XXII, III, I, XXIV. Отмечаете совпадение? Кстати, наглядность можно было бы и усилить: песню XX можно было бы спокойно переместить наверх к скоплению трех «ахейских» песен – там ведь все (7 песен) с одинаковым показателем, – но я этого тогда даже не заметил, потому что не имел цели создать искусственно скопление! Оно само получилось. В обведенных жирной каймой («данайских») клеточках левого столбца нужно проставить следующие номера песен (сверху вниз): V, VIII, XV, XVII. В правом столбце это номера: XV, XVII, V, VIII. Опять совпадение, не мною созданное. Отмечу уж заодно в этой таблице погрешности в переписывании индексов α для песни III (4, 8 вместо 4, 7) и VII (3, 3 вместо 3, 4). Эти ошибки переписчика (в десятых долях) ничего не меняют, но исправить нужно. Аналогичный сбой произошел в таблице 9. Там из обведенных ячеек выпали имена «Амфитрион» (сын Алкея) и «Электрион» (отец Алкмены) – клеточки остались пустыми. Эта погрешность отмечена в рецензии В.А. Коршункова.

Если исключить эти досадные технические погрешности печати, то таблица 17 действительно наглядна и, хотя в левом столбце много знаков вопроса (там собрались индексы, образованные на основе малых чисел), общая тенденция ясно видна. *Даже если выбросить из таблицы все ячейки, содержащие знаки вопроса, тенденция останется.* Так построены все мои наглядные таблицы. Я за них спокоен. Кто подходит к ним без заведомой задачи непременно опровергнуть и отвергнуть, тот увидит.

Остается еще упомянуть о сильно рассердившей моих критиков шкале последовательности, в которой, как я предположил, основные герои эпоса входили в «Илиаду». Суть ее в подсчете процента постоянных эпитетов при герое. Имеется в виду, что чем фольклорнее герой, тем он древнее (раньше вошел в «Илиаду») и тем больше среди его эпитетов доля постоянных. Идея не моя – она принадлежала англичанину Д. Пейджу⁷, но он только высказался о возможности. Я осуществил это, подсчитав для каждого из основных героев долю постоянных эпитетов. Последовательность оказалась такой: Елена (65), Парис как Александр (47), Аякс Теламониос (45), Гектор (41), Ахилл (40), Приам (32), Эней (18), Парис как Парис (0). Есть ли возможность проверить шкалу? По давним предположениям (Кречмер и др.), имя гомеровского героя «Александр» связано с царем Вилусы (Илиона) XIII в. Алаксандусом хеттских источников. Имя же Приама («Приама») есть в ликийском В, который иначе называется «труели» (по-троянски). Как бы этот факт ни интерпретировать, он

⁷ Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley – Los Angeles, 1959; в моей книге см. с. 24, 58–59 и др.

позволяет мне связать имя Приама со топонимом Троя. Гипотеза? Да, конечно. А теперь проверим ее. Сравним оснащенность постоянными эпитетами. У Александра – 47%, у названия Илион – 47%; у Приама – 32%, у Трои – 32% (табл. 9 на с. 466). *Quod erat demonstrandum*. Верен ли подсчет? Проверьте. А теперь посмотрите, что и сколько написали по этому поводу мои критики (с. 183–184 рец.).

У меня есть основания не унывать. Мои «Археологические источники», появившись в 1978 г., получили тогда тоже очень неоднозначный прием: и хвалу и гневные отповеди, а сейчас они переизданы в серии «Классика археологии» (1995 г.). Моя «Археологическая типология» (1982, 1991 гг.) при выходе первого издания была встречена разгромной рецензией, а теперь доктор математических наук, занимающийся археологией (и между прочим сетующий на привычку археологов свободно обращаться с термином «корреляция»), называет ее «великой книгой»⁸. Не претендую на ранг классика гомероведения (хотя оценка покойного И.М. Дьяконова до странности близка к этому), но уверен, что в моей «Анатомии Илиады» есть немало разработок, которые еще найдут у гомероведов-филологов признание и продолжение.

Мои занятия гомероведением вылились в три взаимосвязанных труда: «Анатомия Илиады», «Бесплотные герои» и «Каталог кораблей». Их нужно воспринимать как единую систему, одну концепцию. К сожалению, последний из этих томов остался неоконченным, и я вряд ли успею его окончить. Поэтому я опубликовал большую статью, в которой изложил основные выводы этого неоконченного тома и основные аргументы⁹ (кстати, я использовал там и одно ценное наблюдение из ранних работ В.Л. Цымбурского). Думаю, что это можно считать завершением моих гомероведческих штудий.

Л.С. Клейн

© 2004 г.

ОБРАЗНЫЕ ИСТОКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(По поводу книги: А.В. ПОДОСИНОВ. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрек, 2002. 488 с.)

География в позднюю античную эпоху представляла собой своеобразный когнитивный конгломерат, состоявший из фрагментов мифографии, научных изысканий греческих географов, популярных описаний древнеримских ученых и философов, библейской географии. Для современного ученого ситуация осложняется также совершенно иной ролью географической карты в древнем мире: карта не была еще самостоятельным научным продуктом, но скорее популярной иллюстрацией к различным географическим образам мира. Тем не менее изучение сохранившихся текстов и карт, имеющих отношение к региону Восточной Европы, показывает постепенное картографическое становление образов этой территории, многие из которых перекочевали на средневековые карты, а впоследствии оказали влияние в той или иной форме и на современные географические представления.

Римская «хорография» (т.е. описание различных местностей и стран) представляла собой причудливое сочетание, смесь страноведческих и этнографических сведений;

⁸ Шпак А.Л. Математическая мизантропия. Объяснительная записка, или предвзятый комментарий неспециалиста // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 209.

⁹ Клейн Л.С. Каталог кораблей: Структура и стратиграфия // *Stratum plus*. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса, 2000. № 3. С. 17–51.

какого-либо концептуального взгляда на мир она, конечно, не формировала. Однако описание карты мира Марка Випсания Агриппы, политического деятеля и географа эпохи Октавиана Августа, включает в себя географическое обоснование: карта как таковая формируется очертаниями морей, рек и гор. Авторы географических текстов позднеримского времени не смущало смешение географической номенклатуры ранней античности и эпохи Великого переселения народов, как, например, в «Космографии» Анонима из Равенны. Кроме того, они вынуждены были картографически идентифицировать и библейскую номенклатуру: скажем, в «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв.) это география четырех библейских рек, вытекающих из рая. Части света в библейской традиции воспринимались прежде всего как наследие трех сыновей Ноя – такая точка зрения вполне естественна уже для Анонима из Равенны. Карта или ее описание в этой когнитивной ситуации выступали как идеологический суррогат школьной риторики, политических и культурных стереотипов и философской и теологической метафизики.

Римская картографическая традиция в отношении Восточной Европы обнаруживает поразительную историческую устойчивость. Практически один картографический образец (по всей видимости, это была карта мира Агриппы конца I в. до н.э.) передавался через посредников, с большими или меньшими искажениями и исправлениями, в течение нескольких веков вплоть до XII – начала XIII в. Собственно картографических изображений, восходящих к эпохе древнего Рима, сохранилось очень мало (карта из Дура-Европос и Певтингерова карта) – при этом сами они имеют квазигеографическую форму, далекую даже от научных теорий греческих географов. Форма итинерариев и периплов наиболее естественна для таких карт, отсюда и невероятные даже по тем временам искажения географических контуров и смещения географических объектов по отношению друг к другу. Путь здесь – это условная прямая линия, поэтому ландшафт и путевые пункты (города) на Певтингеровой карте совершенно не согласованы между собой. Таким же образом стоянки кораблей на Черном море соединены на карте из Дура-Европос прямой линией, не имеющей никакого отношения к действительным очертаниям черноморской береговой линии. Практические нужды и потребности в реальной земной топологии (связи пунктов и расстояния между ними) подавляли необходимость более или менее правдоподобного воспроизведения контуров природных географических объектов.

Структуры картографических описаний мира зависели в первую очередь от классических образцов, но также и от местоположения самого автора описания. Наиболее приятным и часто встречающимся порядком описания было описание стран с запада, от Гибралтара. Но, например, Аноним из Равенны нарушает этот порядок, ставя Равенну в центр описания и характеризуя страны – от дальних к ближним – по отношению к этому городу. В «Космографии» Псевдо-Этика (V или VI в.) также нарушен классический принцип описания, и Италия рассматривается как центр в описании Европы. Нетрудно, конечно, сделать вывод о влиянии политико-географической ситуации на порядок и структуру картографического описания – значение Италии для Римской империи очевидно. Однако можно усмотреть здесь и появление новой картографической традиции, в рамках которой возможно согласование, координирование различных способов описания мира. Появлению этой традиции способствовало, безусловно, совершенно различное количество и качество географической информации о странах и частях света. С одной стороны, можно было выбирать страны, маркировавшие самые дальние стороны ойкумены (Индия, Британия, Мавритания и Скифия) – как это сделал Равеннат. Этой же маркировке пределов ойкумены на востоке и севере на Певтингеровой карте служили так называемые «алтари Александра Македонского», якобы установленные им в местах наибольшего продвижения его армии. С другой стороны, надписи на краю карт, как правило, фиксировали скудость и недостоверность информации о самых дальних странах и регионах. Наконец, эти различия подчеркивались также проведением границ частей света по природным или этнографическим ориентирам. На той же Певтингеровой карте хорошо известные южные границы Европы описывались по природным объектам, тогда как малоизвестные северные границы (побережье Северного океана) маркировались порядком проживавших там

народов (сведения о которых также были весьма скудны и противоречивы). Иначе говоря, картографическое описание учитывало характер используемой информации, формируя в качестве ответа соответствующие знаково-символические формы отображения и преобразования этой информации. Даже в ситуации подчиненного и иллюстративного значения географической карты в древнеримской картографической традиции с образно-географической точки зрения можно говорить об известной автономности карты как оригинального способа репрезентации и интерпретации окружающего мира.

Ведущий образ Восточной Европы в рамках римской картографической традиции – конечно же, Скифия. Этот образ был унаследован еще из древнегреческой географической традиции. Хотя еще на карте мира Агриппы Скифия была вытеснена Сарматией (что отражало современную ему политико-географическую ситуацию), большинство последующих географических описаний продолжало тиражировать скифские образы. Скифия выступала как собирательный топоним, фиксировавший местоположение различных варварских племен Северного Причерноморья, часто сменявших друг друга. Параллельно с этим процессом происходит расширение образа Скифии; Скифий становится несколько: например, у Равеннаты их как минимум две–три. Происходит экспансия этого образа на северо-восток и восток Европы и далее в Азию. По сути дела, образ Скифии становится глобальным географическим (картографическим) образом, содержательно маркирующим всякие отдаленные, малоизвестные, чаще холодные и пустынные земли к востоку и северу от Средиземноморья, населенные, как правило, дикими кочевыми племенами. В подобной содержательной интерпретации он перекочевал на средневековые карты и карты нового времени, а к концу нового времени, исчезнув с географических карт, образ Скифии стал на долгое время синонимом образа России. Как сателлитный, подчиненный этому образу, можно рассматривать образ Рифейских (Рипейских) гор, обязательно присутствовавший в большинстве описаний на северо-востоке Европы; к данному образу было привязано чаще всего название племени гипербореев. В целом образ Скифии, удерживавшийся на географических картах и в описаниях более двух тысяч лет, есть важное свидетельство инерционности образно-географической репрезентации мира; для такой репрезентации всегда, как правило, характерно сочетание, с одной стороны, «долгоживущих» и архаичных образов, а с другой – сиюминутных, оперативных и быстро меняющихся образов.

Развитие картографического описания как образно-географической модели предполагает смешение, контаминацию и дрейф различных образов. Наиболее яркое свидетельство подобных процессов в римской картографической традиции – перемещение города Трапезунта вместе с сопутствующей ему местной топонимикой из Южного в Северное Причерноморье. Наиболее четко этот образный казус прослеживается на карте из Дура-Европос. Объяснение, по А.В. Подосинову, следующее: данный казус восходит к карте мира Агриппы, во время составления которой Боспор (Северное Причерноморье) был политически объединен с Понтом (Южное Причерноморье) в единое государство – как раз при участии самого Агриппы. Такое политическое объединение способствовало картографической контаминации двух разных причерноморских районов, присутствующей и на Певтингеровой карте. Смещение на север претерпели и менее значимые географические объекты – на Певтингеровой карте это, например, Потама, оказавшаяся в Восточном Причерноморье. По Страбону, это область в Пафлагонии на границе с Вифинией (Малая Азия). Иначе говоря, реальные политико-географические процессы прямо связаны с развитием последующих картографических дискурсов; верно и обратное – целенаправленный картографический (образно-географический) дискурс может воздействовать на ход и развитие политической обстановки и международных отношений в определенном регионе.

Подведем итоги. Римская картографическая традиция, будучи вполне прагматической и ориентированной более на средиземноморское пространство, в основном транслировала базовые образы Восточной Европы, разработанные еще греческими географами. Эта трансляция сопровождалась размещением новых топонимов и этнонимов, не менявшим кардинально образную структуру региона. Учитывая, что Восточная Европа – скорее «изобретение» XVIII века, можно говорить о Скифии как

приблизительном образном эквиваленте Восточной Европы в данной традиции. Образ Понта, Черного моря с сопровождавшими его топо- и этнонимическими пластами был, по всей видимости, медиативным образом, смягчавшим когнитивный переход от обустроенного мира Средиземноморья к малоизвестному и опасному миру восточных и северных пределов ойкумены. Отсюда и важный методологический вывод: в политическом и культурном отношении имперские структуры нуждаются, как правило, в когнитивном обосновании своей экспансии, требующей, в свою очередь, построения непротиворечивой образной модели мира – мира, география и картография которого предполагают совмещение разновременных и иногда пространственно очень далеких друг от друга образов.

Д.Н. Замятин

© 2004 г.

Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Ship-ton. Oxford: University Press, 2001. 167 p., pls.

Рецензируемая книга представляет собой издание докладов, прочитанных в Оксфордском университете (Corpus Christi College) в ходе двух конференций (16 ноября 1995 г. и 1 марта 1997 г.). Сборник включает «Введение» и девять статей, а также несколько таблиц, карты и указатели. Организаторы конференций и издатели сборника – Э. Мидоуз и К. Шиптон – подчеркивают, что задачей этих конференций было возобновление диалога между специалистами по экономической истории античного общества и нумизматами. Отсутствие такого диалога затрудняет исследования и тех, и других. Причиной подобного не совсем нормального состояния они считают сильное влияние концепций М. Финли о характере античной экономики. В свое время М. Финли с большим одобрением цитировал выдающегося экономиста Дж. Кейнса, который античную, в частности древнегреческую, монету считал явлением не экономическим, а в первую очередь политическим – «элементом местной суетности, патриотизма или пропаганды, не имеющим далеко идущих последствий»¹. Подтверждение справедливости этого взгляда М. Финли видел в том, что наиболее развитые из соседей Эллады, такие, как финикийцы, египтяне, этруски и римляне, очень поздно последовали примеру греков².

С точки зрения организаторов конференций, Дж. Кейнс и М. Финли, резко отрицательно относившиеся ко всяким попыткам «модернизировать» античную экономику, сами в данном случае оказались под сильным влиянием модернизаторских представлений. Национальная монета сегодня – один из наиболее ярких и выразительных символов национального суверенитета. Дж. Кейнс и М. Финли невольно перенесли в античную древность современные концепции.

Э. Мидоуз и К. Шиптон указывают, что за прошедшие десятилетия накоплен значительный новый материал и получены важные результаты при его исследовании. Сейчас снова можно вернуться (уже на новом уровне знаний) к проблеме, поставленной М. Финли и оценить решения, предложенные им. Отметим, что явно (хотя об этом прямо в тексте и не говорится) определенным импульсом именно к такой постановке вопроса является развернувшаяся в последние годы критика концепции М. Финли³. Постановка подобной проблемы для широкого обсуждения, а также привлечение к ней нумизматов и историков (как сторонников концепций М. Финли, так и их противников) кажутся более чем оправданными.

¹ Keynes J.M. Treatise on Money. V. I. The Pure Theory of Money. L., 1930. P. 12.

² Finley M.I. The Ancient Economy. L., 1973 P. 166.

³ Подробнее об этом см. Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. История. Москва – Магнитогорск, 1997. С. 90–96.

Сборник состоит из двух частей. Первая называется «Монетизация, снабжение монетой и политика ее чеканки», вторая часть – «Монеты и общества – отдельные исследования по использованию монеты». Однако, как это часто бывает при организации подобных конференций, отнюдь не все доклады строго соответствуют намеченной программе; кроме того, разделение сборника на две части очень условное, в сущности в этих двух частях обсуждаются одни и те же вопросы.

В силу этого мы в своей рецензии сгруппируем статьи по иному принципу. Все статьи делятся на три неравноценные группы. Первая строго соответствует объявленной проблематике, и в статьях этой группы разрабатываются проблемы, связанные главным образом с экономическим значением монеты в античных обществах. При этом их можно разделить на две подгруппы: сторонников и противников концепций М. Финли. Вторая группа – статьи, в которых на первое место выдвинуты вопросы политической истории. Наконец, третья группа представлена лишь одной статьей Р. Аштона «Монетная чеканка Родоса в период от 408 до примерно 190 гг. до н.э.» (с. 79–115). Строго говоря, она не может быть отнесена ни к одной из перечисленных групп, хотя в ней в какой-то мере затрагиваются экономические и политические вопросы. Это общий очерк истории монетного дела Родоса с момента синойкизма трех ранних родосских полисов (408/7 г. до н.э.) вплоть до 190 г. до н.э. Автор делит историю монетного дела Родоса в этих пределах на следующие периоды: 408 – примерно 385 гг.; 385 – конец 340-х годов; конец 340-х годов – примерно 305/4 г.; 305/4 – примерно 250 г.; 250–190 гг. до н.э.

Этот очерк, конечно, полезен, но в нем очень небольшое место занимают вопросы, о которых было сказано во «Введении». Некоторое значение для основной проблемы сборника имеют только несколько небольших разделов, где делаются попытки определить зону распространения монет родосской чеканки и динамику изменения объема выпуска монет по отдельным периодам, дать оценку общего объема выпущенных монет. Необходимо, кажется, особо отметить раздел о зоне обращения, который в значительной мере построен на наблюдениях А. Брессона⁴. Большинство автономных родосских монет найдено на самом острове, в Перее, а также в близлежащих местностях Кари и приморской Ликии, которые находились в сфере экономического влияния Родоса. Некоторое количество их зафиксировано также на соседних островах и на Крите, а в других частях Греции их находки очень редки. Эта картина поразительно отличается от картины распространения родосских же монет, чеканенных по типу монет Александра. Данное явление, правда, вполне объяснимо, поскольку «Александры» были международной, широко распространенной монетой. Гораздо важнее другое: зона обращения родосских монет не совпадает с зоной распространения, например, родосских амфорных клейм и вообще с зоной родосских коммерческих связей, как мы их знаем по сведениям источников различного типа. Кроме того, Р. Аштон соглашается с А. Брессоном, что Родос и Перея представляли собой закрытую монетную территорию, где было запрещено использование иноземной монеты. Подтверждение этому А. Брессон и Р. Аштон видят в том, что на этой территории встречено очень небольшое количество монет неродосской чеканки.

Как уже было отмечено, три статьи имеют в основном историко-политическую направленность. К их числу относится, в частности, статья Г. Оливера «Политика монетной чеканки: Афины и Антигон Гонат» (с. 35–52). Она посвящена конкретному вопросу – взаимоотношениям Афин и Македонии в период после окончания Хремонидовой войны, однако автор рассматривает этот вопрос в рамках более широкой проблемы, которая была поставлена Т. Мартином в его книге о суверенитете и монетном чекане в классической Греции⁵. Соглашаясь с мнением Дж. Дэвиса о том, что современное понятие суверенитета древние греки выражали с помощью двух терминов

⁴ Bresson A. La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166 // Dialogues d'histoire ancienne. 1993. 19/1. P. 119–169. Р. Аштон предлагает несколько (не очень существенных) поправок к схеме А. Брессона. Например, он указывает на то, что родосские монеты в Египте (главном торговом партнере Родоса) должны были перечеканиваться, так как египетские власти не допускали обращения на своей территории чужеземной монеты.

⁵ Martin T. Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985.

(элевтерия и автономия)⁶, он приходит к выводу, что в понятие суверенитета входило и право монетной чеканки. После поражения в Хремонидовой войне (268–262 гг. до н.э.) Афины вновь оказались во власти Македонии. Внешним знаком этого было присутствие македонских гарнизонов не только в Пирее и ряде аттических крепостей (как до начала войны), но и в самом городе – на холме Муз.

Гарнизон из Афин был выведен примерно в 256 г. до н.э., и тогда же Афины возобновили чеканку своих монет. Исходя из этого, Г. Оливер утверждает, что достаточно широко распространенные мнения о том, что полис в эллинистическую эпоху уже не существовал⁷, так как Греция полностью утратила свою свободу после Херонеи⁸ или после Хремонидовой войны⁹, ошибочны. Утрата свободы была длительным процессом, который растянулся на века. Невозможно не согласиться с автором, хотя некоторые хронологические реперы его построения нуждаются в уточнении.

В статье Э. Мидоуза «Монета, свобода и империя в эллинистическом мире» (с. 53–63) отправным пунктом также является уже упомянутая работа Т. Мартина. Э. Мидоуз обращает особое внимание на один из сюжетов, разработанных Т. Мартином. Последний показал, что в Фессалии IV в. до н.э., когда она оказалась под контролем царей Македонии, никаких изменений в монетной чеканке не произошло. После этого Т. Мартин кратко под таким же углом зрения рассмотрел и другие области и полисы Греции. Он пришел к выводу (который Э. Мидоузу кажется совершенно справедливым) о том, что право чеканки монеты и суверенитет не были в древней Греции сколько-нибудь тесно связаны. С другой стороны, в пределах Римской империи уже с середины I в. н.э. появляются монеты, выпускаемые отдельными городами, в легендах которых содержится четкое указание на то, что они чеканятся с разрешения императора или провинциального наместника. Таким образом, в рамках Римской империи суверенитет и право чеканки монеты оказываются тесно увязанными друг с другом.

Автор, естественно, задается вопросом: что же происходило в монетном деле Восточного Средиземноморья в промежутке между этими двумя датами. Безусловно, в рамках статьи невозможно детально исследовать этот процесс, поэтому Э. Мидоуз ограничивается краткими ремарками относительно нескольких наиболее ярких примеров: Селевкидское царство и греческие и финикийские города в его составе; Понтийское царство и греческие города Причерноморья; малоазийские и сирийские города, освободившиеся в силу тех или иных причин от власти Селевкидов или Птолемеев и т.д.

Автор отмечает наличие множества вариантов решений. Например, города Сирии и Финикии, ставшие независимыми, начинают чеканить собственную монету, но при этом сохраняют селевкидские или птолемеевские типы; малоазийские города, которые выбирают (после обретения независимости) «александровские» типы, в большинстве случаев делают это в силу экономической необходимости; наличие определенной унификации городской чеканки ряда городов под влиянием импульсов, исходивших от центральной власти (Селевкиды при Антиохе IV или Митридат VI Понтийский) и т.д. В целом же на этот процесс перехода от греческой традиции связи между суверенитетом и монетной чеканкой к римской сильное влияние оказывал сам факт присутствия римлян в Малой Азии со времени создания провинции Азия.

Статья С. фон Редден «Политика монетизации в Египте третьего века до н.э.» (с. 65–76) посвящена некоторым аспектам политики царей птолемеевского Египта главным образом на протяжении III в. до н.э. Автор указывает, что политика введения в экономику государства монеты сталкивалась с рядом объективных трудностей, главной из них было отсутствие собственных источников серебра. Поэтому основным

⁶ Davies J.K. On the Non-usibility of the Concept of «Sovereignty» in the Ancient Greek Context // *Federazioni e federalismo nell'Europa antica*. Bergamo. 21–15 settembre 1992 / Ed. L.A. Foresti, A. Barzano, C. Bearzot, L. Prandi, G. Zecchini. Milano, 1994. P. 51–65.

⁷ Точка зрения В. Рансимана, см. *Runciman W.G. Doomed to Extinction. The Polis as an Evolutionary Dead End* // *The Greek City* / Ed. O. Murray, S. Price. Oxf., 1990. P. 347–367.

⁸ Точка зрения Г. Коуквела (*Cowkwell G. The End of Greek Liberty* // *Transition to Empire. Essays in Graeco-Roman History, 360–146 B.C.*, in Honour of E. Badian / Ed. R.W. Wallace, E.M. Harris. Norman – London, 1996. P. 98–121).

⁹ Точка зрения Э. Гомма (*Gomme A.W. Essays in Greek History and Literature*. Oxf., 1937. P. 223).

источником получения драгоценных металлов была внешняя торговля. Египет экспортировал в большом количестве зерно и папирус. Единственный товар (кроме драгоценных металлов), в котором нуждалась страна – строительное дерево. В связи с недостатком серебра рано вводят в обращение медь (медные драхмы). С этим же обстоятельством связано и использование во взаимных расчетах иных форм «всеобщего эквивалента», например, зерна. Египетские банки были похожи на афинские банки IV в. до н.э., но резко отличались от последних тем, что очень часто использовали кредиты и взаимные безналичные расчеты.

Монетизация экономики была сознательной политикой первых Птолемеев, поскольку представляла собой инструмент интеграции греков и египтян с их совершенно различными экономическими традициями и взглядами. Одним из средств достижения этого были те торжественные шествия, наиболее известным из которых было шествие 279/8 г. до н.э., организованное Птолемеем II в честь его родителей. Можно, видимо, согласиться с основными выводами С. фон Редден, однако вряд ли такие празднества вызывали однозначные чувства у всех, наблюдавших их. Распространение такой оппозиционной литературы, как знаменитое «Пророчество горшечника», явно показывает, что у многих египтян подобные празднества вызывали скорее обратную реакцию. Кроме того, главная цель подобных мероприятий была не в том, чтобы продемонстрировать единство населения, а показать неодолимую мощь (военную и финансовую) царской власти.

Основная часть сборника, как мы уже отмечали, все же отведена статьям, трактующим экономические проблемы древней Греции.

Особый интерес вызывает статья Г.С. Кима «Архаическая чеканка как свидетельство использования монеты» (с. 7–21), в которой обсуждаются проблемы возникновения чеканной монеты в древней Греции, причины, характер и следствия этого. Прежде всего автор указывает на некоторые сложности общетеоретического плана. Он подчеркивает, что в последние годы в целом ряде исследований особое внимание обращалось на роль монеты, как явления культурного, ритуального и т.д., однако недостаточное внимание уделялось монете как явлению экономической истории, чему и посвящено его исследование. Он отмечает, что появление чеканной монеты – только один (хотя и самый важный) этап в развитии денежного обращения. Нужно помнить, что монете предшествовали различные виды товарных денег, а развитие рыночных отношений началось ранее появления чеканной монеты. Необходимо обратить внимание и на другое обстоятельство: возникновение чеканной монеты в Лидии и связанных с нею приморских малоазийских центрах не имеет прямого отношения к появлению монеты в материковой Греции. Новые исследования показали, что в материковой Греции монета получила распространение позднее, чем считалось ранее. Следовательно, существует хронологический разрыв между двумя явлениями: начало чеканки в Лидии относится к середине VII – началу VI в. до н.э., начало чеканки в Балканской Греции – ко второй половине (если не последней четверти) VI в. до н.э. Кроме того, надо помнить и о разнице в монетных металлах: электр – в Лидии и серебро – в материковой Греции.

Как указывает Г.С. Ким, монета очень быстро чрезвычайно широко распространилась – уже примерно к 480 г. до н.э. она чеканилась в более чем 100 полисах, свидетельствуя о том, что она была необходима обществу и была подготовлена его предшествующим развитием. Следующий важный вывод, проистекающий из изменения даты появления чеканных денег, состоит в том, что теперь распространение монеты совпадает по времени с периодом оформления полисных институтов в Греции. И наконец, автор обращает внимание на еще одно обстоятельство: обычно считается, что широкое распространение монеты («монетизация экономики») началось примерно сто лет спустя после ее появления. В поддержку этого тезиса высказываются такие соображения: первые монеты обычно были крупными номиналов, из чего следует, что они «обслуживали» экстраординарные нужды: выплата дани, далекая торговля, распределение средств. В эту «монетизированную экономику» было вовлечено ограниченное число граждан (только верхние слои полиса), она никак не была связана с повседневной жизнью основной массы граждан. Однако открытия последних лет (и, может

быть, улучшение методики раскопок ?) показали, что мелкие и мельчайшие номиналы серебряных монет были распространены очень широко и представлены большим числом вариантов, свидетельствуя об их массовой чеканке. Тем самым можно с уверенностью считать, что эти монеты обслуживали местные потребности – они никогда в отличие от монет крупных номиналов, не «путешествовали» на большие расстояния. Таким образом, уже в момент возникновения чеканной монеты рыночные отношения играли важнейшую роль в жизни ранних полисов.

Сейчас можно считать доказанным, что чеканной монете предшествовали деньги в виде слитков серебра. Г.С. Ким очень хорошо показал, что они имели, как правило, достаточно твердо установленный вес, хотя не несли на себе клейма, удостоверяющего этот вес. В целом ряде кладов такие слитки серебра наличествуют одновременно с чеканной монетой, что служит доказательством, что они предшествовали чеканной монете и какое-то время обращались наряду с ней. Таким образом, использование в качестве денег серебряных слитков предшествовало появлению чеканной монеты и подготавливало к этому общество. Необходимо обратить внимание на то, что многие из слитков очень небольшого веса, это свидетельствует об употреблении их в повседневной жизни, а не только в экстраординарных случаях. Автор доказал, что они выполнялись в строго установленных весовых системах. Кроме того, небольшой вес слитков указывает, что использовали эти деньги широкие круги граждан, а не только элита.

Литературные сведения подтверждают факт широкого употребления серебра в архаической Греции. Серебро было чрезвычайно «мобильным». Современные исследования показали несколько важных особенностей его хождения. Например, серебряные слитки, входящие в состав селинунтского клада (ранее 500 г. до н.э.), частично выполнены из иберийского серебра. Эгина, не имевшая своего серебра, использовала для своих монет (и предшествующих им слитков) серебро из разных источников. Даже Афины и Фасос, обладавшие собственными источниками серебра, чеканили монету не только из своего серебра.

Конечный вывод автора следующий: в последние десятилетия особый упор делался на социальные, политические и другие подобные причины рождения чеканной монеты в древней Греции. Автор указывает, что его исследование настоятельно требует вспомнить и экономические причины, которые не менее важны. Но сводить все только к ним было бы не правильно. Необходимо учитывать целый комплекс причин, основной из которых являлось рождение и оформление полиса.

Думается, нет оснований оспаривать и главный вывод Г.С. Кима, и те отдельные более конкретные выводы, которые он делает по ходу исследования. Работа очень доказательная и можно, кажется, согласится с автором.

Статья Дж. Дэвиса «Храмы, кредит и циркуляция монеты» (с. 117–128) построена на анализе ряда эпиграфических документов, происходящих из святилищ различных греческих полисов, включая как общегреческие, так и полисные, а также принадлежащие мелким подразделениям гражданского коллектива (например, отдельным демам Аттики). Автор отмечает, что уже в середине VI в. до н.э. появляются документы, в которых исчисление имущества, принадлежащего храму, ведется в денежной форме, он стремится показать, как постепенно денежные отношения проникают в сакральную жизнь полиса. На смену традиционным формам посвящений, даров и т.п. в натуральной форме приходят другие, порожденные новой экономической обстановкой. Реакция и выбор стратегии поведения в этих условиях коллективов, являвшихся собственниками святилищ, могла быть различной и определялась рядом обстоятельств, но общая тенденция к «монетизации» несомненна. Наивысшей формой рационалистического отношения к храмовому имуществу явилась выдача займов в денежной форме под проценты (в сущности ростовщичество, хотя Дж. Дэвис никогда не употребляет этого термина). Храмовые сокровища в конечном счете рассматривались как своеобразный «последний» финансовый резерв и к нему обращались в крайнем случае. Но отношение к такому рода «заимствованиям» также не было однозначным, определяясь множеством обстоятельств.

Очень интересна статья К. Шиптон «Монета и элита классических Афин» (с. 129–144). Автор отмечает, что в антиковедении уже давно сложилась концепция, согласно кото-

рой богатая верхушка афинского полиса состояла главным образом из землевладельцев, естественным результатом чего было господство идеологии, прославляющей труд на земле, презрение к ремесленной деятельности и т.д., что так ярко представлено в общественно-политической литературе Афин классической эпохи.

К. Шиптон пытается выявить более точную и адекватную картину экономических предпочтений афинской элиты в IV в. до н.э. Свое исследование она строит на анализе эпиграфических документов с использованием просопографических методов. Она указывает, что в экономической жизни афинского полиса имелось два основных источника пополнения полисной казны: сдача в аренду серебряных рудников и сдача в аренду общественных земель. Правда, здесь автор несколько ошибается, поскольку имелся и еще один источник – портовые сборы, но на анализ этот факт не может влиять.

К. Шиптон делит всех граждан, вовлеченных в эти сферы деятельности, на шесть групп. Первую из них составляли люди, зафиксированные в различных источниках как имущественная верхушка полиса («литургический класс»). Таких в каждом из поколений было примерно 600. Самую низшую группу входили люди, которые известны нам как арендаторы. С точки зрения автора, это беднейшие из граждан. Все остальные группы находились между этими двумя полюсами. Конечно, может быть много сомнений относительно данных критериев, но лучших все равно нет.

Анализируя эпиграфические материалы статистически, К. Шиптон приходит к несколько неожиданным, но (в рамках ее подхода) вполне достоверным выводам. Самые богатые афиняне явно предпочитали брать в аренду рудники, а не землю. Они арендовали более крупные участки, и имелось достаточно много семей, которые занимались «рудничным бизнесом» из поколения в поколение. Видимо, эти люди извлекали значительные прибыли из аренды, но коллектив граждан относился к этому положительно, поскольку именно эти люди несли основную «литургическую нагрузку». Бедняки предпочитали арендовать землю, а не рудники. Можно думать, что для них аренда общественных земель не являлась средством извлечения прибыли, а лишь средством обеспечения существования. Однако, указывает автор, нельзя «обобщать» афинскую ситуацию. На Делосе, например, арендой общественной земли занимались богатейшие граждане.

Статья Дж. Роуландсон «Использование монеты крестьянством птолемеевского и римского Египта» (с. 145–155) посвящена проблемам проникновения монеты в сферу сельского хозяйства, в частности в экономику крестьянских хозяйств Египта птолемеевского и римского времени. Это явление, как подчеркивает автор, должно рассматриваться в ряду аналогичных феноменов, когда монета вторгается в традиционное аграрное общество. Сфера крестьянского хозяйства требует специального внимания, так как широкое развитие товарно-денежных отношений в городах Египта этого времени не вызывает сомнения. Эти отношения составляли также повседневную реальность и в жизни «земельных магнатов».

На первый взгляд кажется, что монете не было места в крестьянской экономике, поскольку налоги и арендная плата за землю взимались натурой. Следовательно, зерно некоторым образом выполняло функцию денег. В этом можно видеть сохранение той системы, которая тысячелетиями функционировала в Египте. Однако полностью отрицать факт постепенного проникновения монеты в жизнь деревни было бы неправильно. Некоторые налоги и ряд арендных платежей необходимо было выплачивать в денежной форме. В частности, все расчеты, связанные с виноградниками и производством вина, выполнялись в денежной форме. Крестьянам и при производстве зерновых также нужны были деньги для оплаты труда лиц, подававших воду на поля, поденщиков, нанимавшихся в горячее время уборки урожая, и т.д.

Свидетельством глубокого проникновения монеты в крестьянскую жизнь, являются документы, связанные с браками: брачные контракты, документы о разводе и т.п. Все имущество, даваемое в качестве приданого и получаемое в качестве компенсации при разводе, всегда оценивалось в денежной форме. В этом Дж. Роуландсон видит одно из важнейших доказательств того, что денежные отношения глубоко вошли в жизнь крестьянина, заставляя его мыслить в «денежной форме». При всем том нату-

ральная основа крестьянского хозяйства сохранялась, новые явления лишь несколько модифицировали ее, но не разрушили.

Таким образом, мы видим, что основная часть статей относится (в той или иной степени) к концепциям М. Финли критически и разделяет мнение о том, что монета в экономической жизни античного общества заняла очень важное место. Единственной работой, в которой защищается концепция М. Финли, может быть названа статья Дж. Треветта «Монетная чеканка и демократия в Афинах» (с. 23–34), которая начинается с утверждения, заимствованного у М. Финли, что монета в древней Греции была явлением чисто политическим¹⁰. Исходя из этого тезиса, автор пытается анализировать некоторые факты в политической жизни и монетной чеканке Афин. Он, в частности, кратко описывает (насколько это позволяют источники) функции монетных магистратов, причины стабильности типов афинских монет и т.д. Причины стабильности он видит в желании афинского демоса подчеркивать непрерывность существующего строя, а также определенную инерцию демократической мысли. Никакие соображения относительно «привычности» внешних рынков к традиционным типам не влияли на их выбор. Консерватизм типов – своего рода указатель политической стабильности. Он также отмечает, что вопрос о том, когда на смену *Warrenmünzen* пришли типичные афинские «совы», не может считаться решенным. Во всяком случае, полагает автор, очень трудно доказать, что появление сов – результат реформ Клисфена, как думают некоторые исследователи¹¹.

Однако основная часть статьи посвящена иному вопросу, который более непосредственно связан с главным тезисом автора. Дж. Треветт старается доказать, что широкое распространение монеты напрямую определяется существованием демократического строя в Афинах. Он особенно подчеркивает то обстоятельство, что демократический строй в Афинах предполагал плату гражданам за выполнение ими своих гражданских обязанностей: участие в заседаниях судов, выполнение ряда магистратур, участие в заседаниях народного собрания и т.д. К этому нужно также добавить плату гражданам-воинам во время походов. Поскольку размеры оплаты были невелики, то нужно было чеканить большое количество монет мелких номиналов.

Подобная позиция выглядит очень искусственной, да и сам автор сознает ее слабость, пытается оперировать самыми общими соображениями вместо твердо установленных фактов. Первые монеты в Афинах появились задолго до установления демократического строя, во всяком случае еще в период тирании. Более пятидесяти лет демократический строй в Афинах не знал оплат за выполнение гражданских обязанностей, но тем не менее мелкие номиналы чеканились в большом количестве. Таким образом, можно быть уверенным, что появление монеты не было связано с возникновением демократии, а широкое распространение монеты – с практикой оплат. Конечно, введение системы оплат могло способствовать «монетизации» экономики Афин, но не служить ее причиной.

Таким образом, рассмотрев статьи, представленные в сборнике, мы со значительной долей уверенности можем утверждать, что к числу критиков М. Финли и его сторонников прибавилась группа специалистов по экономической истории античного общества и нумизматов. «Новая ортодоксия» (как часто называют концепцию М. Финли)¹² с характерным для нее стремлением представить античное общество как общество архаическое и примитивное, вызывает все большую критику. Монета и рыночные отношения занимают все более важное место в схемах, объясняющих его эволюцию. Однако это не означает простого возвращения к модернистским построениям, анализ проводится в рамках полисных структур, чего не наблюдалось у исследователей модернизаторского направления конца XIX – первой половины XX в.

Г.А. Кошеленко

¹⁰ Со ссылкой на: *Finley. The Ancient Economy. P. 166.*

¹¹ См., например: *Kroll J.H., Waggoner N.M. Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // AJA. 1984. 88. P. 76–91.*

¹² Выражение принадлежит К. Хопкинсу, одному из горячих приверженцев этой концепции (*Hopkins K. Introduction // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Gamsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker. Cambr., 1983. P. XI.*)

© 2004 г.

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРИИ ИВАНОВНЫ УКОЛОВОЙ

Имя Виктории Ивановны Уколовой близко знакомо всем, кто занимается изучением древности и средневековья. Работы исследовательницы, в ряде случаев открывшие новые перспективы в разработке проблем античного и феодального общества, стали значительным явлением отечественной исторической науки.

Виктория Ивановна родилась в 1944 г. в Самарканде, и невольно бросается в глаза связь между древним городом, в котором она появилась на свет, и ее интересом к прошлым цивилизациям. Среднюю школу в г. Ромны (Украина) Виктория Ивановна закончила с золотой медалью. Высшее образование получила на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Она специализировалась на кафедре истории средних веков, и ее наставником был академик Сергей Данилович Сказкин, оказавший сильное влияние на ее личность и становление как профессионального историка. Под его руководством Виктория Ивановна написала дипломную работу, а затем кандидатскую диссертацию «Боэций и его время: к истории западноевропейской образованности в раннее средневековье». Впервые в отечественной историографии было осуществлено систематическое и всестороннее изучение наследия крупнейшего мыслителя рубежа античности и средневековья и вместе с этим показаны особенности происходивших в это время преобразований в области культуры. Созданная по результатам этих исследований монография «Последний римлянин» Боэций» (1987 г.) была по достоинству отмечена первой

премией на Всесоюзном конкурсе исторической литературы, а выдающийся русский философ и историк Алексей Федорович Лосев признал ее «значительным достижением» историографии, отличающимся «верным, иной раз даже художественным отражением подлинного и в ее изображении лишенного всяких односторонностей творчества Боэция». В дополнение к монографии Виктория Ивановна перевела на русский язык и опубликовала главный труд Боэция «Об утешении философии».

Судьба культуры в условиях эпохального цивилизационного перелома была предметом преимущественного внимания и в дальнейшем научном творчестве плодотворно работающего историка. В 1979 г. Виктория Ивановна перешла на работу в Институт всеобщей истории АН СССР и сразу заняла место в ряду ведущих специалистов по истории античной и средневековой культуры. В 1987 г. В.И. Уколова защитила докторскую диссертацию «Роль античного наследия в формировании культуры раннего средневековья в Западной Европе (конец V – первая половина VII в.)». Результаты этой работы были опубликованы в монографических трудах: «Античное наследие и культура раннего средневековья» (1989 г.), «“Последние римляне” и европейская культура» (1989 г.) и «Поздний Рим: пять портретов» (1992 г.). Научным открытием Виктории Ивановны стал ее вывод, широко принятый теперь в отечественной историографии, о том, что V–VII вв. ни в коем случае не были «провалом» или «темной эпохой» в истории европейской культуры, которая в это время создала фундамент для последующего развития отвечающих характеру иного, уже средневекового, общества философии, литературы, образованности, науки и прочих форм духовной жизни. Важнейшее значение для понимания специфики культурной эволюции в переходный от античности к средним векам период имеет наблюдение Виктории Ивановны о том, что отношения между язычеством и христианством следует характеризовать не только как борьбу, но и как особого рода взаимодействие, открывшее перед христианским миром дополнительные возможности исторической самоидентификации.

В своих работах В.И. Уколова стремится к комплексному осмыслению исторических явлений, их анализу в развитии, охватывающем периоды большой временной протяженности. По мере накопления исследовательских материалов (а Виктория Ивановна – автор нескольких сотен научных публикаций) оснований для создания обобщающих трудов становилось все больше. В двухтомнике «Античность: история и культура», выдержавшем несколько изданий (1-е – 1994 г.) Виктория Ивановна написала раздел об императорском Риме. Широкий, панорамный взгляд на историю представлен также в ряде созданных ею учебников и учебных пособий для университетов и общеобразовательных заведений.

Научную исследовательскую деятельность Виктория Ивановна удачно совмещает с административно-организационной и педагогической работой. С 1988 по 1998 г. она была заместителем директора Института всеобщей истории РАН, а с 1998 г. возглавляет кафедру всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. На протяжении многих лет Виктория Ивановна читала лекции, вела семинарские занятия, руководила дипломными работами студентов в Новосибирском государственном университете, МГУ им. М.В. Ломоносова и Российском государственном гуманитарном университете. В числе учеников, написавших диссертации под руководством профессора В.И. Уколовой, есть кандидаты и доктора наук. Виктория Ивановна возглавляет редколлегия академической серии «Памятники исторической мысли», является членом редколлегии журнала «Вестник древней истории» и ежегодника «Средние века», заместителем председателя Экспертного совета по истории ВАК России, членом Экспертного совета по истории Российского гуманитарного научного фонда, а также ряда научных и диссертационных советов.

Друзья и товарищи по работе высоко ценят профессиональные качества Виктории Ивановны, ее увлеченное служение любимой науке, умение с высокими результатами провести исследование, выбрать наиболее актуальное и перспективное направление в подходе к изучаемой теме. Но не менее привлекают ее личные черты – целеустремленность, душевность, всегдашняя готовность прийти на помощь и добросердечие.

Редколлегия и редакция «Вестника древней истории», друзья – античники и медиевисты – сердечно поздравляют Victорию Ивановну Уколову с юбилеем и желают новых творческих успехов и научных достижений, доброго здоровья и, как говаривали наши далекие предки, счастливо «рости и младети».

© 2004 г.

«ПЯТЫЕ ЖЕБЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (Санкт-Петербургский государственный университет, 19–21 ноября 2003 г.)

Кафедра истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета – старейший и крупнейший (наряду с кафедрой истории древнего мира Московского университета) университетский центр антиковедения в нашей стране. Содержанием деятельности кафедры является, с одной стороны, учебная работа, подготовка новых специалистов по древней истории, а с другой, естественно, – научная работа, без которой немислим сколько-нибудь содержательный учебный процесс.

Важным аспектом деятельности петербургской кафедры, напрямую связанным с исследовательской работой, является регулярное проведение научных конференций, посвященных наиболее значимым и интересным проблемам античной истории и культуры. В прежние времена это была череда конференций «Проблемы античного полиса» (I–IX, 1974–1992 гг.), отвечавших основному исследовательскому направлению тех лет. Затем после некоторого перерыва, обусловленного трудностями перестроечного времени, кафедральные конференции возобновились под новым, более широким девизом: «Античное общество: проблемы истории и культуры» (I–VI, 1995–2003 гг.). Позднее к ним добавились проводимые обычно осенью в память об одном из архегетов петербургской историко-филологической школы, академике Сергее Александровиче Жебелеве специальные «Жебелевские чтения» (I–V, 1997–2003 гг.). Некоторые из конференций под общим названием «Античное общество» посвящались специальным проблемам античной истории: «Власть и общество в античности» (=АО-IV, 2001 г.), «Режимы личной власти в античном мире» (=АО-V, 2002 г.), «Авторитарная власть и интеллектуальная элита в античном мире» (АО-VI, 2003 г.). Иногда такие тематические конференции проводились и отдельно: «Интеллектуальная элита античного мира» (1995 г.), «Альтернативные социальные организации и движения в античности» (1998 г.). Очевидно большое значение этих конференций: они содействуют обмену информацией, стимулируют научную мысль, сближают специалистов разных направлений, ветеранов и молодых, петербургских и иногородних. Зримое воплощение продуктивности их – это изданные кафедрой многочисленные сборники статей и целые монографии.

19–21 ноября 2003 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялась «Пятые Жебелевские чтения», организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и действующим при ней Центром антиковедения. На конференции было прослушано и обсуждено около 40 докладов, в ней приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Екатеринбургa, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Саратова, Сыктывкара, Тобольска, Ярославля. Конференцию открыл 19 ноября заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор Э.Д. Фролов. Во вступительном слове он дал ретроспективный обзор прежних проводившихся кафедрой конференций и напомнил о значении научной деятельности эпонима нынешних чтений С.А. Жебелева. Первое пленарное заседание было посвящено главным образом проблемам источниковедения и историографии античности, и на нем было заслушано семь докладов. В докладе «Проблемы исторической ономастики классических Афин» С.Г. Карпюк (Москва) убедительно показал, что древнегреческие имена являются великолепным источником для изучения социальной психологии, а иногда и идеологии древних греков и позволяют в какой-то мере определить духовные ценности гражданского коллектива. С.Г. Карпюк проанализировал большую выборку греческих имен (1369) из афинских общественных надгробных надписей V–IV вв. до н.э. и показал, как изменялись взгляды и представления в афинском обществе в эпоху развития и трансформаций демократического уст-

ройства Афин. Автор пришел к выводу, что в Афинах имена с корнем *dem-* становятся своеобразным признаком «демократического нобилитета», который стал и носителем, и потребителем демократической идеологии.

М.П. Трофимов (Пермь) в докладе «Влияние философии стоиков на формирование исторической концепции Диодора Сицилийского» обратился к важной теме историософских взглядов одного из самых известных и интересных (хотя и недостаточно ценимых) представителей античной историографии I в. до н.э. Автор показал воздействие идей стоиков на Диодора по таким, в частности, линиям, как представление о единстве мировой истории и обоснование нравственной пользы и значения исторических занятий. В докладе «Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени» *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург) подчеркнул, что в конце XIX – первой половине XX в. особенно были заметны успехи немецкой историографии прежде всего в изучении проблемы появления фаланги, в частности, в связи с возникновением старшей тирании. С 60-х годов XX в., по мнению докладчика, на первый план выдвигается англо-американская историография, при этом пристально исследуются вопросы о времени появления фаланги, способе ведения боя (натиске), собственно процесс развития фаланги. Свой вклад в изучение темы внесла и французская историография, обратив особое внимание на связь возникновения фаланги с формированием полиса. Говоря об отечественной историографии последних десятилетий, автор доклада отметил особенно активную разработку вопросов механизма ведения боя и проблемы появления фаланги в связи с рождением полисного государства.

М.В. Белкин (Санкт-Петербург) в докладе «Один день из жизни Цицерона – 15 марта 44 г. до н.э.» обратился к весьма дискуссионной теме возможного участия в заговоре против Цезаря знаменитого римского оратора и политика Цицерона. В центр внимания автор поставил вопрос: был ли Цицерон в сенате в трагический день убийства диктатора, т.е. в мартовские иды 44 г. Основываясь на свидетельствах античной традиции, в первую очередь писем самого Цицерона, М.В. Белкин привел аргументы в пользу мнения о том, что оратор в тот день в сенате не присутствовал и, стало быть, прямого участия в заговоре не принимал. В докладе *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Римское государственное право: “система” Теодора Моммзена» было отмечено, что центральное место в многогранном вкладе Т. Моммзена в изучение античного Рима занимает исследование римского публичного права, представленное в виде целостной системы в труде «*Roemisches Staatsrecht*». Автор подчеркнула, что несмотря на целенаправленные попытки многих поколений историков «основательно ревизовать» «систему» государственного права Т. Моммзена, все они в какой-то степени опирались и опираются на его общее наследие. Это наследие, по мнению автора, состоит прежде всего в самом методе теоретического моделирования исторических реалий на основе применения правовых категорий, методе, который постоянно используется и в современном антиковедении.

В докладе «Анималистические мотивы в религиозно-мифологической традиции древних кельтов» *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) показала, что особенностью кельтской религиозно-мифологической традиции является широкое распространение в ней образов животных. Особое место среди анималистических мотивов кельтской мифологии занимают представления, связанные с темой лошади. На европейском континенте в областях расселения кельтов (особенно в Галлии) часто встречаются изображения лошади, самые древние из которых восходят, по меньшей мере, к бронзовому веку. В позднейшее время почти у всех галльских племен присутствует изображение лошади на монетах. Популярность мотива лошади, конечно, может объясняться тем, что в странах процветающего земледелия и скотоводства, таких, как Галлия, жеребец-производитель и молочная кобыла воплощали изобилие и экономическое богатство страны. Однако у кельтов, как и во всем индоевропейском мире, благородное животное использовалось главным образом на войне. В период кельтской экспансии в составе кельтских войск, кроме пехотинцев, фигурируют также военные колесницы и конница. Двухколесная боевая колесница появляется у кельтов с конца V в. до н.э. Конница континентальных кельтов комплектовалась из высших аристократических слоев общества. Она играла важную роль уже во время войн на Балканах и в Греции. В Ирландии воин также не мыслил себя без боевой колесницы, запряженной двумя лошадьми и управляемой возничим. На Британских островах такой способ ведения боя удерживался очень долго. Кроме того, в древних мифологиях лошадь играла важную символическую роль. Образ лошади был включен в символику как солнца, так и луны. В бретонском и ирландском фольклоре луна до сих пор называют «Белой кобылой». И, наконец, в религиозно-мифологических представлениях древних кельтов образ лошади был связан с идеей верховной власти, может быть, одной из самых древних и фундаментальных идей древних религиозно-мифологических традиций.

Доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Иисус – киник? Христианство и кинизм» был посвящен освещению одного из направлений так называемого «третьего поиска исторического Иисуса» – попытки восприятия Иисуса как странствующего киника. Эта идея не нова, она мно-

жество раз высказывалась исследователями в XX и даже еще в XIX в. Среди тех, кто особо ревностно защищает эту позицию в настоящее время, можно назвать Геральда Даунинга, Бартона Мака и Лейфа Вааге. Так, Даунинг полагает, что «для части ранних христиан, которые оставили нам новозаветные документы, подход киников I века к этике предоставлял очень важную модель для выбора проповеди и учительства». Более того, «Иисус вполне мог быть не первым иудеем из Галилеи, который попытался кинические идеи с иудаизмом». Особое место в аргументации Даунинга занимают ссылки на источниковую традицию Q, где, по его мнению, содержится много параллелей с кинической традицией. Как полагает докладчик, с этим трудно согласиться. Сомнительность широкого распространения кинизма в Галилее, то обстоятельство, что кинизм рубежа эр был кинизмом не школы, а отдельных личностей, наконец, невозможность точной реконструкции того, какие именно варианты речений Иисуса входили в состав Q, – все это заставляет усомниться в выводах Даунинга. Наконец, если обратиться к восприятию кинизма и христианства самими древними, то становится ясно, что сравнение христиан с киниками являлось элементом антихристианского арсенала Цельса и Лукиана, но никак не христианской самоидентификации.

На следующий день, 20 ноября работали две секции, посвященные соответственно истории Греции и Рима. На утреннем заседании секция истории древней Греции (председатель – В.М. Строгоцкий) было прочитано шесть докладов. Доклад *М.Ю. Лантевой* (Тобольск) «Ионийский синокизм: проекты интеллектуалов и историческая реальность» был посвящен архаической Ионии и роли Панионийского союза. Автор показала, что этот союз сыграл важную консолидирующую роль в период миграций и в VI – начале V в. до н.э., однако в силу различных причин не стал основой для политического объединения ионийских полисов перед угрозой персидского завоевания. *А.В. Зайков* (Екатеринбург) в докладе «Ретры прямые и ретры кривые: к вопросу о законодательной процедуре в архаической Спарте» отметил, что Большая ретра и поправка к ней являются предметом пристального внимания исследователей, а также выделил основные гипотезы в толковании дополнения к Большой ретре. Автор указал, что традиционно это дополнение интерпретируется в политическом смысле: поправка поставила герусию и царей над народным собранием, которому теперь отводилась роль ширмы, маскирующей произвол правящей элиты. По мнению автора, поправка носила лишь процедурный характер и отвечала на вопрос: как быть, если «народ» примет решение (ретру) с нарушением тех процессуальных норм, которые были определены Большой ретрою и конституционной практикой? В докладе «Коринф и Афины (динамика взаимоотношений)» *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург), основываясь на анализе литературных и эпиграфических источников, показал эволюцию взаимоотношений Коринфа с соседними полисами в архаическую и классическую эпохи. Особое внимание автор уделил отношениям между Коринфом и Афинами причинами смены дружественных и враждебных отношений между этими полисами в ту или иную историческую эпоху.

Доклад *А.В. Леонтьева* (Санкт-Петербург) «Роль пифагорейцев в войне Кротона с Сибарисом в конце VI в. до н.э.» был посвящен прежде всего анализу отрывка из XII книги Диодора Сицилийского, в котором говорится о войне Кротона с Сибарисом. Автор постарался показать, что главным источником этого сообщения Диодора было сочинение Тимея. Рассматривая взаимоотношения Кротона и Сибариса, *А.В. Леонтьев* широко использовал также все имеющиеся сведения из различных источников, что позволило ему сделать вполне уместное предположение об участии Пифагора в этой войне. В докладе «Причины спартанской олигантропии и цели реформ Агиса и Клеомена в III в. до н.э.» *А.Л. Дарвин* (Петрозаводск) рассмотрел существующие в современной историографии мнения, интерпретирующие сущность так называемой олигантропии в Спарте. Внимательно проанализировав данные источников, автор подчеркнул, что в спартанской общине и в ранние периоды ее истории не существовало равенства граждан в полном, идеальном смысле слова. По мнению *А.Л. Дарвина*, процесс неравенства, безусловно, развивался (особенно он усилился после принятия ретры Эпитадея), с этим было связано и сокращение числа граждан. Поэтому восстановление коллектива полноправных граждан автор оценил как одну из важнейших целей преобразований, которые пытались провести в III в. до н.э. спартанские цари Агис и Клеомен. *В.Р. Гуцин* (Пермь) в докладе «Афины и Аттика: демографическая мобильность в архаический и классические периоды» поставил вопрос об особенностях расселения в Аттике в VIII–V вв. до н.э. и подчеркнул, что чередование периодов более или менее равномерного распределения населения Аттики с периодами его концентрации в Афинах за счет оттока из деревень было тесно связано с конкретными историческими событиями или политической ситуацией в Афинах (например, политика тиранов, формирование системы демов при Клисфене, Греко-персидские войны и др.). По мнению *В.Р. Гуцина*, демографическая мобильность была постоянным фактором афинской истории, влияние которого на конкретные исторические события еще предстоит выяснить.

На втором заседании секции истории древней Греции (председатель – А.В. Зайков) было заслушано шесть докладов. Доклад *В.М. Строгоцкого* (Нижний Новгород) «Место рабов, женщин и метеков в системе коммуникативных отношений в классическом полисе» был посвящен анализу информационных связей в полисе и роли в них тех категорий населения, которые не входили в гражданский коллектив. Касаясь положения рабов, автор подчеркнул существование разных способов ограничить их доступ к информации. В.М. Строгоцкий заключил, что в целом отношение полисных властей к метекам было подозрительным: оставалась опасность, что метеки могут передать важную для полиса информацию иностранцам. Отмечая, что женщина в полисе считалась подвластной, зависимой от мужчины и должна была вести уединенную жизнь, автор вместе с тем указал, что в классическую эпоху в положении женщин наметились качественные изменения: они становились более свободными, втягивались в общественные дела. Это обстоятельство, как отметил В.М. Строгоцкий, представляло известную опасность для гражданского коллектива, так как нарушало устоявшийся, достаточно патриархальный порядок вещей. Этим объясняется столь большое внимание греческих авторов классического периода к положению и роли женщины, а также тот живой интерес, который вызывала у греческих историков, философов и поэтов тема «женщина и информация». Докладчик пришел к выводу, что основной смысл всех суждений на этот счет заключался в недопущении женщин к любой информации вне той сферы, где они уже занимали определенное место.

Т.В. Кудрявцева (Санкт-Петербург) в докладе «Народный суд в комедии Аристофана «Осы»» отметила, что многочисленные упоминания гелизи в комедиях Аристофана указывают на то, что автор считал народный суд важнейшим органом в политической системе Афин, в небольшой степени олицетворяющим собой весь афинский демос. Докладчик также подчеркнула, что при этом комедия Аристофана – единственный источник, который дает нам детальное описание гелизи V в. до н.э. Проанализировав особенности этого источника и отметив, что и «Осы», и замечания о суде и судьях в других комедиях – это, бесспорно, карикатура и местами весьма злая, докладчик подчеркнула, что, осмеивая и пародируя, Аристофан, однако, подмечал действительно существовавшие черты в облике и характере гелистов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, равно как и в афинском судопроизводстве в целом, имевшем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров.

В докладе «К вопросу об отношении афинских союзников к власти Афин в Делосской симмахии» *В.В. Шувалов* (Санкт-Петербург) остановился прежде всего на теме трансформации Делосской симмахии в Афинскую архэ. Он отметил, что Делосская симмахия с момента своего появления эволюционировала в сторону сосредоточения в руках Афин, и когда этот процесс завершился в конце 40-х годов V в. до н.э., прежде независимые союзники превратились фактически в афинских подданных. Автор решительно выступил против мнения о дружественном отношении союзников к Афинам, указав на то обстоятельство, что полисная идеология предполагала прежде всего независимость гражданского коллектива от любых внешних сил. Поэтому, как подчеркнул В.В. Шувалов, несмотря на известные преимущества, которые получали государства, вступая в первый Афинский морской союз, все они в целом негативно воспринимали свое униженное положение подвластных членов Афинской архэ. Такое отношение союзников к власти Афин проявилось в восстаниях, в которых принимали участие все слои общества и политические силы полиса (и демократы, и олигархи) и которые подавлялись Афинами, лишь силой сохранившими существование Архэ.

В докладе *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) «Надписи из Приены и Александр Македонский» была рассмотрена проблема датировки двух приенских надписей эпохи Александра Македонского: одной, касавшейся посвящения Александром храма Афине Полиаде, и другой, сохранившей эдикт Александра относительно Приены. Автор сделал вывод о том, что изданный Александром эдикт в отношении Приены был единственным, посредством которого македонским царем были урегулированы дела данной общины, и что именно его текст использовался позднее приенцами при составлении сохранившейся надписи. При этом докладчик указал, что оригинальный текст данного эдикта был издан Александром в 334 г. до н.э.; так же, по его мнению, датируется и надпись с текстом посвящения Александром приенского храма Афине Полиаде. *М.Ю. Серова* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о полисном устройстве Александрии Египетской» подчеркнула, что основанная в Египте Александрия обладала основными чертами полиса: для нее было характерно наличие института гражданства и гражданской общины, которая выбирала некоторых городских магистратов и решала дела города с помощью таких демократических институтов, как Совет и народное собрание. Однако, как отметила М.Ю. Серова, несмотря на эти демократические элементы александрийская гражданская община и ее выборные органы строго контролировались царской администрацией.

В докладе «Эллинизация политического устройства городов Финикии в IV–III вв. до н.э.» *Ю.Б. Циркин* (Санкт-Петербург/Великий Новгород) рассмотрел вопрос о положении фини-

кийских городов при Александре Македонском и эллинистических царях и отметил, что македонское завоевание первоначально ничего не изменило в политическом устройстве финикийских городов – в них по-прежнему сохранялась царская власть, наряду с которой существовали городские магистраты. Однако в III в. до н.э., как указал докладчик, монархия в финикийских городах исчезла, и царя в качестве высшей инстанции и эпонима заменяет «народ» данного города. По мнению автора, изменения эти были скорее политическими, формальными и не сопровождались изменениями в городской элите. В конечном итоге восточный город превратился в самоуправляющийся гражданский коллектив с определенным набором политических прав и, с политической точки зрения, трансформировался в типичный полис. Однако, хотя он входил в состав эллинистических царств, тем не менее, внутри этих царств он обладал автономией, и это позволило Ю.Б. Циркину заключить, что отношения между финикийскими городами и эллинистическими властителями строились как «союз».

Работа секции по истории древнего Рима 20 ноября также включала в себя два заседания. На утреннем заседании (председатель – Ю.Б. Циркин) было заслушано семь докладов. Доклад *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) «*Via et aqua Appia* (К оценке строительной деятельности Аппия Клавдия Цека)» был посвящен практической деятельности цензора Аппия Клавдия по сооружению дороги, соединившей Рим с Капуей, и 15-метрового водопровода, доставлявшего в Рим питьевую воду. Анализируемый материал (в основном сообщения Тита Ливия) позволил Л.П. Кучеренко рассмотреть строительную деятельность Аппия Клавдия в свете политической ситуации того времени и охарактеризовать его как политического деятеля нового типа, который в значительной степени шел навстречу интересам плебеев. Автор также заключил, что строительная деятельность Аппия Клавдия стимулировала превращение Рима в центр римско-италийской федерации. *Е.В. Смыков* (Саратов) в докладе «Градостроительная деятельность Помпея на Востоке» привел данные об огромном размахе этой деятельности во всех провинциях и вассальных государствах Азии. Однако автор подчеркнул, что почти все эти города в действительности не создавались вновь, а появились в результате либо восстановления пришедших в упадок или разрушенных, либо преобразования в города сельских поселений; при этом они получили новые названия, как правило, связанные с именем самого Помпея. *Е.В. Смыков* затронул также вопрос об исторической реабилитации Помпея как значительного административного деятеля.

В докладе *Н.В. Чекановой* (Ярославль) «Муниципальная политика Гая Юлия Цезаря» подчеркивалось, что муниципальная политика являлась частью целенаправленной административной политики Цезаря по превращению Рима в территориальную державу. По ее мнению, важную роль имели такие акции, как перепись населения, предоставление прав римского гражданства, принятие закона о муниципиях и распространение его положений на Рим. При этом ряд мероприятий был направлен на превращение Рима в притягательный центр для всего населения формирующейся территориальной державы. В целом, как подчеркнула *Н.В. Чеканова*, при оценке муниципальной политики Цезаря необходимо учитывать степень соответствия объективных задач, стоявших перед римским обществом, и субъективных установок Цезаря, направленных на консолидацию римско-италийского населения вокруг собственной персоны и власти. Доклад *С.М. Адамского* (Санкт-Петербург) «Борьба сенатских группировок во время Мутинской войны» был посвящен внутренней борьбе в сенате в 44–43 гг. до н.э. Выделив среди сенаторов радикальных сторонников Антония, с одной стороны, и республиканцев, с другой, автор указал, что при этом большинство сената принадлежало к «политическому центру» (группировке Фуфия Калена, стремившейся к компромиссу). По его мнению, положение изменилось лишь в результате перемены реальной политической ситуации, и если бы не гибель обоих консулов, то компромисс мог бы быть достигнут.

Тема доклада *А.Б. Егорова* (Санкт-Петербург) – «Война без победителя (Феномен гражданской войны в римском сознании)». По мнению автора, степень римского имперского милитаристского сознания в современной литературе преувеличена. Он утверждал, что римское общество никогда не признавало законность гражданских войн и резко их осуждало, что вынуждало честолюбивых полководцев, ведших эти войны, маскировать их под войны внешние (так, например, Цезарь – по официальной версии – сражался не с помпеянами, а с Нумидией, война Октавиана официально велась не с Антонием, а с Египтом) или же под операции полицейского характера. Ряд положений доклада вызвал возражения в ходе дискуссии; в частности, было отмечено, что внешняя агрессивность римлян и их негативное отношение к гражданским войнам – характеристики, не противоречащие, а дополняющие друг друга в плане римской ментальности. *С.И. Межеричкая* (Санкт-Петербург) в докладе «*Clades Variana*: результаты археологических раскопок в Калькризе (Нижняя Саксония, Германия)» представила интерпретацию обнаруженных в Калькризе материалов – остатков римского походного лагеря и многочисленных следов ожесточенного сражения. Сравнивая археологические данные с описанием сраже-

ния в Тевтобургском лесу у Тацита, автор вслед за германскими археологами сделала вывод, что найдены следы уничтожения германцами армии Вара. В ходе обсуждения доклада были высказаны сомнения в обязательности идентификации найденных в Калькризе материалов с гибелью войска Вара, а также высказано мнение о том, что это могли быть воины Германика. Как признала докладчик, возможность такой интерпретации нельзя совершенно исключить, хотя это и представляется менее вероятным. По сообщению С.И. Межеричко, лично принимавшей участие в археологической экспедиции в Калькризе, раскопки в этом районе продолжались до 2010 г. *К.В. Вержбицкий* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о целях Британского похода Калигулы», отметив, что Калигула так и не побывал в Британии, предложил ряд объяснений этому факту. Автор заключил, что либо предполагался реальный поход, но настроения армии заставили отказаться от него, либо, что представляется докладчику более вероятным, «поход» предполагался как демонстративная акция, направленная на укрепление политического положения Калигулы в Риме и установление им более жесткого авторитарного режима.

На втором заседании секции по истории Рима (председатель – К.В. Вержбицкий) были прочитаны и обсуждены пять докладов. В докладе «Проблема социальных конфликтов в эпоху Антонинов» *С.Г. Сердюкова* (Санкт-Петербург) затронула такие сюжеты, как отношения императорской власти с общественной элитой и проблеме оппозиции в эпоху принципата, сделал особый акцент на причинах характерного в целом для времени Антонинов согласия власти и высших общественных классов. В конце доклада С.Г. Сердюкова коснулась тех относительно немногочисленных эпизодов, которые все-таки нарушают радужную картину *concordia Antoniana*, рассмотрев, в частности, заговор консуляров начала правления Адриана и мятеж Авидия Кассия, наместника Сирии при Марке Аврелии. Доклад *М.Н. Серафимова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Антикризисная программа анонимного трактата *De rebus bellicis*». Трактат, по его мнению, был написан неизвестным автором между 366 и 375 гг. н.э. Основным вывод, сделанный М.Н. Серафимовым, заключался в том, что экономическую часть программы анонима в условиях того времени невозможно было реализовать на практике.

П.В. Шувалов (Санкт-Петербург) в докладе «Букцеллярии и федераты: к вопросу о развитии римской армии» суммировал свои впечатления от ряда новых работ по истории римского военного дела. С точки зрения автора, новейшие исследования Шарфа, Шмитта и Цукерманна коренным образом меняют сложившиеся представления об эволюции римской военной системы в эпоху перехода от ранней к поздней Империи. П.В. Шувалов подчеркнул, что привычное понимание таких военно-исторических категорий и терминов, как *buccellarii*, *foederati*, *auxilia*, должно быть существенным образом скорректировано. Тема доклада *Е.Н. Нечаевой* (Санкт-Петербург) – «Представления о дипломатии в эпоху поздней античности». С точки зрения автора, в IV–VI вв. н.э. представления о дипломатии как об особом способе урегулирования межгосударственных отношений и улаживания международных конфликтов путем переговоров, и, в этом смысле, противоположного войне, еще не сформировались окончательно. Как подчеркнула докладчик, древние знали скорее лишь отдельные составляющие дипломатии и отдельные качества, необходимые тому, кого новое время считает дипломатом.

В докладе «Мятеж готских военачальников Трибигильда и Гайны (399–400 гг.)» *О.В. Пржигодская* (Санкт-Петербург) подчеркнула, что участники мятежа, поднятого готскими военачальниками в восточной части Римской империи на рубеже IV–V вв. н.э., не ставили перед собой цель захвата власти, претендуя лишь на укрепление собственного влияния и веса в рамках существующей в Империи политической ситуации.

Работа конференции завершилась 21 ноября 2003 г. вторым пленарным заседанием (председатель – П.В. Шувалов), посвященным преимущественно традициям классицизма. На этом заседании было прослушано и обсуждено пять докладов. В докладе «Император Адриан и греческие интеллектуалы» *А.С. Мельникова* (Санкт-Петербург) проанализировала противоречивые на первый взгляд свидетельства античной традиции об отношении Адриана к интеллектуалам. Источники, с одной стороны, представляют Адриана филэллином, окруженным греческими интеллектуалами, с другой – император постоянно конфликтует с ними. Автор пришла к выводу, что гонений, направленных непосредственных на греческую интеллектуальную элиту, в этот период не было. Репрессии Адриана, вызванные личными мотивами, направлялись скорее против всех выдающихся интеллектуалов, среди которых иногда фигурировали и греки.

Доклад *Э.Д. Фролова* (Санкт-Петербург) «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» был посвящен малоизвестному сочинению великого немецкого историка, так называемому «Письму к молодому филологу». При оценке этого сочинения, как заметил докладчик, надо принять во внимание характер ученой деятельности Нибура: он был не только практически действующим, но и рефлектирующим ученым, что роднит его с такими выдающимися представителями исторической науки, как Фукидид и Полибий. Взгляды Нибура на науку о классической древности и, шире, на классическое образование, с большой полнотой отражен-

ные в «Письме к молодому филологу», исходят из признания фундаментального значения классической филологии для всего гуманитарного образования. При этом Нибур настаивает на необходимости овладеть как методом научного познания, так и всей суммой необходимых знаний, включая знание древних языков и истории. Разумеется, как замечено докладчиком, не все одинаково в этом трактате можно принять безоговорочно. Так, современный антиковед-историк едва ли согласится с превалированием здесь чисто филологического элемента. По мере развития антиковедения не только как отрасли филологии, но и как части всеобщей истории становится очевидной равновеликость филологии и истории, а в связи с размахом археологических изысканий – равновеликость даже трех компонентов: филологии, истории, археологии. Тем не менее, оценивая в целом Нибурово «Письмо к молодому филологу», надо признать, что это – подлинное научное завещание, следовать наставлениям которого для гуманитария и долг, и честь.

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Классическое образование в современных западноевропейских университетах» была проанализирована (на основе личных впечатлений) система преподавания античной истории и других антиковедных дисциплин в университетах Западной Европы, прежде всего Германии и Великобритании. Автор подвергла анализу как организацию учебного процесса (коснувшись, в том числе, и материальной базы университетского образования, и механизма занятия преподавателями вакантных должностей, и пр.), так и содержание учебного плана, прежде всего углубленной специализации. Доклад сопровождался демонстрацией богатого иллюстративного и методического материала. Доклад *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Оскар Фердинандович Вальдгауер (1883–1935) – хранитель и исследователь античной коллекции Эрмитажа» был посвящен одному из самых значительных представителей новейшего научного музееведения. В докладе были подробно освещены биография и деятельность О.Ф. Вальдгауера, исполнявшего должности сначала хранителя, затем заведующего отделом древностей и, наконец, директора Эрмитажа. Особое внимание было обращено на разработку Вальдгауером комплексной научной экспозиции памятников древней культуры на примере залов этрусского и раннеиталийского (доримского) искусства.

Завершил заседание доклад *А.Д. Пантелева* (Санкт-Петербург) «Римская история в поэзии А.Н. Майкова». Автор напомнил, сколь многим была обязана классическая русская литература прямому обращению к истокам классицизма – к античному наследию. Примером может служить творчество видного поэта XIX в. Аполлона Николаевича Майкова (1821–1897). Особое место в его наследии занимает лирическая драма «Три смерти», написанная в 1842–1857 годах. Ее сюжет строится вокруг событий, связанных с раскрытием заговора Пизона. Трем героям – Сенеке, Лукану и эпикурейцу Люцию, приговоренным к смерти, Нерон в виде милости позволяет самим свести счеты с жизнью. В «Трех смертях» Майков, обращаясь к античному сюжету, затрагивает центральную тему русской поэзии XIX в. – вопрос о взаимоотношениях творческой личности и общества. Привлекшая внимание поэта эпоха Нерона – время, когда, с одной стороны, еще живы республиканские представления о гражданской доблести, а с другой – уже сформировалась императорская власть и Рим пережил режимы Тиберия, Калигулы и Клавдия. Это противопоставление придает особую остроту драматическому конфликту. Однако, указывает докладчик, при всей одиозности фигуры Нерона никто из героев специально о нем не говорит. Их антагонистом выступает не Нерон, а весь Рим: по выражению И.Ф. Анненского, «Лукан его ненавидит, Сенека не хочет знать, а Луций презирает». Все они противопоставляют себя не народу, а «толпе», и это противопоставление проходит через всю драму.

Подводя итоги «Пятым Жебелевским чтениям», можно сказать, что они прошли удачно. Представленные доклады отличались разнообразием сюжетов и нередко оригинальностью трактовок, что естественно вызывало горячую дискуссию. Должное внимание было уделено важным разделам античной истории и культуры: источниковедению и историографии, политической истории древней Греции и Рима, социальным отношениям и государственным формам, различным аспектам религиозной и интеллектуальной жизни, наконец, традициям классицизма в новое время. На заключительном заседании при обмене впечатлениями было признано целесообразным и впредь чередовать Чтения с широким диапазоном тематики и конференции под общим девизом «Античное общество», но с более четко обозначенным направлением. Следующую тематическую конференцию было решено провести в марте – апреле 2004 г.*

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

* 31 марта – 1 апреля 2004 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась конференция «Античное общество-VII» на тему «Культ божества и культ человека в античном мире».

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2004 г.

SALLUSTII IN CICERONEM ET INVICEM INVECTIVAE ИНВЕКТИВЫ САЛЛЮСТИЯ

Вступительная статья, издание латинского текста и перевод
А.А. Новохатько¹

IN M. TVLLIVM CICERONEM INVECTIVA

1. Graviter et iniquo animo maledicta tua paterer, M. Tulli, si te scirem iudicio magis quam morbo animi petulantia ista uti. sed cum in te neque modum neque modestiam ullam animadverto, respondebo tibi, ut si quam male dicendo voluptatem cepisti, eam male audiendo amittas.

5

Ubi querar, quos implorem, patres conscripti, diripi rem publicam atque audacissimo cuique esse praedae? apud populum Romanum? qui ita largitionibus corruptus est ut se ipse ac fortunas suas venales habeat. an apud vos, patres conscripti? quorum auctori-

¹Окончание. Начало см. ВДИ. 2004. № 2. С. 247. Техническую помощь при подготовке текста к изданию оказал А.М. Крюков (Москва).

2 et] *om.* P 2 tua] *s.l.* H² 2 paterer] *om.* E 2 scirem] *s.l.* ...ret H 2 magis] *om.* O 3 animi] animi *ex* animo T: animi *ex* animus H² 3 animi] iudicio animi ratione magis quam morbo animi procacitate (*tate in ras.*) petulantia I 3 petulantia ista] ista petulantia γ: ista p. ista (*ista¹ del.*) V: ista tua petulantia *in mg.* *AldLugdBas* 3 cum] *in mg.* *Ald:* quoniam *AldGrutRomVen* 3 modestiam] moderantiam I 4 respondebo tibi] respondebo breviter tibi O 4 quam] que O 4 cepisti] accepisti K, *ac-del.* K¹: coepisti BTDR 5 audiendo] dicendo ω 5 amittas] amittas T 6 diripi] ab eo diripi M^p: deripi N 6 atque] *om.* E: *s.l.* V 7 praedae] perfidiae ω *AldGrut:* locum M: perfidiae locum V *Ald in mg., LugdBasRom,* locum *del.* V 7 apud] *om., s.l.* K²: aput H: ne aput P: an apud *GrutRom* 7 populum Romanum] *r. p.* T: populum *r.* Z 7 largitionibus] *om.* Z 7-8 se ipse] se ipsum EV: sese M^p*AldLugdBasGrutRomVen* 8 ac fortunas suas] fortunasque suas I: suasque fortunas H^b 8 venales habeat] habeat venales Z: venales habebat N

tas turpissimo cuique et sceleratissimo ludibrio est. ubiubi M. Tullius leges iudicia rem publicam defendit atque in hoc ordine ita moderatur, quasi unus reliquus e familia viri clarissimi, Scipionis Africani, ac non reperticius, accitus ac paulo ante insitus huic urbi civis.

- 5 2. An vero, M. Tulli, facta tua ac dicta obscura sunt? an non ita a pueritia vixisti, ut nihil flagitiosum corpori tuo putares, quod alicui collibisset? aut scilicet istam immoderatam eloquentiam apud M. Pisonem non pudicitiae iactura perdidicisti? itaque minime mirandum est, quod eam flagitiose venditas, quam turpissime parasti. verum, ut opinor, splendor domesticus tibi animos tollit, uxor sacrilega ac periuriis delibuta, filia matris paelex, tibi iucundior atque obsequentior quam parenti par est. domum ipsam tuam vi
10 et rapinis funestam tibi ac tuis comparasti: videlicet, ut nos commonefacias, quam conversa res sit, cum in ea domo habites, homo flagitiosissime, quae P. Crassi, viri clarissimi fuit. 3. atque haec cum ita sint, tamen se Cicero dicit in concilio deorum immortalium fuisse, inde missum huic urbi civibusque custodem *** absque carnificis nomine, qui civi-
15 tatis incommodum in gloriam suam ponit. quasi vero non illius coniurationis causa fuerit consulatus tuus et idcirco res publica disiecta eo tempore, quo te custodem habebat.

Sed, ut opinor, illa te magis extollunt, quae post consulatum cum Terentia uxore de re publica consuluisti, cum legis Plautiae iudicia domo faciebatis, ex coniuratis alios pecunia

1 turpissimo | om. E 1 et sceleratissimo | om. αR: et celeratissimo E: et sceratissimo O 1 ludibrio est | est ludibrio M: est ludibrio est H 1 ubiubi | ubi KH^bV₅BasGrutRomVen (sed ubi s.l. KV, del. M) 1-2 iudicia rem publicam | r. p. audacia A: iudiciaque p. r. H^b: iudicia p. r. R: iudiciaque rei p. V 1 iudicia β | audacia α: ac iudicia N 1-2 rem publicam ω | rei p. P: p. r. NLAldLugdBasGrutRom 2 hoc | om. π: Ald in mg. 2 ita moderatur | moderatur ita T 2 ita | om., in mg. V 2 reliquus | ereliquis R: reliquis M 2 e familia | e om. A: effamilia B: ex familia KR 2-3 viri clarissimi | viri om. BG: viri Scipionis audacissimi Z: clarissimi viri KH^b 3 Africani | affricani NKBILH^bZEMpHP: om. R: affricam O 3 ac non | ac si non sit Z 3 reperticius | repertius M: repertitius LAld in mg.: reptitius AldBasGrutRom: irreptitius Ald in mg., Lugd 3 accitus | accito N 5 facta tua ac dicta | facta tua ac dicta tua N 5 tua ac dicta | tua ac (aut BX) dicta Iα: ac (an E) dicta tua βBasGrut 5 ita | ita om. Mp 6 istam | istam om. O 6-7 immoderatam | moderatam HOPM, im s.l. M² 7 pudicitiae | puditia Q 7 perdidicisti | prodidisti H^b: perdidisti QPMP 7 itaque | ita N 7 minime | enim me B: non H^b: om. QL 8 mirandum est | mirandum est minime R 8 eam | iam T: ita O 8 flagitiose | flagitiose hic rasura venditas I 8 venditas | uti dicas B 9 tollit | attollit BasGrut, at s.l. V 9 periuriis | periurans B: pervariis M 9 delibuta | delibuta T: debilitata rell.: debilitate N: debelitata B: dedita R: debitata LPO: delibitata P 9 filia matris | filia per matris Q 10 paelex | seplex K 10 matris paelex | paelex matrix Mp 10 obsequentior quam | om. G 10 ipsam | istam HPM 10 vi | om. QH^b 11 funestam | funestram O 11 tuis | tuis in ras. I² 11 comparasti | parasti, con s.l. R: parasti E 11 videlicet | videt Mp 11-12 conversa | servata V 12 res sit | πTGψ: res sit p. B: res p. sit NLugdBas: sit res p. XSHPOVMpAldGrutRom, sit r. p. QLH^bEMRZ 12 in ea | mea Q 12 habites κ | habitares rell. Bas: habitatores O: habitas AldGrutRom 12 flagitiosissime | flagitiosissimo D 12 P. | publici ERZOH²PM 12 Crassi, viri clarissimi | c. v. R 12 Crassi | c. ERH²PM 12 viri clarissimi | v. c. AKTGDE: vir con- H²: ut c. B: om. I 12 clarissimi | consularis ZONQLH^bMpAldLugdBasGrutRom: om. P 13 viri clarissimi fuit | fuit viri clarissimi M 13 haec cum | β: cum haec αH^b: haec om., s.l. R 13 ita | om. Q 13 tamen | in ras. I² 13 se Cicero dicit | β: cicero se dicit αAldLugdBasGrut: se cicero dicit I 13 concilio | consilio NQV 13 deorum | om. P 14 inde | exinde Z: inde te I 14 missum | immisum V 14 civibusque custodem | custodem civibusque H^b 14 carnificis | add. fuisse QH^b 14-15 civitatis | civitates B: vitans del., s.l. civitatis K² 15 in gloriam suam | in suam gloriam N 15 in | in om. I 15 vero | om., s.l. H¹: quasi vero, s.l. sed ita loqu... M² 15 coniurationis causa | causa coniurationis R 16 tuus | om., in mg. V 16 et idcirco | non idcirco V: et non idcirco Z: et iccirco H^b 16 disiecta eo | disiecta est eo RZ 16 tempore | tempore erat I: tempore est H^b 16 te | om. B 16 custodem | custodem te P 16 habebat | habeat BP¹: habuit Z 17 extollunt | extollunt Z: exextollunt Mp 17 Terentia | terentiana M¹: na del. M² Mp: otrenca O 18 consuluisti | consuisti M 18 Plautiae | placiae K: plauticae E: planciae VR 18 domo ω | domi QLH^bBas: dono B 18 faciebatis | s.l. s (=faciebas) E: faciebas Mp 18 alios | alio Z 18 pecunia | om. E: peccunia GOMp

condemnabas, cum tibi alius Tusculanam, alius Pompeianam villam exaedificabat, alius domum emebat: qui vero nihil poterat, is erat calumniae proximus, is aut domum tuam oppugnatum venerat aut insidias senatui fecerat, denique de eo tibi compertum erat. 4. quae si tibi falsa obicio redde rationem, quantum patrimonii acceperis, quid tibi litibus accreverit, qua ex pecunia domum paraveris, Tusculanum et Pompeianum infinito sumptu aedificaveris, aut si retices, cui dubium potest esse: opulentiam istam ex sanguine et miseris civium parasti?

Verum, ut opinor, homo novus Arpinas, ex L. Crassi familia, illius virtutem imitatur, contemnit similitudinem hominum nobilium, rem publicam caram habet, neque terrore neque gratia removetur a vero, amicitia tantum ac virtus est animi. 5. immo vero homo levissimus, supplex inimicis, amicis contumeliosus, modo harum, modo illarum partium, fidus nemini, levissimus senator, mercennarius patronus, cuius nulla pars corporis a turpitudine vacat, lingua vana, manus rapacissimae, gula immensa, pedes fugaces: quae honeste nominari non possunt inhonestissima. atque is cum eius modi sit, tamen audet dicere: 'o fortunatam natam me consule Romam!' te consule fortunatam, Cicero? immo vero infelicem et miseram, quae crudelissimam proscriptionem eam perpessa est, cum tu perturbata re publica metu percussos omnes bonos parere crudelitati tuae cogebas, cum omnia iudicia, omnes leges in tua libidine erant, cum tu sublata lege Porcia, erepta libertate omnium nostrum vitae necisque potestatem ad te unum revocaveras. 6. atque

1 condemnabas | condempnabas NIH^bMH: condempnabatis, tis del., s.l. EBas: condonabas V
 1 Tusculanam EM] -um rell. 1 villam] om. K¹ 1 exaedificabat] edificabat AIMBas: hedifica-
 bat V 2 erat calumniae proximus] calumniae proximus erat A 2 erat] fuerat V 2 calumniae |
 calumniae, mi del. B: Catilinae WirzReynolds 2 aut] autem φM 2-3 domum tuam oppugnatum
 venerat aut] is domum tuam aut venerat aut R 3 denique de eo] de eo denique R 3 tibi compertum
] compertum tibi K 3 compertum] comperto N 3 erat] fuerat I 4 si tibi] sit A: tibi si
 BG 4 falsa] falsum Z 4 obicio redde] obtio rede O 4 patrimonii] patrimonium V 4 acceperis]
 acceperas BG 4 quid] quod B: quantum O 4 litibus] laudibus BG 5 qua] quam Z 5 pecunia]
 pugna E: pecunia Mp 5 et] aut V 5 Pompeianum] pompeianum agrum QH^bL 5 infinito
 sumptu] quo sumptu infinito I 5 sumptu] sumpto O 6 aedificaveris] exaedificaveris π 6 cui]
 qui HM¹ cui s.l. M 6 dubium potest esse α] potest dubium esse β: cui potest esse dubium I 6-7 et
 miseris civium] civium ac miseris ZN 6 et αO] ac β: om. V 7 miseris] miserias B: miserorum
 V: visceribus AldLugdBasGrut 7 parasti] paraveris Led.princ.Reynolds: parasses V: pararis Jordan
 8 homo novus] novus homo O 8 Arpinas] harpinas D 8 L.] M. ωBas: Marci MpO: C. Marii
 Grut Ven 8 familia] familias G 8 illius] eius γBasGrut 8 virtutem] virtutes I 9 similitudinem]
 simultantem H^b: simultans E 9 hominum] omnium N 9 rem publicam caram] rem publicam
 charam Ald in mg., Lugd: populi Romani curam BasGrutRom 9 habet] habeo B 10 removetur
 a] removetur. aliud ω: commovetur. Illud BasGrut 10 a vero] om. I 10 amicitia πT] amicitiae
 φβBasGrut: om. I 10 ac] om. I 10 virtus] virtutis H (corr. H)VBasGrut 10 immo] imo
 E: inmo Q 11 levissimus] letissimus H: leti sumus O 11 supplex] duplex N 12 mercennarius]
 mercenarius Mp 12 patronus] patronis BG 12 pars corporis] corporis pars A 12 corporis] s.l.
 Z 12-13 a turpitudine] turpitudinis Z 14 possunt inhonestissima] possunt inhonestima K: sunt
 post inhonestissima s.l. V, ne om., s.l. H² 14 atque] at qui B: at N 14 is] ras. ex his K: his
 QMp 14 eius] huius VRI 14 modi] modo MH, i corr. H² 14-15 audet dicere] dicere audeat BG
 15 o] om. RHM 15 natam] om. ZHM 15 me] se R 15 consule] consulem B 15 consule fortu-
 natam] fortunatam consule (-ulere K) π 15 immo] inimo O 16 vero infelicem] infelicem vero E
 16 miseram] miseriam B: miseram ita, ita del. M 16 crudelissimam proscriptionem] crudelissi-
 mam exheducationem et proscriptionem I 16 eam] illam N: om. κBas: civium ζGrut: ea V 17 tu]
 om. BGH^b 17 percussos] percussos IH^bV: percussus R 17 parere crudelitati tuae] crudelitate
 tua parere E: tuae parere crudelitati I: parere tuae crudelitati Mp: parere c. t. H, e corr. H²
 18 cum] om., s.l. O 18 leges] lege B: bo leges, del. bo R: bono del., s.l. leges M 18 erant] erat
 Q: erunt O 18 tu] om. ABE: tui, i del. V 18 sublata] subblata B 18 lege] lego O 18 Porcia]
 Portio B 19 libertate] libidine N 19 omnium nostrum vitae necisque potestatem] om. H, s.l. H
 19 revocaveras] revocaras B

parum quod impune fecisti, verum etiam commemorando exprobras neque licet oblivisci his servitutis suae. egeris, oro te, Cicero, profeceris quidlibet: satis est perpressos esse: etiamne aures nostras odio tuo onerabis, etiamne molestissimis verbis insectabere? 'cedant arma togae, concedat laurea linguae'. quasi vero togatus et non armatus ea quae gloriaris, confeceris, atque inter te Sullamque dictatorem praeter nomen imperii quicquam interfuerit.

7. Sed quid ego plura de tua insolentia commemorem, quem Minerva omnis artis edocuit, Iuppiter Optimus Maximus in concilio deorum admisit, Italia exulem umeris suis reportavit. oro te, Romule Arpinas, qui egregia tua virtute omnis Paulos, Fabios, Scipiones superasti, quem tandem locum in hac civitate obtines? quae tibi partes rei publicae placent? quem amicum, quem inimicum habes? cui in civitate insidias fecisti, <ei> ancillaribus. quo auctore de exilio tuo Dyrrhachio redisti, eum insequeris. quos tyrannos appellabas, eorum potentiae faves. qui tibi ante optimates videbantur, eosdem dementes ac furiosos vocas. Vatini causam agis, de Sestio male existimas. Bibulum petulantissimis verbis laedis, laudas Caesarem. quem maxime odisti ei maxime obsequeris. aliud stans, aliud sedens sentis de re publica. his male dicis, illos odisti, levissime transfuga, neque in hac neque in illa parte fidem habens.

1 parum ω] aut qui inpune parum quid fecisti verum O: parum est ΖΙςBasGrut 1 quod] om. B 1 impune] inpugne Mp: inpune HO 1 exprobras] exprobas KV 1-2 oblivisci his] his oblivisci N 2 his NKCH²MZIMp] iis AFφD: is O: hiis KDV: piis κBas: om. ERH¹: del. AldLugdGrutF.SchmidtReynolds: civibus Paiser: nobis Kuznetsov 2 servitutis suae] servitutis tuae I: suae servitutis R 2 te] om. R 2 profeceris] profeceras B: profeceris H^bZVBasGrut: profeciris E 2 quidlibet] quodlibet BGH^bBasGrutRom 2 perpressos] nos perpressos H^b 3 nostras] tuas R 3 odio] hodie V 3 tuo] om. R 3 onerabis] honorabis IOV, e s.l. I² 3 etiamne Z] etiam in αψH: etiam im- O: etiam NκRMpEMV¹: et tam I 3 molestissimis] immodestissimis I: molestis NQLH^b 3 insectabere] inspectabere CD: verbis tuis molestissimis insectabere Mp 4 linguae] lingua Q 4 ea quae] eamque K¹: ea om. E 4-5 gloriaris] gloris, aris s.l. I² 5 confeceris] feceris B: confeceris om. K¹: profeceris H^b 5 atque] om. B 5 te] ne T corr. Tom. Mp: se N 5 Sullamque] scillamque R: et sillam Z: syllamque KNE: sillam Mp: sillamque BIHQLH^b 5 dictatorem] oitatore M 5 quicquam] quicquid KO: non ante quicquam (in mg.) ins. V 6 interfuerit Vς] interfuit ω 7 quid] quod B 7 plura de tua insolentia] de tua insolentia plura T 7 omnis artis] artis om. QLH^b: omnes artes NERMVZOI 8 edocuit] educuit B: docuit Z 8 Optimus Maximus] optimus et maximus V 8 Optimus] om. R: optimum QH^b 8 concilio] concilium NERZMO: cilium H¹, corr. H²: -ia F: conciliorum Mp: consilio QH^b 8 admisit] amisit O 8 umeris] humeris NBIQH^bEMHO 9 suis] suis humeris N: suis om. Mp 9 Romule] om. QH^b 9 Arpinas] Arpinos V 9 qui] om. E 9 tua] om. E 9 virtute] virtute tua Z 10 Scipiones] cipiones, s s.l. I² 10 superasti] superastis Z 10 tandem] titandem Mp: tandem locum tandem O 10 obtines? quae tibi] omnes paulos fabios, sed in mg. corr. V 10 obtines] optines NKDIHmp 11 placent] parent in mg. placent Mp 11 quem γ] et quem AFNφψV: et K 11 habes] habens K¹ 11 cui] cum A 11 in] s.l. V 11 fecisti] fecistis Z 12 ancillaribus] E: -es rel.: ancilares R 12 auctore] iure cum ωBasGrut 12 de] om. O 12 Dyrrhachio] diracho R: dirachio ZQH^b: diratio I: dirratio Hmp: dyrachio L: dyrracio DE: dyrratio B: diracio M: dirrachio NO 12 redisti] cecidisti B: redidisti Q: redires H^b 12 eum insequeris] H^bς: eum sequeris ωGrut: tua consequeris I 13 appellabas] appellas BV 13 eorum] nunc post eorum N, s.l. V 13 faves] funes O 13 ante] om. HMOZ 13 optimates] obtimates M 13 videbantur] videbantur optimates E 13 eosdem] eos deo E: eosdem nunc LugdBasGrut 14 Vatini] vanii N: vatinii H^bAldLugdBasGrut 14 causam] causas N 14 de Sestio] de sectio E: disertio R: de sestuo D 14 existimas] estimas B 15 verbis] om., in mg. V 15 laedis] om. I 15 laudas Caesarem] Caesarem laudas Z: ce laudas, ce del. Q: collaudas H^b 15 odisti ei maxime] om. B 16 sentis de re publica] de re p. sentis RBasGrut: de r. p. sentis E 16 his] hiis V 16 male dicis] maledictis AT^{ac}XBG: malidicis M 16 odisti] om., in mg. V 16-17 in hac neque] om. B 17 hac] hac parte, parte del. Mp: hoc corr. in mg. V 17 in] om. R 17 illa] hac H^bR 17 parte] om. BG 17 habens ωςLugdBas] habes ed.princ.IncAldGrutRom

IN C. SALLUSTIVM CRISPVM INVECTIVA

1. Ea demum magna voluptas est, C. Sallusti, aequalem ac parem verbis vitam agere, neque quicquam tam obscaenum dicere, cui non ab initio pueritiae omni genere facinoris aetas tua respondeat, ut omnis oratio moribus consonet. neque enim qui ita vivit, ut tu aliter ac tu loqui potest, neque qui tam inloto sermone utitur, vita honestior est.

Quo me praevertam, patres conscripti, unde initium sumam? maius enim mihi dicendi onus imponitur, quo notior est uterque nostrum, quod aut si de mea vita atque actibus huic conviciatori respondero, invidia gloriam consequetur, aut si huius facta mores omnem aetatem nudavero, in idem vitium incidam procacitatis, quod huic obicio. id vos si forte offendimini, iustius huic quam mihi suscensere debetis, qui initium introduxit. 2. ego dabo operam ut et pro me minimo cum fastidio respondeam et in hunc minime mentitum esse videatur. scio me, patres conscripti, in respondendo non habere magnam expectationem, quod nullum vos sciatis novum crimen in Sallustum audituros, sed omnia vetera recognituros, quis et meae et vestrae iam et ipsius aures calent. verum eo magis odisse debetis hominem, qui ne incipiens quidem peccare minimis rebus posuit rudimentum, sed ita ingressus est, ut neque ab alio vinci possit neque ipse se omnino reliqua aetate praeterire. 3. itaque nihil aliud studet nisi ut luculentus cum quovis velitari. longe vero fallitur opinione; non enim procacitate linguae vitae sordes eluuntur, sed est quaedam calumnia,

2 Ea] a M: eam V 2 magna] magna tibi V 2 C. Sallusti] sallusti K: G. S. B: g. Salusti E: crispe s. R: crispe salusti IOMpV: 1 del. D 2 ac parem] atque parem I: om. E: aut parem N 2 verbis vitam] vitam verbis EV 2 verbis] turpissimis verbis Mp 3 non ab] non in ab B : non om. QH^b 3 omni] in omni O 4 tua respondeat] tua non respondeat H^b 4 oratio V₅] ratio ω 4 ita] vita E 5 ac] quam I 5 potest] non potest, non del. I 5 inloto] in loco BO: illoto NIEMMpQLH^b 5 vita] in vita V 5 honestior] honestiore B 6 praevertam] praevertamur B: praevio V: vertam AldLugdBasVenRom 6 initium] iniciam Mp 6 sumam] summam KN: sumamus B 6 enim] eo V: om. E 6-7 dicendi onus] dicendi honus I: onus dicendi Z: onus imponitur dicendi O: dicendi om. N: dicendo Q: in dicendo H^b: dicendi mihi Mp: mihi om. L 7 imponitur] inponitur H 7 notior] nitior H¹, corr. H² 7 aut si] si aut NAφH^bZ LugdBas: aut om. VMp 7 de] de om. N 7 mea vita] vita mea φ 7 atque] aut H^bZ: adque V 7 actibus] actibus nostris πAldLugdBasGrutRom 8 conviciatori] convitiatori L 8 respondero] respondeo KNH¹OZ corr. s.l. H 8 invidia gloriam] invidiam gloria I 8 consequetur A] -atur rel. 8-9 omnem aetatem] aetatem omnem H^b 9 nudavero] denudavero A 9 in] tum Mp 9 idem] incidem O 9 incidam procacitatis] incidam in idem vitium procacitatis QH^b: procacitatis incidam RI: incidam procacitatis vitium N 9 quod] quae B: illud V 9 id] huic Mp 9-10 si forte] suffortem Q: id forte si vos H^b: vos om. BTE 10 offendimini] ostendimini Q 10 iustius] istius TQ: iustus O 10 huic quam mihi] mihi quam huic quam mihi, postea corr. Q 10 huic] om. Mp 10 suscensere FTD] succ- rel. AldLugdBasGrutRom: succurrere Q: succendere V 10 debetis KM] debeatis ω: debebitis bi del. V 10 qui] quam H: quem M 10 initium] idem initium Q 10-11 ego dabo] ego vero dabo I 11 et] om. BO 11 pro] om. H, s.l. H² 11 cum] om. I 11 in hunc] hunc K¹ (n in ras.) in s.l. K 11-12 mentitum esse videatur] mentitus esse videar QH^bVK₅AldLugdBasGrutRom: mentitum esse videar Mp: m. e. videantur, n del. N 12 respondendo] respondebo N 12 non habere magnam] habet B: magnam non habere Z 13 sciatis ωAldLugdBasGrutRom] atis del. , o s.l. K²: scio ζ 13 Sallustum] salustio H^b 13 audituros] audcituos, c del. N 13 sed] sed om. I 14 quis] quibus VMp 14 iam et ipsius] iam om. I: et etiam ipsius H^b: et ipsius iam O 14 aures] aures et ipsius Mp 14 verum] om. O 14 eo] ego (?) H^b 14 magis] magius E 15 debetis Kε] debebitis rel. : debitis Q 15 hominem] om. VZ (?) 15 qui] quam HO: quod M: quia L 15 quidem] om. E 15 minimis] in minimis QH^bZ: non cum (cum del.) minimis V 15 posuit] imposuit (im s.l.) V 16 omnino] omnio B: om. QH^b: omni V: omnino se M 16 17 praeterire] praeteriit QH^b 17 itaque] ita B 17 aliud] ali ut V 17 studet] quaerit I 17 ut ω] om. O₅ 17 luculentus T] lutulentus rel. : luculentus H^b: lutulentum Q: lutulentus sa, sa del. Mp: sus add. EMRZ(?)Mp 17 quovis] quolibet M 17 velitari LipsiusGrut] volutari rel.: voluptari K¹HOV: volutari possit I 17 vero] g BE: quidem R 17 fallitur] falitur B 18 procacitate] procicitate E 18 vitae] vitae s.l. E² 18 sordes] sortes I 18 calumnia] calumpnia quaedam QLH^b

quam unus quisque nostrum testante animo suo fert [de eo qui falsum crimen bonis obiecat]. quod si vita istius memoriam vicerit, illam, patres conscripti, non ex oratione sed ex moribus suis spectare debebitis. iam dabo operam, quam maxime potuero, breve ut faciam. neque haec altercatio nostra vobis inutilis erit, patres conscripti; plerumque enim

5 res publica privatis crescit inimicitiiis, ubi nemo civis qualis sit vir potest latere.

4. Primum igitur, quoniam omnium maiores C. Sallustius ad unum exemplum et regulam quaerit, velim mihi respondeat num quid his quos protulit Scipiones et Metellos ante fuerit aut opinionis aut gloriae quam eos res suae gestae et vita innocentissime acta commendavit. quod si hoc fuit illis initium nominis et dignitatis, cur non aequae nobis existimetur, cuius et res gestae illustres et vita integerrime acta? quasi vero tu sis ab illis, Sallusti, ortus. quod si esses, nonnullos iam tuae turpitudinis pigeret. 5. ego meis maioribus virtute mea praeluxi, ut, si prius noti non fuerunt, a me accipiant initium memoriae suae: tu tuis vita, quam turpiter egisti, magnas offudisti tenebras, ut, etiamsi fuerint egregii cives, per te venerint in oblivionem. quare noli mihi antiquos viros obiectare. satius est enim me meis rebus gestis florere quam maiorum opinione niti et ita vivere, ut ego sim posteris meis nobilitatis initium et virtutis exemplum. neque me cum iis conferri decet,

1 testante animo | restante animo Q: animo restante H^b 1 suo] *om.* RQH^bMH 1 qui Kβ] quia FK: quod ANφ: quae O 1-2 bonis obiecat | bonis obiectas Q: obiecat bonis H^b: bonis *om.* Z: obiectant E 2 vita istius | vita ista Q: ista vita H^b 2 istius | ipsius E: illius N 2 memoriam | memoria V 2 illam *Ald in mg., LugdBasVen*] aliam ω *GrutRom, in mg. Ven:* aliorum Mp: sed vitam aliam I 3 debebitis | debetis KH^bEVROMpBas: habetis I 3 breve ut α] ut breve ψ: breve γ: brevem H^b: ut id P *AldLugdBasGrutRom, s.l.* K²V 4 neque | nec E 4 haec | *om.* E: *s.l.* K²: enim Mp 4 nostra | nostro B: nostra p. c. inutilis nobis erit R 4 vobis | nobis H^b 4 erit] est ri *s.l.* B 4 patres conscripti] *om.* H^b 4 enim] *om.* MpI 5 res publica | p. res R 5 crescit inimicitiiis | inimicitiiis crescit O 5 qualis | quot Mp 5 sit vir | vir *om.* Mp: vir sit QLH^b 5 potest latere | latere potest QH^b 6 quoniam | quo B 6 omnium | omnium quoniam QLH^b: omnes VMP 6 maiores] mores N: maiorum H^b 6 C. Sallustius | g. Sallustius B: crispus s. R: crispus sallustius I 6 ad unum] ad unum *om.* QH^b 6 et] ad E 7 num quid] numquam V 7 his] hos αMp: hi NψκHOR: hii MV: *om.* E: quos *s.l.* K² 7 Scipiones | scipione H 7 et] *om.* QLH^bζ 7 Metellos ω] Metellos vel Fabios ζ *Ven in mg.:* metello I: metelli H^bBasGrut: Paulos *Ven* 8 fuerit] fuerint ω: fuerunt V 8 aut opinionis] aut scipiones opinionis, scipiones *del.* E: aut huius opinionis I: opinionones, e *del.,i s.l.* N² 8 quam | quamquam B 8 res suae gestae] gestae illustres V, *del.* illustres V: suae res gestae R: gestae ante fuerint, a. f. *del.* O: suae *om.* Z 8 vita | vitae *s.l.* a EV 9 commendavit] commendaverunt V: commendarit Mp 9 hoc fuit] fuit hoc QH^b 9 illis initium] initium illis I 9 nominis et dignitatis] dignitatis et nominis H^b: hominis O 9 nobis | a nobis Mp: vobis I 10 et res] res et Q: et *om.* H^b 10 illustres] illustres sunt (sunt *s.l.*) VBasGrut 10 acta] et acta Z 10 illis α] illis viris β *AldLugdBasGrutRom* 10-11 Sallusti, ortus] ortus salusti O 11 si | sa V 11 nonnullos | non nullus B: nonne illos H^b 11 iam] *om.* QLH^b: et iam O 11 tuae turpitudinis] tuae turpitu O: tuae turpidinis N 11 meis maioribus] maioribus meis φ: meis *om.* E 12 mea] *om.* Z, *s.l.* V 12 praeluxi] proluxi π 12 noti non] menti non B: non noti L: tamen I 12 fuerunt] fuerint BQMV: fuerant H^bZ 12 accipiant] incipiant H^bBO: incipiunt Q 13 vita | vitae NBIQLH^bMpHEO: *om.* K¹ 13 quam] *om.* H¹, *s.l.* H² 13 offudisti] obfudisti B: effudisti REH^bV: effudi Q: obfuidisti *ex* offendisti K: offendisti I 13 etiamsi fuerint] etsi fuerunt V 13 egregii] egregi B 14 venerint in oblivionem] in oblivionem venerint MR 14 noli mihi | mihi noli π: mihi *om.* I 14 antiquos viros] viros antiquos A: viros *in mg.* V 14 obiectare] obicere RZ 14-15 satius est enim] satis est enim NQ: sanctius etenim est V: sacrus R: est *om.* O: etenim ψ 15 me... quam | mihi meis nobilitatis quam B 15 me] *om.* Q 15 rebus gestis florere] rebus florere gestis R 15 rebus gestis] gestis rebus γ 15 gestis florere] gestis florere *in mg.* V 15 opinione] opinionem B: opinione maiorum HM 15 niti et] niti r.p. M: niti ut R: nati et, *corr.* I² 15 ego β] *om.* α 16 posteris] in posteris K (in *del.* K²): poposteris N 16 meis] nostris Mp 16 initium] initium *ante* exemplum *iter., sed del.* E 16 et virtutis] initium et virtutis *om.* B 16 me] enim R 16 iis | his ω: hiiis V 16 conferri decet] conferre debet R: conferre decet NZ 16 conferri] conferri cum his I

patres conscripti, qui iam decesserunt omnique odio carent et invidia, sed cum eis, qui mecum una in re publica versati sunt. 6. sed si fuerim aut in honoribus petendis nimis ambitiosus - non hanc dico popularem ambitionem, cuius me principem confiteor, sed illam perniciosam contra leges, cuius primos ordines Sallustius duxit - aut in gerundis magistratibus aut in vindicandis maleficiis tam severus aut in tuenda re publica tam vigilans, quam tu proscriptionem vocas, credo, quod non omnes tui similes incolumes in urbe vixissent: at quanto meliore loco res publica staret, si tu par ac similis scelestorum civium una cum illis adnumeratus esses? 7. an tunc ego tunc falso scripsi 'cedant arma togae', qui togatus armatos et pace bellum oppressi? an illud mentitus sum 'fortunatam me consule Romam', qui tantum intestinum bellum ac domesticum urbis incendium exstinxi? neque te tui piget, homo levissime, cum ea culpas, quae historiis mihi gloriae ducis? an turpius est scribentem mentiri quam vel illum palam hoc ordine dicentem? nam quod in aetatem increpuisti, tantum me abesse puto ab impudicitia, quantum tu a pudicitia.

8. Sed quid ego de te plura querar? quid enim mentiri turpe ducis, qui mihi ausus sis eloquentiam ut vitium obicere? cuius semper nocens eguisti patrocini. an ullum existimas posse fieri civem egregium qui non his artibus et disciplinis sit eruditus? an ulla alia putas esse rudimenta et incunabula virtutis, quibus animi ad gloriae cupiditatem

1 patres conscripti] *om.* I 1 decesserunt] discesserunt K: concesserunt R: omnino decesserunt I: decessere QLH^b 1 omnique... invidia] *om.* O 1 odio] studio QLH^b: hodie V 1 eis] his IQLH^b: iis *BasGrut* 2 una] unam Z 2 publica] *om.* E 2 sed si] sed si Z 2 fuerim] fuerim *ex fuerint* K: fuerim *ex fuerit* V 2 aut] *om.* K 2 petendis] petundis QH^b 3 hanc] in hanc (in *del.*) H 3 popularem] pluralem L 3 me principem] me principem me Q 3 confiteor] fa-teor O 4 perniciosam] *om.* R 4 cuius primos ordines] cuius me principem primos dies ordines, *postea corr.* Q: me primos N 4 duxit] dixit *s.l.* u KMp: dixit NHMO 4 gerundis] gerendis Mp 5 aut] *om.*, *s.l.* B²: ut E 5 vindicandis] vidicandis B: iudicandis *ex vindicandis* H^b: vincandis M: iudicantis V: iudicandis *Grut, in mg.* Bas 5 tuenda re p. NψSEMp] tuendam r.p. H^bε: r.p. α 6 quam] quod K 6 proscriptionem] perscriptionem AK 6 vocas] vocans n *del.* B 6 quod] qui B 6 omnes] omnis B: *om.* H¹, *s.l.* H² 6 incolumes in urbe] in hac urbe R: incolumes in hac urbe *AldLugdBasGrutRom*: in colomes in urbe E: in urbem QLH^bPH 6-7 vixissent I] venissent ψκPMpH 7 at quanto] atque quanto NMPO: atque H (que *eras.* H²) 7 meliore] meliores Q 7 res publica] r. r. N: r. p. tuenda *Grut* 7 staret] starent, n *del.* E 7 ac] aut N 7 similis] simi-les H¹ 7 scelestorum] celestronum K: scleratorum BV (scelestorum *in mg.* V) 8 adnumeratus] annumeratus QMO 8 an] ac L 8 tunc] *om.* H^b: te Q: nunc O 9 togatus] togatos Q: tega-tus H¹ 9 armatos Nβ] *om.* αMMp 9 et] et *om.* BE: *del.* T 9 pace] in pace B: pace *om.* E 9 oppressi] obpressi O 9 illud] aliud B: illud O 9 fortunatam αEMp] fortunatam natam FψκERV *Ald in mg., LugdBasVen*: fortunam natam L: fortunam H¹, *corr.* H 10 tantum] tantam, n *s.l.* B 10 bellum] liberum *s.l.* bellum K 10 exstinxi] extinxi KNBIREQLH^bMpHPM: extincxi D: exstinsi V: extinxit O 10 neque α] ne quid ψM: nec quid EHPR: numquid κ: nunquid IL: necque O: neque quidem V: neque quid Mp 11 tui] an O: tui te BI 11 piget] pigeat M 11 homo] o homo, o *ras.* I 11 culpas] culpas *s.l.* e V: culpes Mp 11 historiis] istoriis B: in historiis NVic: historiae *s.l.* is H^b: mihi historiis E: mihi *om.* H^b 11 an] num B 12 est] *om.* R: est p. c. QLH^bV (p. c. *del.* V) 12 quam] quia K¹ 12 illum πXLψ] illam T: illic QH^b: illinc B: illud ERMP: ullum εN 12 hoc] hac? M: *om.* K¹ 12 quod] qui B: quodquod Q: quo E 12 in aetatem] in aetate KI: in etatem meam H^b: in mea aetate V 13 tantum] tantum *s.l.* dem V 13 me] me me H 13 abesse] esse, ab *s.l.* Q 13 quantum] quam QR 13 tu] te BMp 13 a] ab EH^b 13 pudicitia] inpudicitia H: tantum... pudicitia *om.* T: quantum tu a pudicitia *in mg.* V 14 de te plura] plura de te H^b 14 querar] loquar IQH^bO: *s.l.* et loquar H²P²: loquar querar Mp 14 mentiri turpe] te mentiri M 14 turpe] te ε 14 ducis AKψκε] dicis FKφEOMP 14-15 ausus sis] sis ausus P: ausus es fio Q: sic ausus es H^b 15 ut] in H¹, *s.l.* ut H² 15 vitium] injicium O: vinum *s.l.* vicium E² 15 nocens eguisti] nocens eguisti *om.* E¹ *in mg.* E² 15 patrocini] patrimonio O: patrocini eguisti I 15 an ullum] ahilla B 15 ullum αERMPMp] nullum K¹: illum NψκHO 16 existimas] existumas T 16 civem egregium] egregium civem IP 16 non his] non sit his O: hiis V 16 sit] *om.* O 16-17 an ulla] annulla QMp 17 rudimenta] erud... *rell.* 17 incunabula] cunabula BV 17 cupiditatem] cupidinem R: cupiditatem gloriae H^b

aluntur? sed minime mirum est, patres conscripti, si homo qui desidia ac luxuriae plenus sit, haec ut nova atque inusitata miratur. 9. nam quod ista inusitata rabie petulanter in uxorem et in filiam meam invasisti, quae facilius mulieres se a viris abstinerunt quam tu vir [a viris], satis docte ac perite fecisti. non enim me sperasti mutuam tibi gratiam relaturum, ut vicissim tuos compellarem; unus enim satis es materiae habens: neque quicquam domi tuae turpius est quam tu. multum vero te, opinor, fallit, qui mihi parare putasti invidiam ex mea re familiari, quae mihi multo minor est quam habere dignus sum. atque utinam ne tanta quidem esset quanta est, ut potius amici mei viverent quam ego testamentis eorum locupletior essem.

10. ego fugax, C. Sallusti? furori tribuni plebis cessi: utilius duxi quamvis fortunam unus experiri, quam universo populo Romano civilis essem dissensionis causa. qui postea quam ille suum annum in re publica perbacchatus est omniaque quae commoverat, pace et otio resederunt, hoc ordine revocante atque ipsa re publica manu retrahente me reverti. qui mihi dies, si cum omni reliqua vita conferatur, animo quidem meo superet, cum universi vos populusque Romanus frequens adventu meo gratulatus est: tanti me, fugacem, mercennarium patronum, hi aestimaverunt. 11. neque hercules mirum est, si ego semper iustas omnium amicitias aestimavi; non enim uni privatim ancillatus sum neque me

1 aluntur | alantur IV 1 minime | inpune H 1 est | s.l. T: om. Mp 1 si | om., s.l. H^b 1 homo | homo levissimus A 1 qui | om. H^b 1 desidia ac luxuriae | luxuriae aut desidia A 2 haec | hoc V 2 atque | ac V 2 inusitata | inusitata rabie petulanter, r.p. del. I 2 quod | que B quam s.l. quem K² 2 ista | ita I 2 inusitata | inusitata ista Mp 2 rabie | rabies πMp: rabiae H 2 in | om. R 3 in | om. RLH^bMp 3 meam | om. δ 3 invasisti | om. α: evasisti Mp 3 facilius mulieres se | se facilius mulieres a H^b: se mulieres QLOV 3-4 abstinerunt quam tu vir | om. N: s.l., in mg. iter., postea del. H² 3 abstinerunt | non abstinerunt Mp 4 a viris | iuraris s.l. vir a viris K² 4 non | nam N 4 me sperasti | sperasti me K²IER 4 me | om. K¹QH^b 4 mutuam | om. QH^b: metuum P 4 tibi | om. RMp 5 compellarem | compellarer O: compellerem s.l. a H² 5 satis es | satis est B: es satis AQLH^b: es om., s.l.H²: unus es enim satis es E 5 materiae habens | habens materiae QH^b 5 neque | nec H^b 6 domi | domui AEMRVmp 6 est | om. O 6 vero te | enim te M: te vero N 6 vero | om. α 6 te opinor | te ut opinor A: ut opinor te I: te opinio H^bς 6 fallit | falsit D: falli V 6 qui | quae π: quod KM: om. P 6-7 parare... mihi | om. OH^b 6-7 parare putasti | putasti parare V 6 parare | parere s.l. a H² 7 putasti invidiam | invidiam putasti E 7 re familiari | familiari re E 7 mihi multo | multo mihi KN: post multo s.l. mihi sim V: mihi om. E 7 sum | sim LI 8 viverent | viverunt, u del., s.l.e D: om. R 8 ego | mihi FK: del. K, om. A 9 eorum | illorum N 9 locupletior | locrupletior M 10 fugax | quidem A: om. I 10 C. Sallusti | g. salustii EK s.l. crispe K²: c.s. H^b: crispe s. Mp: crispe salusti O 10 furori | furore O 10 cessi | cesi O: om., s.l. M² 10 duxi | om. RI, in mg. I²: dixi Mp 10 quamvis | quamquis HP 10-11 fortunam unus | unus fortunam Mp: unus ex uno K: ex unam H 11 universo populo Romano | universae p.r. E: re universo p.r., re del. I 11 civilis | civiles B 11 dissensionis | dissenssionis B: dissentionis M 11 causa | causamus, mus del. K² 12 ille | illa B 12 suum annum | annum om. N: animum suum R: suum amicam Q: suo aio H^b 12 in | om. B 12 re publica | in r.b. O: p. s.l. H²: om. H^b 12 perbacchatus | perbachatus BIQHM: debachatus N 12 omniaque quae KψSH^bRV | omnia quaeque NFφ: omniamquamque K¹: omnia quae I: omnia quae Aδ 13 otio | odio IHOPMp: odio et pace I 13 resederunt | residerint B 13 atque | adque V 13 ipsa r.p. C?κEP | ipsa p.r. DKφHMR: ipsa p. et F: ipso p.r. A: ipsam r.p. V: ipsa populi romani NIMp 13 retrahente me | me retrahente RQLH^b: me om. O 13 reverti | revera O 14 reliqua vita | vita reliqua N 14 conferatur | conferantur O 14 meo | om. K¹ 14-15 superet... meo | om., in mg. I² 14-15 universi | universe (e eras.) T 15 vos | vos om. N 15 gratulatus | congratulatus R 15-16 est... aestimaverunt | om., post aestimavi transp.B: existimaverunt QH^bMp: estimarent N: extimaverunt V 15 tanti | tanta Mp 15 fugacem | fagacem B 16 mercennarium | mercenarium KMp 16 hi | hii V 16-17 neque... aestimavi | om. πT, in mg. add. K 16 hercules KψE | hercule BXκPMpV: ercule M: hercle HR: hercul N 16 si ego | si ego si ego, postea corr. H 17 iustas | iusta B: iustas omnium semper E: iustas semper V 17 aestimavi | existimavi QH^b: extimavi V 17 enim | s.l. H² 17 uni | vi A: in I, ras., in mg. I² 17 privatim | privatum O 17 neque | ne, que s.l.Mp 17 me | om. QH^b

addixi, sed quantum quisque rei publicae studuit, tantum mihi fuit aut amicus aut adversarius. ego nihil plus volui valere quam pacem: multi privatorum audacias nutriverunt. ego nihil timui nisi leges: multi arma sua timeri voluerunt. ego numquam volui quicquam posse nisi pro vobis: multi ex vobis potentia freti in vos suis viribus abusi sunt. itaque non est mirum, si nullius amicitia usus sum qui non perpetuo rei publicae amicus fuit. 5
 12. neque me paenitet, si aut petenti Vatinius reo patrocinium pollicitus sum aut Sesti insolentiam repressi aut Bibuli patientiam culpavi aut virtutibus Caesaris favi. hae enim laudes egregii civis et uniceae sunt; quae si tu mihi ut vitia obicis, temeritas tua reprehendatur, non mea vitia culpabuntur. plura dicerem, si apud alios mihi esset disserendum, patres conscripti, non apud vos, quos ego habui omnium mearum actionum monitores. 10
 sed ubi rerum testimonia adsunt, quid opus est verbis?

13. Nunc ut ad te revertar, Sallusti, patrem tuum praeteream, qui si numquam in vita sua peccavit, tamen maiorem iniuriam rei publicae facere non potuit quam quod te talem filium genuit; neque tu si qua in pueritia peccasti, exsequar, ne parentem tuum videar accusare, qui eo tempore summam tui potestatem habuit, sed qualem adolescentiam egeris; 15
 hac enim demonstrata facile intellegitur quam petulanti pueritia tam impudicus et pro-cax adoleveris. postea quam immensae gulae impudicissimi corporis quaestus sufficere non

1 addixi] abduxi A: adduxi B 1 quantum] quaquantum T: quantum quantum O: quantumc Mp
 1 quisque] om. R 1 aut] om. K¹: om. O 1-2 adversarius] inimicus δ: om. O 2 ego] ego...
 leges post inimicus R 2 plus volui] volui plus H^b: valui, o s.l. Mp 2 quam] quam exquia K²
 2 nutriverunt] nutriverunt O: timuerunt I 3 ego... voluerunt] om. QH^b 3 nunquam volui]
 nunquam volui P: numqui volui O: volui numquam Mp 3 volui quicquam] quicquam volui M:
 volui ante quicquam om., post vobis suppl. N 4 freti] in ras. I 4 in] ERMMpV: om. rell. :
 in vos om. H^b: nos QL 4 vos] vobis N 4 suis viribus] viribus suis H^b 4 abusi] in ras. H
 5 non] nichil V 5 amicitia] amicitia B: amicitie V 5 perpetuo] perpetua B 5 rei publicae]
 romano populo O 6 neque] ne, que s.l. Mp 6 petenti] petendi O: paenitenti Mp 6 vatinius
 NH^bς] vatino ω: vectivo V 6 pollicitus] sollicitus Q 6 Sesti] festi AV: sexti E: sestii NBIH^bε:
 resti R 7 insolentiam] insolempniam N 7 repressi] repressi sunt Q 7 Caesaris] om. R 7 hae]
 haec Mp: c eras. KH^bE: ne NO 8 egregii] egregiae FKφMp 8 civis] civis sunt E 8 et] om.
 O 8 uniceae] ae del., i corr. I: unici H^b 8 si tu mihi ut vitia obicis] si tunc vitia mihi obicis
 H^b 8 tua] om. K¹ 8-9 reprehendatur ς] ... atur ω: reprehendantur B: reprehenditur QH^bMp
 9 vitia] om. M: vicia vicia postea corr. H 9 culpabuntur] culpantur RO: culpabantur H 9 apud]
 aput P 9 esset] eseret O: esset mihi RIDLQV 9 disserendum SH^bM] discern... rell. 10 patres
 conscripti] om. H^b 10 apud] aput P 10 ego] om. αE 10 habui] habuit O: semper habui
 V 10 mearum actionum] actionum mearum πE: actionum om. M 10 monitores] munitores B:
 memores V 11 testimonia] testimonium B 11 adsunt] assunt EQH^b 11 quid] quod PB 11 opus]
 in mg. V 11 verbis] vobis K¹HP 12 Nunc] non Q 12 ut ad te] ad te ut FK: ad te ANH^bMp
 12 Sallusti] crispe s. Mp 12 patrem ε] patremque rell. : et ad patrem H^b 12 praeteream]
 praeterea RQ: om. H^b 12 qui si] quasi Q 12 numquam] num Q: nusquam H 13 sua] sua
 s.l. V: in sua vita I 13 maiorem iniuriam] iniuriam maiorem QH^b 13 rei publicae] p.r. Q:
 romano populo Mp 13 non] no B 13 potuit] opotuit O 13 quod te] te quod te E 13-14 talem
 filium] filium talem H^b 14 tu] om. QH^b 14 qua] quid R: in add. O 14 pueritia] pueriticia
 P 14 peccasti] om. O 14 exsequar] exequar KNIREQLH^bHPMMp 14 ne] nec K¹O: nix P
 14 parentem] parentum T 14-15 accusare] culpate LQH^b 15 qui ΙκM] si rell. 15 eo] ergo R
 15 tempore] tui N 15 summam] summo R: summama E 15 tui potestatem] tuae potestatis Mp
 15 tui] cui N 15 habuit] habebat QLH^b 15 sed qualem] sed sed qualem N 15 adolescentiam]
 adholoquentiam Q: habebat sed si quali adolescentia fueris si demonstravero H^b 16 enim] om. α:
 egeris... enim om. QL 16 demonstrata] demonstratam Q: monstrata V 16 intellegitur TψS]
 ... itur rell. : intelligitur NLIV: intelligitur REQH^bMpM 16 quam] qua K 16 impudicus] in.m
 ante impudicus del. K² : impudicus H 17 quam] om. K¹ 17 immensae] inmerissae R: immensae H
 17 quaestus αEMH¹Mp] quaestus sumptus Rψ: quaestuosus sumptus H^b: quaestuosus sumptus LS:
 quaestiosus sumptus Q: quaestus idem sumptus OH²P: quaestus stipendia sumptus I: ad sumptus
 add. sed postea del. V 17 sufficere] om. H¹: s.l. H²: facere PO: efficere I

potuit et aetas tua iam ad ea patienda quae alteri facere collibuisse exoleverat, cupiditatibus infinitis efferebaris, ut quae ipse corpori tuo turpia non duxisses, in aliis experireris. 14. ita non est facile exputare, patres conscripti, utrum inhonestioribus corporis partibus rem quaesierit an amiserit. domum paternam vivo patre turpissime venalem habuit
5 [vendidit]; et cuiquam dubium potest esse, quin mori coegerit eum, quo hic nondum mortuo pro herede gesserit omnia? neque pudet eum a me quaerere, quis in P. Crassi domo habitet, cum ipse respondere non queat, quis in ipsius habitet paterna domo. 'at hercules lapsus aetatis tirocinio postea se correxit'. non ita est, sed abiit in sodalicium sacrilegi Nigidiani; bis iudicis ad subsellia attractus extrema fortuna stetit et ita discessit, ut non
10 hic innocens esse sed iudices peierasse existimarentur. 15. primum honorem in quaestura adeptus hunc locum et hunc ordinem despectui <habuit>, cuius aditus sibi quoque sordidissimo homini patuisset. itaque timens, ne facinora eius clam vos essent, cum omnibus matrum familiarum viris opprobrio esset, confessus est vobis audientibus adulterium neque erubuit ora vestra. vixeris, ut libet, Sallusti, egeris, quae volueris: satis sit unum te tuorum scelerum esse conscium. noli nobis languorem et soporem nimium exprobrare:
15 sumus diligentes in tuenda pudicitia uxorum nostrarum, sed ita experrecti non sumus, ut

1 iam ad ea] ad ea iam A 1 iam] non E: om. O 1 patienda] patientia N¹: facienda BO 1 facere] om. Mp 1 collibuisse] collibuerat isset Q 1-2 cupiditatibus] om. E 2 infinitis] infiniti E 2 efferebaris] efferebatis s.l. r K²: efferaberis BR: efferebans T 2 ipse corpori tuo turpia] turpia ipse corpori tuo M 2 duxisses] dixisses O: non duxisses in ras. I 2 in aliis] om. I 2 experireris] expirireris B: experiebaris E: experieris RO 3 ita non est facile] ita difficile est A: non facile est R 3 exputare] expectare AE: K (ex exputare): et putare B: disputare H^b: putare R 3 inhonestioribus] in inhonestioribus, in s.l. K 3 corporis] corporis om. N 3-4 partibus] artibus P 4 quaesierit] quesiverit E: quaesierint, n del. D: adquisierit I 4 an amiserit] an miserit QH^b 4 domum] domam T: domum tuam E, tuam del., paternam s.l. E 4 turpissime] om. α 4-5 habuit [vendidit]] vendidit om. ζH^b Jordan/Eussner 5 cuiquam] cui nam R 5 dubium potest esse] potest dubium esse E 5 quin] qui non Q 6 herede] heredem Q 6-7 neque... paterna domo] om. A 6 neque] ne? Mp 6 a me] om. K¹ 6 quaerere] quaerem V 6 quis] quasi HO 6 in] in ras. H 6-7 P. Crassi domo habitet] p. c. crassi habitet domo H^b 6 P.] publii Mp: m. L 7 non queat] nequeat αP: non querat V 7 quis in] quis in, in in ras. H: in om. B: om. P 7 ipsius] illius Mp 7 habitet] habitet s.l. V: habtet B 7 at] ab Mp 7 hercules αψE] hercule FκεV: hercle Mp: mehercules K: herculis pedes R 8 aetatis] eatis T 8 tirocinio] tyrocinio KBEMPRQ: arocinio O 8 postea se correxit] postea correxit se I: se correxit postea V 8 postea se] se postea H^b 8 abiit] habuit K¹O: habiit TV 8 sodalicium sacrilegi] sacrilegi sodalicium N 8 sodalicium] solilitium R 9 sacrilegi Nigidiani] sacrilegii nigidiani Q: sacrilegium nigidianum H^b 9 nigidiani bis] nigidianibus B 9 bis iudicis] bis del., s.l. post iudicis M²: ad bis ad iudicis H^b: is iussu R: bis ad iudicis QL: bis ad subsellia iudicis I: bis ad subsellia iudicis N 9 subsellia] subsella B 9 attractus] attractus T: adtractus KR: attractus B 9 extrema] externa O: in extrema I 9 stetit] stetit ex stant K 9 discessit] stetit H^b: dissecit O: discescit P 9-10 non hic] hic non A, corr. A 10 innocens] innoceres O 10 esse] esset BQ 10 peierasse] pierasse A: peiurasse K: pererrasse B 10 existimarentur] ...retur n s.l. E: extimarentur V 11 adeptus] post adeptus add. secutus est (est om. T) αV: adeptus sequitur est Mp 11 ordinem] honorem I 11 despectui habuit [Norden]] despectus ω: despectum fecit I: descerptus V: despectum Bas: despectum reddidit AldLugdGrutRom 11 cuius] om., s.l. M 11 aditus] additus T: om. R 11 sibi quoque] sibi quaeque I: quoque sibi QLH^bVR: quoque om. O 12 sordidissimo homini] homini sordidissimo N: sordissimo B 12 vos] s.l. bis K²: vobis Mp 12-13 omnibus] hominibus B 13 matrum] matribus H^bVBasGrut: om. Q 13 viris VK] vestris ω: uris R: nostris Mp: om. QBasGrut: vestris, corr. vobis I² 13 opprobrio] obprobrio KBILH^bP: obprobrio vestris suspectus I 13-14 esset... neque] om. O 14 ora vestra] vestra ora I: hora vestra V 14 ut libet] ut lubet et B 14 Sallusti] c. salusti I 14 egeris, quae volueris] om. N 14 quae] ut O 14 sit] est I 15 esse conscium] conscium esse E 15 noli] noli esse B 15 nobis] vobis N 15 soporem] saporem HM 15 nimium] nimirum H^b 15 exprobrare] exprobare KBDV 16 diligentes] dilentis Q 16 uxorum nostrarum ακE] nostrarum uxorum ψεVMp: uxorem nostram K¹ 16 experrecti] perrecti, ex s.l. H²: experti IV

a te cavere possimus; audacia tua vincit studia nostra. 16. ecquod hunc movere possit, patres conscripti, factum aut dictum turpe, quem non puduerit palam vobis audientibus adulterium confiteri? quod si tibi per me nihil respondere voluissem, sed illud censorium eloquium Appii Claudii et L. Pisonis, integerrimorum virorum, quo usus est quisque eorum, pro lege palam universis recitarem, nonne tibi viderer aeternas inurere maculas, 5 quas reliqua vita tua eluere non posset? neque post illum dilectum senatus umquam te vidimus, nisi forte in ea te castra coniecisti quo omnis sentina rei publicae confluxerat. 17. at idem Sallustius, qui in pace ne senator quidem manserat, postea quam res publica armis oppressa est, [et] idem a victore qui exsules reduxit in senatum per quaesturam est reductus. quem honorem ita gessit ut nihil in eo non venale habuerit cuius aliquis emptor 10 fuerit, <et> ita egit ut nihil non aequum ac verum duxerit, quod ipsi facere collibisset, neque aliter vexavit ac debuit, si quis praedae loco magistratum accepisset. 18. peracta quaestura postea quam magna pignora eis dederat, cum quibus similitudine vitae se coniunxerat, unus iam ex illo grege videbatur. eius enim partis erat Sallustius, quo tanquam in unam voraginem coetus omnium vitiorum excesserat: quicquid inpudicorum, chilonum, 15 parricidarum, sacrilegorum, debitorum fuit in urbe, municipiis, coloniis, Italia tota, sicut in fretis subsederant, homines perditissimi ac notissimi, nulla in parte castris apti nisi licentia

1 a] *om.* B 1 tua vincit studia | *in mg.* V 1 ecquod *AldLugdGrut* | et quod AFNφβ, *Ald in mg.*: et pro K, et quid VK: qui *post* et quod B 1-2 hunc movere possit, patres conscripti | hunc possit p. c. movere E 1 hunc | hinc H 1 movere | vovere B 2 patres conscripti | *om.* I 2 factum aut dictum turpe | *ante* hunc I 2 aut dictum KIγ | auditum NFKT¹ψ: et dictum L: auditu ATXB 2 non | *om.* Amp 2 puduerit | puderit, u *s.l.* N 2 palam | *om.* E 3 adulterium confiteri | confiteri adulterium Mp 3 per | pro K 3 nihil | non I¹: nihil per me QH^b 3 voluissem | valuissem Mp 3 illud | illud O 4 Appii | Apii B 4 et | *om.* I 4 L. | lucii EPHMMp 4 integerrimorum | integerrimorum Q 4 virorum | vivorum T 4 est quisque | et quisque E: est quisque est Q: quisque est NH^b 5 recitarem | recitate O 5 nonne | non QH^b 5 tibi | *om.* Mp 5 viderer aeternas | viderem internas Mp 6 reliqua | reliquas O 6 tua | *om.* H^b: tua inu, inu *del.* Mp 6 eluere | elucere E: eludere HPO 6 posset αψ | possit Kγ: possis H^bV¹: possim V² 6 dilectum XBψ | de... *rell.*: deletum I¹ 6 umquam Nψε | usquam κ: usque Q: numquam E: unquam IPMp: *om.* α 6-7 te vidimus | vidimus te AI 7 ea te | acte K¹: mea te A: ea *s.l.* te *om.* V 7 castra | acta *ante* castra *del.* K 7 quo | qua Q: quos I 7 sentina | sententia K¹ 7 rei publicae | romani populi M 7 confluxerat | confluxerat *ex* coniecat H^b 8 at | ad B: ut V 8 idem | ille QH^b 8 ne senator quidem | quidem ne senator Mp 8 ne | ne *om.* H^b *s.l.* H^b: non V 8 manserat | remanserat I 8 confluxerat... res publica | *om.* A 8 res publica | quam in r.p. Q 9 armis | armas B 9 idem | eadem V: [et] *secl.* *JordanReynolds* 9 a victore qui | qui victores I 9 a victore | victores NT¹ψκ Mpe: victor KE: victore T: auctore X: auctorem B: huic AFV 9 qui | quos Ne 9 exsules | exules ELM 9 per | post ω 9-10 est reductus | reductus est *post* quaesturam M: receptus est H^b 10 nihil in eo non BXβ | nihil non in eo NFK: non in eo nihil AV: nihil non in eo non T 10 aliquis | aliqui KT 11 fuerit | fuit V 11 nihil | *om.* E 11 ac | ad AFK¹: ad *s.l.* c K²: ad *s.l.* ac V: aut N 11 ipsi | illi H^bE 11 facere | *om.* O 12 neque | enim *add.* K 12 aliter | taliter B 12 vexavit πκE | vixit A¹ψε upshape: vetuit XB: vetavit T 12 ac | quam I 12 praedae loco | loco praedae V 12 magistratum | *om.* I 13 quaestura | quaestio O 13 quam | cum O 13 pignora | pignera ε 13 dederat | dedisset QH^b 13 similitudine vitae se | vitae similitudine se B: se similitudine NI, vitae *om.* I: suae Q 13-14 coniunxerat | convinxerat K: *s.l.* n H 14 illo grege | illorum grege B: illo gregi M 14 partis | partis iam V 14 erat α | erat exemplar β: exemplar erat V 14 quo A | quod πTβ: qui K: qua XB 14 tanquam X | tantam *rell.*: tanquam H^bB 15 vitiorum | vitiosorum B: viciorum Mp 15 excesserat | excesserit B: confluxerat H^b 15 quicquid | quidquid D 15 inpudicorum | impudicorum IH^bP 15 chilonum | cilonum ISM: cylonum AFφψLEHPO upshape: cylonium K: ciclonum QH^b: cillonum MpV: cynonum N 16 parricidarum | parricidalium H^b: patricidarum V 16 debitorum QLH^bς | dedit... αγ: ledit... Iψ: dediciorum K 16 fuit in urbe | in urbe fuit I 16 in | *om.* πTDMp 16 municipiis, coloniis, Italia tota | in m., in c., in I. t. B 16 municipiis | municipiis T 16 coloniis | colomiis O 16 Italia tota | Italiam totam K 17 in fretis | infreti φ: infrae *s.l.* fretis E: inserti 17 subsederant | *om.* A: subsederat M: n *s.l.* E 17 homines perditissimi | perditissimi I 17 homines *Aldus* | nominis ω: nominis *in mg.* V 17 apti | apta in I. AV (apti V) 17 nisi | nisi in H^b

vitorum et cupiditate rerum novarum. 19. 'at postea quam praetor est factus, modeste
 se gessit et abstinenter'. nonne ita provinciam vastavit, ut nihil neque passi sint neque
 expectaverint gravius in bello socii nostri, quam experti sunt in pace hoc Africam interi-
 5 orem obtinente? unde tantum hic exhaustit, quantum potuit aut fide nominum traici aut in
 naves contrudi: tantum, inquam, exhaustit, patres conscripti, quantum voluit. ne causam
 diceret, sestertio duodeciens cum Caesare paciscitur. quod si quippiam eorum falsum est,
 his palam refelle unde, qui modo ne paternam quidem domum reluere potueris, repente
 10 tamquam somnio beatus hortos pretiosissimos, villam Tiburtem C. Caesaris, reliquas pos-
 sessiones paraveris. 20. neque piguit quaerere, cur ego P. Crassi domum emissem, cum tu
 eius villae dominus sis cuius paulo ante fuerat Caesar. modo, inquam, patrimonio non
 comesto sed devorato quibus rationibus repente factus es tam adfluens et tam beatus?
 nam quis te faceret heredem, quem ne amicum quidem suum satis honestum quisquam
 sibi ducit nisi similis ac par tui? at hercules egregia facta maiorum tuorum te extollunt:
 15 quorum sive tu similis es sive illi tui, nihil ad omnium scelus ac nequitiam addi potest.
 verum, ut opinor, honores tui te faciunt insolentem. 21. tu, C. Sallusti, idem putas esse
 bis senatorem et bis quaestorem fieri quod bis consularem et bis triumphalem? carere

1 rerum novarum] novarum rerum NHM 1 at] ast Mp 1 postea quam] postquam E 1 praetor]
 rector E: praetorem O 1 est factus] factus est QH^bM 1-2 modeste... vastavit] om. O 2 et]
 et ex ut K 2 nonne ζ] non ω: quid Q: quin H^b: non enim P: del. K² 2 provinciam] pronuntiam
 B 2 vastavit] devastavit de... del. V 2 ut nihil] del. V 2 neque passi sint] om. V: sunt
 φO 2 neque] om. Mp 3 expectaverint πTI] ...arint β:...arent P:...averunt XB 3 nostri]
 vestri Q 3 hoc Africam] hoc affricam KIEHMPH^b: hoc in affricam O 3-4 interiorem] inferiorem
 Jordan 4 obtinente] oriente K: obcontinente HM: continente P: tentante V: optinente NI 4 unde]
 utinam Q 4 hic] om. Mp: hic tantum I 4 exhaustit] exhaustit p. c. L: exhaustit B: exausit V 4-
 5 quantum... exhaustit] in mg. V 4 fide] a ante fide s.l. K: fidi I: a fide NH^b 4 nominum] nomini
 I 4 traici] trahici KM: traci, i s.l. N: trahi B: tercii H^b 4 aut] om. B 4-5 in naves] inquam A:
 in aves H^b: ignavos E 5 contrudi] trudi N 5 exhaustit, patres conscripti] p. c. exhaustit δ: patres
 conscripti exhaustit Mp 5 exhaustit] hausit I: om. H^b 5 voluit] potuit E¹, del., s.l. voluit E² 5 ne
 causam] nec causam KEO: ne causas N 6 diceret] dicere V 6 sestertio duodeciens cum]
 sestertiorum duodecies O 6 sestertio] sestercia B: sextertio V: sestertia MpI² 6 duodeciens] om.
 I: n del. D: duodecies KNEHP 6 duodecies cum Caesare] cum cesare duodecies H^b 6 paciscitur]
 pascitur Mp: pasciscitur B: pascitur E 6 quod] quos O 6 quippiam] quicquam H^b 6-7 est,
 his] est quae dico his P: hiis V 7 refelle] referte K¹: refelle qui dico unde quomodo ne H 7 qui
 modo] quo modo NEP: quidem modo Mp: quommodo B 7 quidem] om. Mp 7 reluere ζ]
 relinire ω: relinere, e del., s.l. i H^b: reluere elu in ras. V: relinquere I 8 tamquam] tanquam
 NMPMH^b: tamque K: tanque P: om. L 8 somnio AFKTCDS] somno KXEHP: somnio NI: sonno
 O: sono Mmp: somnium C: sompno V 8 hortos] ortos DIH^bMpMEHP 8 Tiburtem Cortius]
 tiburti ω: tyburti AK: in tiburti D: tiburtii Mp: tirturtii V (r del.) 8 C.] g. BE: gaii OMP
 8-9 reliquas possessiones] reliquas possessionis B: possessiones reliquis O 8 reliquas] et reliquas
 IH^b 9 neque piguit] que piguit om. O: pinguit N 9 P.] om. BIH^b: publii OMP 9 domum
 emissem ακ] emissem ψ: emissem domum δMp 10 eius... Caesar] paulo ante dominus villae
 cuius vetus fuerat Cesar I 10 eius] vetus ω: netus M 10 villae] millae N¹ 10 sis] om. β: recte
 Mp 10 fuerat β] fuerit FKφ: fuit A 10 non] om. K¹ 11 comesto] comeso NAFXCκEPMp, in
 ras. D: commesso KTB: commesso MO: commisso H: comesso IV 11 rationibus] orationibus M¹,
 corr. M² 11 repente] om. H^b: repente rationibus O 11 adfluens] affluens KNEDIH^bHPMMP
 12 te faceret] faceret te V 12 quem ne] qui me E: ne om. N 12 quidem] quod est B 12 suum]
 sui K 12-13 quisquam sibi] sibi quisquam E 12 quisquam] quispiam NM: om. IH^b 13 ducit]
 duxit I 13 ac par tui] apartui K¹, recte s.l. K² 13 hercules] hercle Kmp: hercules A es in
 ras.: hercule NLV 13 egregia] et egregia I 13 maiorum tuorum] tuorum maiorum O 14 similis]
 similes A 14 illi] ille A 14 tui Nβ] tibi H^bAFφ: tibi vel tui K 14 ac] sive N 14 addi] adde B
 15 ut opinor] hopinor, h del. M¹ 15 tui] om. I 15 C.] gai K: crispe O: om. N 15 idem] totidem
 αψκE: tantidem I: tantundem M: tantum NHPO 15 putas] om. P 16 fieri] om. I 16 quod
 KXMP] quot AF¹TψκE: quam I: quantum Ne 16 consularem] consulerem T e eras.: consulem L
 16 bis] bis esse O 16 triumphalem] triumfalem H^b 16 carere] carcere T c eras.: care E

debet omni vitio, qui in alterum dicere parat. is demum male dicit, qui non potest verum ab altero audire. sed tu, omnium mensurarum assecula, omnium cubiculorum in aetate paelix et idem postea adulter, omnis ordinis turpitudine es et civilis belli memoria. 22. quid enim hoc gravius pati potuimus, quam quod te incolumem in hoc ordine videmus? desine bonos petulantissime consecrari, desine morbo procacitatis isto uti, desine unumquemque moribus tuis aestimare. His moribus amicum tibi efficere non potes: videris velle inimicum habere. 5

Finem dicendi faciam, patres conscripti; saepe enim vidi gravius offendere animos auditorum eos qui aliena flagitia aperte dixerunt quam eos qui commiserunt. Mihi quidem ratio habenda est, non quae Sallustius merito debeat audire, sed ut ea dicam, si qua ego honeste effari possim. 10

1 decet | debet NILH^b 1 dicere | edicere B 1 parat. is | paratus αψH^b foreignlanguagepolutonikogreeke: paratus est. is LSV : parat EPMp 1 male dicit | maledixit K 1 qui | qui *in ras.* K: quod A 1 potest | pote A, *corr.* A : post B 1 verum | veritatem ε 2 altero | alio E 2 tu | *om.* O 2 assecula ATE | adsecla *rell.* : asseda V: ascla KND: asecla L: assecla BMpHOPMH^b, *in ras.* I 2 cubiculorum | cubilorum H^b cu *s.l.* H^b 2 in aetate | in prima aetate B: in ea etate O 3 omnis | omnis *om.* H 3 ordinis | *om.* A 3 et BX | *om. rell.* 3 belli | beli O 3-4 quid... videmus | *om.* H^b *in mg. add.* H^{b2}: quod B: vidimus, e *s.l.* D 4 enim hoc | hoc enim E: enim *s.l.* A 4 quod | qui KB 4 incolumem | incolomen KBEP 4 hoc | *om.* BM 5 petulantissime consecrari π | petulantissima consecrari (consert... BX) lingua *rell.* : petulantissime consecrari bonos A: bonos petulantissimis verbis consecrari H^b: petulantissima sectari lingua I 5 desine... unumquemque | *in mg.* V 5 desine | de ordine M 5 isto uti | uti isto O 5 isto | istos, s *del.* H¹ 6 tuis | *om.* EI¹: tuis moribus Mp 6 aestimare | extimare V 6 His | hic E: hiis V 6 moribus | te *add.* E 6 amicum tibi | tibi amicum H^b: tibi *om.* BM 6 potes | potens B: *ex* potest H¹ 6 velle inimicum | inimicum velle O 6 velle | malle A 8 dicendi | dicendic, c *del.* E : dicundi H^b 8 vidi | vidimus O 8 gravius | gravi... *s.l.* ter A 8 offendere | offendi N 8 animos | animum H^b 9 eos | in eos Mp 9 aperte AXBEM | apte *rell.* 9 eos | in eos Mp: eos *om.* O 9 commiserunt | commiserant H 9 Mihi | multi T *in mg. corr.* T 9 quidem | quicquam Mp 10 ratio | est ratio B 10 non quae | neque T : non *ex* nam K: non quia L: numquam E: non quam, m *del.* H: non quem P: quam M 10 non | non ut H^b: *om.* M 10 Sallustius | tuus *add.* O : abistius N 10 audire | audire *in ras.* H 10 ut | *om.* E: sed et ut O 10-11 ego honeste | honeste ego KEH^b: ego honestius N: honeste G 11 effari | affari V, e *s.l.* V 11 possim | possum VBasGrut

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

1. С трудом и неохотой переносил бы я твою брань, Марк Туллий, если бы был уверен в том, что проявленная тобой разнузданность есть итог рассудительности, а не болезни ума. Но так как я не замечаю в тебе ни меры, ни сдержанности, то отвечу тебе, чтобы ты если и получил некое удовольствие от злословия, утратил его, выслушав осуждение.

Куда мне жаловаться, кого умолять, отцы-сенаторы, когда государство расхищается и становится добычей любого дерзкого человека? Римский народ? Который до такой степени развращен подкупом, что выставляет на продажу и самого себя, и свое благополучие? Или вас, отцы-сенаторы? Над достоинством которых насмехается самый презренный и преступный человек, раз уж законы, судебные решения и государство защищает Марк Туллий, и в этом сословии он ведет себя так, словно он единственный отпрыск семьи прославленного Сципиона Африканского, а не выскочка, иногородний и недавно привитый этому городу гражданин.

2. Неужели твои дела и слова, Марк Туллий, нам неизвестны? Или ты не таким образом жил с детства, что не считал позорным для своего тела ничего, что нравилось кому-либо другому? Или этому неумеренному красноречию ты выучился у Марка Пизона не ценой потери целомудрия? Так что не удивительно, что ты то бесчестно продаешь, что постыдно приобрел. Но, должно быть, тебе придает сил величие дома, несчастливая жена, запятнанная клятвопреступлением, дочь – соперница матери, более обходительная и услужливая по отношению к тебе, чем подобает вести себя с отцом. Да и сам твой дом, гибельный для тебя и твоей семьи, ты заполучил насилием и грабедом; очевидно, чтобы напомнить нам, насколько изменилась ситуация, если ты, бесстыднейший человек, живешь в доме, принадлежавшем некогда прославленному мужу Публию Крассу. 3. И несмотря на все это Цицерон говорит, что присутствовал на собрании бессмертных богов, откуда был послан стражем этому городу и его гражданами*** без имени изверга, поставившего ущерб государству себе в заслугу. Как будто причиной того заговора было не твое консульство, и государство оказалось в то время расколотым не из-за того, что имело своим стражем тебя.

Однако, полагаю, тебя больше ободряет то, что ты вместе с женой Теренцией задумал для страны после своего консульства, когда вы в своем доме выносили решения по Плавциеву закону, заговорщиков ты приговаривал одних к изгнанию, других к штрафу – в то время, как один построил тебе виллу в Тускуле, другой – в Помпеях, третий купил тебе дом. А кто ничего не мог для тебя сделать – либо более других тяготел к коварству и интригам, либо был тем, кто осаждал твой дом или строил козни против сената, одним словом, тебе было с ним все ясно. 4. Если эти мои обвинения ложны, отчитайся о количестве имущества, унаследованного от отца, сколько прибавилось судебными тяжбами, на какие средства ты приобрел дом, отстроил усадьбы в Тускуле и Помпеях за огромные деньги, а если ты хранишь молчание, кто может усомниться: это довольство ты приобрел кровью и несчастьями граждан?

Но, надо думать, человек новый, из Арпина, из семьи Луция Красса, подражает ему в доблести, презирает вражду знатных людей, любит государство, ни из страха, ни из милости не отклоняется от правды, воплощая собой лишь симпатию и доблесть духа. 5. Напротив, человек ничтожнейший, врагов умоляющий, друзей оскорбляющий, то при одной, то при другой партии, ни с кем не надежный, ничтожнейший сенатор, продажный адвокат, у которого ни одна часть тела не лишена постыдства, язык лживый, руки загребущие, огромная глотка, беглые ноги: в высшей степени обесчещено то, то что нельзя и назвать благопристойно. И хотя он таков, он еще осмеливается говорить: «О счастливый Рим, рожденный в мое консульство!». Счастливым в твое консульство, Цицерон? Напротив, несчастный и жалкий, переживший жесточайшую проскрипцию, когда ты, нарушив порядок в государстве, заставлял всех честных граждан, подавленных страхом, подчиниться твоей жестокости, когда все судебные решения и законы зависели от твоей прихоти, после того как ты, отменив Порциев закон и отняв у нас

свободу, взял в свои руки право жизни и смерти каждого из нас. 6. Но мало того, что ты действовал безнаказанно: ты постоянно напоминаешь об этом с укоризной, и никому не позволено забывать о своем рабстве. Умоляю тебя, Цицерон, ты сделал, совершил, что хотел, достаточно того, что люди претерпели: неужели ты еще будешь отягощать наш слух своей ненавистью, преследовать нас назойливыми словами? «Пусть уступит оружие тоге, и лавры пусть уступят языку». Как будто ты, облачившись в тогу, а не вооружившись, совершил то, чем хвалишься, и будто между тобой и диктатором Суллой было какое-то различие, кроме названия должности.

7. Но к чему мне дальше напоминать о твоей чрезмерной наглости? Тебя Минерва обучила всем искусствам, всеблагой величайший Юпитер допустил на совет богов, Италия вернула из изгнания на своих плечах. Умоляю тебя, арпинский Ромул, превзошедший своей выдающейся доблестью всех Павлов, Фабиев, Сципионов, какое же место ты занимаешь в этом обществе? Какую сторону в государстве ты предпочитаешь? Кто твой друг, кто – враг? Ты служишь тому, против кого прежде строил козни; преследуешь того, благодаря кому вернулся из изгнания в Диррахии; благоволишь могуществу тех, кого прежде называл тиранами; зовешь безумными и бешеными тех, кого прежде считал оптиматами. Дело Ватиния ведешь в суде, о Сестии – отзывается дурно; Бибула ругаешь самыми дерзкими словами, Цезаря – хвалишь. Ты в высшей степени услужлив по отношению к тому, кого больше всех ненавидел. Ты одно думаешь о государстве, когда стоишь, другое – когда сидишь; ты бранишь этих, ненавидишь тех, ничтожнейший перебежчик, которому нет веры ни на той, ни на другой стороне.

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ ГАЯ САЛЛЮСТИЯ КРИСПА

1. Конечно, большое удовольствие, Гай Саллюстий, вести жизнь, равную и соответствующую словам, и не произносить ничего столь непристойного, чему бы не отвечал твой образ жизни с раннего детства в любого рода поступках, чтобы вся речь была созвучна характеру. Ибо не может живущий так, как ты, по-другому и говорить, и жизнь не может быть достойнее у того, кто пользуется столь нечистым языком.

Куда мне обратиться, отцы-сенаторы, с чего начать? Чем более известен каждый из нас, тем значительнее бремя ораторства, на меня возлагаемое: потому что либо, если я в ответ этому клеветнику расскажу о моей жизни и поступках, за славой последует зависть, либо, если я обнажу его поступки, характер и весь образ жизни, я впаду в тот же порок дерзости, в котором упрекаю его самого. Если же вдруг вы этим оскорблены, то справедливее должны гневаться на него, который положил этому начало, а не на меня. 2. Я же постараюсь и в свою защиту отвечать с наименьшим занудством, и сделать так, чтобы не показалось, будто я клеветчу на него. Я знаю, отцы-сенаторы, что, отвечая, не имею больших ожиданий, ибо знаю, что вы не услышите никакого нового обвинения в адрес Саллюстия, а узнаете все старые, от которых пылают уши и у меня, и у вас, и уже у него самого. Но тем сильнее вы должны ненавидеть человека, который, даже начав совершать проступки, заложил основу не мелким делам, но ступил на этот путь так, что никем не мог быть побежден, и сам себя не смог бы превзойти за весь последующий период жизни. 3. И вот он ни к чему другому не стремится, лишь бы, как подобает человеку приличному, с кем угодно затеять ссору. Однако он крайне заблуждается: не дерзостью речи очищается дно жизни, и есть некая порочность, которую всякий из нас, по правде говоря, в себе несет [о том, кто выдвигает ложное обвинение против порядочных людей]. И если жизнь этого человека затмила память, вы, отцы-сенаторы, должны будете оценивать ее не по словам, а по его характеру. Я приложу всевозможные усилия, чтобы сделать это как можно короче. Наши прения не будут бесполезны для вас, отцы-сенаторы, ибо государству, по большей части, идет во благо вражда частных лиц, когда ни один гражданин не может скрыть, что он за человек.

4. Прежде всего, раз Гай Саллюстий выспрашивает всех о предках по единому стандарту и правилу, я хотел бы, чтобы он мне ответил, пользовались ли добрым именем и славой те Сципионы и Метеллы, которых он нам представил, прежде чем их нам ввели их собственные деяния и безупречно прожитая жизнь. Ибо, если у них это было началом их имени и положения, почему он не судит подобным образом обо мне, у которого имеются и выдающиеся деяния и безупречно прожитая жизнь? Будто и вправду ты, Саллюстий, ведешь свое происхождение от них! Если бы это было так, некоторым было бы уже стыдно из-за твоей непристойности. 5. Я своей доблестью осветил дорогу моим предкам, чтобы с меня начали воспринимать память о них, если прежде они не были известны; ты же погрузил своих в глубокий мрак образом жизни, проведенной непристойно, чтобы, даже если и были они выдающимися гражданами, благодаря тебе ушли в забвение. А потому не выдвигай против меня древних мужей, ибо для меня предпочтительнее процветать своими собственными деяниями, чем опираться на славу предков, и жить предпочтительнее так, чтобы самому стать для своих потомков началом знатного имени и примером доблести. И меня, отцы-сенаторы, следует сравнивать не с теми, кто уже навсегда ушел и свободен теперь от всякой ненависти и зависти, но с теми, кто живет в одном со мной государстве. 6. Но пусть бы я слишком стремился к получению почестей – я говорю не о соискании их у народа, в чем признаю себя первым, но о том пагубном противозаконном честолюбии, первые ряды которого возглавил Саллюстий, – или при исполнении магистратур и наказании проступков был бы настолько суров, а в защите государства настолько бдителен, что ты называешь это проскрипцией, полагаю, что не все тебе подобные жили бы в то время в городе в безопасности; а насколько в лучшем состоянии пребывало бы сейчас государство, если бы ты, подобный и равный преступным гражданам, был бы к ним тогда причислен? 7. Или я тогда неправильно написал: «пусть уступит оружие тоге», я, который, облаченный в тогу, подавил вооруженных, а миром подавил войну? Или в том я солгал, когда написал: «счастливым в мое консульство Рим», я, погасивший такую междоусобную войну и пожар в стенах города? И не стыдно ли тебе, ничтожнейший человек, когда ты обвиняешь меня в том, что сам восхваляешь в «Историях»? Или постыднее лгать на письме, чем в открытой речи перед этим сословием? Ибо что касается твоих заявлений против моего образа жизни, то я полагаю, что я настолько же далек от бесстыдства, насколько ты от стыдливости.

8. Однако к чему мне более на тебя жаловаться? Какую ложь ты считаешь позорной, ты, который осмелился обвинить меня в пороке красноречия, в покровительстве которого ты из-за того, что наносил вред, всегда нуждался? Неужели ты полагаешь, что кто-либо, не овладев этими искусствами и теориями, может стать выдающимся гражданином? Или, по твоему мнению, есть некие другие начала и основы добродетели, которыми питаются души в желании славы? Но неудивительно, отцы-сенаторы, что человек, полный праздности и изнеженности, изумляется им как чему-то новому и непривычному. 9. Что касается той неслыханной ярости, с коей ты дерзко набросился на моих жену и дочь, которые, будучи женщинами, легче воздерживались от мужчин, чем ты, будучи мужчиной [от мужчин], то ты проявил достаточную ученость и опытность. Ибо ты не ожидал, что я окажу тебе взаимную любезность, обрував, в свою очередь, твоих родных; ты сам предоставляешь достаточно материала, и ничего нет в твоём доме более позорного, чем ты сам. Ты горько ошибся, когда решил, что возбуждаешь зависть по отношению ко мне из-за моего имущества, которого у меня в действительности гораздо меньше, чем я достоин иметь. Да пусть бы оно даже было не столь большим, каково оно есть, – но лучше бы живы были мои друзья, чем мне богатеть на их завещаниях!

10. Я перебежчик, Саллюстий? Я уступил ярости народного трибуна: я счел, что полезнее мне одному испытать любые превратности судьбы, чем стать причиной гражданских распри всего римского народа. И после того, как он бесчинствовал в государстве весь свой год и все то, что он взволновал, улеглось в мире и покое, я вернулся, призываемый этим сословием и влекомый самим государством. Этот день для меня,

если его сравнивать со всей остальной жизнью, превосходит в моей душе все остальное: когда вы все и собравшийся римский народ радовались моему приезду; так оценили они меня, перебежчика, продажного адвоката! 11. И, клянусь, неудивительно, что я всегда считал заслуженной дружбу всех по отношению ко мне; ибо я не прислуживал частным образом одному человеку и не продавался, но насколько каждый радел для государства, настолько он был мне другом или недругом. Я более всего желал укрепления мира – многие поддерживали дерзкие выходки частных лиц. Я не боялся ничего, кроме законов, – многие хотели, чтобы страх внушало их оружие. Я никогда не хотел обладать силой власти, кроме как в ваших интересах, – многие, положившись на полученное от вас могущество, против вас направили собственные силы. Так что неудивительно, что я не воспользовался дружбой никого, кто бы не был неизменным другом государству. 12. Я не сожалею ни о том, что обещал свою защиту Ватинию, когда того обвиняли в суде, ни о том, что обуздал заносчивость Сестия, ни о том, что обвинил в долготерпении Бибула, ни о том, что благосклонно отнесся к заслугам Цезаря. Это были похвалы выдающемуся гражданину, и они были единичны; если ты ставишь мне это в вину, будут порицать твою необдуманность, а не меня обвинять в проступках. Я бы продолжал свою речь, отцы-сенаторы, если бы мне следовало разъяснять это другим людям, а не вам, кто был мне советником во всех моих действиях. А когда присутствуют свидетельства дел, какой толк в словах?

13. Теперь, возвращаясь к тебе, Саллюстий, я не буду говорить о твоём отце, который, если и не совершал в своей жизни проступков, все же не смог нанести большего урона государству, как произвести на свет такого сына. Не стану я и перечислять твои проступки в детстве, чтобы не показалось, что я обвиняю твоего отца, который в то время имел над тобой наивысшую власть, но поговорим о том, как ты провел свою юность; ибо, если показать ее, станет понятно, из сколь проказливого детства ты вырос таким бесстыдным и развязным. Когда промысел бесстыднейшим телом не смог удовлетворить огромную глотку, а твои лета перезрели, чтобы терпеть то, что угодно делать другому, ты предался безудержным страстям, чтобы испробовать на других то, что ты не считал постыдным для своего собственного тела. 14. Итак, нелегко определить, отцы-сенаторы, приобрел ли он что-то или потерял на постыдных частях тела. Отцовский дом при живом отце он позорнейшим образом выставил на продажу; и может ли кто-нибудь усомниться, что он принудил к смерти того, чьи дела он вел в качестве наследника еще при жизни последнего? И он не стыдится спрашивать меня, кто живет в доме Публия Красса, когда сам не может ответить, кто живет в собственном его отчем доме. «Но, клянусь Гераклом, он, совершив ошибку по неопытности возраста, впоследствии исправился». Нет, он ушел в тайное сообщество Нигидиева святотатства; дважды привлеченный к суду, он был в безнадежном положении и выпутался таким образом, что посчитали, не что он невиновен, а что судьи нарушили клятву. 15. Достигнув первой должности – квестуры, он пренебрег этим местом и этим сословием, открыв сюда доступ также себе, презреннейшему человеку. Итак, опасаясь, как бы его преступления не остались для вас тайной, хотя он был позором для всех мужей матрон, он при вас сознался в прелюбодеянии и не покраснел в вашем присутствии. Живи, как тебе угодно, Саллюстий, и веди себя так, как хочешь: достаточно и того, что ты один знаешь о своих преступлениях. Не попрекая нас бездействием и чрезмерной вялостью: мы тщательно охраняем целомудрие наших жен, но мы не настолько бдительны, чтобы суметь остеречься тебя; твоя дерзость побеждает наши старания. 16. Что, какое постыдное действие или слово может взволновать этого человека, отцы-сенаторы, который не постеснялся публично признаться в вашем присутствии в прелюбодеянии? Если бы я не захотел тебе ничего отвечать про меня самого, но публично всем зачитал бы вместо закона цензорское обращение Аппия Клавдия и Луция Пизона, безупречных мужей, которым пользовался каждый из них, разве я не заклеймил бы тебя пятнами, смыть которые не смогла бы вся твоя последующая жизнь? И после выборов в сенат мы тебя больше никогда не видели, кроме того, что ты бросился в тот лагерь, куда стекались все нечистоты государства. 17. Однако тот самый Сал-

люстий, который в мирное время не мог оставаться даже сенатором, он же, после того, как государство было захвачено оружием, был возвращен в сенат посредством квесторской должности, благодаря победителю, вернувшему изгнанников. Свою должность он исполнял так, что выставлял в ней на продажу все, на что был хоть какой-нибудь покупатель, вел себя так, что считал справедливым и истинным все, что было угодно делать ему самому, опустошил и оставил долгов не иначе, как человек, получивший свою должность как добычу. 18. Когда квесторская служба была исполнена, после того как он дал большие залоги тем, с кем его связывал сходный образ жизни, он стал одним из этой шайки. Ибо Саллюстий был в той партии, куда, словно в пропасть, стекалось скопище всех пороков: сколько нечестивцев, прихлебателей, отцеубийц, святотатцев, должников было в городе, муниципиях, колониях, во всей Италии, они, словно в море, оседали – известные пропащие люди – ни на что не пригодные в лагере, кроме как к разгулу пороков и страсти к переворотам. 19. «Но став претором, он повел себя умеренно и сдержанно». Не разорил ли он провинцию так, что наши союзники не претерпели ничего хуже и не ожидали ничего более тяжкого в войну, чем они пережили во время мира, пока он владел ближней Африкой? Он вычерпал оттуда столько, сколько могло бы вывезено в кредит или втиснуто на корабли; я бы сказал, отцы-сенаторы, он вычерпал столько, сколько захотел. Чтобы не быть привлеченным к суду, он договаривается с Цезарем за двенадцать сотен сестерциев. Если какое-нибудь из этих показаний ложно, опровергни открыто перед этими людьми (ответив нам), откуда ты, который недавно не мог выкупить даже отцовский дом, словно ошастливленный во сне, приобрел богатейшие сады, тибуртинскую усадьбу Гая Цезаря и другую собственность. 20. И ты не постыдишься спросить, почему я купил дом Публия Красса, в то время как ты сам являешься хозяином усадьбы, которая недавно принадлежала Цезарю. Я спрашиваю, каким же образом ты, совсем недавно не проев, а проглотив отцовское наследство, внезапно сделался настолько процветающим и богатым? Ибо кто бы сделал наследником тебя, которого никто не считает даже своим достаточно честным другом, кроме тех, кто подобен и равен тебе? Но, клянусь Гераклом, выдающиеся деяния твоих предков возвышают тебя: ты ли подобен им, или они подобны тебе, – ничего нельзя прибавить к всеобщему вашему преступлению и негодности. 21. Однако, должно быть, твои должности делают тебя высокомерным. Ты, Саллюстий, полагаешь, что дважды стать сенатором и дважды квестором – то же самое, что быть дважды консуляром и дважды триумфатором? Следует быть свободным от всякого порока тому, кто готовится обвинять другого; злословит лишь тот, кто не может от другого выслушать правду. А ты – нахлебник при всех столах, наложница всех спален в юности, а также впоследствии прелюбодей, уродство всякого сословия и напоминание о гражданской войне. 22. Ибо что более тяжкого могли мы претерпеть, чем то, что мы лицезируем в этом сословии тебя невредимым? Прекрати дерзко преследовать порядочных людей, прекрати эту болезнь необузданности, прекрати оценивать всякого по своему характеру. Таким поведением ты не можешь создать себе друга: очевидно, ты хочешь иметь врага.

Я закончу свою речь, отцы-сенаторы; ибо часто я видел, что сильнее оскорбляли умы слушателей те, кто открыто говорил о чужих бесчестиях, чем те, кто бесчестие совершал. Мне же следует учитывать не то, что Саллюстий должен был бы по заслугам слушать, но сказать то, что я мог бы честно высказать.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 МАИЭТ – Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Москва
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
 НО – Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 ХСб – Херсонесский сборник
 АА – Archäologischer Anzeiger. Berlin
 АЕ – L'année épigraphique. Paris
 АЖА – American Journal of Archaeology. New York
 АКВ – Archäologie im Kanton Bern. Bern
 АМН – Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca
 ВАР – *Breasted J.H.* Ancient Records of Egypt. I–V. Chicago, 1927³
 ВАСОР – Bulletin of the American School of Oriental Research. Atlanta
 ВІЕ – Bulletin de l'Institut Egyptien
 ВІАГО – Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire
 ВМ – The British Museum, London (с указанием инвентарного номера предмета в коллекции)
 ВТАВО – Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients
 САН² – Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1962–
 СЕГ – Carmina epigraphica Graeca. I–. Ed. P.A. Hansen. Berolini et Novi Eboraci, 1980–
 СІЛ – Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1862–...
 СЖ – The Classical Journal. Charlottesville
 СМ – The Cairo Museum (с указанием инвентарного номера предмета в коллекции)
 СҚ – Classical Quarterly. Oxford
 ÉПРО – Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. Leiden
 FIRA – Fontes iuris Romani anteiustiniani. Florentiae
 GМ – Göttinger Miszellen. Göttingen
 GVI – Griechische Vers-Inschriften. I. Hrsg. von W. Peek. Berlin, 1955
 HSPH – Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, Mass.
 HZ – Historische Zeitschrift. München
 ІАМ – Inscriptions antiques du Maroc. Paris
 І. Erythrai – Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. I–II (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Band 1–2). Hrsg. von H. Engelmann, R. Merkelbach. Bonn, 1972–1973
 ІF – Indogermanische Forschungen
 ІG – Inscriptiones graecae. Berolini, 1873–...
 ІGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956–...
 ІLS – Inscriptiones latinae selectae. Ed. H. Dessau. Berolini, 1892–1916
 ІOSPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
 JАNES – Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. New York
 JАOS – Journal of the American Oriental Society. New Haven

- JEA – Journal of Egyptian Archaeology. London
 JHS – Journal of Hellenic Studies. London
 JRA – Journal of Roman Archaeology. University of Michigan. Ann Arbor
 LSAG² – *L.H. Jeffery*. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961 (Revised Edition with a Supplement by A.W. Johnston. Oxford, 1990)
 MAMA – Monumenta Asiae Minoris antiqua. London, 1928–1962
 MDAIK – Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Mainz
 MEFRA – Mélanges de l'École Française de Rome. Paris, Rome
 Or Suec – Orientalia Suecana
 PM – *R.L.B. Moss, B. Porter*. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 1st ed. I–VII. Oxford, 1927–1951
 RB – Revue Biblique. Paris
 RdÉ – Revue d'Égyptologie. Paris
 RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 REA – Revue des Études Anciennes. Bordeaux
 REG – Revue des études grecques. Paris
 REL – Revues des études latines. Paris
 RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Bonn
 RHR – Revue de l'Histoire des Religions. Paris
 RT – Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris
 SAK – Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg
 SEG – Supplementum epigraphicum graecum. Amsterdam, 1923–...
 SGDI – Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Göttingen, 1884–1915
 SVF – Stoicorum veterum fragmenta. Ed. *J. von Arnim*. Stuttgart, 1968 (repr.)
 Syll.³ – Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. tertia. Ed. *G. Dittenberger*. I–IV. Lipsiae, 1915–1924
 TAM – Tituli Asiae Minoris. Wien, 1901–...
 TAPhA – Transactions of the American Philological Association. Atlanta
 VTSuppl. – Supplement to Vetus Testamentum. Leiden
 YCS – Yale Classical Studies. Cambridge Mass. – London
 ZÄS – Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig – Berlin
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
 ZSS – Zeitschrift für Savigny-Stiftung

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) – Дафны в библейской и египетско-христианской традиции о финале царствования Априя (конец 570-х – начало 560-х годов до н.э.)	3
<i>Туманс Х.</i> (Рига) – Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ?	14
<i>Эк В.</i> (Кельн) – Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление	28

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Алексеев В.П.</i> (Одесса) – Новые материалы к изучению культуры античных городов Северного Причерноморья (Тира – Никоний – Ольвия – Херсонес)	58
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва), <i>Сон Н.А.</i> (Киев) – Новая надпись эпохи Севера Александра из Тире	80

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

*Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии
Херсонеса Таврического»*

<i>Зубарь В.М.</i> (Киев) – Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I ² . № 418)	89
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Никитина А.Д.</i> (Москва) – Этнический состав международной торговой колонии Каниша (XIX в. до н.э.)	100
<i>Темерев А.Н.</i> (Москва) – Положение незамужней женщины в позднем Египте (<i>На примере арамеоязычного населения юга Египта</i>)	107
<i>Левинская О.Л.</i> (Москва) – О мулах и «полуослах» в древнегреческом эпосе	126
<i>Максименко В.Е.</i> (Ростов-на-Дону) – Проблемы этнической интерпретации нижнедонских памятников скифской эпохи	133
<i>Тохтасьев С.Р.</i> (Санкт-Петербург) – Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (<i>Обзор новых эпиграфических публикаций</i>)	144
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) – Сулла в сочинениях Саллюстия	180
<i>Циркин Ю.Б.</i> (Санкт-Петербург) – Испания после смерти Цезаря	192

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Клейн Л.С.</i> (Санкт-Петербург) – Анатомия Илиады: начало дискуссии	207
<i>Замятин Д.Н.</i> (Москва) – Образные истоки Восточной Европы (По поводу книги: А.В. Подосинов. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002)	214
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Shipton. Oxf., 2001	217

PERSONALIA

К юбилею Виктории Ивановны Уколовой	224
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кулишова О.В., Фролов Э.Д.</i> (Санкт-Петербург) – «Пятые Жебелевские чтения» (Санкт-Петербургский государственный университет, 19–21 ноября 2003 г.)	226
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инвективы Саллюстия. Вступительная статья, издание латинского текста, перевод и комментарии <i>Новохатько А.А.</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	233
---	-----

CONTENTS

<i>I.A. Ladynin</i> (Moscow) – Daphnae in the Biblical and Christian Egyptian Tradition at the End of Apries' Reign (Late 570s – Early 560s BC).....	3
<i>H. Tumans</i> (Riga) – Pseudo-Xenophon, an «Old Oligarch» or a Democrat?	14
<i>W. Eck</i> (Köln) – The Emperor as Military Leader. Military Diplomas and Imperial Government	28

PUBLICATIONS

<i>V.P. Alekseyev</i> (Odessa) – New Materials for the Cultural Study of the Ancient North Pontic Cities (Tyras – Niconium – Olbia – Chersonesus).....	58
<i>A.I. Ivantchik</i> (Moscow), <i>N.A. Son</i> (Kiev) – A New Inscription of the Epoch of Severus Alexander from Tyras.....	80

DISCUSSIONS

International «Round Table» «The Problems of History and Archaeology of Tauric Chersonesus»

<i>V.M. Zubar</i> (Kiev) – Revising the Inscription in Honour of Agasicles, Son of Ctesios (IOSPE I ² . № 418).....	89
--	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A.D. Nikitina</i> (Moscow) – Ethnic Composition of the Population of the International Kanish Trade Colony (1800 BC)	100
<i>A.N. Temerev</i> (Moscow) – Status of Unmarried Woman in Late Egypt According to Aramean Texts of the 5th Century BC from Tshetres District	107
<i>O.L. Levinskaya</i> (Moscow) – About Asses and «Semi-Asses» in the Ancient Epic Tradition	126
<i>V.Ye. Maksimenko</i> (Rostov-on-Don) – Problems of Ethnical Interpretation of the Low Don Monuments of the Scythian Epoch.....	133
<i>S.R. Tokhtas'ev</i> (St.-Petersburg) – The Bosphorus and Sindice Under Leucon I (<i>A Survey of New Epigraphical Publications</i>).....	144
<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow) – Sulla in Sallust's Works.....	180
<i>Yu.B. Tsirkin</i> (St.-Petersburg) – Spain after Caesar's Death	192

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>L.S. Klein</i> (St.-Petersburg) – The Anatomy of the Iliad: Beginning of a Discussion	207
<i>D.N. Zamyatin</i> (Moscow) – The Sources of Eastern European Imagery (<i>A.V. Podosinov. Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoy traditsii. Teksty, perevod, komentarij, M., 2002</i>).....	214
<i>G.A. Koshelenko</i> (Moscow) – Money and Its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Shipton. Oxf., 2001	217

PERSONALIA

Anniversary of Victoria Ivanovna Ukolova	224
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

O.V. Kulishova, E.D. Frolov (St.-Petersburg) – «The Fifth Zhebelev Conference» (Saint-Petersburg State University, 19–21 November 2003)..... 226

SUPPLEMENT

Sallustii in Ciceronem et Invicem Invektivae. Introduction, Publication of the Latin Text, Translation and Commentary by A.A. Novokhat'ko (Moscow) (*The Final Part*)..... 233

Сдано в набор 11.05.2004 Подписано к печати 07.07.2004 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Печать офсетная Усл. печ. л. 20,8 + вкл. Усл.кр.-отт. 21,4 тыс. Уч.изд.л. 24,3 Бум.л. 8,0
Тираж 1019 экз. Зак. 8568

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6